

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ
ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Центр
сравнительного изучения
древних цивилизаций

УНИВЕРСИТЕТ ГОРОДА
ЭКЗЕТЕР (Великобритания)

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE
OF UNIVERSAL HISTORY

Center
for Comparative Studies
of Ancient Civilizations

THE UNIVERSITY
OF EXETER (UK)

S. Yu. Saprykin

THE KINGDOM OF BOSPORUS on the Verge of Two Epochs

Editors-in-Chief:

Professor D. BRAUND,

Academician G. M. BONGARD-LEVIN

MOSCOW «NAUKA» 2002

С. Ю. Сапрыкин

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО на рубеже двух эпох

Ответственные редакторы:
профессор Д. БРАУНД,
академик Г. М. БОНГАРД-ЛЕВИН

МОСКВА «НАУКА» 2002

*Издание осуществлено
при финансовой поддержке
Университета г. Экзетер
(Великобритания)*

Рецензенты:

доктор исторических наук Л.П. МАРИНОВИЧ,
доктор исторических наук, профессор В.Д. ЖИГУНИН

На переплете
изображен бронзовый бюст царицы Динамии,
найденный на пос. Широкая Балка близ Новороссийска

Сапрыкин С.Ю.

Боспорское царство на рубеже двух эпох / С.Ю. Сапрыкин; Отв. ред. Д. Браунд, Г.М. Бонгард-Левин; Ин-т всеобщей истории. – М.: Наука, 2002. – 271 с.: ил.

ISBN 5-02-008806-4

Работа посвящена политической истории Боспорского царства, его взаимоотношениям с Римом, греческими городами Таврики и местными сармато-меотскими племенами в переломную эпоху его развития, совпавшую с рубежом нашей эры. На огромном археологическом, эпиграфическом и нумизматическом материале воссоздаются бурные события войн наследников понтийского царя Митридата Евпатора с Римом, установления римской гегемонии в Северном Причерноморье и прослеживается превращение Боспора в эллинистическое государство на основе принципов “митридатизма” и под влиянием римской экспансии. Раскрываются образы незаслуженно забытых правителей Боспора: Асандра, Фарнака, Аспурга и блистательных цариц Динамии и Гепепирии.

Для историков, археологов, нумизматов и всех, интересующихся историей античности и Северного Причерноморья.

Предлагаемая вниманию читателей книга была задумана еще в 1981 г., но работа над ней была отложена в связи с тем, что нам показалось важным прежде более углубленно изучить историю Понтийского царства и сквозь призму особенностей его социально-экономического развития взглянуть на Боспор рубежа нашей эры. Дело в том, что Боспорское царство, составляя одно время часть родовых владений понтийского царя Митридата Евпатора, став самостоятельным, впитало очень многое из социальных, экономических и культурных реалий Понтийского царства и даже после распада державы Митридата было очень тесно связано с его преемниками на престоле Понта. Многие из того, что вошло в книгу, нашло отражение в многочисленных статьях и публикациях, подготовленных нами в течение последних двух десятилетий XX века. Кое-что из сделанного ранее было нами отброшено или пересмотрено при работе над книгой, но основную концепцию, сложившуюся в те годы, мы старались сохранить без изменений и даже несколько углубить, особенно в том, что касается характеристики Боспорского царства на рубеже эр и в первые века нашей эры как эллинистического государства. Поднимаемые в книге вопросы представляются для нас очень важными и актуальными, так как при обилии статей и мелких исследований по этой теме так и не сложилось общей концепции истории Боспора в данный наиболее сложный и темный ее период. Насколько это удалось сделать на страницах настоящего исследования — судить не нам.

Написание этой книги было бы невозможно без работы в различных библиотеках и музеях как в нашей стране, так и за рубежом. В этой связи хотелось бы выразить благодарность профессору Х. Хайнену, при содействии которого я смог воспользоваться богатыми возможностями библиотеки Университета города Гёрира и в дискуссиях с которым оттачивались основные элементы предлагаемой читателям концепции. Я также хотел бы засвидетельствовать признательность профессору Д. Браунду, без помощи которого эта книга вряд ли смогла бы быть завершена. Дело в том, что она подготовлена в рамках совместного проекта Института всеобщей истории РАН и Университета города Экзетер (Великобритания) под названием "Греки и варвары в Северном Причерноморье", курируемого Британской академией.

И последнее. Я посвящаю эту книгу безвременному ушедшему от нас талантливому ученому **Юрию Михайловичу Десятчикову**, много лет разрабатывавшему данную тему. Хотя по многим пози-

циям наши взгляды расходились, но мы вместе много спорили по проблемам боспорской истории рубежа эр и некоторые идеи, сформулированные в этих дискуссиях, нашли отражение на страницах предлагаемой читателям книги. При ее написании я постоянно вспоминал нашу с ним работу в Таманской археологической экспедиции и ее бессменного руководителя Николая Ивановича Сокольского, под впечатлением бесед с которым у меня пробудился интерес к истории Боспора при Асандре и Динамии, помноженный на его блестящие раскопки усадьбы Хрисалиска, одного из вельмож боспорского двора при царе Асандре. Расчищенная археологией пыль веков наглядно обнажила ту сложную военно-политическую обстановку в Боспорском царстве, которая привела к гибели этой усадьбы и ее обитателей. Красочная в своей жестокости картина гибели, раскрытая археологами, запечатлилась у меня в памяти на всю жизнь и во многом подвигла на занятия этой темой.

С.Ю. Сапрыкин

Экзетер—Москва. 9 апреля 2001 года

*Памяти Юрия Михайловича
Десятчикова посвящается*

Рубеж нашей эры – один из самых сложных и интересных периодов истории Боспорского царства. Сложность состоит в том, что в науке разработано множество подходов к его изучению, подчас запутанных и противоречивых вследствие недостаточной информативности источников. Создано немало искусственных построений и гипотез, которые очень часто противоречат друг другу или вовсе не обоснованы достоверными сведениями. Однако интерес к данному периоду истории Боспора и Причерноморья в целом не ослабевает и вызван тем, что в то время появилось несколько факторов, которые обусловили дальнейшее развитие региона. Среди них важное место занимали греческие полисы, издревле определявшие экономическую и политическую ситуацию в бассейне Черного моря. Сравнительно новым элементом в жизни Причерноморья стала возросшая со II в. до н.э. активность в этом районе Рима, который усилил свое влияние в середине I в. до н.э. после разгрома понтийского царя Митридата VI Евпатора. Фактором первостепенной важности стало появление на политической арене Причерноморья варварских племен, оказывавших сильное давление на обитавших здесь греков. После падения державы Митридата Евпатора практически полностью изменилась этнополитическая ситуация в припонтийской зоне, появились новые государства и союзы племен, начавшие стремительно набирать политическое и военное могущество. Одновременно усиливалось вмешательство Рима, который столкнулся не только с противостоянием в данном регионе эллинистических государств, но и с открытой враждебностью варварских народов, прежде всего скифов и сарматов в Северном, гетов и фракийцев в Западном Причерноморье. В результате такое крупное государство, как Боспорское царство, оказалось как бы зажато между двумя главными противостоящими друг другу силами – Римской державой, ставшей мировой империей в конце I в. до н.э., и иранским миром кочевников совместно с иранским по духу и эллинистическим по характеру Парфянским царством. Новая обстановка неизбежно влияла не только на внутривнутриполитическую жизнь на Боспоре, но и решительным образом сказывалась на социально-экономических отношениях. Все это в той или иной степени привлекало внимание ученых-антиковедов, начиная с XIX в.

Изучение Боспора рубежа новой эры с самого начала велось двумя основными путями – через исследование монетного дела и выяснение подробностей династической истории. Во многом такая дилемма диктовалась характером имеющихся источников: тогда это

была преимущественно нумизматика в совокупности с отдельными надписями и отрывочными данными литературной традиции, охватывавшими исключительно политическую и династийную историю, а также взаимоотношения с Римом. Ученые XIX в. сумели в целом верно выяснить последовательность правления царей Боспора после Митридата Евпатора, установить их имена, родственные связи, хронологию царствования и соответственно отдельные важные события истории их правления, а заодно установить, какая из известных в то время монетных серий какому из правителей принадлежала (Б. Кене, А. фон Заллет, Р. Хенниг, Х. Гиль, П. Бурачков, А.Л. Бертье-Делагард, А.В. Орешников и др.). Была подтверждена родственная связь династии боспорских царей I в. до н.э. – I в. н.э. с понтийскими Митридатидами, а через них и с персидскими Ахеменидами (А.А. Сибирский, А.Л. Бертье-Делагард, П. Бурачков и др.), раскрыты тесная зависимость их политики от Рима и причины, которые побудили некоторых из них от этой зависимости освободиться (А.В. Орешников, А. Фуртвенглер, Ф. Имхоф-Блумер и др.). Но несмотря на тщательный по тем временам анализ нумизматического материала и соединение его с эпиграфикой и нарративной традицией (В.В. Латышев, Т. Моммзен, Х. Дессау и др.), остались невыясненными многие вопросы истории Боспора, в частности характер военно-политического кризиса в предпоследнем десятилетии I в. до н.э., роль местных племен в событиях на Боспоре при Асandre, Динамии и Аспурге, а также кто такие аспургиане, в чем особенность и значение правления царя Аспурга, причины антиримского выступления Митридата III и др. Социально-экономические проблемы истории царства, к сожалению, вообще остались вне поля зрения исследователей XIX – начала XX в. из-за плохой археологической изученности памятников.

Ситуация несколько изменилась после появления работ М.И. Ростовцева. Ему принадлежит концепция социально-экономического и политического развития Боспорского царства, в том числе на рубеже нашей эры. Ее суть вкратце такова: после разгрома Митридата Евпатора римляне столкнулись на Востоке с новым могучим противником – Парфией. Чтобы обезопасить восточные провинции, римляне стали создавать вдоль границ с Парфией сеть вассальных царств, которые должны были проводить проримскую политику. В систему этих новых отношений оказалось включено Боспорское царство, влияние на которое Рим оказывал через дунайские провинции Фракию и Мёзию, а также через Малую Азию, традиционно имевшую связи с Северным Причерноморьем. Наиболее активное вмешательство римлян в боспорские дела началось при Помпее и Цезаре, значительно расширилось при Марке Антонии и достигло апогея при Августе и его сподвижнике Агриппе. Превратив Боспор и правивших там царей в своих вассалов, римляне попытались было объединить Понтийское и Боспорское царства, а во гла-

не нового образования посадить проримски настроенных представителей понтийской династии Зенонидов. Однако население Боспора, сарматские и меотские племена, выступили против римских ставленников. Они поддержали сначала Динамию, дочь Фарнака и внуку Митридата Евпатора, а затем Аспурга, происхождение которого для Ростовцева так и осталось неясным, хотя он склонялся больше к тому, чтобы считать его царем одного из оуружавших Боспор племен. Несмотря на следование митридатовским традициям, боспорские правители – особенно Динамия – стали друзьями и союзниками Рима. Сумев отстоять самостоятельность Боспора, Динамия стремилась предстать почитательницей Августа и его жены Ливии. Но после того как римляне решили посадить на боспорский престол царя Понта Полемона I, супругой которого она вынуждена была стать, Динамия, порвав с ним, перебралась на азиатский Боспор, где поддержала Аспурга, наследника царя Асандра, ее первого мужа, представителя сарматской династии, в его притязаниях на власть в Понтике. Когда Полемон I погиб в стычке с аспургианами (которых исследователь считал дружиной или сторонниками Аспурга), Динамия вторично вернула себе титул царицы Боспора (9/8 г. до н.э. – 8/9 г. н.э.), а затем передала трон Аспургу (10–13 гг. н.э.). Он и стал родоначальником новой полусарматской династии боспорских правителей, признанных Римом и правивших под именем Тибериев Юлиев, названных в честь их покровителя императора Тиберия. Втянутый в войну на Дунае Рим не смог помешать приходу к власти на Боспоре новой династии, и это помогло сохранить боспорскую государственность. Все цари от Асандра до Аспурга и Гепеирии, за исключением Митридата III, проводили, по мнению Ростовцева, проримскую политику и поощряли самоуправление городов в интересах Рима¹.

Эта концепция надолго утвердилась в отечественной и зарубежной историографии. И лишь в последнее время ее положения получили аргументированную критику, прежде всего те выводы, которые основаны на нумизматических данных (Н.А. Фролова, В.А. Анохин, С.Ю. Сапрыкин и др.). Но значение ее тем не менее велико, она дала основание последующим исследователям вплотную заняться разработкой проблем сарматизации Боспора (В.Д. Блаватский, Н.И. Сокольский, Ю.М. Десятчиков, А.А. Масленников и др.), в том числе и такого важного аспекта боспорской истории как происхождение царей, правивших в Боспорском царстве в первые века нашей эры; путей проникновения римского влияния в Северное Причерноморье (В.Н. Дьяков, В.И. Кадеев, Д.Б. Шелов, В.М. Зубарь и др.); причин кризиса экономики царства, в особенности аг-

¹ Точке зрения М.И. Ростовцева относительно истории Боспора и Понта см.: Сапрыкин С.Ю. Академик М.И. Ростовцев о Понтийском и Боспорском царствах в свете достижений современного антиковедения // ВДИ. 1995. № 1. С. 200–211.

рарного производства, якобы наступившего после перехода Боспора под власть Митридата Евпатора и продолжавшегося до второй половины I в. н.э. (С.А. Жебелев, В.Ф. Гайдукевич, В.Д. Блаватский, И.Т. Кругликова и др.). Согласно сторонникам концепции кризиса, боспорские города, а особенно сельские поселения, серьезно пострадали в результате военных действий и внутрибоспорских конфликтов и междуусобиц, что облегчило римлянам задачу усилить давление на Боспорское царство, а местным племенам активно воздействовать на его внутривластическую жизнь. Наиболее последовательная позиция в этом вопросе принадлежит В.Ф. Гайдукевичу, капитальная монография которого “Боспорское царство”, увидевшая свет в 1949 г. (немецкое дополненное издание 1971 г.), подвела определенный рубеж многолетним исследованиям отдельных проблем истории и археологии Боспора. Немалое значение для своего времени имели и труды Д.П. Каллистова, обстоятельно изучившего роль Рима и местных племен во внутривластической истории Боспора от Митридата Евпатора до Аспурга.

Большую важность для истории Боспорского государства на рубеже эр приобрело исследование монетного дела, позволившее уточнить и конкретизировать отдельные положения концепции М.И. Ростовцева и попутно выяснить темные моменты политической и династической истории царства. Подробное изучение последовательности выпуска монетных серий из золота и меди, их точная атрибуция тому или иному властителю, дали возможность указать на ряд ошибочных построений в выдвинутой Ростовцевым теории развития Боспора в позднеэллинистический и раннеимператорский периоды (К.В. Голенко, П.О. Карышковский, Д.Б. Шелов, В.А. Анохин, Н.А. Фролова). Если основные аргументы Ростовцева и других сторонников так называемого “второго правления Динамии” строились на том, что монеты с монограммами ВАЕ, ВАР, ВАМ выпускались именно в такой последовательности и принадлежали соответственно Динамии, Аспургу и Митридату III, то новейшие исследования показали, что вначале были отчеканены монеты с ВАЕ, затем с ВАМ, и лишь с 14 г. н.э. – с монограммой ВАР, царской монограммой Аспурга. А монеты с ВАЕ и ВАМ не могли принадлежать Динамии, поскольку были выпущены правителем, чеканившим и монеты с ВАР, т.е. скорее всего Аспургом. Обильные выпуски меди городами Кесарией и Агриппией также не могли быть отчеканены в последнем десятилетии I в. до н.э., так как предшествовали сериям с монограммами, т.е. и они не относились к “второму правлению Динамии.”

Широкое археологическое изучение хоры Боспора, начавшееся после второй мировой войны, открыло возможность внести ряд важных коррективов в устоявшееся мнение о жестоком экономическом кризисе, поразившем Боспор на рубеже эр. Было убедительно доказано, что уже в последние годы правления Митридата VI, а в

особенности при Асандре, Динамии и Аспурге, т.е. как раз на рубеже нашей эры, на Боспоре начался подъем сельскохозяйственного производства как следствие укрепления царской земельной собственности и создания густой сети укрепленных поселений нового типа по всей территории царства (Н.И. Сокольский, Н.А. Онайко, А.А. Масленников, Н.И. Винокуров и др.). Решающим фактором при возникновении этих поселений было эллинистическое влияние Понтийского царства, где подобная система служила основой могущества Митридатидов (С.Ю. Сапрыкин, А.А. Масленников), хотя основными их обитателями стали осевшие на землю уроженцы местных племен.

В ряде работ была показана огромная роль сарматских и меотских племен в важных политических событиях на Боспоре во второй половине I в. до н.э. — I в. н.э., особенно применительно к районам Нижнего Подонья и Прикубанья, включая Тамань (Д.Б. Шелов, И.С. Каменецкий, Ю.М. Десятчиков, Н.И. Сокольский, М.Г. Мошкова, Ю.С. Крушкол, Н.В. Анфимов и др.). Это позволило наметить последовательность заселения региона пришлыми сарматскими племенами, определить степень их участия в боспорских делах, уровень экономической зависимости от внешней торговли через Боспор с восточными римскими провинциями (М.Б. Щукин, Б.А. Раев, А.Д. Мачинский, В.Е. Максименко и др.). Изучение положения в степях между Доном и Днепром, на Северном Кавказе и Закубанье, а также в самом Боспорском царстве на его границах, дало основание сформулировать тезис о том, что главными носителями промигридатовских, антиримских настроений в Северном Причерноморье долгое время оставались местные племена. Именно они определяли в политике Боспора тенденции к большей независимости и самостоятельности от Римской империи при Асандре, Динамии, Аспурге и Митридате III. Греческие города, напротив, придерживались проримских позиций, но не желали создания новой Панпонтийской державы даже под эгидой Римской империи (Д.П. Каллистов, Д.Б. Шелов, А.И. Болтунова, Т.В. Блаватская и др.). В последнее время в связи с новыми эпиграфическими и нумизматическими находками, прежде всего золотого статера Динамии от 20 г. до н.э. и рескриптов царя Аспурга горгиппийцам от 15 г. н.э., уточнялись отдельные моменты династической и политической истории Боспорского государства (Ю.Г. Виноградов, В.П. Яйленко), хронология правления Асандра и Динамии (П.О. Карышковский, Н.А. Фролова, В.А. Анохин, С.Ю. Сапрыкин), отношения царской власти и греческих городов, взаимоотношения Боспора и Рима в последние годы principatus Августа и при Тиберии (Т.В. Блаватская, Х. Хайнен, Ф. Миллар, И.И. Денисова), отдельные особенности внутренней и внешней политики боспорских царей (А.А. Масленников, С.Ю. Сапрыкин, С.И. Болдырев и др.), изучались позиция Рима в отношении Боспора (В.М. Зубарь, М.Ю. Трейстер, Д. Браунд, К. Навотка, А. Барретт

и др.) и политика Боспора в Таврике при Аспурге и Гепепирии (Д.С. Раевский, И.В. Яценко, С.Г. Колтухов, А.Е. Пуздровский и др.), отношение различных городов и племен к боспоро-римскому конфликту при Митридате III (В.А. Анохин, В.М. Зубарь и др.). К сожалению, важные вопросы политической истории Боспора этого времени, которые ставили перед собой и пытались решить исследователи, так и не вышли за пределы традиционного для антиковедческой науки спора – были ли Асандр и Аспург основателями сарматской династии боспорских царей и можно ли уверенно говорить о “втором правлении Динамии”. Единого подхода к означенным проблемам в науке по-прежнему нет, более того, вопрос стал еще более запутанным в связи с гипотезой В.А. Анохина о “третьем правлении Динамии” в 13–14 гг. н.э. Все эти важные вопросы, без правильного решения которых действительно нельзя составить четкую картину развития этого государства на рубеже исторических эр, найдут место и на страницах данной книги.

Что касается Рима и его вовлеченности в боспорские дела, то почти все исследователи ограничивались исключительно политической и военной стороной дела, а главный с нашей точки зрения вопрос: почему под опекой римлян Боспорское царство сохранило эллинистические (точнее даже митридатовские) устои, в политике, экономике, идеологии и культуре, – так и остался без ответа. Как без определенного пока решения остаются и проблемы влияния варварского окружения на внутреннюю и внешнюю политику боспорских династов, роли местных племен в укреплении царского землевладения, создании системы укрепленных поселений и, в конечном итоге, в выборе Боспором эллинистического пути развития после падения тиранического по характеру и полисного по сути режима Спартокидов. В этом плане крайне интересным представляется позиция эллийнских полисов Боспора по отношению к собственным царям, их связи с сармато-меотским окружением, взаимоотношения с обитателями царских крепостей на царской земле и римлянами, соотношение царских и полисных земель в социально-экономической структуре государства. Эти факторы, думается нам, являлись едва ли не решающими в выборе пути развития царства по эллинистическим канонам. Все эти кардинальные проблемы будут подняты и по возможности подробно освещены на страницах книги. Также по ходу изложения материала будут решаться и спорные вопросы политической и династической истории, включая такие, как роль Динамии и Аспурга в усилении Боспорского царства, генеалогия царей от Асандра до Митридата III, особенности промитридатовской политики Фарнака, Асандра, Динамии, Аспурга и Митридата III, роль их проримской позиции в усилении эллинистических тенденций на Боспоре, взаимоотношения Гепепирии с ее сыном Митридатом III и их обоих с местными племенами, и многие другие аспекты.

Правильный подход к решению этих и других важных проблем видится нам главным образом в комплексном использовании всех имеющихся источников – литературных, эпиграфических, нумизматических и археологических. Хронологические рамки работы ограничиваются периодом от правления Фарнака II до прихода к власти Котиса I, что обусловлено развитием в этот промежуток времени заложенных при Митридате Евпаторе тех главных принципов, которые определили характер Боспорского царства римского времени как эллинистического государства. Именно тогда на Боспоре был совершен переход от государства полисного типа, каким оно было при Спартокидах, к полноценной эллинистической монархии. Ее основы были заложены при Митридате VI, но не успели по-настоящему развиваться за относительно короткий период его правления на Боспоре (приблизительно 110–63 гг. до н.э.). Мы здесь сознательно опускаем подробное описание Боспора под властью этого понтийского царя, так как сделали это относительно недавно в нашем исследовании².

² См.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО ПОД ВЛАСТЬЮ ЦАРЯ ФАРНАКА

В конце II – I в. до н.э. боспорское общество вступило в полосу кризиса, обусловленного экономическими и политическими причинами. Социально-экономический кризис был вызван резким обострением внутренних противоречий, связанных с концентрацией земельной собственности в руках зажиточных граждан, монополизацией ими торгово-ремесленной деятельности, сокращением внешней торговли и начавшимися в III в. до н.э. перемещениями варварских племен в междуречье Дона и Днепра, а также в Прикубанье¹. Политический кризис был спровоцирован самой природой власти правящей династии Спартокидов. Изначально тираническая по характеру, она во многом основывалась на потенциале эллинских полйсов и подвластных им земельных владений, питавших казну доходами от продажи хлеба в Восточное Средиземноморье. Когда боспорская пшеница перестала пользоваться спросом, а товарообмен с местным населением сельской хоры сократился, то экономический базис власти Спартокидов и поддерживавших их торгово-ремесленных слоев резко сузился. Это вызвало необходимость полностью перестроить взаимоотношения между городами и сельской периферией, расширив земельные владения, но уже не городские, а подчинявшиеся непосредственно правящей династии, т.е. создать структуру, аналогичную или близкую той, что сложилась в эллинистических государствах Эгеиды и Переднего Востока, где доминировала не полисная, а царская земельная собственность. Однако полисная сущность Спартокидовской династии не могла в полной мере осуществить эту перестройку и достичь классических эллинистических образцов царской власти наподобие той, что сформировалась в греко-македонских монархиях. Отсюда неизбежный кризис, в том числе и правящей династии, помноженный на резко обострившиеся внутренние противоречия.

¹ Железов С.А. Северное Причерноморье. М., Л., 1953. С. 82–85, 149, 150; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М., Л., 1949. С. 150; Он же. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. С. 118–123; Кастанаян Е.Г. Период позднего эллинизма в истории городов Боспора // ПИСП. С. 208. Об обострении кризиса к концу II в. до н.э. см.: Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953. С. 10; Он же. Паггиканей. М., 1964. С. 99; Шелов Д.Б. Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975. С. 69–73.

Чрезмерное обогащение одной части боспорского общества и заметное обнищание другой подтверждает археология: в Пантикапее и других городах с III в. до н.э. участились случаи строительства богатых домов и усадеб, появились погребения знатных лиц в склепах с очень изысканным инвентарем. Параллельно выявлено возрождение количества погребений с бедным инвентарем². Это свидетельствует о социальном и имущественном расслоении, что являлось питательной средой для внутренних конфликтов. Однако это не означает длительного и глубокого упадка боспорской экономики и период позднего эллинизма. Хотя объем хлебной торговли по сравнению с V–IV вв. до н.э. весьма существенно сократился, ремесленная деятельность активизировалась и даже в чем-то превзошла предыдущий уровень. Увеличилось количество изготавливаемой керамики, в частности столовой и кухонной посуды, в боспорских керамических мастерских стали делать так называемые “мегарские” сероглиняные чаши и другую керамику эллинистического образца, например, кубки, подражавшие пергамским и самосским, оружие, сельскохозяйственный инвентарь, предметы деревообрабатывающего производства, металлическую посуду и украшения, включая предметы глиптики, терракоты и т.д. Расширились размеры некоторых эргастериев, что потребовало интенсификации производства и громады ремесленников³. Усилилось проникновение иноземных элементов в состав населения Боспора, довольно большой контингент переселенцев прибыл из Малой Азии, особенно из греческих городов Южного Причерноморья, а также внутренних ее районов – Пафлагонии, Каппадокии, Фригии и других областей, с которыми Боспор имел тесные связи⁴. Часть мигрантов была вовлечена в торговлю и ремесло, другая часть могла служить в наемных войсках.

² Блатовский В.Д. Исследования города Пантикапея // Археология и история Боспора. Симферополь, 1952. С. 50; Кастанаян Е.Г. Грунтовые некрополи боспорских городов VI–IV вв. до н.э. и местные их особенности // МИА. 1959. Вып. 69. С. 257–269. См. также безынвентарные погребения некрополя Нимфея: Грач Н.Л. Некрополь Нимфея. СПб., 1999. С. 29.

³ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 134–142; Он же. История... С. 119, 120; Блатовский В.Д. Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСП. С. 27–30; Он же. О боспорском ремесле IV–I вв. до н.э. // СА. 1959. Вып. XXIX–XXX. С. 44; Он же. Пантикапей. С. 117–124.

⁴ См.: КВН. 248–250, 252, 274; Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. S. 50–55; Блатовский В.Д. Об этническом составе населения Пантикапея в IV–III вв. до н.э. // СА. 1958. Вып. 28. С. 106; Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI–II вв. до н.э. М., 1981. С. 80 и след. О пришельцах из Малой Азии и их атрибуции см.: Яйленко В.П. Малоазийские имена в надписях Боспора // Античная Балканистика: Тез. М., 1980. С. 69, 70; Блатовский В.Д. Античная археология и история. М., 1985. С. 238; Robert L. Noms indigènes d'Asie Mineure gréco-romain. P., 1963. P. 535–540.

Другим источником пополнения населения городов и хоры были степи Северного Причерноморья, откуда начиная со II в. до н.э. все больше проникали скифы и сарматы. Передвижения племен, образование в Крыму Скифского царства и давление сарматов на греческие полисы Боспора вызвали сближение боспорцев и скифов, что также отразилось на этническом составе населения царства, особенно его столицы Пантикапея⁵. Дисгармония между расширением ремесленного производства и сокращением торговли с местными племенами, Причерноморьем и Эгеидой все больше беспокоила боспорскую знать. Эти и другие причины, отягощенные враждебной активностью варваров – сарматов, сатархов, меотов, ахейцев, гениохов и других племен, – а также угроза внутренних конфликтов заставили Боспор примкнуть к Митридату Евпатору, даже пожертвовав собственной независимостью.

Переход Боспора под эгиду понтийского царя ознаменовал коренной перелом в его истории. Передача власти последним царем спартокидовской династии Перисадом V Митридату положила конец тиранической полисной форме правления, обозначив переход к эллинистическим методам осуществления властных полномочий. В социально-экономическом плане изменения выразились в том, что отныне на Боспоре повысился удельный вес царской земельной собственности, несколько сократился полисный земельный фонд, началось активное строительство военных поселений на царских землях, подчинявшихся непосредственно царской администрации. Поначалу царь Понта выстраивал отношения с греческими городами на основе своей традиционной филэллинской политики, предоставив им ограниченные полисные свободы, но после 80 г. до н.э. он резко ограничил их в этих правах, еще более расширив объем царских земель и усилив процесс создания царских крепостей по всей хоре Боспорского государства. Данные меры должны были обезопасить власть от сепаратизма городов и одновременно обеспечить их собственную защиту от угрозы вторжений варваров⁶.

Включение Боспора в орбиту понтийского влияния вызвало некоторое оживление хозяйственной деятельности и торговли в городах. Увеличился объем монетного чекана в крупных городах, в том числе и серебряной монеты, более интенсивно стала поступать в обращение на рынки Боспора понтийская медная монета Амиса, Синопы, Амастрии, Фарнакии, Газиуры – основных торговых контрагентов боспорских полисов. Превращение понтийской квазиавтоном-

⁵ Масленников А.А. Население Боспорского государства в первых веках нашей эры. М., 1990. С. 30–43.

⁶ Эти вопросы подробно освещены в работах: Шелов Д.Б. Понтийская держава Митридата Евпатора // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 570 и след.; Молев Е.А. Митридат Евпатор. Саратов, 1976. С. 43 и след.; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство: государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996. С. 266 и след.

ной меди в унифицированное средство денежного обращения Причерноморья стимулировало складывание общепонтийского рынка торговли, что не могло не обеспечить некоторый подъем боспорской экономики в первой – начале второй четверти I в. до н.э.⁷

Пользуясь выгодами от вхождения в Причерноморскую державу Митридата Евпатора, правящая элита Боспора поначалу оказывала поддержку в его борьбе с Римом деньгами, зерном и людскими ресурсами. Но как только в войне наступил перелом и обозначилось превосходство римлян – особенно при Сулле в годы Первой войны с Римом и при Помпее и Лукулле в Третью войну, – что сделало очевидным грядущее полное поражение царя, боспорцы начали изыскивать пути выхода из союза с понтийским владыкой и стремились завязать отношения с Римской республикой. В ее лице, а главным образом в лице ее полководцев, греки Причерноморья усматривали возможного защитника от варварской угрозы, а также потенциального торгового партнера, взявшего под контроль большую часть Малой Азии и полисов Южного Причерноморья, традиционно торговавших с северным побережьем Понта. Это должно было придать новый импульс вновь начавшей чахнуть экономике Боспора, ослабленной длительными митридатовыми войнами. Ведь в последние годы царствования, когда Митридат, потеряв родовые владения в Понте, бежал на Кавказ, а затем, преследуемый Помпеем, оказался на Боспоре, он вновь решил продолжать борьбу и ужесточил налоговую политику, возложив непосильное бремя расходов по ведению войны с Римом на Боспорское царство и другие полисы Северного Причерноморья. Это еще больше подорвало ресурсы ослабленного войной царства. К тому же отныне понтийский царь открыто сделал ставку на местные племена, вступив с ними в союз против римлян. С этого времени многие из них превратились в сторонников промитридатовской антиримской тенденции в политике боспорских царей, преемников Митридата Евпатора, и поэтому против них была направлена активность Римской империи, расширявшей влияние в Северном Причерноморье. Усилия Митридата по привлечению варваров на свою сторону вызвали новый приток их в города и на хору, что отражалось на состоянии царских земель – активно возводились царские крепости и военно-хозяйственные поселения, призванные помочь поступлению налогов с основного массива царских земель. И наоборот, резко сократился потенциал полисных земель, что привело к уменьшению доходов граждан городов при общей тенденции в политике царя к увеличению налогообложения всех подданных. В политическом плане это вызвало утрату и без того скудных политических привилегий полисов, что отталкивало от царя торгово-ремесленную верхушку городов, толкая его на еще более тесное сближение со знатью местных племен и военно-хозяйственными посе-

⁷ Саврыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 166–186.

ленцами на хоре. Даже блокада Понта и проливов Гнеем Помпеем не убавила стремления городов ориентироваться на Рим, который, казалось бы, являлся главным источником их невзгод⁸. Такова была ситуация на Боспоре, которая привела к восстанию в Пантикапее в 63 г. до н.э. и самоубийству Митридата Евпатора, что открыло дорогу к власти его сыну Фарнаку II.

Основным источником сведений об этих событиях является Аппиан. Согласно его сообщению, из всех своих многочисленных сыновей Митридат VI больше всего ценил и любил именно Фарнака, заявляя, что тот будет его преемником. Но когда Митридат стал готовить поход против римлян в Италию и вел об этом переговоры с варварскими племенами Подунавья и севера Балканского п-ва, именно любимец составил против отца заговор. Объясняя причины такого порыва, Аппиан пишет: “то ли испугавшись этого похода и возможности потери всей власти – он считал, что еще и теперь можно получить прощение от римлян; если же отец пойдет походом на Италию, то власть будет потеряна везде и совершенно, – или же потому, что у него были другие мотивы и соображения” (*App. Mithr.* 110). Заговор был раскрыт, но Митридат не казнил Фарнака, даже простил его, поддавшись на уговоры своего приближенного Менофана, не желая, видимо, обострять противоречия накануне похода. Мягкость по отношению к заговорщикам (соучастники Фарнака были лишь подвергнуты пыткам, но не казнены), несвойственная жестокому и коварному Митридату, когда возникала угроза его власти (достаточно вспомнить, как жестоко он обошелся с двумя другими своими мятежными сыновьями Митридатом Младшим и Махаром), вполне объяснима. После потери родовых владений в Малой Азии и Колхиде позиции царя существенно ослабли, население и войска, страдая от войны и тягот многочисленных поборов, были недовольны престарелым монархом. Блокада проливов больно ударяла по экономике городов, заинтересованных в торговых связях со Средиземноморьем. В таких условиях жестокость к мятежникам была чревата новыми еще более угрожающими всплесками недовольства. Не случайно Менофан, отговаривая царя от жестоких мер в отношении сына, говорил, что “не следует, собираясь уже в поход, казнить еще так недавно столь ценного им сына; ... подобные перемены – результат войны, с прекращением которой и все остальное придет в порядок” (*Ibid.*).

Фарнак, чувствуя за собой симпатии большей части войск и населения, вновь составил заговор против отца (*Oros.* VI. 4–5). Он за-

⁸ Об этом см.: *Каллистов Д.П.* Этюды из истории Боспора в римский период // ВДИ. 1938. № 2(3). С. 277 и след.; *Он же.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 145; *Кастанаян Е.Г.* Период позднего эллинизма... С. 210; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 305 (= *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. В.; Amsterdam, 1971. S. 318); *Шелов Д.Б.* Махар, правитель Боспора // ВДИ. 1978. № 1. С. 58–70.

ручился поддержкой римских перебежчиков, расположенных лагерем близ боспорской столицы. Он надавал им много обещаний, пугал тяготами войны и предстоявшего похода в Италию. Сторонники Фарнака разъехались по всему царству, пытаясь склонить на свою сторону и другие гарнизоны царских крепостей, видимо, военных поселенцев на хоре и отряды, размещенные в городах. Первыми подняли мятеж римские солдаты, состоявшие у Митридата на службе, затем к ним присоединились остальные войска и флот, находившийся в гавани Пантикапея. К мятежникам примкнула даже большая часть личной гвардии царя. Восставшие требовали посадить на престол Фарнака, а Митридата обвиняли в слабости и жестокости по отношению к царским стратегам, друзьям и собственным сыновьям, намекая, очевидно, на Митридата Младшего, Махара и самого Фарнака. В ходе восстания гвардейцы убили личного коня Митридата, а затем торжественно провозгласили Фарнака царем, увенчав его вместо диадемы обычным плоским стеблем. Видя все это, Митридат укрылся во дворце и вскоре покончил жизнь самоубийством, велел одному из своих телохранителей-галлов заколоть его мечом, поскольку принятый им яд вследствие многолетней привычки к противоядию оказывал слабое действие. Так власть в Пантикапее и на всем Боспоре перешла к Фарнаку, начавшему править в 63 г. до н.э. (App. Mithr. 110; 111; Luc. II. 637; Schol. ad Luc. v. 637).

Из описания этих событий Аппианом следует, что Фарнак, злоумышляя против отца, опирался прежде всего на римские отряды в его войске (*Eutrop.* VI.12), разыгрывая перед ними властителя, который не одобряет похода в Италию и вообще войну против римлян. Таким он пытался не только склонить на свою сторону римлян, но и давать знак их полководцам и, конечно, Помпею о готовности пойти на сотрудничество и прекратить столь ненавистную всем войну. Он понимал, что без санкции Рима в лице могущественного Гнея Помпея ему вряд ли удастся закрепиться в качестве царя Боспора. Расчет Фарнака был и на симпатию греческой части населения. Ведь именно эллинские полисы становились главными зачинщиками выступлений против Митридата, когда он терпел ощутимые поражения от римлян, хотя на деле они являлись его постоянными сторонниками, и как только он вновь набирал силу, снова готовы были ему помочь имеющимися у них средствами⁹. Любопытно, что варварские племена не приняли активного участия в восстании 63 г. до н.э.

⁹ Д.Б. Шелов отстаивал идею о постоянной и долговременной преданности полисов царю Понту (*Шелов Д.Б. Махар.* С. 56–71; *Он же.* Понтийская держава. С. 572; *Он же.* Города Северного Причерноморья и Митридат Евпатор // ВДИ. 1983. № 2. С. 54 и след.; *Shelov D.B. Le royaume pontique de Mithridate Eurpator* // JdS. 1982. Juil.-dec. P. 264), но более взвешенным представляется мнение, что позиция греков была непостоянной (*Каллистов Д.П. Этюды.* С. 282–284; *Виноградов Ю.А. Боспор Киммерийский: основные этапы истории в доримскую эпоху* // Таманская старина. 2000. № 3. С. 29).

против Митридата Евпатора¹⁰, что подтверждает прочность их антиримских позиций и приверженность митридатовским традициям. Разорительные поборы, нарушение привычных торгово-экономических отношений привели к недовольству политикой Митридата. Заигрывая с сарматскими, скифскими и особенно меотскими царями, понтийский владыка в конце правления окончательно отвратил от себя симпатии греческих подданных. Поэтому любая попытка восстановить мирные отношения с Римом в создавшихся условиях могла только приветствоваться греческими полисами Боспора, да и всего Северного и Западного Причерноморья. В отличие от южнопонтийских городов, население которых относилось к римлянам настороженнее, помятуя о поборах и разорениях со стороны их публиканов, греки других регионов Понта избежали этого произвола римских ростовщиков. Поэтому им казалось, что с установлением долгожданного мира прерванные экономические отношения будут сразу восстановлены и их экономика стабилизируется. Вот почему попытка Фарнака отложиться от отца и завоевать симпатии римлян приветствовалась в городах Боспора. Они были вправе рассчитывать на расширение политических прав и привилегий, включая развитие их полисных земель, что было серьезным образом ущемлено Митридатом Евпатором приблизительно с конца 80-х годов до н.э.¹¹

Отношение греков к царской власти формировалось отныне сквозь призму мероприятий и реформ, которые римляне во главе с Помпеем провели на захваченных у Митридата землях в Малой Азии. Они имели огромное значение для всех эллинских городов Эгеиды и Причерноморья, поскольку изменили принцип распределения власти между царской администрацией и полисами. Римляне руководствовались стремлением противопоставить прежней направленной против них филэллинской политике понтийского царя собственную политику, ориентированную на привлечение к себе эллинизированного местного и эллинского населения. Они жаждали также искоренить так называемый “митридатизм”, т.е. основу военно-административной системы управления Понтийского царства – мощный пласт царских земель с густой сетью укреплений и крепостей, на которых строилась агрессивная политика царей Понта, в том числе и против Рима. Гней Помпей призван был решить эти задачи в пользу римлян в 65–64 гг. до н.э., когда он находился на Востоке и занимался организацией там новых территорий. Плутарх сообщает, что он “заселил вновь тридцать девять опустошенных городов” (*Plut. Pomp.* 45), а Аппиан указывает, что только в Каппадокии пол-

¹⁰ Виноградов Ю.А. Указ. соч. С. 28, 29.

¹¹ *Gajdukevič V.F.* Op. cit. S. 320; *Шелов Д.Б.* Города Северного Причерноморья... С. 54; *Он же.* Махар. С. 69–72; *Сапрыкин С.Ю.* Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже н.э. // *Античность и варварский мир.* Орджоникидзе, 1985. С. 70–80; *Он же.* Понтийское царство. С. 244.

ководец основал восемь городов (*App. Mithr.* 117). Страбон по этому поводу пишет: “Помпей, победив Митридата, завладел страной, простиравшейся в таких пределах. Части ее, лежащие в сторону Армении, и около Колхиды, победитель роздал властителям, которые сражались на его стороне, остальные же разделил на одиннадцать *πολιτείας* и присоединил к Вифинии, так что из обоих разделов образовалась одна провинция...” (*Strabo.* XII. 3. 1).

Часть ученых считает, что Помпей как истинный “цивилизатор” стремился распространить римские порядки и городскую жизнь в мало цивилизованных областях бывшей державы Митридатидов¹², способствуя проникновению туда греческой культуры и полисной жизни¹³. Другие полагают, что его целью было добиться не распространения греческой цивилизации, а совершить кардинальные административные преобразования¹⁴. Большинство же сходится в том, что в своей реформаторской деятельности в Понте, Вифинии и Пафлагонии Гней Помпей следовал политике диадохов и провел там по характеру чисто эллинистические мероприятия, связанные преимущественно с основанием новых городов полисного типа, специфических колоний-катокий (*χатоικίαι πολιτῶν* = *coloniae civium*) с правами городов или нечто среднего между эллинским полисом и *ἔθνος*¹⁵. Приверженцы последней точки зрения убеждены, что Помпей не основывал новые города, а создал такую организацию племен, в которой греческий полис синонимичен “народу”, использующему подчиненную ему землю, т.е. все сделанное Помпеем построено исключительно на завоевании¹⁶. Что до термина “полития” применительно к тому, что основал Помпей в Понте, то существует мнение, что Страбон просто использует его в противовес “полисам” для характеристики разных систем управления в районах, где не было полисов в классическом понимании этого слова¹⁷. Результаты градостроительной деятельности Помпея в Малой Азии показывают, что он стремился укрепить полисное землевладение и параллельно разрушал царские ук-

¹² *Carcopino J.* Histoire romaine: 2 ed. P., 1943. Vol. II. P. 624 ff.; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1951. Vol. I. P. 368; *Holmes T.R.* The Roman Republic. Oxford, 1923. Vol. I. P. 211.

¹³ *Reid J.S.* The Municipalities of the Roman Empire. Cambridge, 1913. P. 338, 367; *Oman C.* Seven Roman Statesmen of the Late Republic. N.Y., 1902. P. 260.

¹⁴ *Badian E.* Roman Imperialism in the Late Republic. Pretoria, 1967. P. 70–72; *Fletcher W.* The Pontic Cities of Pompey the Great // *TAPA.* 1939. 70. P. 17–29; *Abbott F., Johnson A.C.* Municipal Administration in the Roman Empire. Princeton, 1926. P. 72–76.

¹⁵ *Sinclair T.* Eastern Turkey: An Architectural and Archaeological Survey. L., 1987. Vol. I. P. 366–370; *Syme R.* Anatolica. Oxf., 1995. P. 116; *Bernhardt R.* Polis und Römische Herrschaft in der späten Republik (149–31 v. Chr.). B., N.Y., 1985. S. 159–161; *Gelzer M.* Pompeius. München, 1959. S. 97–100.

¹⁶ *Dreizehnter A.* Pompeius als Städtegründer // *Chiron.* 1975. Bd. 5. S. 212–225.

¹⁷ *Anderson J.G.C.* Pontica // *JHS.* 1900. Vol. 20. P. 155.

репления Митридата Евпатора, особенно в тех районах, которые примыкали к новым римским владениям или непосредственно вошли в состав новой провинции Вифиния-Понт.

К одиннадцати “политиям” Помпея обычно относят Амастрию, Амис, Синопу, Амасию, Зелу, Диосполь, Магнополь, Помпейополь, Неаполь, Мегалополь, Гераклею Понтийскую, иногда последнюю исключают из списка и добавляют Никополь в Малой Армении, а вместо Амасии – Тиос, а некоторые вместо Никополя включают городок Абонутейх в Пафлагонии¹⁸. В этом перечне фигурируют как греческие города бывшего Понтийского царства, так и новые городские образования, которые появились на месте бывших царских укреплений. Эллинским полисам присоединили обширные земельные владения из состава бывших царских земель, что особенно заметно на примере Амиса и Амасии¹⁹, а храмовым центрам Зеле и переименованной в Диосполь Кабире были даны политические привилегии и узаконены их полисные права и институты. Зела стала даже выпускать собственную монету²⁰. Многие царские крепости были вообще разрушены, как, например, Сагилий, а другие превращены в города со своими органами управления и добавлением им земельных владений из разряда бывшей царской земельной собственности.

В Понтийской Каппадокии, Пафлагонии и Малой Армении под преобразования попали восемь “политий”: Диосполь, Магнополь, Помпейополь, Неаполь, Мегалополь, Никополь, Зела, Амис или, скорее, Колоней, население которой, как и в Никополе, составили ветераны легионов Помпея²¹. Большинство перечисленных вновь основанных поселений выросло из бывших царских крепостей Митридата Евпатора, а термин “полития” у Страбона означает предоставление этим новым и старинным городам Понта большей самостоятельности, дополнительных прав и привилегий, собственных органов управления, гражданства и земельных владений, которыми могли теперь всецело распоряжаться коллективы этих общин.

В правовом отношении проводимые мероприятия были закреплены так называемым “законом Помпея” (*Lex Pompeia*), регулировавшим полисное право. Согласно его положениям (*Plin. Epist. X. 79; 80; 112; 114; 115*), права полисов были расширены в области общественно-политических отношений и государственного управления по

¹⁸ Wellesley K. The Extent of the Territory added to Bithynia by Pompey // *RhM.* 1953. Bd. 96. N.F. P. 296; Syme R. Op. cit. P. 114.

¹⁹ Gelzer M. Pompeius. S. 100; Sartre M. L'Asie Mineure et l'Anatolie d'Alexandre a Dioclitien (IVe s.a. j.c. – IIIe s. ap.j.c.). P., 1995. P. 138–142. Ср.: Jones A.H.M. The Cities of the Eastern Roman Provinces. Oxford, 1937. P. 156 ff.

²⁰ Sartre M. Op. cit. P. 138; Greenhalgh P. Pompey – the Roman Alexander. L., 1980. P. 150–152.

²¹ Olshausen E., Biller J. Historisch-geographische Aspekte der Geschichte des Pontischen und Armenischen Reiches. Wiesbaden, 1984. S. 142; Sinclair T. Op. cit. P. 366–370.

традициям эллинистического полисного устройства, но с учетом опыта римских *civitatum*. Этим ликвидировались не только царские укрепления и крепости на *χώρα βασιλική*, но уничтожалась вся военно-административная система управления царскими землями, сдерживавшая полисное землевладение и ограничивавшая греческие полисы в их правах²².

При тесных связях южного и северного побережий Понта греки на Боспоре быстро узнали о римских нововведениях в бывшей державе Митридата, поэтому любой новый правитель в этой части ойкумены должен был демонстрировать расположение к Риму и эллинским городам, поощрять их экономический рост и расширять их права. В противном случае он рисковал потерять доверие греков, что было равнозначно лишению политической власти. Фарнак в этом отношении не стал исключением.

Заняв трон отца, он тотчас отправил тело Митридата в Синопу к Помпею, чтобы римляне удостоверились в гибели своего наиболее непримиримого врага. Он также отослал туда сподвижников Митридата, которые еще в годы его первой войны с Римом пленили Мания Аквиллия и взяли многочисленных заложников из эллинских и “варварских” городов, захваченных понтийскими войсками. Все это он сопровождал просьбой к Помпею предоставить ему власть в родовом Понтийском царстве или хотя бы на Боспоре, обосновывая это тем, что Митридат в свое время назначил туда наместником его брата Махара (*App. Mithr.* 21; 113). Момент для подобного шага был выбран удачный: Помпей находился в это время в создаваемой им новой провинции Вифиния-Понт и занимался реорганизацией бывших владений Митридатидов. Совершенно очевидно, что Фарнак откровенно домогался расположения Рима, стремясь предстать его союзником и даже другом. То, что Помпей устроил Митридату Евпатору пышные похороны, захоронив его в царской усыпальнице и объявив, что считает его лучшим из царей своего времени за великие подвиги, свидетельствует, что римляне учитывали популярность “великого царя” у населения его бывшего царства и не спешили сразу искоренить основы заложенных им традиций там, куда еще не проникло римское влияние. Митридат Евпатор был признан греками прежде всего за его филэллинство, поэтому Помпей и римляне также должны были предстать в этом же облике²³. Своей открыто

²² О “законе Помпея” подробнее см.: *Marshall A.J. Pompey's Organization of Bithynia-Pontus: Two Neglected Texts // JRS. 1968. Vol. 58. P. 103–109; Lewis M.F. A History of Bithynia under Roman Rule, 74 BC – 14 AD. Minnesota, 1973. P. 90–100.* О значении закона для истории Понта и Причерноморья см.: *Саврыкин С.Ю. “Полисы” Митридата VI Евпатора и “политии” Помпея Великого в Восточной Анатолии // ПИФК. 1996. Т. 3. С. 203–207; Он же. Понтийское царство. С. 291–294.*

²³ О филэллинстве Помпея см.: *Harris B.F. Bithynia: Roman Sovereignty and the Survival of Hellenism // ANRW. B.; N.Y., 1980. Bd. II. T. 7, 2. P. 857–301.*

проримской политикой Фарнак желал показать себя правителем, который отошел от жесткой отцовской линии, проводимой в последние годы в отношении греческих городов, и этим как бы завоевал право претендовать на бывшие владения отца. Иногда считают, что Помпей признал Фарнака царем, потому что римляне еще не имели возможности открыто вмешиваться в дела Северного Причерноморья и любой правитель, который провозглашал дружбу к Риму, мог рассчитывать на их дипломатическую поддержку. Помпей занимался в это время организацией новой римской провинции в Анатолии, в связи с чем дружба и союз с Боспором, имевшим всегда тесные отношения с греческими городами этой провинции в Вифинии и Пафлагонии, могли быть крайне полезны Риму, рассчитывавшему на быстрый подъем ослабленных войной городов. Вот почему усилия закрепиться на Боспоре для Фарнака, в конечном счете положившего конец войне, увенчались успехом.

Фарнак начал правление как “друг и союзник” римлян, получив почетный эпитет вместе с титулом царя от Помпея за помощь в войне против Митридата (*App. Mithr.* 113; 114; *B.C.* II. 92). Это было очень важно для него, поскольку этот титул и эпитет означали признание Римом законности его власти²⁴. Поначалу он правил как царь Боспора, владевший всем царством, за исключением Фанагории. Она получила от того же Помпея свободу и автономию, так как первой отважилась выступить против Митридата. Вполне вероятно, что Помпей все же не доверял Фарнаку, поэтому признанием свободного статуса Фанагории хотел создать противовес его власти в Боспорском царстве²⁵. Но вряд ли один полис мог представлять серьезный баланс царю на Боспоре, здесь скорее следует усматривать общую тенденцию восточной политики Помпея — предоставлять больше свободы греческим городам бывшего царства Митридата, ранее ущемленным в политических правах. Как бы то ни было Фарнак продолжал всячески заискивать перед римлянами, особенно перед Помпеем, которого считал своим покровителем. Это подтверждается тем, что после злополучной для римского полководца битвы при Фарсале в 48 г. до н.э. один из помпеянцев Луций Кассий пытался пробиться в Понт к царю Фарнаку, желая поднять его против Цезаря, но неудачно (*App. B.C.* II. 88; *Suet. Caes.* 63; *Dio Cass.* XLII. 62). Очевидно, в лагере Помпея посчитали, что обязанный им царством, Фарнак неминуемо окажет ему помощь в борьбе с Цезарем. Они не оставили этих надежд даже после того, как Фарнак неоднократно отклонял просьбы Помпея поддержать его хотя бы вспомогательными войсками (*Bel. Alex.* 69; *Dio Cass.* XLI. 55; 63). Такие обращения имели место, потому что утверждение Фарнака на Боспоре бы-

²⁴ *Sands P.C.* The Client Princes of the Roman Empire under the Republic. Cambridge, 1908. P. 40; *Seager R.* Pompey: A Political Biography. Oxford, 1979. P. 52.

²⁵ *Greenhalph P.* Op. cit. P. 150.

лю задумано с целью приобрести для римлян, а главным образом лично для него, Помпея, верного союзника на Востоке. И поначалу Фарнак оправдывал надежды полководца: он согласился с элевтерией Фанагории и практически номинальной зависимостью от него Херсонеса Таврического²⁶. Хотя некоторые считают, что город оставался под властью Фарнака в том же объеме, как это было при его отце²⁷, чекан херсонеситами своей монеты при Фарнаке²⁸ свидетельствует о некоторых элементах полисной автономии под властью Боспора (*Strabo*. VII. 4. 3). Новый боспорский правитель принял Помпея победителем Митридата Евпатора и отпустил заложников, как было сказано выше. Его уступчивость и заискивание можно объяснить тем, что власть сына Митридата на Боспоре поначалу во многом зависела от греческих городов, не желавших ссориться с Римом²⁹, а также надеждой вернуть себе когда-нибудь и родовые владения своего отца в Понте, Пафлагонии и Малой Армении, на которые он как единственный наследник имел неоспоримые права. Поскольку имя Митридата Евпатора было еще популярным, слава его – почитаемой как на северном, так и на южном побережьях Черного моря, а сам Фарнак возвысился в результате предательства дела отца, то он еще не чувствовал себя прочно на престоле в Пантикапее. Поэтому он и заигрывал с римлянами, что, как показали дальнейшие события, делалось не искренне. Ведь права на власть в бывших доменах Митридата мог выпросить у Рима и кто-нибудь другой из многочисленных его сыновей (мнимых и не очень), а также местных династов – мужей его дочерей, или разного рода авантюристов, вошедших в доверие к римлянам. Так что никаких попыток проявить подлинную независимость, а тем более возродить “митридализм”, или митридаатовскую политику, у Фарнака быть не могло как минимум до второй половины 50-х годов до н.э. – времени раскола Цезаря с Помпеем.

Положение изменилось, лишь только начались военные действия между этими триумвирами. Отказ Фарнака в помощи Помпею против Цезаря можно расценить как начало возрождения митридагонских традиций на Боспоре, как переход Фарнака от политики зашоривания с Римом к более жесткой линии по отношению к нему. Это говорит о том, что Фарнак лишь ждал удобного момента, что-

²⁶ Кадеев В.И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 58–60; Он же. Херсонес Таврический в первые века н.э. Харьков, 1981. С. 12–16.

²⁷ Лубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 12.

²⁸ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. Киев, 1977. С. 60.

²⁹ Цыков В.Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мёзия // ВДИ. 1940. № 3–4. С. 74; Он же. Таврика в эпоху римской оккупации. М., 1942. С. 29; Каллистов Д.П. Северное Причерноморье. С. 154; Он же. Этюды... С. 283; Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н.э. М., 1951. С. 58.

бы открыто выступить в качестве продолжателя дела отца по упрощению власти Митридатидов на северном и южном берегах Понта. Ведь не следует забывать, что еще в 63 г. до н.э. Фарнак просил Помпея предоставить ему наследственные владения отца в Малой Азии, утраченные в борьбе с римлянами. Поскольку тот отказал ему в этом, отдав большую часть наследственного домена Митридата Дейотару Старшему, тетрарху галатов-толистобогиев, то Фарнак, естественно, затаил обиду на Рим и решил при удобном случае предъявить претензии на земли отца в Северной Анатолии. Принято считать, что у Фарнака давно созревали планы восстановить отцовское царство в полном объеме, но открытое выступление с претензией на территориальные захваты стало возможно не ранее 48 г. до н.э.³⁰ С этим утверждением можно согласиться, ведь Анней Флор сообщает, что Фарнак, “полагаясь более на наши (римские. — С.С.) раздоры, чем на собственную храбрость, обрушился с войском на Каппадокию” (*Flor.* IV. 2. 61–63). Из других источников мы знаем, что как только легат Цезаря в Азии Гней Домиций Кальвин получил сообщение от Дейотара, тетрарха Галатии и правителя Малой Армении, об опустошении ее и Каппадокии сыном Митридата, то тотчас послал к нему гонцов “с требованием очистить Армению и Каппадокию и не пользоваться гражданской войной для посягательств на права и величие римского народа” (*Bel. Alex.* 34). Таким образом, одной из причин развязывания Фарнаком войны было столкновение Цезаря и Помпея.

Другой немаловажной причиной нового конфликта представителя Митридатидов с Римом следует считать укрепление власти Фарнака на Боспоре к 50-м годам I в. до н.э. Возможно, что он рассчитывал получить содействие Цезаря за то, что не поддержал Помпея и его сторонников в ходе гражданской войны в Риме. В пользу этой версии говорят последующие действия царя, который, по сообщению римских авторов, боялся Цезаря, хотя и начал с ним войну, а также его предложение выдать замуж за Цезаря свою дочь (см. ниже). Поскольку битва при Фарсале произошла 9 августа 48 г. до н.э., а Домиций Кальвин узнал о вторжении Фарнака в Малую Азию и предпринял соответствующие шаги осенью и зимой 48 г. до н.э., то из этого можно сделать вывод, что за два с небольшим месяца боспорский правитель занял Колхиду, Малую Армению, Каппадокию и часть Понта. Это означает, что он подготовился к походу за благо-

³⁰ Моммзен Т. История Рима. М.; Л., 1941. Т. 3. С. 352; Judeich W. Caesar im Orient. Leipzig, 1885. S. 63–66; Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. P. 150; Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 58 и след.; Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 296, 297; Гайдукевич В.Ф. История... С. 126; Блаватский В.Д. Пантикапей. С. 130. Иногда предлагают даже конец 49 – начало 48 г. до н.э. как дату выступления Фарнака. См.: Freber Ph.-S.G. Der Hellenistische Osten und das Illyricum unter Caesar. Stuttgart, 1993. S. 81–83.

применно, ибо за одно лето невозможно было снарядить войско и осуществить столь обширные завоевания. Вместе с отказами Помпею в помощи это может свидетельствовать о тщательно вынашиваемом желании восстановить отцовское царство. Мы вряд ли ошибемся в предположении, что Фарнак не оставлял такой мысли на протяжении всех пятнадцати лет своего правления.

Как мы видели, выступление Фарнака против отца и восшествие на престол началось с брожения в войсках, не желавших идти походом в Италию. Ведущую роль при этом сыграли римские перебежчики, а города Боспора поддерживали заговор. Но это было вынужденной акцией, так как торгово-ремесленные слои желали как можно скорее прекратить войну с римлянами. О постоянной поддержке ими Фарнака говорить не приходится, они не знали, как поведет себя новый представитель династии Митридата Евпатора, тем более что сам понтийский царь, против которого они выступили, неоднократно заявлял, что его сын будет преемником и продолжателем начатого им дела. Они могли опасаться, что традиционная политика Митридатидов, ограничивавшая права и свободы городов за счет усиления военно-хозяйственных поселений на царской земле, останется неизменной. Для упрочения положения на Боспоре Фарнаку требовалось в первую очередь показать себя защитником городов и улучшить их расположение. Первые шаги в этом направлении он уже ранее сделал – замирился с Помпеем, добился его покровительства и признания права на домен отца на Боспоре. Это должно было укрепить доверие к нему греков по обоим берегам Понта Эвксинского. Так что у Фарнака имелись веские основания до поры до времени скрывать свои агрессивные устремления и планы восстановления Понтийского царства.

О позиции Фарнака в отношении городов свидетельствует монетная чеканка. Она показывает, что на Боспоре Фарнак продолжал митридатовский чекан. Он выпускал золотые статеры с царской легендой в 55/54–51/50 гг. до н.э., а также медную монету от имени общины граждан Пантикапея в течение короткого времени. Кратковременность выпуска объясняется тем, что в обращении на Боспоре находилось большое количество митридатовской меди квадригантного чекана городов Понта, Пафлагонии и Боспора, а также монет наместнического чекана³¹. Пантикапейские монеты имеют следующие типы: оболы – л.с. голова Аполлона-Зевса в лавровом венке вправо – об.с. орел с приподнятыми крыльями на молнии, справа звезда, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ; тетрагалки – л.с. голова Аполлона вправо – об.с. треножник, тирс, звезда, ΠΑΝΤΙΚΑΠΑΙΤΩΝ.

³¹ Орешников А.В. Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. М., 1887. С. 60, 61; Голенко К.В. Из истории монетного дела на Боспоре в I в. до н.э. // ИЭ. 1960. Вып. 2. С. 39, 40; Golenko K.V., Karyszkowski P.I. The Gold Coinage of King Pharnaces of the Bosphorus // NC. 1972. 7th ser., 12. P. 25 ff.

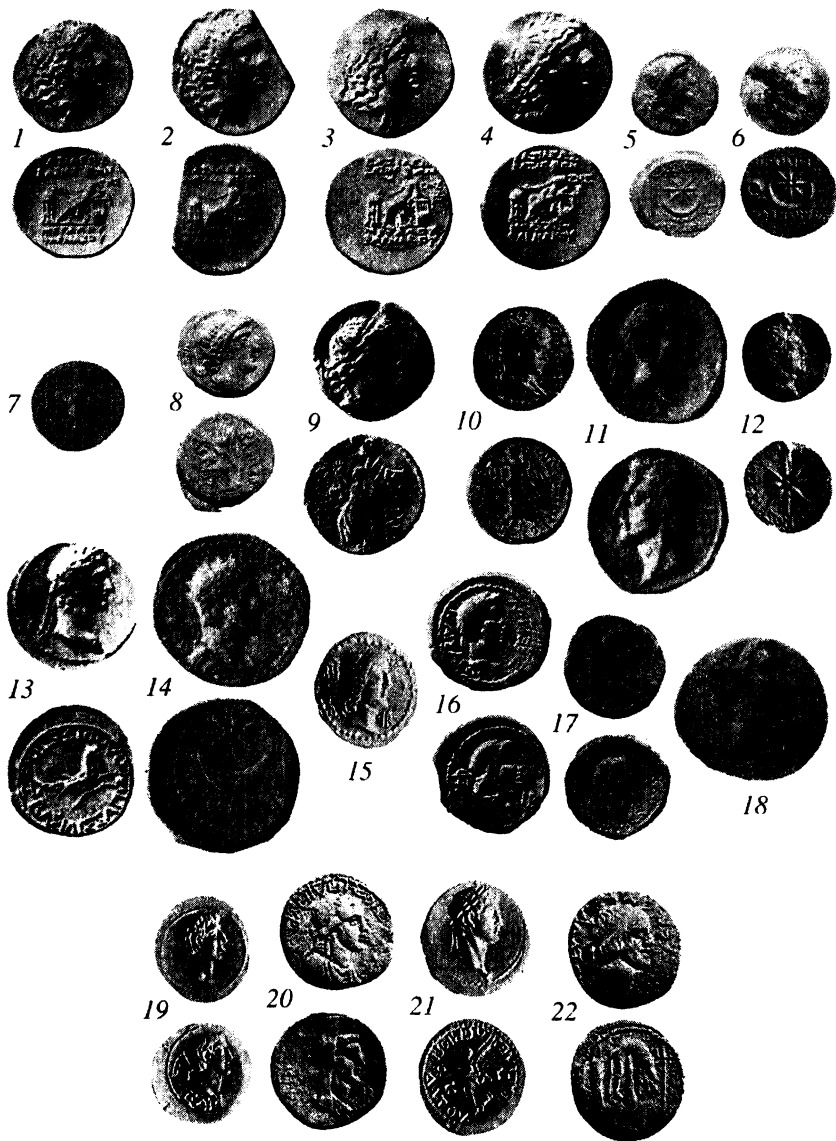

Рис. 1. Монеты царей Боспора, Фракии, Понта I в. до н.э. – I в. н.э.
 1–4 – статеры Фарнака; 5 – статер Динамии 17/16 г. до н.э.; 6 – статер Динамии 21/20 г. до н.э.; 7 – реверс статера Асандра первого года архонства; 8–9 – статеры царя Асандра с его портретом (золото); 10 – монета Котиса II Фракийского, 40-е гг. до н.э. (бронза); 11 – статер с монограммой ΔΥΜ (золото); 12 – монета Полемона I Понтийского (серебро); 13 – монета Пифодориды Старшей (серебро); 14 – монета с монограммой ΒΑΜ (Аспург?) (бронза); 15 – царь Аспург на монете с монограммой ΒΑΡ; 16 – асс Аспурга времени императора Тиберия (медь);

К.В. Голенко отнес эти серии к Фарнаку³², полагая, что они выпускались одновременно с его золотыми статерами. И хотя В.А. Анохин считает, что они появились в последние годы правления Митридата Евпатора в 65–63 гг. до н.э.³³, многие из пантикапейских монет первого типа перечеканены из боспорских анонимных обол в 65–66 гг. до н.э., обращавшихся до 54 г. до н.э. Поэтому права Н.А. Фролова, вслед за Голенко утверждавшая, что две эти серии медных монет Пантикапея должны принадлежать чекану Фарнака первых лет правления, когда еще не выпускались его царские золотые статеры. Ведь именно в 63–54 гг. до н.э. пантикапейские оболочки появились на рынке как перечеканки боспорских анонимных обол³⁴. Следовательно, Фарнак поощрял выпуск городской меди до того, как стал чеканить золото.

Городской чекан при Фарнаке (Херсонес, как говорилось выше, также выпускал при нем свою монету), когда в обращении находилось достаточно митридатовской меди, подтверждает то, что царь старался поддержать экономический рост крупных городов, в частности Пантикапея, и способствовал сохранению ими политики и автономии по крайней мере в торговле и ремесле. Обращение митридатовской меди городов Понта и Пафлагонии на внутреннем рынке Боспора показывает, что его города по-прежнему поддерживали связи с южнопонтскими полисами бывшего царства Митридата. Это могло в какой-то мере стимулировать желание Фарнака вернуть себе владения отца в Малой Азии. Все это нужно рассматривать как продолжение митридатовских традиций во внутренней политике Боспора, поскольку еще Митридат Евпатор предоставил право чекана меди и даже серебра Пантикапею, Фанагории, Горгии и Херсонесу³⁵. После 80 г. до н.э. он изменил позицию по отношению к городам, отказавшись от филэллинской политики поощрения некоторых привилегий полисов, что выразилось в лишении их

17 – асс Аспурга времени императора Калигулы (медь); 18 – монета Реметалка I с царской монограммой (серебро); 19 – статер Гепеирии 38 г. н.э. с монограммой (золото); 20 – асс Гепеирии с ее портретом (медь); 21 – статер Митридата III от 39 г. н.э. (золото); 22 – асс Митридата III с его портретом (медь)

³² Голенко К.В. Указ. соч. С. 36–40.

³³ Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 146, № 215, 216; ср.: Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 187.

³⁴ Frolova N.A. Towards a History of Bosporan Coinage (1st Century BC) // *AnCiv.* 1996. 3, 2/3. P. 168; Фролова Н.А., Ireland S. О хронологии эмиссий монет на Боспоре в митридатовский период (110–63 гг. до н.э. // *ДБ.* 1999. Вып. 2. С. 236, 246, 247: монеты типа Аполлон-треножник Фролова относит к 54–48 гг. до н.э., что представляется слишком завышенным датированием.

³⁵ Зограф А.Н. Указ. соч. С. 187; Голенко К.В. Указ. соч. С. 36; Он же. Фанталовский клад боспорских дидрахм I в. до н.э. // *ВДИ.* 1965. № 4. С. 141–145; Шелов Д.Б. Махар. С. 63; Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 74–76; Frolova N.A. Op. cit. P. 151–168.

права бить монету³⁶. Фарнак следовал той же политике, стремясь поднять свой авторитет у греческих подданных.

В то же самое время данная мера была попыткой укрепить тыл для последующих крупных внешнеполитических акций. Поддержка городов, особенно боспорской столицы, могла сыграть немаловажную роль в организации похода в Малую Азию. Возможно, предоставление Пантикапею права самостоятельного чекана стало результатом помощи его граждан Фарнаку во время восстания против Митридата. В связи с объявлением Помпеем Фанагории свободной Фарнак, поначалу разыгрывавший роль друга и союзника римского народа, был вынужден придать видимость автономии и другому крупнейшему городу Боспора, чтобы обезопасить себя от возможного недовольства граждан. Это обеспечило ему некоторую поддержку торгово-ремесленных кругов. Данное обстоятельство позволяет нам высказать мнение, что уже в начале 50-х годов до н.э. Фарнак мог тайно вынашивать идею о разрыве с Римом и начать постепенную подготовку к вторжению в родовые владения отца.

Что до золотых статеров, то на них Фарнак помещал величественную надпись ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΒΑΣΙΛΕΩΝ ΜΕΓΑΛΟΥ ΦΑΡΝΑΚΟΥ, т.е. “царя царей Великого Фарнака” (рис.1, 1–4). Аналогичный титул мы находим в боспорских надписях времени его правления (IosPE. IV. 200 = CIRB. 29; ср.: CIRB. 28). Считается, что принятием этого титула Фарнак окончательно разорвал видимость дружбы с Римом и возродил традиции ахеменидских царей – предков Митридатидов. К.В. Голенко и П.О. Карышковский предполагают, что выпуск статеров с таким титулом был кратковременным и не связан с намерением Фарнака реставрировать державу Митридата Евпатора, так как являлся лишь политической демонстрацией для воздействия на подчинявшиеся ему местные племена. Они утверждают, что Фарнак принял титул “царь царей” или “Великий царь царей” только в 243 г. п.э. (= 55/54 г. до н.э.) от армянского царя Тиграна II Великого, год смерти которого совпадает с выпуском первой золотой монеты боспорского владыки с означенным титулом. Поскольку последний золотой Фарнака датируется 247 г. п.э. (= 51/50 г. до н.э.), то эта титулатура, по мнению названных исследователей, должна была перейти от Фарнака к другому царю, Ороду из Парфии, и боспорский владыка ею более не обладал³⁷. Это мнение имеет сторонников³⁸.

³⁶ Голенко К.В. О характере боспорских анонимных оболов // НСф. 1965. № 2. С. 41; Shelov D.B. Op. cit. P. 262, 263; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 179.

³⁷ Golenko K.V., Karyszkowski P.I. Op. cit. P. 31–33.

³⁸ Карышковский П.О. О титуле Митридата VI Евпатора (К вопросу об иранских и эллинских традициях в Понтийской державе) // Причерноморье в эпоху эллинизма. Тбилиси, 1985. С. 577; Молев Е.А. О пропонтийской ориентации боспорян в период подчинения Боспора Понту // Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. Харьков, 1980. С. 43, 44; Виноградов Ю.Г..

Однако В.А. Анохин подверг его справедливой критике, а В.П. Яйленко развил ее дальше, отметив, что Фарнак получил право на этот титул сразу после восшествия на престол как наследник отца и это означало не дипломатические игры с другими эллинистическими царями, но распространение его власти на многочисленные местные племена Боспора, включая жившие на его азиатской стороне³⁹. К тому же шаткое и двойственное из-за показной дружбы к Риму положение Фарнака в 63–55 гг. до н.э. не позволяло ему открыто принять указанную титулатуру, смысл которой заключался в явно антиримской позиции того, кто ею владел. Ведь титул “Великий царь царей” означал преемственность ахеменидо-митридатовских традиций династии с претензией на независимый от римлян характер власти и внешней политики⁴⁰. А в первые годы Фарнак считался другом римлян и лично Помпея, признавая его своим благодетелем. Не исключено, что и дипломатическая сторона дела также входила в планы новоявленного “царя царей”, но она была подчинена главному – подготовке к войне за малоазийские владения отца.

Положение изменилось к середине 50-х годов I в. до н.э., когда стали обостряться отношения Цезаря с Помпеем. После свидания триумвиров в Луке весной 56 г. до н.э. и успешных войн в Галлии, позиции Цезаря резко усилились. Он получил права на управление Галлией еще на пять лет. В 55–53 гг. до н.э. партия оптиматов в Риме продолжала борьбу с триумвирами, назревала гражданская война и это не могли не чувствовать вассальные Риму цари и династы. Очевидно, в те годы Фарнак решил продемонстрировать Помпею, что желает стать более самостоятельной фигурой, тем более что сам великий полководец был занят делами в Риме. В 55 г. до н.э. избранный консулом он стал управлять Испанией, и его связь с восточными царями ослабла. По свидетельству Диона Кассия о поведении дружественных Риму царей, включая Фарнака, после победы Цезаря над Помпеем в 48 г. до н.э.: Фарнак стремился заручиться благоволением Цезаря за то, что отказался помогать Помпею. Однако это несколько не расположило Цезаря к нему (*Dio Cass.* XLI. 63). Такое поведение Цезаря очень знаменательно. Интересы в данном случае были явно поставлены им выше мимолетного прощения Фарнака за то,

Молев Е.А., Толстиков В.П. Новые эпиграфические источники по истории митридатовой эпохи // Причерноморье... С. 595–600. Ср.: *Foss Cl. The Coinage of Tigranes the Great. Problems, Suggestions, and a New Find* // NC. 1986. 146. P. 35–38: автор полагает, что парфянские и армянские цари использовали титул как официальное подтверждение завоеваний ими других государств (Сирии), а Фарнак пользовался им как пропагандой будущих завоеваний.

³⁹ Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // ЭПЯДАКАСП. С. 133, 183–192; см. также: Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 77.

⁴⁰ *Hoben W. Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischen Dynasten in der Machtkämpfen der ausgehenden Römischen Republik.* Mainz, 1969. S. 15, 16.

что тот не поддержал его противника. А это значит, что уже во время подготовки к столкновению двух триумвиров Фарнак выказывал антипомпеевские, а если глубже – то и антиримские поползновения – и стал проводить неугодную римлянам политику. Это позволяет сделать вывод, что боспорский царь начал готовиться к войне с римлянами уже во второй половине 50-х годов до н.э. Тот же Дион сообщает, что “...Фарнак, лишь только узнал, что между Помпеем и Цезарем разгорелась междоусобица, начал стремительно готовиться к возвращению себе отцовского царства...” (Ibid. XLII. 9. 2).

Вполне естественно, что выпуск золотых статеров, который царь начал в 55 г. до н.э., мог в этой ситуации служить средством подготовки к войнам с Римом для оплаты государственных расходов по снаряжению войска, закупкам продовольствия, подкупу союзных царьков местных племен. Царь следовал и в этом примеру своего отца Митридата VI, чеканившего золотые статеры и в изобилии серебряные тетрадрахмы для покрытия издержек по подготовке к войнам с Римом в 90–70-х годах до н.э.⁴¹ Декларирование на монетах ахеменидо-митридатовского титула призвано было продемонстрировать Риму и подданным царя переход Боспора к более независимой политике. Афиширование наследственного антиримского по сути титула означало открытое возрождение митридатовских традиций, ранее скрываемых под личиной “друга и союзника римского народа”. Это правомерно также расценить и в качестве элемента митридатовской пропаганды, чтобы оправдать вмешательство Фарнака в малоазийские дела. Коренной поворот в политике Фарнака вызвал и его отказ помочь Помпею⁴².

Таким образом, активная подготовка к столкновению с Римом велась уже с середины 50-х годов до н.э. Как только Фарнак дождался удобного момента заявить о своих претензиях, его внутренняя и внешняя политика сразу претерпела изменения. Если прежде он заигрывал с городами, чтобы в интересах греческого населения и своих собственных планов избежать открытой конфронтации с Римом, то отныне он выступил решительным противником романофильства на Боспоре. Царь понимал, что для успешной войны с римлянами ему уже недостаточно опоры в городах, которые, как показал опыт его отца, при малейшей возможности готовы были отложиться и обратиться за помощью к Риму. Пример столицы Боспора был налицо – после долговременной поддержки Митридата, она добровольно перешла на сторону его противников во время восстания 63 г. до н.э., приведшего к власти самого Фарнака (*Dio Cass.* XXXVII. 12. 4). Теперь ему важнее было расширить влияние среди местных племен, особенно меотов и сарматов, а

⁴¹ *McGing B.* The Foreign Policy of Mithridates VI Eupator, King of Pontus. Leiden, 1986. P. 140; *de Callatay F.* Histoire des guerres mithridatiques: vue par les monnaies. Louvain-la-Neuve, 1997. P. 282, 283.

⁴² *Сапрыкин С.Ю.* Митридатовские традиции... С. 71; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 8.

также и скифов. Ведь Фарнак владел землями до Танаиса, а сарматские племена сираков и аорсов, согласно Страбону, составили главное ядро его конного войска. Однако царю пришлось силой подчинять своей власти некоторые племена, которые обитали в пределах его царства: для покорения дандариев ему пришлось даже отвести одно из русел реки Кубань (древн. Гипанис – Антикит) и затопить их область (*Strabo*. XI. 2. 11; 5. 8). Иранское племя дандариев занимало земли на азиатском Боспоре близ Меотиды и при Митридате Евпаторе считалось его союзником. Один из их царей Олтак замыслил даже убить римского командующего в годы Третьей Митридатовой войны Лициния Лукулла и только чистая случайность спасла того от смерти (*Plut. Luc.* 16; *App. Mithr.* 79). После падения Митридата Олтак участвовал в триумфе Помпея (*App. Mithr.* 117: Аппиан ошибочно называет его колхским царьком). Поведение дандариев всегда вызывало подозрения у понтийского царя и у римлян. Из тактических соображений они то переходили на сторону римлян, то возвращались под покровительство Митридата VI. Плутарх прямо говорит, что это происходило от того, что Олтак постоянно вел спор с одним из единоплеменных правителей за право считаться первым (*Plut. Luc.* 16). Страбон пишет: "...аорсы и сираки являются, видимо, изгнанниками племен, живущих выше, а аорсы обитают севернее сираков. Абеак, царь сираков, выставил 20 тыс. всадников, когда Фарнак владел Боспором, Спадин же, царь аорсов, даже 200 тыс.; однако верхние аорсы выставили еще больше, так как они занимают более обширную область..." (*Strabo*. XI. 5. 8).

Таким образом сарматские племена, обитавшие между Понтом и Каспием, стали основными союзниками Фарнака и помогали ему конницей. В этой обстановке дандарии, отличавшиеся непоследовательностью к Боспору и соперничавшие с сираками, если верить Страбону, могли представлять угрозу интересам Фарнака. Их нетвердая позиция по отношению к Митридату в годы борьбы с Римом и к самому Фарнаку (ведь дандарии не поддерживали его во время событий 63 г. до н.э.) тревожила царя, предпочитавшего теперь иметь в союзниках примкнувших еще к его отцу сарматов. Видимо, это стало причиной нападения на дандариев и уничтожения их земель и большей части племени. Подтверждение находим в археологии: на территории племени дандариев в Юго-Восточном Приазовье почти не зафиксировано поселений и могильников среднемеотского II периода (III – первая половина I в. до н.э.). Только поселение Красноармейское функционировало приблизительно до конца II в. до н.э.⁴³, и это согласуется со сведениями античных ис-

⁴³ *Анфимов Н.В.* Керамические клейма из поселения у ст. Красноармейской (Краснодарский край) // Достижения Советской археологии в XI пятилетке: тез. Баку, 1985. Т. 2. С. 60, 61; *Каменецкий И.С.* Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 239.

точников о печальной судьбе племени при Митридате VI и Фарнаке.

С уничтожением дандариев Фарнак становился практически единственным правителем в восточной азиатской части Боспора – сарматы стали его союзниками, а некоторые из них могли, очевидно, даже признавать его власть. Греческие полисы, за исключением Фанагории, также являлись его сторонниками. Фарнак, как ранее его отец, переориентировавшись на союз с варварскими народами, тотчас изменил и политику в отношении греческих городов. Их права стали серьезно урезываться: в 55–50 гг. до н.э. прекратилась медная чеканка Пантикапея, тогда же царь покончил и с автономией Фанагории, осадив ее сначала с помощью союзных варваров, а после взятия города разрушив его оборонительные стены до основания⁴⁴. Одновременно он принудил к покорности соседние с нею города и племена азиатского Боспора – “соседей Боспора”, по выражению Аппиана (*App. Mithr.* 120). Речь, видимо, идет о дандариях и некоторой части меотов: какие-то акции были, очевидно, предприняты против городов Таманского п-ва и Синдики, но мы этого точно не знаем. Что касается граждан Фанагории, то он “не причинил им никакого вреда”, а сделал друзьями, удалился, взяв заложников. По-видимому, фанагорийцы, измученные осадой (так как вступили в битву с ним “вследствие голода” – *App. Mithr.* 120) добровольно отказались от своей автономии и признали власть Фарнака. Для удержания города под своей властью царь лишь взял заложников, опасаясь все же его отпадения. Сумел отстаивать свои права только Херсонес Таврический, о чем свидетельствует сохранение им полисного чекана. Однако помещение на одну из серий его медных монет середины 50-х годов I в. до н.э. головы божества Мена-Фарнака, персонифицированного, согласно понтийской традиции, образа царя Боспора, может свидетельствовать в пользу ужесточения царской опеки над городом⁴⁵. В результате этих мер Фарнак превратился в единодержавного правителя на всем Боспоре, властителя Таврики и Северного Кавказа.

В посвятельной надписи из Пантикапея говорится: [Φαρνάκης ? μέγας βασιλεὺς βασιλέων / [ἄρχων ? Βοσπόρου τοῦ κατὰ τὴν Εὐρώπην / [ἀνέθηκεν ?] Διὶ Γενάρχηι (CIRB. 29). Считается, что в какой-то период власть Фарнака не распространялась на азиатский Боспор (Comm. ad CIRB. 29. P. 34). Иногда это связывают с тем, что Помпей, признав сына Митридата царем, оставил Фанагорию вне его власти, а также еще и с тем, что это якобы могло быть следст

⁴⁴ Блаватский В.Д. Каменное ядро из Фанагории // КСИИМК. 1951. Вып. 39. С. 135, 136; Цветаева Г.А. Поход Фарнака на Фанагорию в свете последних археологических открытий // Новое в Советской археологии. М., 1965. С. 234, 235.

⁴⁵ Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса. С. 60; Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес (К достоверности легенды о Гикийи) // СА. 1987. № 1. С. 54; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 12.

нием поражения в войне с Цезарем и измены его наместника Асандра (см. ниже)⁴⁶. Однако В.П. Яйленко убедительно доказал, что подпись может относиться как к царю Митридату Евпатору, так и к его сыну Фарнаку и предложил следующее ее восстановление:

[Μιθριδάτης (vel. Φαρνάκης) ὁ βασιλεὺς βασιλέων
μέγας Βοσπόρου τοῦ κατὰ τὴν Εὐρώπην
καὶ τοῦ κατὰ τὴν Ἀσίαν ?] Δι' Γενάρχῃ.

По его мнению, она датируется временем, когда Фарнак (если документ относится к его правлению) владел пышным ахеменидо-митридатовским титулом “Великий царь царей” т.е. к 55–51 гг. до н.э.⁴⁷ Если данная догадка верна, то посвящение сделано после победы над Фанагорией и покорения дандариев, когда царь стал полным владыкой на Боспоре и, пользуясь неустойчивой политической обстановкой в Риме, демонстрировал возврат к митридатовской политике и независимость от Рима.

Утверждая свою власть на азиатском Боспоре, Фарнак использовал войска, присланные местными вассальными царями. Об этом говорит, в частности, то, что, отправившись в Малую Азию, он оставил наместником на Боспоре Асандра, бывшего этнархом (ἔθναρχος), т.е. предводителем племени или группы племен (App. Mithr. 120; Dio Cass. XLII. 9. 46; Luc. Macr. 17). Последний как начальник азиатских владений⁴⁸ завоевал доверие Фарнака, очевидно, во время подавления выступления городов на азиатском берегу пролива⁴⁹. Недовольство эллинов могло быть вызвано усилением антиримских тенденций в политике Фарнака и его переориентацией на варварские племена, в особенности на сарматов. Показательно, что побитый Цезарем при Зеле “Великий царь царей”, вернувшись на Боспор и столкнувшись с изменой своего наместника Асандра, с группой “каких-то скифов и сарматов захватил Феодосию и Пантикапей” (App. Mithr. 120), которые, видимо, и раньше сочувствовали городам азиатской половины царства, после того как царь ограничил права граждан столицы и прекратил полисный чекан.

Все это показывает, что около середины 50-х годов до н.э. Фар-

⁴⁶ Сибирский А.А. Гипотеза о происхождении Асандра и новые домыслы о некоторых событиях его правления // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 66; Блаватский В.Д. Пантикапей. С. 129, 130; Сапрыкин С.Ю. Митридатовские традиции... С. 77.

⁴⁷ Яйленко В.П. Указ. соч. С. 190–192.

⁴⁸ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 239: Асандр был этнархом, т.е. начальствовал над областью царства, населенной местными племенами и племенными общинами – ἔθνη, вероятнее всего, на азиатском Боспоре. См. также Соколовский Н.И. Валы в системе обороны европейского Боспора // СА. 1957. Вып. XXVII. С. 102; Он же. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 107–111.

⁴⁹ Горемыкина В.И. Из истории Боспора Киммерийского I в. до н.э. – начала I в. н.э. // Учен. зап. Могилев. ГПИ. 1955. Минск, 1956. Т. 2. С. 127.

нак стал открыто готовиться к походу в Понт и для этого старался использовать ресурсы Боспорского царства. При этом он действовал, как его отец: изменил отношение к эллинским полисам, начал заигрывать с туземным населением, способствовал антиримским настроениям. Это ни что иное, как возврат к политике Митридата Евпатора, который после поражения в Третьей Митридатовой войне заключал на Боспоре союзы с местными династами, рисуя перед ними утопические планы захвата Рима. Фарнак не ставил перед собой столь грандиозных и невыполнимых задач, однако его цель возвратить Понтийскую Каппадокию, Пафлагонию и Малую Армению казалась вполне осуществимой, тем более что сарматские цари стремились поживиться за счет добычи в римских азиатских провинциях. Именно эта возможность привлекла к Фарнаку сарматскую знать, помнившую завоевательные походы его отца и огромную добычу, которая досталась ей в наследство от этих походов⁵⁰. Следовательно в середине – конце 50-х годов до н.э. вследствие отказа от проримской политики и возрождения митридатовских традиций Фарнак должен был неизбежно ограничить хору полисов и сузить экономический потенциал городов за счет опоры на царские земельные владения и многочисленные укрепления, которые стали возникать еще в конце правления его отца. Возможно, а скорее всего так оно и есть, он и сам возводил царские крепости на царской земле.

О роли царских крепостей и укреплений во время заговора Фарнака сообщается у Аппиана: сначала, боясь гнева отца, Фарнак пришел к римским перебежчикам, стоявшим лагерем ближе всего к Митридату (ἀρχοτάτω τοῦ Μιθριδάτου στρατολεδεύοντας). “Склонив их на свою сторону, Фарнак той же ночью разослал (своих сторонников) по другим, близко находящимся лагерным стоянкам” (ἄλλα στρατόβεδα) (App. Mithr. 110). У Аппиана не указано, что речь идет о крепостях или укреплениях, так как рассказывается только о стоявших лагерьм различных отрядах. Однако то, что это именно укрепления, подтверждается последующим рассказом римского историка, который говорит, что города Боспора восстали против Митридата тогда, когда тот держал в своих руках “укрепленные пункты” (ὀρμητήρια) (Ibid. 113). В военном значении τὸ ὀρμητήριον перево-

⁵⁰ Часть позднеэллинистической и римской дорогостоящей посуды в сармато-меотских погребениях Нижнего Подонья и Прикубанья могла попасть туда в результате военной добычи во время Третьей войны Митридата с Римом (Karoshina S.I. A Sarmatian Royal Burial at Novocherkassk // *Antiquity*. 1963. 37. P. 258). Об оседании сарматов на землю после войн Митридата см.: Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье // *Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время*. М., 1989. С. 208. Ф. Миллар ошибочно считает аланов вместе с сираками союзниками Фарнака в войне с Римом (Millar F. *The Roman Empire and Its Neighbours*. L., 1967. P. 288), однако аланы появились в Северном Причерноморье на сто лет позднее – в середине I в. н.э. См.: Ковалевская В.Б. Кавказ и аланы. М., 1984. С. 80.

дится как “опорный пункт”, а поскольку в контексте пассажа рассказывается о восстании городов, то не остается сомнений, что под “опорными пунктами” Митридата на Боспоре следует понимать царские укрепления и крепости. В таком случае мы вряд ли будем далеко от истины, предположив, что военные отряды, стоявшие близ столицы, располагались как раз в царских крепостях, подобно тому как это было в Понтийском царстве⁵¹.

Роли царских крепостей в Понте и на Боспоре мы посвятили ряд специальных исследований⁵², поэтому, не желая повторять сказанное, отметим только, что активное возведение царских крепостей и укреплений на хоре Боспорского царства, на царских его землях, началось после 80-х годов I в. до н.э., когда Митридат ограничил свободу полисов и стал активно использовать ресурсы аграрной территории для продолжения борьбы с римлянами и противопоставления непокорным полисам верных ему военно-хозяйственных поселений. Эту же политику продолжал Фарнак, особенно на решающем этапе подготовки к вторжению в Понт, и цели у него были те же, что и у отца. Именно в это время ближе к середине I в. до н.э. на землях, которые можно классифицировать как “царские”, появляется особый тип укрепленных поселений – автономные двукамерные постройки площадью от 110 до 200 кв. м с мощными стенами, оградой и дворами. Встречается и другой тип – так называемые “батареи” с разным количеством башен и идентичные по планировке. Они не связаны с хорой полисов, поскольку в большинстве своем располагались за пределами сельской округи городов. Эти укрепленные поселения, которые с полным правом можно отнести к типу катойкии, появляются тогда, когда усадьбы в непосредственной близости от городов прекращают свое существование⁵³. Готовясь к военной кампании, Фарнак, естественно, энергично использовал заложенную Митридатом экономическую систему. Если бы в это время Боспор, как иногда полагают, испытывал жестокий экономический кризис, то вряд ли Фарнак смог бы в течение одного с небольшим года (49–48 гг. до н.э.) захватить Колхиду, Малую Армению, Понтийскую Каппадокию, Пафлагонию, осадить и взять Синопу, а также захватить Амис и оказаться у границ римской провинции Азия.

⁵¹ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 236; ср. *Dio Cass.* XXVII. 14. 3 – о гарнизонах в царских крепостях за пределами Боспора (*Robert L.* // *Gnomon.* 1970. 42. 6. S. 601, 602).

⁵² Сапрыкин С.Ю. Аспургияне // СА. 1985. № 2. С. 68 и след. Он же. Особенности земельных отношений в Понтийском царстве Митридатидов // ТАВ. 1986. Р. 113–120. Он же. Понтийское царство. С. 228–241, 266–280 и др. раб.

⁵³ Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Bosporan Chora in the Reign of Mithridates VI Emperor and His Immediate Successors // *AnCiv.* 1995. 2, 3. Р. 261–283; Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. М., 1998. С. 100 и след.

Его масштабные и быстрые завоевания были бы невозможны без успешного функционирования укрепленных поселений на царской хоре и эксплуатации экономического потенциала городов⁵⁴. Фарнак мог использовать внутреннюю политику Митридатидов, выражавшуюся в противопоставлении царских укреплений городам, для подготовки к войне с Римом. В этом случае города неизбежно становились на сторону царской власти, потому что эксплуатация военно-административной системы, созданной Митридатом и принятой его сыном, позволяла сдерживать агрессивность варварского окружения в отношении городов Боспора. А без поддержки городов Фарнак не решился бы выступить против Помпея и Цезаря. Однако, как показали дальнейшие события, поддержка эта, как и при Митридате, оказалась недолговечной и во многом иллюзорной.

Но прежде чем выявить причины этого, обратимся к военной кампании боспорского владыки против римлян. Определить точную дату начала похода сложно. Называют различные годы: чаще фигурирует 48 г. до н.э.⁵⁵, некоторые полагают, что это произошло в 47 г. до н.э.⁵⁶, а Ф. Фребер вообще считает, что начало претворения в жизнь планов Фарнака подчинить отцовское царство следует датировать концом 49 – началом 48 г. до н.э.⁵⁷ Но на основании сведений в источниках можно утверждать, что это произошло не ранее 50/49 г. до н.э. Дион Кассий говорит, что “Фарнак, лишь только узнал, что между Помпеем и Цезарем разгорелось междоусобие, начал стремиться к возвращению себе отцовского царства, так как надеялся, что они потратят много времени для ссоры и будут использовать силы римлян друг против друга; и он теперь начал продвигать свои планы частично потому, что уже однажды начал, и частично потому, что знал о том, что Цезарь был далеко, и он захватил много местностей...” (*Dio Cass. XLII. 9. 2–3*). Далее он сообщает: “...задумав возвратить себе отцовское царство, он поднял восстание во время самого междоусобия Цезаря и Помпея и, так как римляне были тогда заняты собственными делами, а потом были задержаны в Египте...” (*Ibid. XLII. 45. 2*). Аппиан свидетельствует, что Фарнак осуществил свои захваты “в то время как Помпей и Цезарь пошли

⁵⁴ Сапрыкин С.Ю. Город и царская власть в Понтийском государстве Митридатидов // *Античный мир. Византия*. Харьков, 1997. С. 190–205; *Saprykin S.Ju. Bosphorus on the Verge of the Christian Era (outlines of economic development)* // *TALANTA*. 2001. 32/33 (forthcoming).

⁵⁵ Моммзен Т. Указ. соч. С. 352; *Brandis C. Bosphoros* // *RE*. 1897. Bd. III, 1. Hbhd. 5. S. 777–779; *Rostovtzeff M.I.* Op. cit. P. 150; *Голубцова Е.С.* Указ. соч. С. 58 и след.; *Максимова М.И.* Указ. соч. С. 296, 297; *Горемыкина В.И.* Указ. соч. С. 127; *Гайдукевич В.Ф.* История... С. 126; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. С. 130; *Bernhardt B.* Op. cit. S. 70; *Sinclair T.* Op. cit. II. P. 366–370.

⁵⁶ *Fuller J.F.C.* *Julius Caesar: Man, Soldier, and Tyrant*. L., 1965. P. 257–260; *Christ K.* *Krise und Untergang der Römischen Republik*. Darmstadt, 1993. S. 372.

⁵⁷ *Freber Ph.-S.G.* Op. cit. S. 81–83.

нойной друг против друга...” (*App. Mithr.* 120). Этим показаниям вторит Анней Флор: “...царь Фарнак, полагаясь более на наши раздоры, чем на собственную храбрость, обрушился с войском на Каппадокию” (*Flor.* II. 13. 62). Однако ключевым указанием для датировки начала кампании Фарнака может служить отрывок из “Записок об Александрийской войне”, приписываемых Цезарю, но написанных одним из офицеров его штаба. После рассказа о событиях в Египте, где Цезарь находился с октября 48 г. до н.э.⁵⁸, он повествует: “...тем временем к Домицию Кальвину, которому Цезарь поручил управление Азией и соседними провинциями, прибыл царь Дейотар с просьбой не давать Фарнаку занимать и опустошать его царство, Малую Армению и царство Ариобарзана – Каппадокию...” (*Bel. Alex.* 34. 1). Из всего этого следует, что осенью 48 – весной 47 г. до н.э. войска Фарнака уже стояли на границе Колхиды, Малой Армении и Каппадокийского царства, вторгаясь в пределы владений Дейотара, т.е. в восточную часть Понтийской Каппадокии, которая была присоединена к домену тетрарха галатов Дейотара Старшего Гнеем Помпеем⁵⁹. Следовательно, к началу 47 г. до н.э. Фарнак уже выступил из Лоспора и последовательно прошел Северный Кавказ, земли ахейцев, гениохов и зигов, а также Колхиду, где попутно разрушил святилище Ино-Левкотеи в Вани (древнем Суриуме?) (*Strabo.* VI. 2. 17–18)⁶⁰. Поскольку Колхида считалась наследственным домом Митридата Евпатора, где когда-то правили в качестве наместников братья Фарнака Митридат Младший и Махар, то Фарнак присоединил ее к своему царству, завершив как бы первый этап восстановления наследственных земель (*App. Mithr.* 113)⁶¹.

Таким образом, военные действия начались не позднее конца IV – начала 47 г. до н.э. В этой связи любопытно указать, что Фарнак воспользовался войной Цезаря с Помпеем для осуществления своих планов (ср. также *Ampelius.* 34), потому что уже однажды начал и Цезарь был далеко от театра военных действий. Это можно сопоставить с другим не менее важным сообщением Диона Кассия о распоряжениях Цезаря после битвы при Фарсале 9 августа 48 г. до н.э. “Он (Цезарь. – С.С.) отдал некоторую часть Армении (Ма-

⁵⁸ *Holmes T.R.* The Roman Republic and the Founder of the Empire. N.Y., 1967. Vol. III. P. 205–306; *Balsdon J.P.V.D.* Julius Caesar and Rome. L., 1967. P. 137; *Grant M.* Caesar. L., 1974. P. 132.

⁵⁹ *Anderson J.G.* Two Anatolian Notes: Pompey’s Treatment of Pontus // AS pres. to W.H. Buckler. Manchester, 1939. P. 3–7; *Syme R.* Anatolica: Studies in Strabo. Oxford, 1995. P. 111–143; *Broughton T.R.S.* Roman Asia // An Economic Survey of Ancient Rome / Ed. T. Frank. Baltimore, 1938. P. 533–535.

⁶⁰ *Braund D.* Georgia in Antiquity: A History of Colchis and Transcaucasian Iberia. 550 BC – AD 562. Oxford, 1994. P. 168–170.

⁶¹ *Golenko K.V., Karyszkowski P.I.* Op. cit. P. 32; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. С. 298. Он же. Митридатовские традиции... С. 71, 72; *Яйленко В.П.* Указ. соч. С. 133.

лой. — С.С.), которая принадлежала Дейотару, царю Каппадокии Ариобарзану (III. — С.С.), и все же в этом он вовсе не уязвил Дейотара, но скорее проявил дополнительное к нему расположение. Поскольку он не уменьшил его владения, а уладив дела, передал одну часть захваченной прежде Фарнаком всей Армении Ариобарзану, а другую — Дейотару. И с этими людьми он тогда обошелся так. Со своей стороны, Фарнак сделал заявление, что он не помогал Помпею и оттого в свете такого поведения заслужил прощение; однако Цезарь не принял это во внимание, более того, порицал его за это и за то, что он показал себя нечестным и подлым по отношению к своему благодетелю” (*Dio Cass. XLI. 63. 2–4*). Из данного пассажа со всей очевидностью вытекает, что еще до битвы при Фарсале, т.е. до окончания лета 48 г. до н.э., Фарнак нарушил клятвы верности Помпею и на какое-то время сумел захватить Малую Армению, потревожив этим союзника Помпея Дейотара Старшего. Вкупе с упомянутыми выше сообщениями о начале военных действий между Римом и Фарнаком из-за конфликта Цезаря и Помпея, цитированный отрывок показывает, что боспорский правитель воспользовался началом гражданской войны у римлян и тем обстоятельством, что Цезарь “был далеко”. Поскольку к лету 48 г. до н.э. боспоряне уже вышли к Малой Армении и Каппадокии⁶², то можно сделать вывод, что за год–два до этого Фарнак начал продвижение на юг к Колхиде и Малой Армении. Цезарь открыто выступил против Помпея в конце 50 — начале 49 г. до н.э. (10 января 49 г. до н.э. он перешел Рубикон), затем находился в Риме, после чего направился в Испанию, где в битве при Илерде победил верные Помпею легионы. Во второй половине 49 г. до н.э. Цезарь опять находился в Риме, а потом выступил с войсками в Грецию для окончательного разгрома Помпея. Мы полагаем, что Фарнак выбрал для выступления момент, когда Цезарь был поглощен войной в Галлии и Испании, что и имел в виду Дион под словом “далеко”. Если так, то начало военной кампании Фарнака следует датировать концом 50 — первой половиной 49 г. до н.э., когда ни Помпей, ни Цезарь не могли помешать ему захватить Колхиду и Малую Армению.

К августу 48 г. до н.э. царь завершил первый этап восстановления отцовской державы. Это подтверждают действия Цезаря после Фарсала, когда он не поощрил Фарнака за то, что тот не поддержал Помпея, потому что его захваты представляли угрозу римским интересам. Значит уже к этому времени Фарнак существенно расширил свои владения. Занятый преследованием Помпея, Цезарь не имел возможности пресечь в тот момент завоевательную активность сына Митридата, поэтому он ограничился лишь порицанием и выражением своего недоверия. Это еще больше укрепило Фарнака в мысли воспользоваться занятостью римлян и продолжать завоевания.

⁶² *Ritter H.-W. Caesars Verfügung über Kleinarmenien im Jahre 47 // Historia. 1970. Bd. 19. S. 124–127.*

Когда Цезарь, сделав распоряжения вассальным царям, отправился в Египет сразу после Фарсала, Фарнак, не удостоившийся расположения полководца, возобновил атаки на владения Дейотара, отныне друга и союзника Цезаря. На этот раз он воспользовался тем, что Цезарю пришлось заниматься в Египте династическими спорами наследников Птолемея XII Авлета и подавлением восстания в Александрии. В конце октября – ноябре 48 г. до н.э. легат Цезаря в Азии Гней Домиций Кальвин получил от Дейотара сообщение, что войска Фарнака опустошают восточные районы Каппадокии Понтийской, Малую Армению и Каппадокийское царство. Дейотар просил римлян защитить его и царя Ариобарзана III, иначе они не смогут уплачивать обещанные ранее деньги. Домиций послал к Фарнаку гонцов с требованием оставить в покое Малую Армению и Каппадокию, и не пользоваться гражданскими войнами для посягательств на права и величие римского народа (Bel. Alex. 34; *Dio Cass.* XLII. 45. 3; *App.* B.C. II. 91). Одновременно римский наместник стал собирать войска, чтобы "...это заявление имело бы большую силу" (Bel. Alex. 34). Домиций взял с собой 36-й легион, два легиона, присланные Дейотаром и обученные по римскому образцу, и сотню наемников, также от тетрарха галатов. Столько же конницы он потребовал у Ариобарзана. Он обратился к квестору Г. Плеторию привести из Понта (римской провинции Вифиния-Понт) еще один легион, а Кв. Патисию поручил прислать из Киликии вспомогательные войска. Все эти силы Домиций приказал собрать в Комане Понтийской (Bel. Alex. 34). Интересно, что Фарнак претендовал не только на земли Понтийской Каппадокии и Малой Армении, считавшиеся родовыми доменами его отца, но и на Каппадокийское царство, которое в свое время Митридат Эвергет и Митридат Евпатор неоднократно пытались завоевать или присоединить к своим владениям путем династических браков, но всегда были вынуждены отступить под давлением римлян. Это показывает, что Фарнак, очевидно, рассчитывал не только вернуть себе родовые домены в Понте, но и воспринял основную идею митридатовской пропаганды: считать все земли в Восточной Анатолии, когда-либо находившиеся под властью персидских сатрапов из рода Отанидов и родственных им Ахеменидов, законными территориальными владениями Митридатидов⁶³. Следовательно Фарнак открыто демонстрировал антиримский политический курс как продолжение и воспреemptственность деяний Митридата Евпатора, а это было серьезной угрозой господству римлян в Малой Азии и на Переднем Востоке, учитывая их напряженные взаимоотношения с Парфией.

Мы отмечали в свое время, что столь быстрое продвижение Фарнака к границам Малой Армении и Каппадокии и весьма скоротечное завоевание Кавказа говорит о поддержке его планов мест-

⁶³ Об этом подробно см.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 294–299.

ным населением, воспринявшем лозунги и идеологию “митридатизма”. Это было результатом того, что и Митридат, и Фарнак сумели привлечь на свою сторону местное земледельческое население организацией на царской земле военных и полувоенных поселений – катойкий или клерухий, а кочевые племена степей и кавказских предгорий – возможностью поживиться за счет ограбления римских владений⁶⁴. Другая причина успехов Фарнака на первом этапе войны заключалась в том, что он умело использовал затруднения римлян в связи с гражданской войной и пребыванием Цезаря в Египте⁶⁵. Данные обстоятельства объясняют те большие приготовления, которые предпринял Домиций Кальвин по получении послания о вторжении боспорцев в пределы владений римских союзников. Угроза римским интересам была действительно немалая: под прицел завоеваний Фарнака попадали теперь даже римские провинции Вифиния-Понт, Азия и часть Киликии.

Фарнак, однако, не оставил без ответа требование Домиция. Он отписал ему, что “Каппадокию он очистил, но Армению (Малую. – С.С.), на которую он по отцу должен иметь право, занял; однако дело об этом царстве в конце концов следует передать на усмотрение Цезаря, и его решению он готов подчиниться” (Bel. Alex. 35). Домиций же по-прежнему настаивал на уходе боспорского царя из Малой Армении, поскольку не верил Фарнаку, понимая, что уход того из Каппадокии был вынужденным и скорее всего временным. Фарнак же укрепился в Малой Армении на том основании, что она считалась родовым владением Митридатидов, особенно после того как последний ее царь передал власть над ней Митридату Евпатору. К тому же она граничила с Колхидой и вместе с ней составляла удобный плацдарм для овладения Понтом. Это, кстати, имел в виду автор “Записок”, когда говорит, что “ему (Фарнаку. – С.С.) легче было защищать близкую своему царству Армению, чем отдаленную Каппадокию”. Домиций все это понимал и оттого настаивал на оставлении Фарнаком Малой Армении: в правовом положении Армении и Каппадокии, – писал он царю, – нет никакой разницы, а передача дела на рассмотрение Цезаря неправомерна, так как надо вернуться к тому положению, которое было до вторжения Фарнака. Но несмотря на обмен посольствами и дипломатические уловки, Домиций тем не менее всерьез готовился к военной акции против Фарнака и двинулся с войском из Команы Понтийской в Малую Армению, получая помощь провиантом из соседней Каппадокии.

⁶⁴ Капошина С.И. Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземным морьем в I в. до н.э. и в первые века н.э. // Античное общество. М., 1967 С. 174; Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR Int. Ser., 278 Oxford, 1986. P. 5–8.

⁶⁵ Dupuy T.N. The Military Life of Julius Caesar: Imperator. N.Y., 1996. P. 148, 149.

На переговорах с легатом Цезаря Фарнак прибег к той же тактике, которую применял в отношениях с римлянами его отец Митридат VI. Накануне Первой войны с Римом, понтийский царь, после ряда захватов в Каппадокии, Пафлагонии и Вифинии, открыто заявил о своих правах на соседние территории, которые находились под римским контролем или влиянием. Он стремился создать у местного эллинизированного населения свой образ царя как бы пострадавшего от козней римлян, незаконно, в отличие от него, претендовавших на наследственные земли Отанидов и Ахеменидов. Для этого он делал вид, что подчиняется воле римского сената и оставляет римлянам значительные ранее царства, полагаясь на их "добрую волю", а на самом деле ведя дело к войне и окончательному присоединению к Понту малоазийских царств⁶⁶. Фарнак делал то же самое: его требование передать дело на рассмотрение Цезаря было продиктовано желанием опять добиться благосклонности римского полководца в чем ранее ему было отказано, а также под личиной искренней дружбы (прием, успешно примененный в отношениях с Помпеем) добиться возврата наследственных, как он это понимал, владений в Малой Азии. Это было необходимо, чтобы завоевать доверие эллинского и местного эллинизированного населения, в отличие от северопричерноморского, относившегося к политике Митридатидов настороженно и даже подчас негативно, помятуя о тех несчастьях, которые принесли ему длительные войны с Римом. Ведь со времен Помпея римское влияние в Восточной и Северной Анатолии значительно усилилось и любое открытое выступление против установившихся римских порядков ради восстановления прежних митридатовских грозило взрывом недовольства. Поэтому Фарнаку, которого в этих краях плохо знали, требовалось предстать в сознании местных жителей жертвой римской политики и коварства, и ради этой цели он вынужден был идти на уступки. В свою очередь, заявления Домиция о его священном долге восстановить престиж римских союзников также диктовались расчетом на благосклонность проримских кругов в Анатолии, получивших значительно больше привилегий от римлян, чем им полагалось в свое время Митридат.

Прикрываясь дипломатическими и пропагандистскими приемами, обе стороны готовились к вооруженному столкновению. Античные авторы недвусмысленно дают понять, что санкцию на военное решение спора с Фарнаком предоставил Домицию Кальвину именно Нерс (Bel. Alex. 38; *Dio Cass.* XLII. 46. 1). В течение всего времени продвижения войска Домиция в Малую Армению к нему прибывали посольства от Фарнака с дарами и предложением о мире. Домиций их отвергал (Bel. Alex. 37; *Dio Cass.* XLII. 46. 2) и в конце концов достиг Никополя, где стал лагерем. Все шло так, как задумал персипольский правитель. Пользуясь отсутствием Цезаря, царь выиг-

⁶⁶ McEling B. Op. cit. P. 79–81; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 199.

рывал время, ходатайствуя о мире и посылая дары, завоевывал себе славу миротворца и властителя, который, являясь другом римлян еще со времен Помпея, хочет теперь получить и признание Цезаря. Отказы же Домиция Кальвина и самого Цезаря в просьбах Фарнака создавали последнему ореол пострадавшего за правое дело возвратить себе законную власть в Малой Азии, подкрепляя его притязания, а римлян представляя как бы захватчиками и злоумышленниками, коварством решившими устранить давнего “друга” Рима и римского народа. Подобное поведение показывает, что Фарнак придерживался традиционной митридатовской тактики во взаимоотношениях с Римом, что должно было усилить законность его притязаний.

От того места, где римляне под командованием Домиция Кальвина расположились лагерем, к городу пролегал трудный и узкий перевал, где Фарнак решил устроить засаду, разместив там отборные отряды пехоты и конницу. По его приказу в ущелье пустили стадо скота, здесь же горожанам и поселенцам (очевидно, катойкам или ветеранам Помпея в городе) велено было регулярно попадаться римлянам на глаза, чтобы те не заподозрили западни и прошли через узкое ущелье. Однако Домиций не покидал лагерь, и Фарнак, устав ждать и опасаясь раскрытия своего плана, отозвал своих людей обратно и убрал засаду. После этого Домиций подошел ближе к Никополю и разбил лагерь, в непосредственной близости от города, находившегося в руках Фарнака. Римляне стали укреплять лагерь, а боспорцы выстроили войско для сражения: их фронт образовал прямую линию, а на флангах был подкреплён тремя линиями резервов; позади центра всего построения еще три линии резервов были выстроены простыми прямыми рядами с промежутками направо и налево. Римляне также выставили часть войска перед валом (Bel. Alex. 37).

На следующую ночь Фарнаку удалось перехватить курьеров с письмом Цезаря Домицию Кальвину. Из него он узнал, что дела у Цезаря в Александрии обстояли не столь хорошо и потому полководец требовал от Домиция подкреплений вплоть до личного прибытия легата. В расчете на скорый отход римлян, Фарнак провел от города два прямых рва, чтобы помешать им дать сражение в выгодном для них месте. Соединив рвы с окончаниями своей боевой линии, он выставил между рвами пехоту, а конницу поставил на флангах вне рва. Но Домиций все же вынужден был дать сражение, выведя для этого войска из лагеря близ города в полном боевом порядке: 36-й легион он расположил на правом фланге, легион из Понта – на левом, а отряды Дейотара в центре, остальные когорты составили резерв. Но это не помогло – римляне были разбиты, легион из провинции Вифиния – Понт почти полностью погиб, воины Дейотара перебиты, а 36-й легион, потеряв 250 человек, отступил. Решающую роль в победе Фарнака сыграли рвы, вырытые перед битвой. При переходе рва понтийский легион был уничтожен градом снарядов и стрел, в результате чего правый фланг царских войск ударил по 36-му

лгциону и стоявшим в центре отрядам Дейотара, что и решило дело в пользу Фарнака. В сражении погибло несколько известных римских всадников. Но несмотря на поражение, Домиций собрал остатки войска и через Каппадокию отступил в провинцию Азия. Фарнак не смог организовать преследование из-за гористой местности (Hel. Alex. 36–39; Dio Cass. XLII. 46. 2; Suet. Jul. 36. 1; App. B.C. II. 91; Mithr. 120; Plut. Caes. 50. 1; Liv. Per. 112). Таким образом, благодаря победе, случившейся в начале декабря 48 г. до н.э.⁶⁷, Фарнак оказался полным хозяином положения в Восточной Анатолии и не только оставил за собой Малую Армению (Plut. Caes. 50), но и начал последовательно захватывать одну область за другой, подстрекая к тому же вассальных от Рима царей и тетрархов к отпадению от Цезаря⁶⁸. По всей видимости, он, как до него Фарнак I и Митридат VI, стремился создать коалицию династов и царей против римлян, чтобы затем постепенно подчинить себе и их. В этом опять просматривается преемственность политики Митридата Евпатора, типичная тактика последнего в годы борьбы за территориальные владения в Анатолии, включая западные районы Малой Азии. В этой связи не случайно, что античные авторы постоянно ссылаются на родство Фарнака и Митридата Евпатора, а в “Записках” вообще говорится, что Фарнак, заняв Понт, хвастался, что вернул себе отцовское царство.

Вслед за Малой Арменией и Каппадокией (Plut. Caes. 50) под пятой Фарнака оказались почти все области бывшего царства Понт, т. е. Понтийская Каппадокия и Пафлагония. Он вел себя в этих районах как победитель и жестокий тиран, взял и разграбил множество городов, присвоил себе или вообще конфисковал в пользу своих солдат имущество римских граждан, а также тех из жителей провинции, которые, не являясь по происхождению римлянами, сочувствовали местным властям. «Тех, кто были привлекательны своей красотой и юностью, – пишет автор “Записок”, он подверг таким наказаниям, которые бедственнее самой смерти». Все это было сделано “с целью укрепить за собой высокое положение своего отца” (Hel. Alex. 41), т. е. ради возрождения и продолжения политики Митридата Евпатора. По сообщению того же автора, Фарнак не встретил в Понте никакого сопротивления, за исключением Амиса, оказавшего яростное противодействие. За это город был взят силой и разграблен, жители либо перебиты, либо обращены в рабство, а сыновья их оскотинены (Dio Cass. XLII. 46. 3; App. Mithr. 120; App. B.C. II. 91; Hel. Alex. 41; Strabo. XII. 3. 14). Фарнак занял и бывшую столицу отцовского царства – Синопу (App. Mithr. 120). Хотя Плутарх и говорит,

⁶⁷ Holmes T.R. Op. cit. P. 209; Freber Ph.-S.G. Op. cit. S. 81–83.

⁶⁸ О продвижении Фарнака вглубь Малой Азии и быстром захвате им Понта после битвы при Никополе см.: Diehl E. Pharnakes (2) // RE. 1938. Bd. 19. S. 1849–1851; Gelzer M. Caesar. Wiesbaden, 1960. S. 239 u. folg.; Hoben W. Op. cit. S. 10–25; Ritter H.-W. Op. cit. S. 124–127; Magie D. Op. cit. I. P. 407–415.

что Фарнак завладел Вифинией (*Plut. Caes.* 50), он пробыл там недолго, поскольку Дион Кассий свидетельствует, что “он поспешил в Вифинию и Азию с теми же надеждами, что и его отец” (*Dio Cass.* XLII. 46. 3). То, что боспорский, а теперь уже и понтийский правитель, начал завоевание Азии, как будто бы следует из показаний Аппиана (*App. Mithr.* 120). Однако положение у него в тылу, на Боспоре, о чем подробно будет сказано ниже, помешало завоевать эту римскую провинцию. Фарнак лишь подошел к ее границам и опустошил восточные районы. Некоторые античные авторы называют Фарнака даже “вифинским царем”, который “вторгся в Сирию с войском отца” (*Ampel.* 34). До Сирии он, однако, не дошел, но подобного рода известия следует расценивать как доказательство захвата Вифинии и части провинции Азия⁶⁹ – территорий, граничивших с Сирией, а также как лишнее подтверждение следования во всем политике отца, владевшего почти всеми этими землями.

Период захватов продолжался очень короткое время – декабрь 48 г. до н.э. – лето 47 г. до н.э. Если вспомнить указание, что нигде в Понте за исключением Амиса боспорский царь не встретил сопротивления, это свидетельствует, что, как и во время похода через Кавказ и Колхиду, он мог обрести сочувствие и определенное понимание цели кампании со стороны населения сельских районов Северной Анатолии. Здесь в отличие от большинства городов еще оставались популярными имя и пропаганда Митридата Евпатора, и, самое существенное, не до конца были изжиты основные элементы военно-административной системы, созданной Митридатами. Даже после реформ Помпея ни Дейотар, ни другие цари, которым отошло большинство районов Восточной Анатолии – бывшие царские земли Митридатидов, не уничтожили полностью систему военно-хозяйственных поселений-катокий. Поскольку Фарнак на Боспоре опирался преимущественно на эти структуры, созданные при его отце, то и в Понте, Пафлагонии и Малой Армении он мог делать то же самое, а там, где они не сохранились, то возрождать их заново. В связи с тем, что римляне стали уничтожать катокий и царские укрепления, перераспределяя между городами бывшие царские земельные владения, то это могло вызывать некоторое недовольство среди обитателей сельских поселений, пользовавшихся доходами от завоеваний и сбора налогов. Поэтому политика сына и наследника Митридата могла стать для них привлекательной, что обеспечило ему их косвенную (а кое-где и прямую) поддержку и соответственно быстроту завоеваний огромных территорий. Сказались также слабость римлян, поверхностная романизация этих районов, занятость Цезаря в Егип-

⁶⁹ Существуют, правда, сомнения в возможности захвата Фарнаком провинции Вифиния-Понт (*Wellesley K.* Op. cit. P. 310), скорее всего к нему отошла лишь восточная часть этой провинции, а на западе ее он пробыл недолго (*Lewis M.F.* Op. cit. P. 128–130).

те, распри полководцев и прочее. Напротив, полисы, получившие от Помпея большие привилегии по сравнению с митридатовским временем и значительные земельные владения за счет царской хоры, оказали сопротивление Фарнаку из опасения потерять приобретенное. Отсюда жестокость Фарнака по отношению к горожанам, римским гражданам и проримски настроенным кругам в полисах⁷⁰.

В июне 47 г. до н.э., когда обстановка в Египте стала спокойнее, Цезарь, понимая, что появление Фарнака близ границ провинции Азия является серьезной угрозой римским гражданам и их союзникам, покинул Египет и высадился в Сирии⁷¹. Отсюда он быстрым маршем двинулся в Малую Азию, решил ряд важных дел в Киликии, Азии и Каппадокии, в частности передал часть Малой Армении Ариарху, брату Ариобарзана III, остававшегося правителем всей страны и верховным сюзереном младшего брата. Интересно отметить, что, появившись в Малой Азии, Цезарь не сразу выступил против Фарнака, хотя знал, что римские провинции, особенно Вифиния-Понт, чрезвычайно страдали от вторжения боспорцев (Bel. Alex. 65, 66). Античные источники утверждают, что Цезарь прошел из Киликии в Каппадокию при содействии царя Ариобарзана III и направился в Малую Армению (*Dio Cass.* XLII. 47. 1; Bel. Alex. 66). Выше уже отмечалось, что по настоянию Цезаря и Домиция Кальвина Фарнак оставил Каппадокию, но сохранил за собой Малую Армению (Bel. Alex. 34; 35). После сражения при Никополе он, видимо, снова владел частью Каппадокии (*Plut. Caes.* 50). Поэтому, выступив из Азии и Киликии, Цезарь решил сначала отсечь главные силы Фарнака, которые стояли на границе провинции Азия, от восточных областей, ударив тем самым боспорцам в тыл. Нам ничего не известно о поведении гарнизонов Фарнака в этих районах. Но поскольку ранее царь готов был подчиниться распоряжениям Цезаря относительно Малой Армении, то можно предполагать, что, находясь в западной части провинции Вифиния-Понт и получив известие об измене Асандра на Боспоре (см. ниже), он не смог ничего предпринять и согласился выступить Малую Армению и захваченную часть Каппадокии. Их Цезарь и передал своему другу и вассалу Ариобарзану III.

Таким образом, римский полководец сразу обеспечил себе тыл для дальнейших военных операций против боспорцев. Он также мобилизовал силы союзников — Дейотара, Ариобарзана, Ариарата и Никомеда Вифинского, поставленного им верховным жрецом Команы Понтийской. И только после этого появился в Понте. Здесь он собрал все свои войска: шестой легион, бывший с ним еще в Александрии, легион, присланный Дейотаром, и два легиона, воевавшие с Домицием Кальвином. Силы были не очень значительными и Цезарь выжидал, принимая посольства от Фарнака.

⁷⁰ Bernhardt R. Op. cit. S. 70, 71; Freber Ph.-S.G. Op. cit. S. 83.

⁷¹ Buchan J. Julius Caesar. L., 1938. P. 137.

Последний также не хотел открытого столкновения, так как уже после занятия Вифинии и при появлении у границ Азии получил известие, что оставленный на Боспоре наместником Асандр решил от него отложиться и поднял восстание. По этому поводу Дион пишет, что, узнав об этом, Фарнак “не продолжал своего наступательного движения”, а двинулся было против предателя, но вынужден был отказаться от этого, поскольку Цезарь с войском появился в Малой Азии (*Dio Cass. XLII. 46. 4–47. 1*). Ему вторит Аппиан: после сражения с Домицием Кальвином и захвата Амиса, “...Асандр, его (Фарнака. – С.С.) личный враг, изгнал его из Азии, так как римляне были заняты в других местах” (*App. Mithr. 120*). Это событие решающим образом повлияло на взаимоотношения Боспорского государства с Римом и в корне изменило завоевательные планы Фарнака.

Послы от Фарнака просили Цезаря не считать их царя врагом римлян, так как он готов был выполнить все их требования. Эту готовность они подкрепляли тем, что Фарнак всегда отказывал Помпею в поддержке против Цезаря. Они ссылались при этом на Дейотара, который эту помощь оказывал, но стал другом Цезаря. Римский полководец ответил послам, что останется беспристрастным к Фарнаку, если тот намерен выполнить свои обещания. Ссылка же на Дейотара малоубедительна, поскольку Фарнак, не поддержав Помпея, лишь обезопасил себя от поражения. Цезарь напомнил также, что он не в состоянии забыть насилия над римскими торговцами в Понте, но прощает их Фарнаку, так как “не может вернуть жизни убитым и способность к деторождению кастрированным – казнь, которая для римских граждан была тяжелее смерти”. Фарнак должен немедленно очистить Понт, отпустить откупщиков и их слуг, вернуть римским гражданам и их союзникам все, что оставалось в его руках. Только после выполнения всех этих требований Цезарь готов был бы принять от царя дары и подарки, которые обычно получал от друзей.

Последнее было сказано в ответ на поднесенный ему Фарнаком золотой венок и предложение взять в жены дочь (*App. B.C. II. 91*), очевидно, Динамию, будущую царицу Боспора. В окружении Цезаря понимали, что Фарнак льстил и давал обещания только потому, что надеялся на скорое замирение с римлянами и уход Цезаря из Малой Азии для решения неотложных дел в Риме. К тому же на позиции царя сказались и события в Пантикапее, Фарнак надеялся, что римляне признают его, а не узурпатора Асандра, законным правителем Боспора. Поэтому царь всячески старался продлить переговоры, несколько раз присылал послов с целью оттянуть сражение и обмануть Цезаря. Его обещание исполнить все пожелания римлян было фикцией, попыткой оттянуть время и укрепить собственные позиции (*Dio Cass. XLII. 47*). Фарнак вел переговоры точно так же, как ранее при обмене посольствами с Домицием Кальвином: понимая, что военного столкновения не избежать, старался предстать

жертвой коварства Цезаря, не пожелавшего прислушаться к готовности противника стать его другом и союзником⁷². Как мы уже не раз отмечали, это типичная митридатовская тактика ведения переговоров с римлянами, апробированная еще накануне Митридатовых войн и принесшая отцу Фарнака некоторый успех в начале войны. Но Цезарь не поддался на хитрости и уловки Фарнака, решив как можно скорее дать сражение (Bel. Alex. 69–71).

Противники выбрали для битвы окрестности города-храма Зенны. Фарнак со всеми своими силами занял один из холмов в трех милях от города и примыкавший почти к самим его стенам. Стремление царя во всем следовать примеру отца проявилось и в том, что он стал лагерем у стен города, где войска римлян под командованием Триария в годы Третьей Митридатовой войны потерпели крупное поражение от понтийцев. При этом Фарнак даже восстановил все старые укрепления, принесшие некогда славу его отцу. Цезарь же, разбив лагерь в пяти милях от боспорцев, учитывал прежде всего рельеф местности: он обратил внимание, что долины, прорезавшие цепь холмов близ города, могли бы при одинаковом расстоянии служить прикрытием его лагеря, если противник не займет места поблизости. На следующую ночь Цезарь занял именно то место, где Митридат победил Триария и сразу начал создавать насыпь из приготовленных заранее материалов. В результате неприязельский лагерь отделяла от римлян лишь одна долина протяженностью в милю. Так Цезарь уже до битвы одним маневром и умелым устройством лагеря сумел перехватить у Фарнака стратегическую инициативу.

Заметив эти приготовления, Фарнак сразу выстроил войска перед лагерем. В ответ Цезарь построил первую боевую линию перед пилом, а остальному войску приказал продолжать работы. Боспорцы же тотчас решились на сражение, хотя римляне не ожидали от них этого. Отряды Фарнака стали подниматься на крутой холм с выстроенными к бою римскими легионами. Из-за удачного их расположения Фарнаку пришлось сосредоточить большую массу своих воинов в одном месте, при этом часть его войска карабкалась по холму, а другая еще оставалась в долине. Поначалу этот маневр застал штаб Цезаря врасплох – пришлось одновременно отзывать солдат с работы и строить их в боевые порядки, отдавая приказ вступить в сражение. Еще до того как легионы Цезаря завершили боевое построение, Фарнак ввел в бой серпоносные колесницы-квадриги, что вызвало еще большее замешательство римлян. Колесницы были встречены градом метательных снарядов, а следовавшая за ними пехота была атакована боевыми рядами легионеров. После рукопашной шестой легион ветеранов Цезаря вытеснил неприятеля вниз по склону холма, после чего начался его разгром. На быстром и успеш-

⁷² На это указал Фуллер. См.: Fuller J.F.C. Op. cit. P. 65–74.

ном для Цезаря ходе сражения сказались удачно выбранная тактика и характер местности: отступавшие скатывались по склону и давили своих же в задних рядах. Чтобы не покалечить наступавших в задних шеренгах, бежавшие в спешке воины из передних рядов вынуждены были побросать оружие, поэтому, когда преследовавшие их римляне взобрались на соседний занятый лагерем Фарнака холм, они не встретили там никакого сопротивления. Было захвачено множество пленных, не меньшее количество боспорцев было перебито, поэтому Фарнак был вынужден спастись бегством лишь в сопровождении немногих всадников.

Таким образом, битва при Зеле, состоявшаяся 2 августа 47 г. до н.э.⁷³, завершилась полным разгромом Фарнака, похоронив его планы создать объединенное Понтийско-боспорское царство, где сохранялись бы порядки, введенные еще его отцом Митридатом Евпатором. Цезарь был очень обрадован победе, что подтверждает ее важность для Рима. Под впечатлением успеха он отписал в Рим, охарактеризовав битву с Фарнаком словами, которые стали крылатым выражением: “Пришел, увидел, победил!”⁷⁴ Он очень пренебрежительно отозвался о противнике, некогда союзнике и друге Помпея, в том смысле, что Помпея считали Великим из-за того, что он воевал со столь ничтожными сподвижниками Митридата. Цезарь не стал преследовать Фарнака, позволив ему отступить в Синопу с тысячью всадников. Здесь по его повелению Домиций Кальвин заключил с поверженным царем мир. По условиям мирного договора Фарнак передавал римлянам Синопу и весь Понт. После этого опять-таки с позволения римлян Фарнак со своими всадниками отплыл на Боспор, предварительно перебив всех лошадей (Bel. Alex. 71–77; Dio Cass. XLII. 47; Plut. Caes. 50. 2–4; Flor. II. 13. 63; Oros. VI. 16. 3; Suet. Jul. 35.2; App. B.C., II. 91; App. Mithr. 120; Liv. Per. 113; 114; Eutrop. VI. 22. 3; Plin. NH. VI. 10).

Цезарь не только одержал военную победу над Фарнаком, но и переиграл его в пропагандистском плане. Основным козырем царя на переговорах с Домицием и Цезарем было выдвижение на передний план идеи о том, что он-де не поддержал сторонников Помпея против цезарианцев в 50–48 гг. до н.э. Это, как ему казалось, непременно должно было склонить Цезаря признать его другом и союзником. А это дало бы возможность закрепить за собой все завоевания в Причерноморье и Малой Азии. Но наперекор расчетам Фарнака

⁷³ Fuller J.F.C. Op. cit. P. 260; Maurer R. Politische Geschichte des Römischen Reiches. Frankfurt a. Mein; P.; N.Y., 1988. S. 230; Christ K. Op. cit. S. 373; видимо на недоразумении основана датировка битвы июнем 47 г. до н.э. (см.: Sartre M. Op. cit. P. 133–136), как и 2 августа 48 г. до н.э. (Freber Ph.-S.G. Op. cit. S. 85), особенно учитывая верное замечание последнего, что Цезарь высадился в Малой Азии летом 47 г. до н.э. (Ibid. S. 83).

⁷⁴ Meier Chr. Caesar. L., 1996. P. 412, 413.

Цезарь поступил по-иному: по сообщению Диона, приблизив к себе даже тех, кто находился в лагере помпеянцев, он окутал своим пренебрежением парфянского царя Орода и боспорского царя Фарнака, за то что они не оказали Помпею помощи, будучи его друзьями и союзниками. Даже перед битвой при Зеле Цезарь упрекнул Фарнака за этот отказ (*Dio Cass.* XLII. 47. 4; XLIV. 45. 3–4).

Этот пропагандистский маневр полководца был рассчитан в первую очередь на эллинское и эллинизированное население Анатолии, которое в свое время не поддержало Митридата Евпатора во время Третьей войны с Римом из-за того, что устало от военных действий и разрушений от них, а также от того, что разочаровалось в политике Митридата, более покровительствовавшего жителям царской хоры, нежели городов⁷⁵. Последнее обстоятельство привлекло на сторону Помпея именно граждан городов, получивших дополнительные земельные владения, политические права и привилегии за счет сокращения царских доменов, крепостей и военно-хозяйственных поселений⁷⁶. А поскольку Фарнак ориентировался преимущественно на поддержку военно-хозяйственных поселений на царских землях, урезал права полисов или даже разрушал их, истребляя непокорных граждан, то маневр Цезаря с возвеличиванием деяний Помпея бил точно по престижу боспорского владыки. Благодаря умелой тактике и пропомпеянской позиции на переговорах с Фарнаком и в отношении малоазийских дел Цезарю удалось лишить царя поддержки большей части населения бывшего царства Понт, Вифинии и Малой Армении. Не случайно, после битвы при Зеле Цезарь оставил в силе многое из сделанного Помпеем в Малой Азии⁷⁷.

Другим нелогичным на первый взгляд поступком Цезаря было включение мира с Фарнаком и разрешение при всем крайне негативном к нему отношении свободно вернуться в Боспорское царство. Ведь и сам Цезарь, и его легат Домиций Кальвин отпраздновали победу над сыном Великого Митридата первый – своим триумфом в Риме (*Suet.* Jul. 37; *Dio Cass.* XLIII. 19. 1), а второй – включив в перечень заслуг “победу над царем Фарнаком в Понте” (*CIL.* I (ed. 2.) I² 244; *Fasti Aniterini*)⁷⁸. Здесь видится ясный военный и политический расчет: поскольку Фарнак “набивался” в друзья к Цезарю, то последний в подходящий момент мог рассчитывать на его благо-

⁷⁵ Максимова М.И. Указ. соч. С. 274, 285; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 244.

⁷⁶ Dreizehnter A. Op. cit. S. 235–238; Fletcher W. Op. cit. P. 17–29; Seager R. Op. cit. P. 53.

⁷⁷ Zwi Yavetz. Julius Caesar and His Public Image. L., 1983. P. 103; Olshausen E. Pontos und Rom (63 v. Chr. – 64 n. Chr.) // ANRW. 1980. Bd. II. T. 7, 2. S. 908, 909; Magie D. Op. cit. I. P. 407–415.

⁷⁸ Gordon A.E. Album of Dated Latin Inscriptions. Berkeley; Los Angeles, 1958. I. P. 18–22: календарь Арвальских братьев 29–21 гг. до н.э.: [Cn. Domitius M. f. Calvinus pontifex i]mp... [et quod in P]onto regem [Pharnace]m devicit.

склонность при подготовке и осуществлении похода против даков или парфян. Но самое главное и сейчас для римлян актуальное – это попытаться использовать Фарнака, которого они уже хорошо знали, для нейтрализации и свержения Асандра, совершенно неизвестную им личность, узурпировавшую власть. И ведь что любопытно: мятежом против Фарнака Асандр способствовал неукладу царя в Азии и, напротив, содействовал победе римского оружия, за что Цезарь, казалось, должен бы был приблизить узурпатора к себе, чего тот и добивался (*Dio Cass.* XLII. 46. 5). Однако этого не случилось и Фарнак с благословения Цезаря вступил даже в сражение с Асандром. Поэтому мы полагаем, что мир с Фарнаком и разрешение вопреки всем канонам римской военной этики свободно вернуться на Боспор (*App.* B.C. II. 92; *App. Mithr.* 120; ср. *Dio Cass.* XLII. 48) было продиктовано желанием во что бы то ни стало сместить Асандра и восстановить наследственную власть Митридатидов.

Цезарь действовал в этой ситуации в духе высоко оцениваемых им на переговорах с Фарнаком помпеевых реформ. Поскольку Фарнак был как бы назначен и признан “другом и союзником римского народа” Помпеем, то и Цезарь, не желая подрывать веру в Помпея ни у подданных и союзников римлян в Малой Азии, ни у сторонников Митридата Евпатора и Фарнака в Боспорском царстве, решил поддержать Фарнака в качестве законного царя. Полководец учитывал и общие настроения в Причерноморье. Ведь имя и деяния Митридата VI на северном берегу Понта Эвксинского были более почитаемы, чем на его южном берегу⁷⁹. Оставлением сына Митридата на престоле римляне могли снискать благосклонность населения Боспора, что укрепляло их позиции в Северном Причерноморье, особенно в преддверии готовившихся Цезарем походов против гетского царя Буребисты и парфян. Поэтому Асандру так и не суждено было добиться расположения божественного Цезаря.

Причины поражения Фарнака кроются в его политике. В 63 г. до н.э. он выступил как преемник отца, однако предал его и пришел к власти в результате заговора против отцовского дела. Уже это должно было сначала насторожить, а впоследствии подорвать доверие сторонников тех, кто служил Митридату Евпатору. Немалую роль сыграла и непоследовательность царя. Если поначалу он отменил введенные отцом жесткие ограничения свободы и автономии эллинских полисов, то перед самой войной с римлянами вновь вернулся к политике опоры на местное население в противовес городам, права которых снова были им урезаны. Это создавало неустойчивую обстановку в тылу у царя, отправившегося вскоре в поход в Малую Азию. Этим сумел воспользоваться Асандр, захвативший престол. На неудачах Фарнака сказалось и то, что большинство гре-

⁷⁹ Об этом свидетельствует упоминание Митридата в титулатуре его внуки Дионисии (CIRB. 31; 979) и в рескрипте Аспурга горгийпийцам (см. гл. 4).

ческих городов, захваченных в ходе войны в Малой Азии, оказали ему сопротивление, помня, вероятно, о том, что в моменты обострения конфликта с Римом Митридат и сам Фарнак сокращали политическую независимость полисов и усиливали царские земельные владения. Поскольку Понт, Пафлагония и Малая Армения рассматривались Фарнаком изначально как родовые вотчины, то жившим здесь эллинам никаких поблажек от царя ждать не приходилось. В результате Фарнак применял жестокие меры по отношению к городам, уничтожал городское население, римские селения и крепости, преследовал и карал романизованных греков. Его политика в Колхиде, Понте и Каппадокии не отличалась от той, что проводилась им на Боспоре. В свое время торгово-ремесленная верхушка городов, установившая связи с римлянами, не поддержала Митридата, вследствие чего от него отошли средние и малоимущие слои горожан. И теперь прежде подвластное понтийским Митридатам и уставшее от постоянных войн население не стремилось входить в состав новой Причерноморской державы Фарнака II, справедливо полагая, что это будет чревато новыми войнами с Римом. Поэтому развитие экономических связей с Римом и его восточными провинциями обрекало эллинские города на неподчинение Фарнаку.

Длительное сопротивление городов и их нежелание поддерживать планы царя объясняются стремлением сохранить свободу и автономию, которой они могли бы пользоваться с ведома Рима. Это приводило к росту их благосостояния. В противовес подобным расчетам эллинских подданных Фарнак стал искать опору у местных царьков, но усилиями Помпея и Цезаря римляне сумели привлечь и их на свою сторону. Единственное, на кого мог рассчитывать царь — это население катойкий на царских землях Митридата, однако почти все военно-хозяйственные поселения и крепости, опору царей Понта в Малой Азии, Лукулл, Помпей и Домиций Кальвин разрушили. На Боспоре же эти укрепления только начали создаваться и их окончательное строительство завершилось позднее. Так что и здесь поддержка у Фарнака в Малой Азии была мизерной. Это послужило еще одной причиной расправ с непокорными, что еще больше отпугивало его сторонников, в том числе на Боспоре, страдавшем от бремени военных налогов и поборов. Вот почему римляне, завоевав прочные позиции в городах Вифинии и Понта, легко одолели Фарнака.

Ориентированное на южнопонтийские города, эллинское население Боспора рассчитывало на поблажки со стороны римлян, ибо на памяти еще не истерлись благодеяния Помпея фанагорийцам. В решающий момент оно выступило против царя, чем опять-таки умело воспользовался Асандр. Вот почему царь бежал из Малой Азии на Боспор лишь с небольшой свитой из числа скифов и сарматов. Судьба промитридатовской политики Фарнака, реализация плана сохранить независимость царства от римлян и приумножить

владения зависели от более тонкой политики и позиции греческих полисов. Прямое следование митридатовским традициям и установлениям в новых конкретно-исторических условиях уже не срабатывало. Принцип свободы и автономии под римским влиянием оказался более действенным, нежели под властью Митридатидов. Их бывшие подданные, за исключением отдельных варварских царей, не хотели создания государства, которое вновь угрожало бы римским интересам. Неудача Фарнака окончательно похоронила надежду создать в припонтийском регионе мощное антиримское образование, основанное на греко-иранских традициях классического эллинизма как противовеса римским административно-государственным ценностям. Отныне эти тенденции проявлялись лишь на локальном уровне, ограничиваясь территориально исключительно Боспорским царством.

ВОЗВЫШЕНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ЦАРЕ АСАНДРЕ

Период правления Асандра – один из самых блестящих и одновременно загадочных в истории Боспорского царства. Ученые до сих пор спорят, когда и как этот властитель вступил на престол, каковы были приоритеты его политики, в чем особенность его взаимоотношений с Римской державой и какие изменения они претерпели с установлением принципата Августа. Недостаточно выяснены его связи с племенным миром, обстоятельства, приведшие к устранинию его с престола и гибели. Почти все эти вопросы упираются в проблему монетного чекана – точного определения его начала и окончания, времени принятия царского титула и года передачи власти супруге, царице Динамии. Монеты при скудости письменной и эпиграфической традиций являются главным источником о 29-летнем правлении Асандра. Однако в области нумизматики Боспора времени Асандра все еще много неясного и противоречивого, поэтому нашей задачей является дать исчерпывающую характеристику политики этого царя с привлечением всех имеющихся свидетельств.

Обстоятельства и причины прихода Асандра к власти освещаются Аппианом, Дионом Кассием, псевдо-Лукианом. Как было указано в предыдущей главе, Фарнак получил известие о возмущении Асандра, когда находился у границ римской провинции Азия и тотчас после того, как Цезарь высадился в Малой Азии. Это произошло в конце весны – начале лета 47 г. до н.э. Следовательно, Асандр поднял мятеж против Фарнака немного раньше, но вряд ли это случилось до выступления Цезаря из Египта (*App. Mithr.* 110; *Dio Cass.* XLII. 46. 4–47. 1). Отправляясь в Малую Азию, Фарнак оставил на Боспоре Асандра как своего наместника (*Dio Cass.* XLII. 46. 4–47. 1). Из сообщения псевдо-Лукиана следует, что до получения титула царя Асандр был этнархом (ἑθναρχος) (*Ps.-Luc.* Macr. 17). По монетам мы знаем, что до того как Асандр стал царем, он имел титул архонта¹. Заметка псевдо-Лукиана относится к правлению Асандра в начале 20-х годов до н.э., когда он уже был царем, после того как титуловался архонтом в течение четырех лет, следовательно, этнархом он мог являться в то время, когда еще

¹ *Зюграф А.Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951. С.189–191 = *Zograph A.N.* Ancient Coinage // *BAR Suppl. Ser.* Oxford, 1977. 33 (II). P. 302; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 77–80; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. 1. С. 23 и след.

не был архонтом и официально считался наместником Фарнака. Этот титул, неизвестный на Боспоре, мог войти в обиход при Митридате Евпаторе, поскольку в Малой Азии им обозначали предводителя племени или группы племен (ἔθνη), одновременно являвшегося начальником области или региона, где эти племена находились². В этой связи в науке долго постулировался вопрос – считать ли Асандра греком или он был выходцем из местной сармато-меотской среды. Проблема упиралась в свидетельство одной из надписей, согласно которой боспорский царь Аспург был назван “происходящим от царя Асандроха” (τὸν ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου) (CIRB. 40). Подробнее о происхождении Аспурга речь будет идти ниже (см. гл. 4), здесь же укажем, что личное имя Ἀσανδρόχος образовано из исключительно греческого личного имени Ἀσανδρος прибавлением иранского суффикса “-ох” к греческому корневому слову. Он не меняет значение основного (корневого) имени, лежащего в основе слова – эллинского помен masculinum “Асандр”. Это должно означать, что личное имя в иранской огласовке – Асандрох и греческое личное имя – Асандр относятся к одному и тому же лицу, отцу Аспурга³.

К версии об эллинском происхождении Асандра можно добавить и в качестве доказательства греческую эпigramму над фонтаном из Нимфея, в которой, как небезосновательно считают вслед за В.В. Шкорпилем и М.И. Ростовцевым, упоминается некая Гликария, возможно, первая жена Асандра, с которой он был до того, как сделался наместником Фарнака⁴. Версия о том, что Асандр мог быть потомком рода Спартокидов, правивших Боспором в течение трех с небольшим столетий, источниками пока не подтверждается. Но все вышеприведенные аргументы заставляют нас тем не менее придерживаться мысли, что Асандр, родившийся около 110 г. до н.э.⁵, был от рода греком или, если принять во внимание сарматскую тамгу на монете его сына Аспурга (см. ниже), полугреком-полуварваром. Эллинское, а тем более полуиранское (сарматское?) происхождение не препятствовало ему служить при Митрида-

² Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. М., 1996. С. 239; ср.: Broughton T.R.S. Roman Asia // An Economic Survey of Ancient Rome / Ed. T. Frank. Baltimore, 1938. P. 647.

³ Каллистов Д.П. [Рец.]: Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже н.э. М., 1951 // ВДИ. 1952. № 3. С. 86. Об эллинском имени Асандр > Асандрох см.: Zgusta L. Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. S. 363, 364 (-οχος – это иранизация греческого имени).

⁴ Шкорпил В.В., Ростовцев М.И. Эпиграмма из Эль-Тегеня // ИАК. 1910. 37. С. 22; Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 561; о происхождении Асандра из рода боспорских Спартокидов см.: Сибирский А.А. Гипотеза о происхождении Асандра и новые домыслы о некоторых событиях его правления // ЗООИД. 1877. Т. 10. С. 56–63; против см.: Устинова В.О. З історії Боспору у другій половині I ст. до н.э. // ВХУ. 1966. 1. С. 109–111.

⁵ Minns E. Op. cit. P. 592: родился ок. 108 г. до н.э.

ис Евпаторе и Фарнаке начальником азиатских владений царя на Боспоре и войти в доверие к последнему во время подавления выступления горюдов и племен на северокавказском берегу пролива⁶. Не вызывает сомнений только одно – Асандр был родом с Боспора и скорее всего происходил из среды знатных боспорских греков⁷. Его возвышение могло быть связано с усилением антиримских тенденций в политике Фарнака и его ориентацией на варварские племена накануне похода в Понт.

Вопросы о дате отпадения Асандра от Фарнака, годе принятия им титулов архонта, а затем царя и об обстоятельствах отстранения от власти имеют обширную литературу. За первый год архонтства Асандра брали либо один из годов трехлетия 48–46 гг. до н.э., а последний год царствования по прошествии 29 лет – 19–17 гг. до н.э., либо 45/44 г. до н.э., а окончание – 17/16 г. до н.э. В зависимости от этого предлагались различные даты принятия Асандром царского титула и выпуска им первого золотого статера со своим изображением, годом $\Delta = 4$ и царской легендой: 45–44 гг. до н.э. (т.е. признание его царем еще при Цезаре) или 43/42–41/40 гг. до н.э. (т.е. объявление его царем с ведома Октавиана и Марка Антония). Все эти расчеты основывались на единственном до недавнего времени золотом статере царицы Динамии, сменившей Асандра на престоле, который датирован 281 г. п.э. = 17/16 г. до н.э. (рис. 1, 5). Существенные коррективы в эту схему были внесены после обнаружения в 1983 г. другого статера этой царицы от 277 г. п.э. = 20 г. до н.э.⁸ (рис. 1, 6).

⁶ Тот, что Асандр первоначально имел опору за пределами Пантикапея, вероятно, на азиатской половине царства, подметил еще А.Н. Зограф (*Зограф А.Н.* Указ. соч. С. 190), поскольку первые его медные монеты выполнены небрежно; многочисленные укрепления на Тамани при Асandre были его базой для борьбы с Фарнаком. См.: *Сокольский Н.И.* Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 106–109; *Он же.* К истории северо-западной части Таманского полуострова в античную эпоху // VIe Conférence internationale d'études classiques des pays socialistes. Sofia, 1963. P. 24. О сарматском происхождении Асандра см.: *Смирнов К.Ф.* Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья // КСИИМК. 1952. Т. 16. С. 134; *Блаватский В.Д.* Процесс исторического развития античных государств в Северном Причерноморье // ПИСП. С. 32–34. См. также: *Мошкова М.Г.* Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 213, 214.

⁷ *Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 76.

⁸ Об этом статере и различных точках зрения на время правления Асандра с указанием всей литературы см.: *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 80, 148, Таб. 10, 253; *Сапрыкин С.Ю.* Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 208; *Карышковский П.О., Фролова Н.А.* К истории правления Асандра на Боспоре // Нумизматические исследования по истории Юго-Восточной Европы. Кишинев, 1990. С. 89–100. См. также: *Сопова Н.К.* Правление Асандра на Боспоре и некоторые аспекты международных отношений в Причерноморье в освещении русской и советской историографии // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века. Ростов-н.-Дону, 1986. С. 64 и след.

В.А. Анохин⁹, а вслед за ним П.О. Карышковский и Н.А. Фролова предложили новую хронологическую шкалу правления Асандра. По Анохину первый год архонтства приходится на 50/49 г. до н.э., по Карышковскому и Фроловой – на 48 г. до н.э. (в других их работах дата более определенная: октябрь 49–сентябрь 48 г. до н.э.)¹⁰. При таком понимании начального года правления архонта Асандра конечной датой царствования будет, по Анохину, 22–21 г. до н.э., по Карышковскому и Фроловой – 21–20 г. до н.э. Отодвигая дату начала самостоятельного правления и чекана Асандра к 50 г. до н.э., Анохин полагает, что золото Асандра стало как бы продолжением царского золотого чекана Фарнака. Критику этой позиции мы давали в ряде наших специальных работ¹¹, к высказанному ранее считаем уместным добавить, что золотые статеры Фарнака и Асандра совершенно разные по стилю и характеру изображений, по эрам правления, и вообще между ними четко фиксируется хронологический разрыв. Они не взаимосвязаны и не дополняют друг друга, они совершенно независимы друг от друга, подтверждая отсутствие какой бы то ни было преемственности власти двух совершенно самостоятельных правителей. Достаточно сказать, что золотые Фарнака чеканены от имени царя, а первые золотые Асандра – от имени архонта Боспора.

В хронологической шкале правления Асандра у Карышковского и Фроловой также прослеживается явное противоречие: если конечная дата 29-летнего правления – 21/20 г. до н.э. = 277 г. п.э. (соответствует дате первого статера Динамии), то начальный год – 50/49 г. до н.э. (как у Анохина), но никак не 49/48 г. и уж тем более не 48 г. до н.э. При всех вариантах получается, что свой первый статер архонт Асандр должен был отчеканить в 49 г. до н.э., а последний с царской легендой – в 20 г. до н.э. Значит, в тот же год Динамия выпустила свой золотой от 277 г. п.э. (начало вифино-понтийской или боспорской эры – октябрь 297 г. до н.э.). Тогда царский титул Асандр должен был принять в 46 г. до н.э. (по Карышковскому–Фроловой) или в 47/46 г. до н.э. (по Анохину). Как видим, в обеих схемах имеются очевидные неувязки, которые сводятся к следующему. Карышковский и Фролова пишут, что Фарнак был разбит Цезарем при Зеле “на втором году архонтства” Асандра, т.е. в 47 г. до н.э. (битва при Зеле датируется 2 августа 47 г. до н.э.). Если сле-

⁹ Анохин В.А. Указ. соч. С. 78.

¹⁰ Карышковский П.О., Фролова Н.А. Правление Асандра на Боспоре по нумизматическим данным // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990. С. 89–100; Они же. К истории правления Асандра на Боспоре (49/48–21/20 гг. до н.э.) // Древнее Причерноморье: чтения памяти проф. П.О. Карышковского: тез. Одесса, 1989. С. 31; Frolova N.A., Karyshkovskij P.O. // Chiron. 1993. Bd. 23. S. 63–81. См. также: Фролова Н.А. Монетное дело... С. 14–23.

¹¹ Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер... С. 208–210; Он же. К вопросу о начале правления Асандра на Боспоре // Сборник памяти проф. А.С. Шофмана. Казань, 1998. С. 102–106.

донать этой схеме, особенно ярко выраженной в последней работе Н.А. Фроловой о монетном деле Боспора, то получится, что Цезарь должен был разбить Фарнака не в 47 г. до н.э., а в 48 г. до н.э., что невозможно. Далее, если статеры архонта Асандра четвертого года правления и как царя первого года правления датируются 47/46 г. до н.э. или просто 46 г. до н.э. (октябрь 46 – сентябрь 45 г. до н.э. по Фроловой), то как увязать это с сообщениями автора “Записок об Александрийской войне”, Аппиана и Диона Кассия, что Цезарь не признавал Асандра царем Боспора. Вряд ли Асандр при жизни Цезаря отважился бы без санкции Рима не только выпускать золотую монету, но и помещать на ней царский титул. Карышковский и Фролова утверждают, что на третий год архонтства (в 46 г. до н.э.) Асандр одержал победу над Митридатом Пергамским, а на четвертый год архонтства (т.е. в 45 г. до н.э.) стал царем, получив у Августа подтверждение своих прав на престол. Однако, согласно их хронологии, первый год архонтства Асандра приходится на октябрь 49 – сентябрь 48 г. до н.э. (т.е. проще говоря на 49 г. до н.э.), тогда третий год архонтства падает не на 46 г., а на 47 г. до н.э., а четвертый не на 45/44 г., а на 46 г. до н.э. Учитывая это несоответствие, авторы отнесли провозглашение Асандра архонтом к 49 г. п.э. = 48 г. до н.э. Но и тогда получается, что Асандр стал царем еще до убийства Цезаря – в 45 г. до н.э., что вряд ли было возможно (см. выше).

По их же схеме и первый год царствования, и последний год архонтства Асандра все равно будут датироваться 46/45 г. до н.э., а это никак не согласуется с враждебным отношением Цезаря к Асандру. Тем более что ни в этот год, ни как минимум до 27 г. до н.э. Октавиан не мог признать Асандра царем, если следовать псевдо-Лукиану (*Рх.-Лис.* Масг. 17), поскольку получил почетное имя “Август” только в 27 г. до н.э. В 46–45 гг. до н.э. будущий принцепс находился вне Рима в Аполлонии и носил имя Гай Октавий Фурин. Только после смерти Цезаря в 44 г. до н.э. он унаследовал его имя как усыновленный внучатый племянник и стал величаться Гаем Юлием Цезарем Октавианом¹². Так что сведения псевдо-Лукиана должны относиться к периоду не ранее начала принципата Августа, но никак не к середине 40-х годов до н.э. Все указанные погрешности и тщательная проработка литературной традиции о Фарнаке и Асandre показывают, что предложенная П.О. Карышковским и Н.А. Фроловой концепция времени правления Асандра, а тем более схема, отстаиваемая В.А. Анохиным, приняты быть не могут, ибо не подтверждаются источниками¹³.

¹² Шифман И.Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 28–35; Парфенов В.Н. Император Цезарь Август: армия, война, политика. СПб., 2001. С. 40.

¹³ Подробную критику концепции Карышковского и Фроловой см.: Сапрыкин С.Ю. К вопросу... С. 102–106.

Античные писатели свидетельствуют, что военные действия Фарнака против римлян начались не ранее 50/49 г. до н.э. и не позднее конца 48 – начала 47 г. до н.э. (см. гл. 1), так как к концу лета 48 г. до н.э. Фарнак захватил Малую Армению. Отправляясь в Малую Азию, Фарнак оставил Асандра “наместником” (ἐπίτροπος) на Боспоре (*Dio Cass.* XLII. 46. 5), т.е. должностным лицом, признающим верховную власть царя, чиновником, не имевшим права бить собственную монету, а тем более золотую. Данное обстоятельство отличает эпитропа от архонта – титула, впоследствии появившегося на золотых монетах Асандра, поскольку архонт обладал всей полнотой власти (достаточно вспомнить титулатуру Спартокидов и правление архонта Гигиенонта). Данное обстоятельство может означать только одно – титул архонта и право чеканки монеты Асандр получил лишь после отпадения от Фарнака и провозглашения себя самостоятельным правителем. А поскольку в 48 г. до н.э. после Фарсала Цезарь вел переговоры непосредственно с Фарнаком, признавая этим именно его законным правителем Боспора, то очевидно, что летом–осенью 48 г. до н.э. Асандр еще не мог отпасть от Фарнака и продолжал оставаться эпитропом – наместником царя. Если бы он провозгласил себя независимым уже в 50–49 гг. до н.э. (как считают авторы выше-названной концепции), то вряд ли Цезарь начал бы заигрывать с Фарнаком, а тот возобновил бы еще более активные военные действия и продвинулся далеко вглубь римских владений в Малой Азии.

Фарнак получил известие о мятеже Асандра уже после того, как подчинил Понт, взял и разграбил Амис, овладел частью Вифинии и подошел к границам провинции Азия. Как уже говорилось в гл. 1, свои грандиозные захваты Фарнак провел в течение лета–осени 48 г. до н.э. и зимы–лета 47 г. до н.э. (*Dio Cass.* XLII. 46. 4), поскольку именно тогда в течение девяти месяцев Цезарь находился в Египте. Как только пришло известие об Асandre, то Фарнак, согласно Диону (*Ibid.* 46. 4–47. 1; ср. *App. Mithr.* 120), тотчас прекратил наступление на провинцию Азию. Все это произошло до битвы при Зеле 2 августа 47 г. до н.э. Но сведения о высадке Цезаря в Малой Азии летом 47 г. до н.э. помешали Фарнаку наказать мятежника. Значит, ранее лета 47 г. до н.э. Асандр не мог отпасть от Фарнака. Можно предположить, что Асандр выступил сразу по получении на Боспоре известия о готовящейся Цезарем экспедиции против Фарнака, что должно было сковать силы царя и не позволить ему наказать изменника. По сообщению Диона Кассия, Асандр воспользовался тем, что Фарнак был далеко от Боспорского царства, т.е. стоял уже на границе римской провинции Азия, поэтому восстал, желая угодить римлянам и получить от них власть (*Dio Cass.* XLII. 46). Это заставляет предполагать, что Асандр отложился от царя в тот момент, когда Цезарь устраивал дела в Малой Азии и утверждал своих союзников и друзей в качестве вассальных правителей. Отсюда следует, что едва ли он сразу после измены царю начал выпускать золотые моне-

ны, так как в тех условиях, когда Фарнак еще был в силе и воевал с Цезарем, подобный прямой вызов римлянам мог воспрепятствовать его планам получить у последнего признание легитимности своей власти. Как видим, данные источников не подтверждают версию, что Асандр отпал от Фарнака и начал чекан золота как архонт уже в 50 или 49 г. до н.э.

После битвы при Зеле Домиций Кальвин с согласия Цезаря заключил с Фарнаком мир и позволил ему отплыть с частью конницы (1 тыс. чел.) из Синопы на Боспор воевать с Асандром (*App. Mithr.* 120). Это еще раз показывает, что Цезарь так и не признал последнего законным властителем Боспорского царства. Следовательно, в Риме продолжали считать Фарнака законным царем и стремились иметь дело с ним, а не с Асандром. Тот же Аппиан передает, что Фарнак погиб, процарствовав 15 лет (т.е. с 62 по 47 г. до н.э., поскольку в 63 г. до н.э. правил еще его отец Митридат Евпатор).

Вернувшись из похода в Понт, Фарнак сумел на короткое время захватить Феодосию и Пантикапей, в чем ему с содействия Цезаря помогла пресловутая скифская и сарматская конница. Значит, Асандр отложился от царя вместе с крупнейшими полисами Боспора, включая европейскую сторону пролива. Аппиан далее свидетельствует, что Асандр одолел Фарнака, поскольку воины царя не умели сражаться пешими. Иными словами, в распоряжении царя остались только скифские и сарматские конные отряды, сопровождавшие его в походе в Понт. У его противника, Асандра, напротив, было, видимо, немалое пешее войско, если всадники Фарнака не смогли его одолеть. Опираясь на города¹⁴, Асандр привлек на свою сторону гражданское ополчение полисов, включая и те, что находились на азиатском Боспоре, так как Феодосия и Пантикапей оставались еще во власти Фарнака. Нельзя исключить и предположение, что на какое-то время и сам Асандр сумел найти убежище на азиатском берегу, где имел немало сторонников среди горожан и жителей царской хоры¹⁵. Поскольку Фарнак удерживал столицу и Феодосию с помощью кучки “каких-то скифов и сарматов”, если следовать Аппиану, к тому же малоискушенных в военном деле, то можно заключить, что и местные жители Боспора из числа военно-хозяйственных поселенцев на царских землях могли перейти на сторону противников царя (*App. Mithr.* 120; 121; *Dio Cass.* XLII. 9; 46; 47; *Strabo* XIII. 4. 3).

¹⁴ Каллистов Д.П. Этюды из истории Боспора римского времени (политические взаимоотношения Рима и Боспора при царях Фарнаке и Асандре) // ВДИ. 1938. № 4. С. 175; Горемыкина В.И. Из истории Боспора Киммерийского I в. до н.э. и начала I в. н.э. // Учен. зап. Могилев. ГПИ. 1955. Т. 2. Минск, 1956. С. 128.

¹⁵ Сокольский Н.И. К истории... С. 24; Он же. Валы в системе обороны европейского Боспора // СА. 1957. Вып. 27. С. 102; Он же. Таманский толос... С. 107 и след.; Блаватская Т.В. Аспург и Боспор // СА. 1965. № 3. С. 36.

Разгром Фарнака Асандром произошел в самом конце 47 г. до н.э. или в начале 46 г. до н.э., и все это время римляне считали Асандра узурпатором. Это не могло не препятствовать ему чеканить полновесное золото с титулом архонта, а тем более царя.

По сообщению автора “Записок об Александрийской войне”, после битвы при Зеле, Цезарь быстро улаживал дела на Востоке, торопясь в Рим, и по получении неблагоприятных известий о поражении и смерти Фарнака, назначил царем Боспора, “находившегося до этого времени под властью Фарнака”, своего друга Митридата Пергамского, галатского тетрарха (Bel. Alex. 78). Поскольку автор “Записок” был лицом, близким к штабу Цезаря и, значит, находившимся в официальной должности, то он должен был освещать события с официальной точки зрения интересов римской внешней политики. Поэтому указание, что Боспор до конца 47 – начала 46 г. до н.э. находился под властью Фарнака, означает, что Рим продолжал считать его законным царем и поддерживал в борьбе с Асандром, соответственно не признавая последнего, хотя он, если верить Диону, очень рассчитывал на римское признание. (*Dio Cass.* XLII. 9. 46). Ведь он воспользовался против Фарнака его антиримской акцией. В этой связи нелогичным выглядит то, что против Асандра выступил Г. Юлий Цезарь. В Риме вдруг вспомнили, что Фарнак “являлся другом и союзником римского народа” (*Dio Cass.* XLII. 9. 47). Очевидно, Цезарь и его окружение были немало озабочены ходом дел на Боспоре, совершавшихся без вмешательства Рима, на что имелись веские основания. С одной стороны, Асандру нужен был царский титул, чтобы обосновать свое право на власть и предательство по отношению к Фарнаку, что можно было сделать только при одобрении Рима. С другой – разрыв с царем и поддержка этой акции большинством населения означает отказ боспорцев войти в состав объединенной понтийско-боспорской державы. Это указывает на существование тенденции к самостоятельности Боспорского государства, особенно его эллинских полисов, что было чревато их нежеланием содействовать римским интересам. Для прагматичного Цезаря, который вынашивал планы борьбы с Парфией и гетским царем Буребистой (*App. Mithr.* 120), было более приемлемо иметь на Боспоре ставленника, готового сделать для римлян все что угодно. На тот момент таким человеком мог быть только Фарнак, обязанный Цезарю свободой и возвращением на престол. То что он был побежден Цезарем, рассматривалось в качестве момента положительного, делавшего его более уступчивым перед волей римлян. Поэтому Цезарь не хотел поддерживать Асандра и до конца своих дней (март 44 г. до н.э.) не признавал его права титуловаться царем. А это подкрепляет наше утверждение, что при жизни римского диктатора Боспор не мог начать чекан золотых статеров с царским титулом Асандра.

Как убедительно показал Х. Хайнен, Цезарь отпировал против Асандра Митридата Пергамского с войском под предлогом того, что Асандр разбил в сражении и сверг правителя, который заключил с Римом перемирие (*App. Mithr.* 120), а значит признавался им законным властителем и субъектом международного права, естественно, и римском понимании. Следовательно, Рим должен был взять на себя обязанность восстановить порядок в сопредельном дружественном государстве¹⁶. Возникает вопрос, почему на роль преемника Фирнака был выбран именно Митридат Пергамский. Чтобы дать ответ, обратимся к фигуре этого известного в Малой Азии и на Переднем Востоке деятеля.

Митридат был родом из Пергама и происходил из семьи галатских тетрархов: его отец Менодот был в родстве с правителями Галатии, а мать Адобогиона приходилась сестрой тетрарху галатского племени трокмов Бругитару, в свою очередь женатому на дочери Дейотара, также Адобогионе (*Strabo*. XIII. 4. 3; *Bel. Alex.* 26; 78; *IGR.* IV. 1682)¹⁷. Предполагается, что Митридат родился в 87 или 86 г. до н.э., получил воспитание при дворе понтийского царя Митридата Евпатора, так как его мать Адобогиона, по некоторым данным, была наложницей “великого царя”. В дальнейшем это сыграло решающую роль в судьбе юноши. Мать распространяла слухи, что он являлся сыном Митридата VI, хотя всем было известно, что отцом его был грек Менодот. Поэтому полагают, что имя и ореол незаконнорожденного сына царя Понта Митридат Пергамский получил из чисто политических соображений, чтобы обосновать право на власть в том или ином районе бывшей державы Митридата Евпатора¹⁸.

Первое появление Митридата Пергамского как самостоятельной политической фигуры относится к 62–59 гг. до н.э., когда он выступал в Риме главным свидетелем обвинения на процессе Л. Валерия Флакка и передал римскому народу псефисму своего родного города Пергама. Цицерон говорит, что уже тогда он пользовался

¹⁶ *Heinen H.* Mithridates von Pergamon und Caesars bosporanische Pläne // *Studien zur Geschichte und Kultur des Altertums: Festschrift Heinrich Chantraine*. Paderborn, 1994. S. 76–78.

¹⁷ О родстве Дейотара и Митридата Пергамского см.: *Mitchell S.* *Anatolia. Land, Men, and Gods in Asia Minor*. Oxford, 1993. Vol. I. P. 28, 29. Существовала еще одна Адобогиона – супруга Кастора, тетрарха тектосагов, регентша ее сына Дейотара Филадельфа. Она могла быть дочерью Митридата Пергамского. См.: *Reinach T.* *Histoire par les monnaies*. P., 1902. P. 151, 162; *Mitchell S.* *Op. cit.* P. 29.

¹⁸ *Freher Ph.-S.G.* *Der Hellenistische Osten und das Illyricum unter Caesar*. Stuttgart, 1993. S. 21, 95–99; *Syme R.* *Anatolica*. Oxford, 1995. P. 133; *Hoben W.* *Untersuchungen zur Stellung kleinasiatischen Dynasten in der Machtkämpfen der ausgehenden Römischen Republik*. Mainz, 1969. S. 96–99; *Sullivan R.* *Near Eastern Royalty and Rome, 100–30 BC*. Toronto, 1990. P. 158, 159; *Heinen H.* *Op. cit.* S. 65.

большой популярностью у своих сограждан самых разных слоев, которые “выкрикивали свое одобрение того, что он (Митридат. — С.С.) говорил”. А говорил он, по словам римского оратора, все “что он хочет, поскольку он контролировал эту толпу не благодаря своей власти, а потому что давал ей пищу” (*Cic. Pro Flac.* 17). Эти слова показывают, что еще не имея ни административной ни политической власти, Митридат уже был не лишен ораторского искусства и не брезговал демагогией и популизмом для привлечения широких слоев демоса. На процессе в Риме Митридат вел себя осторожно и расчетливо, поддерживая обвинителей сторонника нобилитета Флакка (*Ibid.* 41). Это дало ему тогда возможность вступить в контакт с триумвирами Цезарем и Помпеем, особенно с первым, в то время консулом¹⁹. До поры до времени Митридат стремился балансировать между фигурами Помпея и Цезаря без видимой поддержки того и другого. Это было в духе эллинистических правителей того времени, достаточно вспомнить Фарнака накануне гражданской войны Цезаря и Помпея, когда еще было неясно, в чью пользу качнется чаша весов в их борьбе. Окончательный переход Митридата Пергамского в лагерь цезарианцев связан с решением подконтрольного Помпею Сената отдать тетрархию трокмов после смерти ее правителя Бругитара Дейотару, давнему другу и союзнику Помпея. Ведь Митридат считался наследником этого домена по линии матери (*Strabo.* XIII. 4. 3)²⁰.

Решающий для Митридата момент настал, после того как Помпей проиграл борьбу с Цезарем, а Дейотар при вторжении Фарнака в Малую Азию заколебался и повел себя неуверенно по отношению к будущему диктатору. Когда в конце 48 — начале 47 г. до н.э. Цезарь оказался блокирован в Александрии войсками свергнутого им царя Птолемея XII и местного населения, то и критический момент действительную поддержку ему оказал как раз Митридат Пергамский. Цезарь направил его в Сирию и Киликию для организации подкреплений еще в самом начале войны, поскольку тот был хорошо знаком с военным делом и пользовался как друг Цезаря неограниченным доверием последнего. Митридат быстро справился с заданием. Автор “Записок об Александрийской войне” приписывает это видному положению самого Митридата среди союзного римлянам населения Передней Азии, симпатиям со стороны азиатских общин и его энергии (*Bel. Alex.* 26; 78). Очевидно, Митридат пользовался поддержкой в городах римских провинций Азия и Киликия, что соответствует характеристике его Цицероном. Собрав войска, Митридат подошел к Пелусию и взял его штурмом, затем, поспешив в Александрию, соединился с

¹⁹ *Hoben W.* Op. cit. S. 98.

²⁰ *Hepding H.* Mithridates von Pergamon // *AM.* 1909. 34. S. 329; *Hoben W.* Op. cit. S. 98.

действиями Цезаря и в решающем сражении в дельте Нила разбил египтян. Эта победа еще больше укрепила симпатии Цезаря к пергамцу. После победы при Зеле и разгрома Фарнака Митридат получил от Цезаря тетрархию трокмов (*Strabo*. XIII. 4. 3; *Bel. Alex.* 78; *Dio Cass.* XLII. 9. 48; *Cic. Phil.* II. 94; *Cic. Div.* II. 79), поскольку Дейотар был лишен ряда своих восточных владений не только из-за наступления Фарнака, сколько в результате недоверия Цезаря^{21–27}. Пользуясь покровительством римлян, Митридат добился для Пергама ряда привилегий – свободы и автономии, которых он лишился при Сулле за поддержку Митридата Евпатора, ассирии, ограничений в области религии и культов. Об этом говорит, в частности, ἐπίκρια, найденная в Смирне, но относящаяся к регулированию прав граждан Пергама²⁸. В результате Цезарь и Митридат стали популярными в городе. К 48–46 гг. до н.э. относятся надписи, прославляющие Цезаря как патрона и благодетеля пергамцев, спасителя их и всех эллинов, восстановившего священный участок храма Афины (IGR. IV. 303–307; 1677). За заботу о родном полисе почтен был и Митридат, занимавший там должности наследственного верховного жреца. Причем надпись именует его, как и Цезаря, восстановителем города и хоры для отеческих богов, за что его стали называть новым основателем отечества после мифического Пергама и реального правителя Филестера, создателя Пергамского царства (IGR IV. 1682)²⁹.

Любопытно, что Митридат исполнял функции наследственного жреца культа Диониса Категемона, ставшего популярным со времени Митридата Евпатора, прозванного Дионисом и почитавшегося в этой ипостаси азиатскими греками³⁰. Он мог занимать эту должность как лицо, близкое или даже родственное великому понтийскому царю. В таком случае, передача ему царского титула, равнозначного должности тетрарха трокмов, также могла объясняться родством с Митридатом Евпатором. Х. Хайнен считает, что указание на царское происхождение Митридата Пергамского связано не с его родством с царем Понта, а с принадлежностью к роду галатских тетрархов. Связь с Евпатором нужна была его сторонникам в исключительных случаях для обоснования прав на власть в городах и со-

^{21–27} *Mitchell S.* Op. cit. P. 36; *Freber Ph.-S.G.* Op. cit. S. 90; *Syme R.* Op. cit. P. 133; *Holmes T.R.* The Roman Republic and the Founder of the Empire. N.Y., 1967. Vol. 3. P. 211–215.

²⁸ *Граков Б.Н.* Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии // ВДИ. 1939. № 3. С. 268. № 41; *Robert L.* Inscriptions grecques d'Asie Mineure // AS: pres. to W.H. Buckler. Manchester, 1939. P. 227–230; *Magie D.* Roman Rule in Asia Minor. Princeton, 1950. Vol. 2. P. 1259.

²⁹ *Граков Б.Н.* Указ. соч. С. 268; *Robert L.* Op. cit. P. 227; *Magie D.* Op. cit. P. 1259.

³⁰ *Спирькин С.Ю., Масленников А.А.* Люди и их боги: религиозное мировоззрение в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 1998. С. 415; ср. *Неверов О.Я.* Митридат-Дионис // СГЭ. 1973. Т. 37. С. 45.

седних землях³¹. Когда в результате победы Асандра над вернувшимся на Боспор Фарнаком Цезарь дал Митридату титул царя Боспора (*Strabo*. XIII. 4. 3; *Bel. Alex.* 78; *App. Mithr.* 121; *Dio Cass.* XLII. 9. 48), то сразу оказалась востребованной его мнимая или не очень связь с Митридатом Евпатором. В глазах эллинизированного населения Малой Азии и Северного Причерноморья, где имя великого царя оставалось популярным, Митридат Пергамский становился *θρεῦτός* из круга *φίλοι* или *παῖδες* царя. Это подчеркивало его царское происхождение и воспитание, личную связь с Евпатором, что было важно для полноправного, хотя и вассального от римлян царя³². Ведь у бывших подданных Евпатора еще сохранилось в памяти, как их царь получал права на власть в Пафлагонии, Колхиде, Боспоре через усыновление местными династами, находившимися с ним в родственных отношениях как некогда принадлежавшими к персидским родам Ахеменидов и Отанидов и властвовавшими на входивших в их сатрапии землях. С этой точки зрения понятной становится цель Цезаря, когда он решил поставить тетрарха трокмов Митридата царем Боспорского государства.

Преданность его Цезарю делала Боспор верным вассалом Рима, позволяя рассматривать это царство как противовес экспансии Бурбисты, варваров Предкавказья и Парфии на Востоке (*App. B.C.* II 110). Происхождение от Митридата Евпатора превращало тетрарха в легитимного преемника законного царя Боспора Фарнака, сына Митридата VI, умерщвленного узурпатором Асандром, не имевшим никаких прав на престол, — Фарнака, ставшего другом римского народа и признанного царем сначала Помпеем, а затем и Цезарем, заключившим с ним перемирие. Это могло привлечь к Митридату население Боспора как в городах, так и на хоре, где вообще промитридатовские настроения оставались господствующими. Особенно привлекательными могли быть такие черты политики Митридата в Пергаме, как поощрение полисных свобод, поклонение отеческим эллинским богам и забота о них. Поскольку против Фарнака выступило преимущественно греческое население, а Асандр воспользовался этим для своей поддержки, то в лице нового царя греки должны были увидеть надежного последователя политики сохранения прав и свобод полисов, озабоченного их материальным благополучием. Таким образом Цезарь рассчитывал получить вассальный см Боспор, используя промитридатовские символы и пропаганду, под римским контролем.

³¹ *Heinen H.* Op. cit. S. 73–75; ср. *Hoben W.* Op. cit. S. 97. Anm. 7; *Sullivan R.* Op. cit. P. 158: Салливан считает, что Боспор перешел к Митридату Пергамскому по причине связи его матери с Митридатом VI; *Mommsen T.* Römische Geschichte. B., 1921. Bd. 5. S. 286: происхождение от Евпатора — это выдумка его матери Адобогиины.

³² *Heinen H.* Op. cit. S. 70.

Получив от Цезаря титул царя Боспора (явное подтверждение, что в это время Рим уже официально влиял на династийную политику в Причерноморье, вследствие чего любой несанкционированный римлянами шаг в этом направлении мог рассматриваться как узурпация и незаконная акция, поэтому выпуск золота с титулом царя был невозможен без санкции сената или Цезаря), Митридат Пергамский выступил с войском против Асандра. В связи с тем, что по пути на Боспор им было разрушено святилище Ино-Левкотеи в Колхиде (*Strabo*. XI. 2. 17; *App. Mithr.* 121; *Bel. Alex.* 78)³³, можно высказать предположение, что галатский тетрарх двигался по суше, во всяком случае до территории Колхиды. Обстоятельств похода Митридата мы не знаем, однако разрушение храма во внутренней Колхиде (в Вани) – само по себе показательно³⁴. По-видимому, население Западной Колхиды отнюдь не приветствовало завоевателя и оказало ему сопротивление. Если верна точка зрения Браунда, то оно не хотело входить в состав нового промитридатовского объединения с Боспором. Последнее должно означать, что Митридат Пергамский, как и Фарнак, рассчитывал присоединить к своим владениям и Колхиду. Страбон говорит, что Митридат был провозглашен тетрархом и царем Боспора и других земель (*Strabo*. XIII. 4. 3). Это можно воспринять как указание, что под его власть попали области по соседству с Боспорским царством³⁵.

Достоверно мы не знаем, получил ли Митридат, помимо тетрархии в Галии, земли в Пафлагонии, Каппадокии Понтийской и Малу Армению, т.е. основной домен Митридатидов, отданный в 65 г. до н.э. Помпеем Дейотару (*Strabo*. XII. 3. 13; *App. Mithr.* 114; *Syr.* 50; *Eutrop.* VI. 14. 1; *Cic. Deiot.* 10; *Phil.* II. 94; *Div.* II. 79; *Bel. Alex.* 67)³⁶. Известно лишь, что после кратковременного господства здесь Фарнака владения Дейотара, оставшегося тетрархом галатов-толистопоитисв, были серьезно сокращены по повелению Цезаря (*Cic. Deiot.* 8). Р. Сайм допускает, что для операции в Колхиде и на Боспо-

³³ Глибукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 313; Лордкипанидзе О.Д. Город-храм Колхиды. М., 1978. С. 76. В. Хобен ошибочно полагает, что ограбленный Митридатом храм Ино-Левкотеи находился в стране мосхов южнее пределов Колхиды (*Hoben W.* Op. cit. S. 100–102).

³⁴ Салливан считает, что это удар по сопротивлявшимся колхам (*Sullivan R.* Op. cit. P. 159); *Syme R.* Op. cit. P. 133: одна из целей похода – завоевание Колхиды; *Braund D.* *Georgia in Antiquity*. Oxford, 1994. P. 168–170: Цезарь предоставил Митридату свободу действий в Колхиде, чтобы связать ее с Боспором как наследство Митридата Евпатора.

³⁵ *Grever F.* *Mithridates* // *RE*. 1932. XV, 2, Hbhd. 30. S. 2206: попытка завоевания Колхиды была предпринята до экспедиции на Боспор; *Heinen H.* Op. cit. S. 73.

³⁶ *Wellesley K.* *The Extent of the Territory added to Bithynia by Pompey* // *RhM*. 1953. 96. N.F. P. 297–300; *Anderson J.G.* *Two Anatolian Notes: Pompey's Treatment of Pontus* // *AS: pres. to W.H. Buckler*. Manchester, 1939. P. 3–7; *Seager R.* *Pompey: A Political Biography*. Oxford, 1979. P. 52.

ре Митридату требовалось закрепиться в районе Фарнакии и Трапезунта³⁷, а Ф. Адкок полагает, что после битвы при Зеле Цезарь передал Митридату Фарнакию, а часть Малой Армении оставил Дейотару³⁸, хотя, скорее всего, вся Малая Армения отошла к Каппадокии (*App. Mithr.* 117; *Dio Cass.* XXXVI. 50. 3)³⁹. Если Митридат действительно получил часть бывших владений Дейотара на востоке Малой Азии, то тогда он и стоявший за ним Цезарь намеревались создать большое Понтийско-боспорское государство, которое включало бы в свой состав Колхиду. Иными словами, римляне хотели возродить государство, объединявшее бывшие владения Митридатидов, но под римским контролем. Для Цезаря это было очень важно именно в 46–44 гг. до н.э., так как открывало возможность создания мощного плацдарма на востоке против парфян и гетов Буребисты, усилившегося в 47–44 гг. до н.э. вследствие территориальных захватов в Причерноморье.

К сожалению, мы не знаем, как развивался дальше поход Митридата Пергамского на Боспор, шел ли он туда по суше или плыл по морю прямо из Колхиды. В качестве гипотезы можно предположить, что он выбрал морской путь из-за того, что еще со времени Митридата Евпатора северокавказское побережье, населенное зигами, ахейцами и гениохами, не признавало власть соседних царей Боспора и Понта и проход через их земли всегда рассматривался как исключительный случай⁴⁰. Митридат Пергамский был послан на Боспор специально, чтобы “воевать с Асандром” (*Dio Cass.* XLII. 9. 48; *App. Mithr.* 120; 121). Это имело место в самом конце 47 г. до н.э., а скорее всего уже в 46 г. до н.э. Все это время Асандр должен был быть занят военными действиями и укреплением своей власти. Поскольку Дион прямо говорит, что Цезарь позволил Митридату воевать с Асандром (*Dio Cass.* XLII. 9. 46), то вооруженное столкновение между ними, надо полагать, состоялось.

В этой связи возникают два вопроса: первый, что послужило причиной помещения победной символики на монеты Асандра, и второй, когда он начал выпуск золотых статеров. Существует точка зрения, что символ морской победы на его монетах – Ника на проре, как на золоте (рис. 1, 7–9), и обычная прора, как на меди, – появился в ознаменование успехов в борьбе с пиратами либо в войне с Фарнаком⁴¹. Однако Асандр воевал с Фарнаком исключительно на суше, а решающее сражение с ним вообще было конным (*Strabo.* XIII. 4. 3). Что до пиратов, то у Асандра попросту не было времени снарядить против них

³⁷ *Syme R. Op. cit.* P. 133, 134.

³⁸ *Adcock F.* Lesser Armenia and Galatia after Pompey's Settlement of the East // *JRS*. 1937. Vol. 27. P. 15.

³⁹ *Ibid.* P. 15; *Syme R. Op. cit.* P. 137–143.

⁴⁰ *Duggan A.* King of Pontus: The Life of Mithridates Eupator. N.Y., 1959. P. 175.

⁴¹ *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 314 = *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. II Amsterdam, 1971. S. 326; *Голубцова Е.С.* Указ. соч. С. 76; *Сокольский Н.И.* Вдлы... С. 108.

флот по причине занятости в войне с Фарнаком и сразу после нее с Митридатом Пергамским. В 47–44 гг. до н.э. он был полностью поглощен интритополитическими делами и его положение на престоле было все еще непрочным из-за позиции римлян. Поэтому Ника на носу корабля и сама прора появились на монетах скорее всего в результате победы над Митридатом Пергамским⁴². Это тем более вероятно, что победные символы на золоте и меди Асандра в течение всего его правления приемы были отразить то событие, которое позволило ему окончательно утвердиться в Боспорском царстве, а это могла быть только военная победа над Митридатом Пергамским. Ведь после нее вплоть до самого конца правления Асандру уже не пришлось военной силой укреплять свою власть. Вот почему можно с большой долей уверенности утверждать, что Митридат Пергамский прибыл на Боспор по морю непосредственно из Колхиды, но ослабленный оказанным ему там сопротивлением. Тогда решающим следует считать морское сражение между ним и Асандром, завершившееся не в пользу Митридата и римлян. Возможно, что войска тетрарха так и не высадились на сушу, а их предводитель пал в морской битве⁴³. Впрочем, это точно не известно, но бесспорно одно – победа Асандра, не позволившая Митридату Пергамскому занять боспорский престол, была одержана потому, что население царства вновь оказало поддержку “узурпатору”. Боспорцы, как и при Фарнаке, опять продемонстрировали нежелание входить в объединенную малоазийско-боспорскую державу, даже несмотря на ее зависимость от Рима. Слабая промитридатовская тенденция в политике и действиях претендента в цари не заставила их обмануть себя: военно-хозяйственные поселенцы, служившие еще Митридату Евпатору и Фарнаку, поняли, что ставленник римлян будет всецело выполнять волю Рима, что непременно выразится в постепенной ликвидации их поселений, как это было в Восточной Анатолии. Города Боспора опасались перейти на второй план по сравнению с малоазийскими полисами и также не желали возрождения Панпонтийской державы. И, наконец, все усилилось бремя налогового бремени в случае начала римско-парфянских войн, разбоя откупщиков и публиканов, как это было перед войной с Митридатом VI. Победа Асандра безусловно укрепила его позицию среди населения городов и хоры, предпочтительнее независимость Боспора прямому римскому контролю.

Асандр вряд ли выпускал золотые монеты со своим титулом и победной символикой до окончательной победы над Митридатом

⁴² *Hennig R.* Die Regierungszeit des Asander // *Berliner Münzblätter*. 1908. NF. Hrg. 29. N 78/79. S. 86; *von Sallet A.* Die Münzen Asanders // *Berliner Blätter für Münz-, Siegel- und Wappenkunde*. 1869. Bd 6. S. 32.

⁴³ *Старыкин С.Ю.* Уникальный статер... С. 206; *Карышковский П.О., Фролова Н.А.* Правление... С. 96; *Фролова Н.А.* Указ. соч. С. 18, 19; *Giel Ch.* Kleine Beiträge zur antiken Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886. S. 11: Гиль считал, что тип монет Асандра не связан с морской победой над Митридатом Пергамским.

Пергамским. Он до самого конца старался завоевать доверие римлян, которые считали его изменником их “другу” Фарнаку. На это косвенно указывает то, что уже позднее, став царем, он все же получил от римлян (скорее всего от Марка Антония, а впоследствии от Августа) эпитет “друг римлян” (CIRB. 30 и надпись Хрисалиска из его усадьбы)⁴⁴. Следовательно, по крайней мере до разгрома Митридата он не смог бы выпустить и монету с титулом архонта⁴⁵.

При определении даты победы над Митридатом Пергамским следует принять во внимание наблюдение В. Хобена, что это могло произойти в самом конце лета – поздней осенью 46 г. до н.э. За *terminus post quem* можно взять сообщение Диона Кассия, что в 46 г. до н.э. правитель Сирии Секстий скрыл намерение Цецилия Бесса поднять восстание, чтобы помочь последователям Сципиона, Катона и помпеянцев завоевать политическую власть. Разоблаченный, он объяснил Секстию, что собирал силы не для восстания, а с целью помочь Митридату Пергамскому осуществить экспедицию на Боспор (*Dio Cass. XLVII. 26. 5*)⁴⁶. Если учесть, что следующий 45 г. до н.э. начинался на Боспоре в октябре по македонскому лунно-солнечному календарю и вифино-понтийской эре, то вполне возможно, что разгром Митридата Асандром случился в самом конце 46 – начале 45 г. до н.э., так как вряд ли Митридат предпринял поход или тем более плавание на Боспор в зимнее время⁴⁷. Из свидетельства Диона можно также заключить, что Митридат с целью вытеснить неугодного Цезарю Асандра из столицы Боспора мог воспользоваться теми же воинскими контингентами из Северной Сирии и Киликии, которые были им использованы для помощи Цезарю в Египте. В этом отношении любопытно предположение М.Б. Шукина, по которому находка римской фибулы в кургане Ак-Бурун может быть связана с походом Митридата Пергамского на Боспор, в ходе которого воевавшие на его стороне вспомогательные подразделения Цезаря были разбиты боспорцами и местным населением⁴⁸. И хотя не обязательно, что фибула типа *Aucissa* как деталь римской военной амуниции попала на Боспор с отрядами Митридата Пергамского (тем более что он был скорее всего побежден в морском сражении), вполне допустимо, что Цезарь под

⁴⁴ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 106.

⁴⁵ Ср., однако: *Seaby H.A. Greek Coins and Their Values. L., 1966. P. 116, N 1416* монета архонта Асандра типа Ника-прора от 47 г. до н.э., что вряд ли правильно.

⁴⁶ *Hoben W. Op. cit. S. 100–102.*

⁴⁷ *Ibid. S. 102.* Ф. Гейер справедливо критикует Б. Ниезе (*Geyer F. Op. cit. S. 2206, 2206; Niese B. Straboniana // RhM. 1888. Bd. 38. S. 594*), ошибочно полагавшего, что Цезарь дал Митридату Пергамскому Боспор до битвы при Зеле.

⁴⁸ Шукин М.Б. Фибулы типа “Алезия” из Среднего Поднепровья и некоторые проблемы римско-варварских контактов на рубеже н.э. // СА. 1989. № 1 С. 68.

держал своего ставленника военной силой из состава своих легионов в ответ на оказанную ему помощь в Египте.

Что до года, когда Асандр приступил к выпуску монет с титулом архонта, то на помощь приходит малозамеченное исследователями предположение А.Л. Бертье-Делагарда, что он мог заимствовать типологию монет с римских монетных выпусков 46–45 гг. до н. э.⁴⁹ Статер Асандра первого года правления на оборотной стороне имеет изображение Ники с опущенными вниз крыльями – тип (рис. 1, 7), который мог быть скопирован с римских денариев республиканцев Кассия и Брута 44–42 гг. до н.э., выпущенных в Греции и Македонии для борьбы с цезарианцами Марком Антонием и Октавианом⁵⁰. Этот же тип встречается на монетах фракийского царя Котиса II с легендой его и его отца Рескупорида I, сторонника республиканцев (App. В.С. IV. 136), выпущенных в конце 40-х годов до н.э. (рис. 1, 10). Учитывая, что до самой своей смерти в марте 44 г. до н.э. (по юлианскому календарю) Цезарь так и не признавал Асандра царем, то вполне вероятно, что тот в пику цезарианцам, укрепив свою власть победой над их ставленником, принял антицезарианскую символику в ознаменование этого события. Это должно было произойти не ранее 46–45 г. до н.э. по лунно-солнечному македонскому календарю и основанной на нем эре, принятой в Боспорском царстве⁵¹.

Знаменательно, что счет годов правления Асандра резко контрастирует с господствовавшей на Боспоре со времени Митридата I импатора вифино-понтийской эрой, принятой Фарнаком, Динамией и всеми последующими царями династии Тибериев–Юлиев вплоть до конца существования Боспорского царства. Это могло быть связано с пересчетом Асандром годов с вифино-понтийской эры на юлианскую после перехода на юлианский календарь в Риме в январе 45 г. до н.э.⁵² Если это так, то когда наступил юлианский 45 г. до н.э., на Боспоре в соответствии с лунно-солнечным македонским календарем еще продолжался 46 г. до н.э., завершившийся в сентябре. Когда в марте 44 г. до н.э. был убит Цезарь, на Боспоре еще продолжался 45 г. до н.э. Монеты Кассия и Брута, которые, возможно, стали прототипом монет Асандра, были выпущены вслед за гибелью диктатора в том же 44 г. до н.э., а по боспорскому летоисчислению – в 45 г. до н.э. Асандр получил право выпустить золото и принять титул архонта не раньше смерти Цезаря, следовательно, это могло

⁴⁹ Бертье-Делагард А.Л. О монетах властителей Боспора, определяемых монограммами // ЗООИД. 1910. 29. С. 140.

⁵⁰ Sydenham E.A. The Coinage of the Roman Republic. L., 1952. N 1291; ср.: Touroukova Y. Coins of Ancient Thracians. BAR Suppl. Ser. Oxford, 1976. P. 52, 54, 89, 90. Pl. XXVII, 55.

⁵¹ Leachhorn W. Antike Aeren. Stuttgart, 1993. S. 44 u. folg.; подробно см.: Сапрыкин С.Ю. Фракия и Боспор на рубеже нашей эры // ЗΥΣΣΙΤΙΑ: Сб. памяти Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 263–266.

Бикерман Э. Хронология древнего мира. М., 1975. С. 42.

случиться в 44 г. до н.э. по юлианскому календарю или в 45 г. до н.э. по вифино-понтийской или боспорской эре. Отсюда следует, что первая золотая монета Асандра с Никой с опущенными крыльями появилась в обращении не ранее 45/44 г. до н.э., т.е. сразу после гибели Цезаря, а четвертая с титулом архонта и первая с титулом царя – в 42/41 г. до н.э., т.е. тотчас после битвы при Филиппах, когда Марк Антоний, несмотря на антицезарианскую позицию боспорского архонта и из побуждений своей восточной политики все же признал Асандра царем Боспора⁵³. Это и послужило причиной чекана и один и тот же год монет с титулом архонта и титулом царя. Д.П. Каллистов отметил, что римляне обычно не утверждали архонтства за правителями⁵⁴, значит Асандр выпускал монеты первых трех годов самостоятельно без разрешения Рима, очевидно, пользуясь новым обострением там внутривосточной борьбы. Тогда становится понятной и антицезарианская символика на первой его золотой монете.

При таких датах первых монет Асандра последний, 29-й год его правления будет фиксироваться золотым статером Динамии от 281 г.п.э. = 16 г. до н.э. (рис. 1, 5). Он мог быть выпущен в том же году или сразу после последнего датированного статера Асандра в связи с тем, что с переходом власти в руки Динамии на Боспоре опять вернулись к царской вифино-понтийской эре, более близкой преемнице Митридата VI его внучке Динамии.

Мы поддерживаем точку зрения тех, кто считает, что статер года А = I был выпущен архонтом Асандром в 45 г. до н.э. и имел на аверсе портрет Цезаря, а второй статер, также с ликом диктатора, в 44 г. до н.э. Асандр хотел этим как-то реабилитировать себя в глазах Рима, добиваясь теперь расположения цезарианцев Антония и Октавиана. Этим же можно объяснить и счет годов правления по юлианскому календарю⁵⁵. Процезарианский тип аверса и антицезарианский тип реверса на первой монете Асандра в точности отража

⁵³ von Sallet A. Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Könige des Cimmerischen Bosphorus und des Pontus. В., 1866. S. 27; Giel Ch. Op. cit. S. 10; Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 82; Freber Ph.-S.G. Op. cit. S. 105.

⁵⁴ Каллистов Д.П. Указ. соч. С. 178.

⁵⁵ Giel Ch. Op. cit. S. 11: юлианская эра Асандра с 45/44 г. до н.э.; Leschhorn W. Op. cit. S. 46, 47. Anm. 21: эта эра с 45/44 г. до н.э. нигде не встречается, поэтому даты на монетах Асандра – это годы его правления и не являются эрой в полном смысле слова. Однако, по нашему мнению, введение нового счета годов было призвано укрепить власть Асандра, при этом любой счет годов должен основываться на соответствующих календаре и эре. Поэтому, откинувшись от традиционной эры царей Понта, Асандр должен был внести изменения и в календарь как ее основу. Это могло быть сделано только подгонкой месяцев македонского календаря соответственно месяцам юлианского календаря, хотя Э. Бикерман полагает, что на Боспоре юлианский календарь принят не был (Бикерман Э. Указ. соч. С. 42–46).

ют характер его политики: с одной стороны, поддерживавшие его боспорцы, в основном города, не хотели напрямую подчиняться Риму, отсюда и победная антиримская символика. С другой – они не желали открытой конфронтации с Римом, что и стало причиной появления портрета Цезаря. Следуя этим настроениям, Асандр выражал покорность воле римлян, не признавших его царем, поэтому демонстрировал свое удовлетворение скромным титулом архонта.

Асандр не оставлял попыток заручиться благосклонностью римлян и после смерти Цезаря: статер третьего года правления имел на аверсе уже голову Марка Антония, преемника убитого диктатора и главы цезарианской партии. Четвертый статер с титулом архонта и пятый уже с титулом царя относятся к году $\Delta = 4$, что соответствует 42 г. до н.э., когда Антоний признал его царем.

Помимо золота Асандр-архонт чеканил и медные монеты. Это аполлоны типа: голова Асандра (или бога Аполлона)–нос корабля; и тетрагалки типа: голова Ники–нос корабля. Со второго года правления реверс статеров имеет изображение Ники с поднятыми вверх крыльями (на статере первого года, как указывалось, крылья богини опущены)⁵⁶. Став царем, Асандр прекращает свой медный чекан, предоставив его крупнейшим городам царства Пантикапею и Фанагории⁵⁷. Вместе с архонтским титулом Асандра все эти нюансы его монетной политики весьма знаменательны. В типологическом плане медная чеканка городов несет на себе отголоски митридатовой символики: это изображения божеств Аполлона, Геракла, палицы, лука, лиры, пьющего Пегаса, звезды–Солнца, льва и др.⁵⁸ Они показывают, что Асандр продолжил политику Митридата Евпатора и первых лет царствования Фарнака, когда власть стремилась сохранить традиции автономии крупнейших полисов Боспора. Ника и прора на монетной меди городов указывает на связь с золотом и медью архонта и царя Асандра, подтверждая вывод, что от одержанной им победы более всего выиграли города (мы не исключаем предположения, что победная символика на монетах Асандра могла отражать одновременно двойной военный успех царя в битвах с Фарнаком и Митридатом Пергамским). Принятие Асандром титула архонта явно отвечало интересам полисов, чтобы придать этим видимость поощрения их свободы и автономии, погранных ранее Фар-

⁵⁶ Оreshnikov A.B. Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. М., 1887. С. 63–67; Oreshnikov A. Nouvel essai de chronologie des monnaies d'Asandre // Annuaire de la société de numismatique. 1888. P. 5–7; von Sallet A. Beiträge. S. 27, 28; Giel Ch. Op. cit. S. 10, 11; Зограф А.Н. Указ. соч. С. 189; Карышковский П.О., Фролова Н.А. Правление... С. 102–111; Фролова Н.А. Указ. соч. С. 22–24. Кат. 1–52.

⁵⁷ Оreshnikov A.B. Указ. соч. С. 65, 66; Зограф А.Н. Указ. соч. С. 188–190; Анохин В.А. Указ. соч. С. 80; Фролова Н.А. Указ. соч. С. 23.

⁵⁸ Giel Ch. Op. cit. S. 10–12; Оreshnikov A.B. Указ. соч. С. 65–68; Зограф А.Н. Указ. соч. С. 190.

наком и еще раньше Митридатом Евпатором. Этот титул перекликался с исконно боспорской спартокидовской традицией, когда властители, ограниченные полисными рамками своей власти, титуловались “архонтами Боспора (т.е. Пантикапея, его округи и других более мелких городов. – С.С.) и Феодосии”⁵⁹. Не случайно, возникла даже мысль считать Асандра потомком Спартокидов (см. выше). Не имея легитимных прав на престол, не осмеливаясь сразу объявить себя царем, Асандр надеялся заручиться расположением римлян при посредничестве зажиточной верхушки городов и наконец завладеть царским титулом⁶⁰. Внутренняя политика Асандра была продолжением митридатовской, но в более “мягкой” форме, при нем власть, как и раньше, пыталась предстать покровителем эллинских свобод для достижения собственных выгод.

Такая политика оказалась еще более ярко выраженной после женитьбы Асандра на Динамии, дочери Фарнака, внучке Митридата Евпатора (CIRB, 38; 978; 1046). Благодаря этому браку, заключенному, очевидно, в 42 г. до н.э., Асандр стал законным царем, породнившись с митридатовским царским домом и приобщившись к потомкам Ахеменидов и Отана. Учитывая благоволение Марка Антония к потомкам Митридата VI и популярность Динамии среди боспорцев, Асандр был вынужден согласиться на равное с ним участие царицы в управлении государством. Поэтому она фигурирует в надписи наварха Панталеона вместе с Асандром как равная ему правительница (CIRB. 30)⁶¹. Данная надпись, поставленная навархом цари и царицы Динамии, посвящена Посейдону Сосинею и Афродите Навархиде, покровителям флота и моряков. Она может служить напоминанием о морской победе Асандра, способствовавшей его укреплению во власти, свидетельством о военно-морском могуществе цари и поддержке его флотом. Она не может быть связана с морской

⁵⁹ См.: CIRB. P. 840–843; *Gajdukevič V.F.* Op. cit. S. 70; *Молев Е.А.* Политическая история Боспора VII–V вв. до н.э. Нижний Новгород, 1997. С. 104 и след.; *За войкин А.А.* Пантикапей и территориальное государство // Таманская старина. 2000. Вып. 3. С. 34–37.

⁶⁰ *Бурачков П.О.* Общий каталог монет. Одесса, 1884. С. 230; *Rostovtzeff M.I.* *Iranians and Greeks in South Russia.* Oxford, 1922. P. 150 (Асандр – полугрек, один из граждан Пантикапея); *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 312 = *Gajdukevič V.F.* Op. cit. S. 324. Ср. *Сапрыкин С.Ю.* Митридатовские традиции в политике Боспора на рубеже н.э. // *Античность и варварский мир.* Орджоникидзе, 1985. С. 78.

⁶¹ *Rostovtzeff M.I.* *Queen Dynamis of Bosphorus* // *JHS.* 1919. Vol. 39. P. 39; *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // *Древности.* 1914. Т. 25. С. 13; *Macurdy G.H.* *Vassal-Queens and Some Contemporary Women in the Roman Empire.* Baltimore, 1937. P. 30–33; ср. *Funk B.* *Das Bosporanische Reich und Rom zur Zeit des Kaisers Augustus* // *Das Altertum* 1986. 32. S. 27 u. folg.; *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата VI до Котиса I // *ЭПЯДАКАСП.* С. 134: Последний относит надпись Панталеона к концу правления Асандра, но никаких указаний на это в ней нет.

торговлей, поскольку поставлена навархом – одним из верховных военных морских чинов в эллинистических государствах⁶².

Против женитьбы Асандра на Динамии до 47 г. до н.э.⁶³ говорит то, что еще до битвы при Зеле Фарнак предлагал Цезарю в жены свою дочь (*App. В.С. II. 91*), скорее всего Динамию⁶⁴, единственную свидетельствованную источниками дочь царя. Брак с Динамией привлек к Асандру симпатии промитридатозски настроенных местных племен и военно-хозяйственных поселенцев-катоиков на царской хоре. Среди них были выселившиеся еще при Евпаторе выходцы из Восточной Анатолии, их потомки, родившиеся уже на Боспоре, поддерживавшие Митридатидов скифы, сарматы и меоты. Это помогло Асандру в течение короткого времени не только усилиться самому, но и приступить к расширению границ Боспорского государства и проводить самостоятельную активную политику в Причерноморье.

Первое свидетельство о контактах Боспора с другими государствами – с Фракией в данном случае – сохранила нумизматика. В конце III в годов до н.э. во Фракии была выпущена серия медных монет типа мужской портрет в диадеме, ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΚΟΤΥΣ – богиня Ника с опущенными крыльями влево, венком в правой и пальмовой ветвью в левой руке, ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΡΑΙΣΚΟΠΟΡΙΔΟΣ (рис. 1, 10). Их приписывали Котису IV (VII), сыну Рескупорида I, однако Й. Юркова отнесла их к царю Рескупориду I (ок. 48–42 г. до н.э.), а мужской портрет на аверсе рассматривается ею как изображение Котиса II, союзника Рекупорида I⁶⁵. Однако по новой генеалогии фракийских одрисских и сапейских царей эти монеты относятся к ко времени правления Котиса II Сапея, сына царя Рескупорида I⁶⁶. Аналогичное изображение Ники с пальмовой ветвью, но вправо, встречается на римских монетах Брута от 43–42 гг. до н.э., чеканенных перед битвой с Антоном при Филиппах (см. примеч. 50). Ника с реверса монет Фракии

⁶² Casson L. *Ships and Seamanship in the Ancient World*. Baltimore; L., 1995. P. 307. Not. 30.

⁶³ Бертье-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 81; Minns E. *Op. cit.* P. 591.

⁶⁴ Сибирский А.А. Указ. соч. С. 72; Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 99; Macurdy G.H. *Op. cit.* P. 30–33; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 134: вслед за А. Бекком Яйленко считает, что Асандр был женат на Динамии до похода Фарнака в Понт. Это легко опровергается тем, что тогда он имел бы уже право титуловаться не архонтом, а царем. Миннз полагал, что Асандр женился на Динамии в конце своего царствования, основываясь на эпиграмме из Нимфея (см. примеч. 4) (Minns E. *Op. cit.* P. 561), однако его предполагаемый брак с Гликанией никак не доказывает женитьбу на Динамии в конце правления, так как в нимфейской эпиграмме ни Асандр (если это вообще будущий царь!), ни Гликания не имеют царских регалий.

⁶⁵ Jouroukova Y. *Op. cit.* P. 52, 53. Pl. XX, 153–157.

⁶⁶ Sullivan R. *Thrace in the Eastern Dynastic Network* // ANRW. B.; N.Y., 1979, Bd. II, 1, 1. P. 196; Тачева М. История на българските земи в древността. София, 1987. С. 89.

очень близка типу оборотной стороны статеров архонта Асандра, особенно тесная близость наблюдается со статером его первого года архонства. На них, как и на фракийских монетах и денариях Брута, крылья богини опущены вниз. Совпадение этих типов не случайно. Рескупорид I, отец Котиса II, с самого начала занял антицезарианскую позицию, оказывал помощь Помпею, затем поддержал республиканцев Кассия и Брута против Антония. Однако затем Филипп сумел завоевать расположение последнего. На рубеже 40-х – 30-х годов до н.э. Рескупорид умер и престол перешел к его сыну Котису II, также ставшему вассалом Марка Антония. Вышеупомянутые монеты выпущены сразу после смерти Рескупорида, память о котором и дань уважения отражены на их реверсе. Котис, обязанный отцу царством, использовал тип идущей Ники с опущенными крыльями рядом с портретом отца как воплощение той политической позиции, которой придерживался Рескупорид. Марк Антоний, стремившийся иметь верных вассалов и династов для борьбы с Октавианом, не обращал особого внимания на антицезарианские взгляды некоторых из них. Этим же можно объяснить и утверждение царем Асандра на Боспоре, несмотря на его непризнание Цезарем. Мы не знаем, поддержали Асандра Кассия и Брута, но косвенные данные говорят за это. Когда республиканцы стали готовиться к войне с Марком Антонием и Октавианом, то в конце 44 – 42 гг. до н.э. собирали отовсюду помощь вассальных царей. Асандр мог в пику цезарианцам выпустить свои золотые монеты с титулом архонта и по типу монет Брута, поскольку чувствовал себя обиженным непризнанием со стороны Цезаря. Это показывает, что он вполне мог поддержать сторонников Кассия и Брута, как это сделал и фракийский царь Рескупорид.

Золотой Асандра с антицезарианским типом был отчеканен раньше медных монет Котиса II с аналогичным изображением. Заимствование типа монет Брута обоими царями могло быть следствием сближения Фракии и Боспора сначала на антицезарианской платформе, а затем уже как вассалов и союзников Марка Антония. Не случайно, думается, что со второго года правления и в последующее время Асандр слегка изменил тип реверса – вместо антицезарианского брутовского типа 44–43 гг. до н.э. он стал использовать изображение Ники не с опущенными, а с поднятыми вверх крыльями⁶⁷.

Сближение Асандра с Фракией на антицезарианских позициях вполне объяснимо. Митридат Пергамский, как уже говорилось, был назначен Цезарем на Боспор, чтобы предотвратить нежелательную для римлян экспансию Бурбисты и союзных гетам фракийцев на Восток⁶⁸. Для римлян Асандр был нежелательной фигурой, поэтому ему ничего не оставалось, как осуществлять внешнюю политику, подчас шедшую вразрез с устремлениями Цезаря. В этом ряду стоял

⁶⁷ Подробно об этом см.: Сапрыкин С.Ю. Фракия и Боспор... С. 263–266.

⁶⁸ Sullivan R. Eastern Royalty and Rome... P. 158, 159.

и попытки Асандра укрепиться в Таврике, особенно в Херсонесе Таврическом, получившем подтверждение своей элевтерии в 45 г. до н.э. от Цезаря⁶⁹. О планах и намерениях Асандра подчинить Херсонес, почти завершившихся успешно, если бы не героическая бдительность сорвавшей эти планы Гикий, дочери Ламаха, одного из главных магистратов города, свидетельствует херсонесская легенда в изложении Константина Багрянородного (*Const. Porphy. De adm. imp.* 53). В свое время мы отнесли события легенды к 46–45 гг. до н.э., когда Херсонес получил от Цезаря свободу и официально уже не входил в состав Боспора. Оставляя в стороне аргументацию, приведенную в нашей статье⁷⁰, считаем уместным еще раз подчеркнуть, что означенная легенда является достоверным историческим источником, восходящим к местной херсонесской хронике, в которой описываются события, овеянные героическими деяниями верховной херсонесской богини Девы⁷¹.

Несмотря на наши доводы, В.М. Зубарь тем не менее склонен относить события в легенде к периоду между смертью Цезаря в 44 г. до н.э. и битвой при Акции в 31 г. до н.э.⁷² Мы, однако, не можем согласиться с такой датировкой по следующим соображениям. После утверждения Асандра царем и битвы при Филиппах Марк Антоний сделал свободу Херсонеса чисто номинальной, почти отменив распоряжения Цезаря, что находит подтверждение в нумизматике – в появлении боспоро-понтийских символов на некоторых сериях херсонесской меди. Симмахия Боспора с Херсонесом при Антонии фактически означала его подчинение боспорскому протекторату и делала бессмысленной любую попытку захвата города со стороны Боспорского царства. По сообщению Страбона, Херсонес “с тех пор (со времени Митридата Евпатора. – С.С.) и до настоящего времени подчинен властителям Боспора” (*Strabo*. VII. 4. 3). То есть в те годы, когда Страбон писал свой труд, а это примерно 31–7 гг. до н.э. (после чего вплоть до 23 г. н.э. сочинение лишь редактировалось и пополнялось незначительными вставками⁷³),

⁶⁹ Rostovtzeff M.I. Caesar and the South of Russia // JRS. 1917. Vol. 7. P. 28 ff.; Freber Ph.-S.G. Op. cit. S. 95–99; Кадеев В.И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 56.

⁷⁰ Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес (К достоверности легенды о Гикий) // СА. 1987. Вып. 1. С. 48.

⁷¹ О достоверности легенды о Гикий см.: Garnett R. The Story of Gycia // The English Historical Review. 1897. XII. P. 100–105; Сапрыкин С.Ю. Асандр... С. 50; Русяева А.С. Религиозный аспект исторической новеллы о Гикий Константина Порфирородного // ΜΟΥΣΕΙΟΝ. СПб., 1997. С. 281.

⁷² Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже н.э. // ВДИ. 1987. № 2. С. 122; Он же. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 11.

⁷³ Aly W. Strabon von Amaseia. Untersuchungen über Text, Aufbau und Quellen der Geographica. Bonn, 1957; Syme R. Op. cit. P. 299; Anderson J.G.C. Some Questions, bearing on the Date and Place of Composition of Strabo's Geography // AS: pres. to sir W. Ramsay. Manchester, 1923. P. 2, 3.

Херсонес Таврический входил в состав Боспорского царства. Следовательно, нельзя уверенно говорить, что в 44–31 гг. до н.э. херсонеситы могли отстоять свою свободу от попыток Асандра подчинить их собственной власти⁷⁴.

Неудача Асандра в стремлении овладеть Херсонесом вскоре компенсировалась политикой Марка Антония, отменившего элевтерию херсонесцев и отдавшего их опять под протекторат Боспора. Херсонес мог сохранить элементы полисных свобод, но его правовые отношения с Боспорским царством улажены не были до 25 г. до н.э. Власть Асандра над херсонеситами подтверждается большим количеством монет пантикапейского чекана (55 экз.) и Асандра-архонта (9 экз.), обнаруженных в этом городе. Возможно, что Херсонес после мероприятий Антония поддерживал филэллинскую политику Боспора⁷⁵.

О признании Асандра царем именно в 42 г. до н.э. свидетельствует его золотая чеканка: в один и тот же год $\Delta = 4$ были выпущены статеры с титулом архонта и с титулом царя⁷⁶. Это может указы

⁷⁴ Попытка В.М. Зубаря связать события легенды о Гикий с декретом IosPE. I (ed. 2) 355 в честь неизвестного херсонесского гражданина, спасшего сограждан от власти тирана, мало убедительна, поскольку декрет датируется большинством исследователей последней четвертью I в. до н.э. – II в. н.э. и обобщение боспорских правителей этого времени классическим эллинским термином “тиран” нереально и более нигде не встречается. Речь в декрете идет о местном городском тиране, от которого и был освобожден город. В другой работе В.М.Зубарь датирует попытку захвата Херсонеса 28–25 гг. до н.э. и связывает ее с деятельностью сына Асандра от брака с Динамией (Зубарь В.М. Северный Понт... С. 12). Однако нигде не сказано, что сын Асандра по легенде был на самом деле сыном Динамии, к тому же брак Асандра и Динамии был заключен не ранее 42 г. до н.э. и от него родился лишь один сын – Аспург (см. гл. 4). Зубарем вновь не учитывается то, что дарованная Цезарем свобода не была подтверждена позднее, значит юридически город продолжал оставаться во власти Боспора и Асандру незачем было организовывать его захват, чреватый новым ухудшением отношений с Римом даже несмотря на поддержку со стороны Марка Антония.

⁷⁵ Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. Харьков, 1981. С. 15. Возможно, что в 25 г. до н.э. Август подтвердил независимость города (Зубарь В.М. Северный Понт... С. 13), но не в полном объеме (Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Киев, 1994. С. 16). О нахождении монет Асандра в Херсонесе см.: Гилевич А.М. Античные и иногородные монеты из раскопок Херсонеса // НСФ. 1968. Вып. 3. С. 12; Болдырев С.И. Херсонес и Боспор на рубеже нашей эры по нумизматическим данным // ДБ. 2001. 4. С. 127.

⁷⁶ Карышковский П.О., Фролова Н.А. Правление... С. 89–112; Frolova N.A., Karyskovskij P.J. Op. cit. S. 63–81; Фролова Н.А. Указ. соч. С. 14–24; В.А. Анохин ошибочно отнес статеры с Никой с опущенными (№ 221а) и поднятыми крыльями (№ 221) к одному году выпуска $A = 1$ (Анохин В.А. Указ. соч. С. 147), тогда как в действительности статер № 221а датируется первым годом правления архонта Асандра, а статер № 221 относится к четвертому последнему году его архонства.

нить на то, что в течение года Рим изменил отношение к Асандру и, вероятно, официально признал за ним титул царя Боспора⁷⁷. Поскольку Цезарь этого не делал, а республиканцам, занятым войной с триумвирами, было не до того, то остается предполагать, что данный шаг осуществил Марк Антоний после битвы при Филиппах, когда щедро раздавал привилегии восточным монархам с целью приблизить их к себе⁷⁸.

Возникает вопрос, почему Антоний, который выставлял себя преемником и последователем Цезаря отошел от его политики в том, что касается Боспора, признал Асандра, несмотря на его антицезарианскую позицию и в некоторых чертах даже антиримскую внешнюю политику. Ведь не секрет, что попытки свергнуть Асандра с помощью сначала Фарнака, а потом Митридата Пергамского, непризнание его “другом римского народа и Цезаря”, несанкционирование ему царского титула неизбежно толкали боспорского правителя в стан противников Рима. А при том, что в бывших доменах Митридата Евпатора противостояние римлянам было чревато усилением “митридатизма”, в том числе ростом влияния военачальников и поселенцев, укреплением царского землевладения и привлечением агрессивно настроенного местного населения, а также созданием эллинистического государства по иранскому, точнее даже “митридатовскому” образцу, то поддержка проводившего такую политику правителя могла быть расценена как предательство интересов Рима, искоренявшего “митридатизм” на восточных границах. Ответ надо искать в особенностях восточной политики Марка Антония.

Для этого следует вкратце рассмотреть мероприятия, которые он провел на Востоке. При нем некоторые города сохранили полисный статус, а на западе Малой Азии объединялись даже в особые провинции. После смерти Митридата Пергамского Дейотар с ведома Цезаря и Антония сохранил свою власть над трокмами, затем объединил всех галатов, но в 41/40 г. до н.э. после его смерти Антоний раз-

⁷⁷ () признании Цезарем Асандра см.: *Моммзен Т.* История Рима. М., 1949. Т. 5. С. 267; *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 314; *Каллистов Д.П.* Этюды... С. 179; *Он же.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 155; *Brandis C.* Bosphoros // RE. 1897. Bd. III. Ht. 1. Hbbd 5. S. 777. Но это невозможно вследствие хронологически неувязываемых с этой датой (45–44 г. до н.э.) монет Асандра-царя.

⁷⁸ () признанием Асандра царем с ведома Октавиана и Антония утверждали: *Орешников А.В.* Указ. соч. С. 64; *Голубцова Е.С.* Указ. соч. С. 80, 81; *Ростовцев М.И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 144; *Машкин Н.А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 529; *Minns E.* Op. cit. P. 593; *Gajdukevič V.F.* Op. cit. S. 325; *Giel Ch.* Op. cit. S. 11; *Hennig R.* Die Regierungszeit... S. 91; *von Sallet A.* Beiträge... S. 7; *Anderson J.G.* The Eastern Frontier under August // *САН.* 1934. Vol. 10. P. 267; *Hoben W.* Op. cit. S. 30; *Freber Ph.-S.G.* Op. cit. S. 105, 106.

делил его домен между его внуками – Кастором, которому досталась Галатия и область владения Аттала, и Дейотаром Филадельфом, получившим внутреннюю Пафлагонию. В 39 г. до н.э. было восстановлено Понтийское царство во главе с Дарием, сыном Фарнака и внуком Митридата Евпатора (*Dio Cass.* XLVIII. 33. 5; L. 13; *Plut. Ant.* 61; 63; *App. B.C.* V. 75; *Strabo.* XII. 3. 13; 38; 41)⁷⁹. Хотя территория возрожденного Понтийского царства была незначительной, на бывших землях Митридатидов с ведома Антония произошло перераспределение земли между полисами и царскими доменами в сторону увеличения последних. Это отличало реформы Марка Антония от преобразований Помпея и Цезаря⁸⁰. Создалось такое положение, когда и Понте и на Боспоре – двух бывших родовых доменах Митридата VI, у власти оказались внуки великого понтийского царя – брат и сестра Дарий и Динамия, ставшая царицей благодаря браку с Асандром, в свою очередь занявшего трон вследствие женитьбы на ней и потому получившего от Антония царский титул. Современники триумвира, его политические противники в Риме, а вслед за ними некоторые представители новейшей историографии обвиняли Марка Антония в предательстве интересов Римской республики, стремлении ослабить ее позиции на Востоке. На самом деле это далеко не так. Позиция Антония в отношении Боспора и Понта отличалась мудростью и политическим расчетом⁸¹. Еще Брандис заметил, что Цезарь не покарал Асандра за победу над Митридатом Пергамским, а оставил его править Боспором⁸². Следовательно, он мог склоняться к признанию узурпатора царем или архонтом, понимая бесперспективность борьбы с ним из-за позиции полисов, промитридатовски настроенных катойков и населения хоры. И все же создание объединенного понтийско-боспорского государства в Причерноморье было необходимо Риму по двум соображениям: против сарматских кочевников, которые все более блокировались с фракийцами⁸³, а главное – против возраставшей угрозы парфян, чтобы иметь буферную зону на случай неизбежной войны с ними. Ведь Цезарь и Антоний намеревались вести войну с Парфией, усилившейся после поражения Марка Красса. Заслуживает внимания замечание Э. Ольсхаузе, что, создавая новое Понтийское государство, Антоний учел, что

⁷⁹ *Broughton T.R.S.* Roman Asia. An Economic Survey of Ancient Rome / Ed. T. Frank Baltimore, 1938. P. 588; *Buchheim H.* Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius Heidelberg, 1960. S. 50.

⁸⁰ *Hoben W.* Op. cit. S. 34–36; *Sullivan R.* Eastern Royalty... P. 160; *Bernhardt R.* Polis und Römische Herrschaft in der späten Republik (149–31 v. Chr.). B.; N.Y., 1985 S. 71u folg.; *Sinclair T.* Eastern Turkey: an Architectural and Archaeological Survey L., 1987. Vol. I. P. 163–167; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. С. 301.

⁸¹ *Christ K.* Krise und Untergang der Römischen Republik. Darmstadt, 1979/1993 S. 448.

⁸² *Brandis C.* Op. cit. S. 777–779.

⁸³ *Millar F.* The Roman Empire and It's Neighbours. L., 1967. P. 288.

политика урбанизации, проводимая Помпеем, не была особенно действенной в Восточной Анатолии и Южном Причерноморье, поэтому Марк Антоний опасался нового всплеска антиримского настроения в этих районах⁸⁴. Это в полной мере относится и к Боспору. Поражения римских ставленников и рост популярности Асандра подвигли его на некоторые акции вразрез интересам Рима, содействовали подъему “митридатизма” в его наиболее радикальной форме – опоре на царские земельные владения и военно-хозяйственных поселенцев – катойков из среды полуварварского населения, которые появились при Митридате Евпаторе и Фарнаке в первую очередь для борьбы с Римом. Единственным выходом для сохранения влияния римлян в Причерноморье было признать Асандра царем Понтора и этим попытаться привязать его к римской восточной политике. Можно выдвинуть предположение, что действия Антония в Причерноморье были в общих чертах повторением политики Цезаря по созданию клиентных отношений между Римом и восточными пограничными царствами. Но политика Антония отличалась большей последовательностью в том, чтобы объединить римскую власть и вассальных царей личными узами преданности и клиентелы⁸⁵. Это и стало причиной отхода Антония от линии Помпея по искоренению военно-административной системы управления царскими землями в Понте и смягчения римской позиции в этом вопросе, по крайней мере в Восточной Анатолии и на Боспоре.

Расчет Марка Антония на объединение вокруг себя преданных правителей, которые действовали бы и в римских, и в его личных интересах, привел не только к возрождению династии Митридатидов в Понте, но и способствовал поощрению Асандра укреплять власть на Боспоре согласно “митридатовским” традициям. Как справедливо утверждает Е. Хузар, особое внимание Антоний уделял тем вассальным царям, государства которых занимали важное стратегическое положение. Их он делал более лояльными себе, закрывая глаза на некоторые черты их политики, не во всем совпадавшие с римской. Понт и Боспор, безусловно, занимали исключительно важное стратегическое положение, поэтому Антоний пошел даже на то, чтобы разрешить Асандру расширить границы своего царства на север⁸⁶. В этом мы не усматриваем никакого ущемления геополитических интересов Рима. Практика личной клиентелы Марка Антония

⁸⁴ Olshausen E. Pontos und Rom (63 v. Chr. – 64 n. Chr.) // ANRW. B.; N.Y., 1980. Bd. II. T. 7, 2. S. 910.

⁸⁵ Christ K. Op. cit. S. 448; Sartre M. L'Asie Mineure et l'Anatolie d'Alexandre à Dioclétien (IVe s. av. j.-c. – IIIe s. ap. j.-c.). P., 1995. 133–136. Восстановление власти царей принесло стабильность на римский Восток (Roberts A. Mark Antony: His Life and Times. Upton-upon-Severn, 1988. P. 247), поэтому его должны были поддерживать не временные правители, а законные цари (Weigall A. The Life and Times of Marc Antony. N.Y., 1931. P. 360).

⁸⁶ Huzar E.G. Mark Antony: A Biography. Minneapolis, 1978. P. 158 ff.

вводила вассальное царство в римскую систему управления, так как царь не мог провозгласить себя независимым от Рима⁸⁷. Это подтверждается тем, что как только Дарий в Понте стал представлять угрозу римской гегемонии в Восточной Малой Азии, ибо появилась тенденция сближения иранской по природе династии Митридатидов с парфянами, то он тотчас был заменен на более лояльного Полемона I, отличавшегося стойкой антипарфянской позицией⁸⁸. В этой ситуации Асандр сумел сохранить власть только потому, что Антоний в 36 г. до н.э. потерпел неудачу в войне с Парфией и ему было уже не до Боспора. Сам же Асандр, очевидно, не давал повода римлянам беспокоиться за свои позиции на северном берегу Черного моря, что открывало для него возможность начать подъем экономического и военного могущества царства. Можно, думается, согласиться с утверждением П. Сутерн, что создание системы клиентных государств на Востоке было взаимовыгодно и Антонию, и грекам: для триумвира это создавало баланс прочности против Парфии и соперников в Риме, для эллинов же служило элементом защиты и обеспечивало привычный для них патронаж верховной власти⁸⁹. Таким образом, восточная политика Марка Антония способствовала сохранению власти Асандра, объективно закрепляя Боспорское царство в ряду типично эллинистических государств, где эллинизм развивался не под римским влиянием, как, например, во Фракии, а по традиционным греко-иранским канонам "митридатизма", как было заложено еще при Митридате Евпаторе и Фарнаке, но и с учетом местной специфики проникновения ираноязычных варваров во многие сферы жизни боспорского общества.

Сохранение Асандра на боспорском престоле было следствием объективных и субъективных факторов тогдашней римской политики. С одной стороны, Антоний хотел стабильности восточных границ Республики и ему было на руку сильное государство против варваров на северо-востоке Причерноморья. С другой – поражение самого Антония и ряда его союзников, прежде всего его нового ставленника Полемона I, от парфян в 37–36 гг. до н.э. несколько ослабило римский контроль за вассальными царями на Востоке. Это помогло Асандру сохранить большую независимость Боспора от Рима, укрепить социальную базу своей власти, расширить границы государства.

Возраставшая год от года неприязнь триумвиров Октавиана и Антония друг к другу, закончившаяся открытым противостоянием, позволяла боспорскому царю демонстрировать самостоятельность и

⁸⁷ Sartre M. Op. cit. P. 136–138.

⁸⁸ Об антипарфянских тенденциях и политике Марка Антония по отношению к зависимым царствам см.: Chamoux Fr. Marc Antoine: dernier prince de l'Orient grec. P., 1986. P. 239; Buchheim H. Op. cit. S. 51.

⁸⁹ Southern P. Marc Antony. Stroud, 1998. P. 87, 88.

отношениях с Римом и безбоязненно, как минимум, до Акция проводить любые преобразования, даже если они были не совсем угодны римлянам. Говоря проще, им было не до Асандра. Это содействовало быстрому усилению Боспора, консервации эллинистических традиций во всех сферах жизни. А коль скоро эллинизм на Боспоре воплощался в следовании митридатовским традициям, ибо полный отказ от них был чреват потерей политической власти, то Асандр стремился предстать в глазах подданных полноценным эллинистическим правителем, сбалансированно выражавшим интересы полисов и жителей периферии, включая военно-хозяйственных поселенцев, главную опору династии. Из нежелания ссориться с Римом и городами, он поддерживал ограниченные полисные свободы греков, одновременно укрепляя царские земельные владения. Поэтому развитие Боспорского царства как государства эллинистического типа, воплощавшего традиции Митридата Евпатора, но в более мягком варианте, началось именно в правление Асандра. Это при нем, не считая Митридата VI и Фарнака, которые все же больше сохраняли традиции понтийского, нежели боспорского правления, были заложены основы социально-экономического развития Боспорского царства, согласно которым оно существовало как минимум до середины III в. н.э. Ни Митридат Евпатор, ни Фарнак в силу кратковременного пребывания на престоле в Пантикапее и вследствие постоянных войн с Римом не смогли полностью превратить Боспор в эллинистическое государство, подобное Понтийскому или Каппадокийскому царствам, хотя и начали это делать, опять-таки с целью использовать его в борьбе с Римом. И лишь Асандр, отказавшийся от конфронтации с Римом, сумел в более стабильных условиях завершить то, что начали его понтийские предшественники, приступившие к преобразованию Боспора из типичного тиранического государства полисного образца в ярко выраженную эллинистическую монархию греко-иранского типа.

О могуществе и экономическом процветании Боспора во второй половине I в. до н.э. свидетельствует то, что на протяжении 29-летнего правления Асандр выпускал полновесные золотые статеры почти ежегодно, за исключением лишь нескольких годов: 5-й год правления = 41 г. до н.э.; 11-й год правления = 35 г. до н.э.; 15-й год правления = 31 г. до н.э.; 24-й год правления = 22 г. до н.э.; 26-й год правления = 20 г. до н.э. Со времен Помпея и Цезаря правители зависимых от Рима государств согласовывали с ним свою политику и право бить золотую монету: сенат либо давал право чекана золота, либо отменял его, а то и не предоставлял его вовсе⁹⁰. Особо тесная связь восточных государств с Римом в этом вопросе наметилась при Антонии. В 41 г. до н.э. он обложил налогами сторонников Кассия и

⁹⁰ *Sands P.S. Client Princes of the Roman Empire under the Republic. Cambridge, 1906. P. 135.*

Брута. Сумму денег, которую города и цари выплатили республиканцам за два года и которая равнялась размеру подати за десять лет, Антоний потребовал выплатить за год (*App. B.C. V. 4-6; Plut. Ant. 56. 1*). Поскольку Асандр предположительно мог находиться среди сторонников республиканцев (см. выше), то подобная акция по отношению к Боспору способна была на какое-то время истощить золотой запас и казну Асандра. Поэтому в 41 г. до н.э. ему и не было нужды чеканить золотую монету, тем более что в предшествующий 42 г. до н.э. ему пришлось выпустить золото в двойном размере – с титулом архонта и с титулом царя. В качестве признания Антонию за предоставление титула царя Асандр поспешил, видимо, побыстрее выплатить нужную тому сумму на содержание римских легионов в Азии. За это ему могли вновь разрешить чеканить золото. К 39 г. до н.э., когда было принято решение восстановить Понтийское царство, Асандр уже выпустил в обращение статеры 6–7-го годов правления = 40–39 гг. до н.э. На 8-й год правления = 38 г. до н.э. он опять отчеканил золотой статер (что, впрочем оспаривается – этот статер упоминается только Р. Хеннигом)⁹¹. Независимо от того, имеется ли в наличии означенная монета, или ее действительно нет, отношение Рима к Асандру более чем очевидно: на престолах находились дети Фарнака, внуки Митридата Евпатора – Дарий в Понте и Динамия на Боспоре, брат и сестра, поэтому римляне могли рассчитывать на объединение в нужное время этих двух государств под властью одного преданного им правителя, будь то Асандр или Динамия, или даже Дарий. В связи с парфянской угрозой, постоянными нападениями парфян на Малую Азию и предстоявшей римско-парфянской войной такое объединение вассальных царств могло быть вполне реальным. Марк Антоний мог подумывать о возрождении старого плана Цезаря создать в Причерноморье мощный плацдарм против угрозы Парфии. Асандр, пользовавшийся расположением всех слоев населения Боспора и имевший связи с другими государствами региона, мог подойти на роль главного проводника римских интересов. Но после парфянской неудачи и смены династии в Понте в связи с опасением возрождения “митридатизма” не без влияния Боспора вопрос об этом отпал⁹². Асандр получил большую свободу действий и выпустил в обращение очередной статер 9-го года правления = 37 г. до н.э. Отсутствие статера 11-го года правления = 35 г. до н.э. можно объяснить новым обострением отношений Парфии и Рима. Так как все зависимые от римлян династии оказали Антонию фи

⁹¹ Hennig R. Die Regierungszeit... S. 92, 93; ср. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. С. 147; Фролова Н.А. Указ. соч. С. 168. О статере 38 г. до н.э. подробнее см.: Greek Coins: Museum of Fine Arts, Boston. Boston 1964. P. 36. Pl. XIII, 13/ Хотя скорее всего это статер Асандра-царя четвертого года правления = 42 г. до н.э. Ср.: Фролова Н.А. Указ. соч. С. 166–169.

⁹² Ср.: Buchheim H. Op. cit. S. 51, 52.

финсовую помощь, то можно допустить, что и Боспор предоставил ее, хотя полной уверенности в этом, разумеется, нет (ср. *Plut. Ant.* 17)⁹³. М.Ю. Трейстер полагает, что обнаруженные на акрополе Пантикапея два золотых ауреуса Юлия Цезаря 45 и 44 гг. до н.э. могли быть получены Асандром от Марка Антония вскоре после присвоения ему царского титула в качестве дипломатического дара или римской субсидии для пополнения царской казны с целью укрепить границы против варваров⁹⁴. И хотя он осторожно отвергает наше предположение о временном денежном затруднении Боспора около 35 г. до н.э., его собственный вывод скорее свидетельствует в пользу нашей точки зрения, а главное вполне согласуется с политикой Антония и общеполитической ситуацией на границах римской державы. Что до статера 15-го года правления = 31 г. до н.э., то он не был выпущен, очевидно, в связи с битвой при Акции и поражением Марка Антония.

С 30 г. до н.э. Асандр возобновляет чекан золота (статеры 16–23 гг. правления), что стало результатом признания его царем уже Октавианом Августом, новым повелителем Рима. К этому времени относится упоминавшаяся заметка псевдо-Лукиана, в которой говорится, что Август дал Асандру вместо титула этнарха титул царя Боспора (*Ps.-Luc. Macr.* 17). Октавиан, как известно, стал величаться почетным именем “Август” (*Καίσαρ Σεβαστός*) с 27 г. до н.э., поэтому заметка не может датироваться более ранним временем. Это свидетельство позднее, так что путаница в событиях (на самом деле Асандр был произведен из архонтов в цари при Марке Антонии) возникла из-за того, что источник Лукиана или он сам спутали два разных эпизода: до свержения Фарнака и захвата власти Асандр был этнархом (см. выше), затем, победив Фарнака после его возвращения из Понта, стал архонтом, а в 42 г. до н.э. – царем. Поскольку после установления своего принципата Октавиан Август делал распоряжения относительно вассальных царств, бывших ранее в числе союзников Антония, то Асандр, таким союзником являвшийся, обязан был быть непременно вновь утвержден в качестве царя. Это-то событие и довел до сведения своих современников псевдо-Лукиан, полностью объединив его с акцией Марка Антония от 42 г. до н.э.: Поэтому подтверждение прав Асандра на престол должно было состояться между 31–25 гг. до н.э.⁹⁵

⁹³ Бокщанин А.Г. Парфия и Рим. М., 1966. Ч. 2. С. 109–111; *Buchheim H.* Op. cit. S. 52. О роли клиентных царей в войне Антония с Парфией см.: *Grosso F.* La Media Atropatene e la politica di Augusto // *Athenaeum*. 1957. XXXV. P. 241.

⁹⁴ *Treyster M.Yu.* The Romans in Pantikapaion // *AnCiv*. 1995. Vol. 2. № 2. P. 176, 177.

⁹⁵ Можно согласиться с В.Н. Парфеновым, что это произошло между сентябрем 31 г. до н.э. (битва при Акции) и августом 30 г. до н.э. (падение Александрии). См.: *Parfenov V.N.* Dynamis, Agrippa und der Friedensaltar: zur militärischen und politischen Geschichte des Bosporianischen Reiches nach Asandros // *Historia*. 1996. XLVI, 1. S. 97.

Утверждение Августом Асандра царем Боспора связано с мероприятиями принцепса на Востоке. Он в целом сохранил в силе систему, созданную Марком Антонием, что говорит о действительности структуры вассальных государств на восточных границах Римской державы. Август оставил в Понте царем Полемона I и в 26 г. до н.э. объявил его “другом и союзником” Рима, несмотря на его поддержку Антония (*Dio Cass.* LIII. 25.1), и подтвердил во Фракии права на власть сапейского царя Реметалка I⁹⁶. Поскольку Асандр получил от императора заверения в поддержке, несмотря на то что ранее считался другом Антония, то следует думать, что и в данный момент политика боспорского царя устраивала Рим⁹⁷. Боспорское и Понтийское царства по-прежнему рассматривались как ключевые государства в Причерноморье, призванные сдерживать давление варваров на северо-востоке и востоке Империи. Подобное отношение со стороны принцепса давало возможность Асандру еще больше укреплять власть, расширяя границы государства. Страбон сообщает, что Асандр, как и Фарнак, владел землями до Танаиса (*Strabo* XIII. 4. 3). Возможно, что под его власть попала и вся Таврика вплоть до Перекопа⁹⁸.

В уже упоминавшейся надписи наварха Панталеона (CIRB. 30) Асандр титулуется Βασιλεύωντος βασιλέως μεγάλου Ἀσάνδρου, φίλῳρῳμαίου. Титул “друг римлян” засвидетельствован в надписи Хрисалиска, приближенного царя Асандра (рис. 2)⁹⁹. Р.Салливэн ошибочно полагал, что Фарнак не имел этого титула¹⁰⁰, хотя еще Помпей объявил его “другом римского народа” (см. гл. 1). Поэтому Асандр должен был получить этот эпитет вместе с титулом царя от Антония, так как вряд ли принял его по-наследству от Фарнака, власть которого он узурпировал незаконно. Есть основание полагать, что Август также сохранил за ним этот эпитет. Все это пока вызывает, что в 42–25 гг. до н.э. могущество и влияние Боспора возросли, более значительной, чем ранее, стала и фигура его царя.

Интерес вызывает титул Асандра “Великий царь царей”, персидский в своей основе, который восходит еще к Ахеменидам и применялся царями Парфии. Его носили Митридат Евпатор, Фарнак, Тигран Великий и др., т.е. преимущественно те цари, которые сумели создать большие государства, противостоявшие Риму. Существует предположение, что Фарнак получил его после смерти Тиграна Армянского в 55/54 г. до н.э. в знак преемственности древних ахеменидских царей.

⁹⁶ О политике Августа на Востоке см.: *Broughton T.R.S.* Op. cit. P. 593; *Magie D.* Op. cit. P. 520; *Sherwin-White A.N.* Roman Foreign Policy in the East 168 BC to 1 AD. Oklahoma, 1984. P. 593.

⁹⁷ *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1979. С. 14. Она считает, что Август под держивал Асандра, так как тот сумел оградить свои владения от скифов.

⁹⁸ *Сокольский Н.И.* Валы... С. 102–109.

⁹⁹ *Сокольский Н.И.* Таманский толос... С. 98–108.

¹⁰⁰ *Sullivan R.* Near Eastern Royalty... P. 159; против см.: *Sands P.S.* Op. cit. P. 40.

Рис. 2. Надпись Хрисалиска, приближенного царя Асандра. Вторая половина I в. до н.э. (известняк)

индо-парфянских традиций и в связи с попыткой реанимировать державу отца (см. гл. 1, примеч. 39–40). Однако надпись под статуей Митридата Евпатора из Нимфея свидетельствует, что пышный титул мог перейти к Фарнаку по наследству от отца. Мы придерживаемся мнения, что официальный титул “Великий царь царей” или его укороченный вариант “Великий царь” имеет в основе ирано-ахеменидские корни и означает политическое господство над обширными территориями с вассально зависимыми правителями¹⁰¹. К. Фосс правильно отметил, что помещение этого титула на монету в греко-иранском мире означало расширение могущества властителя, подчинившего себе ряд других земель¹⁰².

Итак, как мы видели, к концу правления Асандр существенно расширил территорию своего государства Боспора в Крыму и на

¹⁰¹ Милленко В.П. Указ. соч. С. 185. Любопытна точка зрения Б.Функа, отметившего, что Панталеон мог намеренно использовать титул “Великий царь царей” для придания большего политического веса Асандру в сравнении с Динимией, более законной царицей, прямой преемницей Фарнака, убитого Асандром и оттого остававшегося в глазах многих промитридатовских элементов узурпатором власти (*Funk B. Op. cit. S. 27–29*).

¹⁰² Foss C. The Coinage of Tigranes the Great: Problems, Suggestions and New Find // *NC*. 1986. 146. P. 35–38; см. также: *Bevan E.R. Antiochus III and His Title “Great King”* // *JHS*. 1902. Vol. 22. P. 241–244; существует точка зрения, что после Митридата III Парфянского титул стал частью обычного царского стиля (*Debevoise N. Political History of Parthia. Chicago, 1938. P. 41, 48; Sellwood D. An Introduction to the Coinage of Parthia. L., 1980. P. 64, 122–130*), что, думается, не совсем правильно, так как наряду с царями, носившими этот титул, были и царицы, которые ограничивались обычной титулатурой, как, например, на том же Боспоре и в Понте в первые века нашей эры. Поэтому титул “Великий царь”, не говоря уже о титуле “Великий царь царей”, всегда заключал в себе оттенок величия его обладателя (*Сапрыкин С.Ю. Царь Савромат I Боспорский* // *Античность. История и историки. Казань, 1997. С. 89–94; Он же. Плиний Младший и Северное Причерноморье* // *ВДИ. 1998. № 1. С. 202, 203*).

азиатской стороне путем использования “митридатовских” традиций и политики. Большую, если не главную, помощь в этом оказали ему военно-хозяйственные поселения – катойкии, созданные им на месте тех, которые были организованы еще при Митридате и Фарнаке, а также и на новых землях из разряда царских доменов. Но основой его могущества являлись территориальные военно-административные округа, может быть, это были стратегии, диойкесии, гиппархии или даже сатрапии, как в Понтийском царстве, которые появились на Боспоре при Митридатах. Они объединяли многочисленные поселения катойков или клерухов на хоре¹⁰³, но речь о них пойдет подробно в последующих главах.

В уже не раз упоминавшейся посвянительной надписи наварха Асандра Панталеона царь назван эпитетом “спаситель” – ΣΩΤΗΡ, что, как видно из контекста надписи, было частью его официальной царской титулатуры (CIRB. 30). Данный эпитет часто использовался эллинистическими царями, при этом они именовались так потому, что в глазах своих подданных являлись “спасителями от опасностей”, “основателями”, “благодетелями” и т.п., а не просто обладателями царского титула¹⁰⁴. В римскую эпоху этим эпитетом часто награждали римских функционеров и чиновников в провинциях, а также императоров, чтобы подчеркнуть различие между человеком и обожествленным владыкой¹⁰⁵. Со времени Августа такая практика основывалась на почитании эллинистических традиций, поэтому в означенном титуле Асандра можно усматривать как эллинистическое, так и римское влияние, тем более что он был признан царем при Антонии и при Августе. Поскольку последний лишь подтвердил ранее полученный Асандром титул царя, существует вероятность, что эпитет “Сотер” был присвоен боспорским владыкой после побед над Фарнаком и Митридатом Пергамским. В 47 г. до н.э. после битвы при Зеле в римскую провинцию Азию был послан П. Сервилий Исаврик, получивший *cognomina* “Сотер” и “Евергет”, так как восстановил для Пергама “демократию и законы отцов” (ILS. 8779)¹⁰⁶. Аналогичным образом и Асандр, следуя примеру римских наместников, мог объявить себя спасителем боспорцев от нежелательных претендентов Фарнака и Митридата Пергамского и стоявших за них

¹⁰³ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 266–290; Он же. Митридатовские традиции... С. 83–86; Масленников А.А. Эллинская хора на краю Ойкумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. С. 100 и след.; Saprykin S.Ju., Maslennikov A.A. Bosphoran Chora in the Reign of Mithridates VI Eupator and His Immediate Successors // *AncCiv.* 1995. 2, 3. P. 261–283.

¹⁰⁴ Price S.R. *Rituals and Power. The Roman Imperial Cult in Asia Minor.* Cambridge, 1984. P. 51, 52.

¹⁰⁵ Ibid., P. 47, 55; Hornblower S., Spawforth A. *The Oxford Classical Dictionary* Oxford, 1996. P. 1428.

¹⁰⁶ Zwi Yavetz. *Julius Caesar and His Public Image.* L., 1983. P. 104.

пинами римлян. В этом просматривается очередная скрытая анти-римская тенденция в деятельности Асандра. Если принять во внимание замечание А. Нока, что носитель прозвища “Сотер” получал почести от подданных только тогда, когда продолжал оказывать на них влияние не как обычный смертный человек¹⁰⁷, то в обладании данным Асандром эпитетом следует видеть элемент обожествления. Это подтверждает вывод, что власть Асандра на Боспоре чрезвычайно усилилась к 20-м годам до н.э. и сам он все больше правил согласно законам и обычаям независимых эллинистических царей, а не римских ставленников и тем более не по предписаниям их советников.

Вряд ли в Риме сквозь пальцы смотрели на резкое усиление власти Асандра и возрождение митридатовских традиций на Боспоре. Если до поры до времени в связи с гражданскими войнами там было много боспорских дел, то с наступлением политической стабильности после Акция римляне все чаще стали обращать взоры на Восток. Несмотря на то что Август признал Асандра, он тем не менее вывел Херсонес Таврический из-под его прямой зависимости. В ознаменование такого события в нем по примеру других полисов, получивших иероглифику, приняли собственную эру, известную как “эра царствования Девы”, верховной городской богини. И хотя город продолжал оставаться в симмахии с Боспором¹⁰⁸, данную акцию можно считать началом политики Римской империи по ограничению могущества и влияния Асандра, завершившейся его устранением от власти.

¹⁰⁷ Nock A.D. *Essays on Religion and the Ancient World*. Oxford, 1972. P. 82, 722, 727.

¹⁰⁸ Кадеев В.И. Херсонес, Боспор и Рим. С. 58; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 15,16.

ЦАРИЦА БОСПОРА ДИНАМИЯ: ДРУЖБА С РИМОМ И НОВОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ “МИТРИДАТИЗМА”

Несмотря на появившуюся в римской политике тенденцию ослабить могущество Боспорского царства при Асандре, в целом же сильное государство, способное противостоять варварам на северо-востоке, вполне устраивало Рим. Этим объясняется сохранение Асандра у власти в течение 20-х годов до н.э. Такое положение, однако, не могло продолжаться долго, поскольку римляне всерьез опасались возрождения антиримских настроений, и не только на Боспоре. В 22–20 годах до н.э. Август в сопровождении Марка Випсания Агриппы самолично отправился на восток, где провел реорганизацию вассальных царств. Было заключено мирное соглашение с парфянами, что дало возможность ужесточить политику в отношении клиентных государств. После передачи Аминтой, правителем Фригии, Писидии, Памфилии, Ликаонии и Галатии, власти над ними Августу, границы Римской империи в Малой Азии к 25 г. до н.э. значительно увеличились. Реорганизация в 27 и 22 гг. до н.э. Ликийской Лиги также способствовала приращению римских владений. Усилились позиции каппадокийского царя Архелая, верного вассала Империи, получившего в 20 г. до н.э. Восточную Ликаонию и Киликию Трахею. Малая Армения была отобрана у Полемона I (принцепс так и не простил ему полностью дружбу с Марком Антонием) и передана Артавазду, царю Мидии Атропатены, а в 20 г. до н.э. она отошла Архелаю Каппадокийскому (*Dio Cass.* LI. 16; LIV. 9; *Strabo.* XII. 3. 29)¹.

В русле данных преобразований следует рассматривать и боспорскую политику Августа. В 22 г. до н.э. Асандр не отчеканил свой очередной золотой статер 24-го года правления, не получив, вероятно, на это санкции Августа и сената. Хотя на следующий год это право все же за ним было подтверждено – он выпустил золотой стater 25-го года правления = 21 г. до н.э. Приблизительно в эти годы на Боспоре появился некий Скрибоний, о личности которого суще

¹ Основой политики Августа на Востоке было возложение обязанности защиты границ на вассальных царей, что связано с обороной от Парфии. См.: *Wacher. The Roman Empire.* L., 1987. P. 57; *Starr Ch.G. The Roman Empire 27 BC – AD 476 A Study in Survival.* N.Y.; Oxford, 1982. P. 126.

пугает несколько гипотез², так как в источниках никаких указаний о его происхождении нет. Наиболее вероятной мы считаем версию, согласно которой это мог быть римский вольноотпущенник, очевидно, Скрибоний, первой жены Октавиана, учитывая прежде всего сошное их имен³. Она подкрепляется надписью из Регия, в которой упоминается L(ucius) Scrib[onius] Scribon[iae] Caesari[s l(ibertus)]... И Линдерски справедливо ставит под сомнение предположение, что в ней упомянут Л. Скрибоний Либон, брат супруги Октавиана, так как правильное будет восстанавливать в лакунах имя вольноотпущенника или раба. Он обосновывает это тем, что в эпоху Августа имена рабов или отпущенников высокопоставленных особ из императорской семьи в строительных и посвященных надписях нередко сопровождались именами их хозяев⁴. Этот Скрибоний утверждал, что он внук Митридата Евпатора и получил царскую власть от Августа (*Dio Cass.* LIV. 24. 4). Последнее не только может служить подтверждением сказанному выше, но и позволяет в очень осторожной форме предположить, что он мог быть римским куратором или коректором при дворе боспорского царя, посланным Августом и Агриппой для усиления контроля за вассальной династией. Такая практика существовала на Боспоре в римскую эпоху: достаточно вспомнить Ликорма, вольноотпущенника императора Траяна, который был его представителем при дворе боспорского царя Савромата I (*Plin.* Epist. X. 63; 64; 67). Римляне действовали так и во Фракии при дворе сапейских царей, детей Котиса III и Антонии Трифены, при Иберии (см. ниже). Если это верно, то прибытие Скрибония на Боспор могло быть санкционировано Августом с целью ослабить и подорвать изнутри власть ставшего неудобным для Империи Асандра.

Обращает на себя внимание то, что Скрибоний объявил о своем примом родстве с Митридатом VI в качестве его внука. Скорее всего, это было совсем не так, и самозванец действовал по наущению римлян по устоявшемуся уже шаблону, когда любой их ставленник объявлял о родственных узах с Митридатидами. Так было в случае с Митридатом Пергамским, когда надо было противопоставить его Асандру, не относившемуся к династии царей Понта. По этому же пути мог пойти и Август, делая ставку на Скрибония и стремясь под-

² Скрибоний – провинциал знатного происхождения, может быть даже царского рода, принявший римское имя. См.: *Anderson J.G.* The Eastern Frontier under August // *CAH*. 1934. Vol. 10. P. 267.

³ *Ростовцев М.И.* Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 145; *Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 101; *Яйленко В.П.* Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // *ЭПДАКАСП*. С. 135; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. С. 314

⁴ *Chantraine F.* Freigelassene und Sklaven kaiserlicher Frauen // *Studien zur Antiken Sozialgeschichte: Festschrift Friederich Vittinghoff*. Köln; Wien, 1980. S. 390, 404. Anm. 11; *Linderski J.* Julia in Regium // *ZPE*. 1988. 72. S. 195.

твердить его притязания на трон как потомка Митридата Евпатора. Римляне давали понять, что Асандр для них узурпатор, устранивший законного царя из династии Митридатидов и державшийся у власти исключительно благодаря браку с Динамией, единственной наследницей престола. Утверждения Скрибония показывают в то же время, что митридатовские традиции были еще очень популярны на Боспоре и большая часть его населения почитала имя понтийского царя. Поэтому, выказывая право на власть, следовало доказать принадлежность к правящей династии. Учитывая тактику римлян в случае со Скрибонием, напоминавшую их же позицию в отношении Митридата Пергамского, когда готовилось объединение северной и южной половин бывшего царства Митридата VI, можно предполагать, что и Август решил подготовить почву для подобного объединения.

Август и Агриппа понимали, что в случае свержения Асандра закрепиться во власти у Скрибония не будет никаких шансов, так как его, как и Митридата Пергамского, вряд ли признают и поддержат греческие города и военно-хозяйственные поселенцы на хоре, а уж тем более местные племена, связанные с Боспором. Ведь, как показали предыдущие события, никто из них не хотел создания объединенного с Южным Причерноморьем царства под римской опекой. Поэтому Скрибоний был нужен римлянам исключительно для обустройства внутривосточной обстановки. Римлянам надо было либо убрать Динамию, что окончательно подорвало бы их позиции на Боспоре, либо сделать ставку на внука Митридата Евпатора и тем самым упрочить свое положение там. В таком случае фигура Скрибония становилась временной, проходной в большом политическом пасьянсе, разложенном в Риме. От него требовалось заручиться поддержкой местного населения и самой Динамии, чему и призваны были помочь мнимые родственные отношения с Митридатом VI и санкционированный Августом брак с царицей. При удачном стечении обстоятельств Скрибоний должен был воздействовать на Динамию с целью остановить сползание Боспора на “митридатовский” путь развития с упором на привлечение местных племен и обустройство царских земель.

Со всеми этими маневрами, вероятно, связано отсутствие монет Асандра от 22 г. до н.э. и, что особенно знаменательно, от 20 г. до н.э. В этот год Август в противовес Асандру разрешил его супруге царице Динамии чеканить золотую монету с датой по эре царей Понта, которой пользовались Митридат V, Митридат VI и Фарнак. Тем самым признавалось, что Динамия являлась не преемницей правившего на Боспоре царя Асандра, что иногда утверждается в научной литературе⁵, а наследницей традиций и власти понтийских Митридатидов.

⁵ См., например: Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 76–80. Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. 1. С. 24–28.

митридатидов. Сам тип ее монеты говорит о полной противоположности чекану Асандра: л.с. бюст царицы Динамии вправо в повязке, концы которой спускаются по обе стороны головы – о.с. восьмилучевая звезда–Солнце, под ней полумесяц, легенда ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΔΥΝΑΜΕΩΣ, год ΖΟΣ = 277 г. вифино-понтийской (боспорской) чеканки = 20 г. до н.э.⁶ Ярко выраженные митридатовские символы: царская повязка-диадема, герб ахеменидо-понтийских царей во всю сторону реверса монеты, эра Митридатидов (рис. 1, б) – все указывает на возрождение традиций митридатовской династии на Боспоре. Данный золотой статер показывает, что Август и Агриппа открыто поддерживали династию Митридата Евпатора в лице его внучки Динамии, очевидно, в расчете добиться окончательного свержения Асандра.

Под нажимом римлян Асандр передал Динамии управление государством (*Dio Cass.* LIV. 24. 4). Однако это, вероятно, произошло не одновременно, и Асандр еще какое-то время продолжал править. Дион Кассий сообщает, что после смерти Асандра Скрибоний взял в жены его супругу Динамию и стремился овладеть Боспором. Следовательно, несмотря на брак с царицей, Скрибоний сам хотел встать во главе государства⁷. Это его стремление особенно заметно, если сопоставить с сообщением Диона пассаж псевдо-Лукиана, в котором говорится, что Асандр в 90-летнем возрасте не уступал никому в пешей и конной схватке; но когда он увидел, что его воины во время битвы перешли на сторону Скрибония, то уморил себя голодом на 40-м году жизни (*Ps.-Luc.* Macr. 17). Автор этого свидетельства не ставил цель раскрыть все перипетии борьбы за власть в Боспорском царстве, его задачей было показать доблесть старцев, поэтому он хотел подчеркнуть военные навыки престарелого царя в возрасте 90 лет и просто взял из первоисточника эпизод его войны со Скрибонием. Из этого пассажа следует, что между Асандром и Скрибонием разгорелся вооруженный конфликт с применением пехоты и конницы, в ходе которого имело место крупное сражение, когда часть сторонников Асандра изменила ему и присоединилась к Скрибонию; решающая битва произошла, когда Асандру было уже 93 года, после поражения в ней он скончался, не пережив позора. Источники умалчивают о позиции в этом конфликте Динамии, известно лишь, что ей было передано мужем управление государством и она вступила в брак со Скрибонием. Поэтому есть все основания полагать, что Динамия склонилась к поддержке Скрибония, так как это давало ей возможность стать полноправной правительницей Боспора и заручиться расположением Августа. Значит, войну со Скрибо-

⁶ Анохин В.А. Указ. соч. С. 76–80; Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 204, 205; Фролова Н.А. Указ. соч. С. 24–28.

⁷ Ср.: Моммзен Т. История Рима. М., 1949. Т. 5. С. 267.

нием Асандр мог вести в течение трех лет, а поскольку он умер, от казавшись принимать пищу, то совершенно невероятно, чтобы он голодал столько времени. Следовательно, он вел борьбу со Скрибонием в 90 лет и в 93 года. А если сопоставить сообщения псевдо-Лукиана и Диона Кассия со статерами Динамии от 20 г. и 16 г. до н.э., то выпуск Асандром статеров трех последних лет его правления полностью увязывается со свидетельством псевдо-Лукианова трактата о трех заключительных годах войны Асандра и Скрибония. В таком случае события на Боспоре в 20–16 гг. до н.э. предстают в следующем виде.

В 20 г. до н.э., когда был отчеканен первый золотой статер царицы Динамии, Асандр, выполнив волю римлян, был вынужден передать супруге бразды правления. Рим тотчас признал царицу, так как без такого подтверждения своих прав она вряд ли осмелилась бы выпустить в обращение золотую монету⁸. Несмотря на то что Асандр проводил в общем промитридатовскую политику, акт передачи власти Динамии произошел в условиях открытой оппозиции царю со стороны сторонников Митридатидов, требовавших, по-видимому, более радикальных мер по возрождению жесткой линии Митридата Евпатора и Фарнака. В таких условиях Скрибоний, жаждавший власти, не мог не объявить себя внуком Митридата Евпатора. Однако все его притязания играть там ключевую роль оказались тщетными, даже несмотря на победу над Асандром и брак с внучкой Митридата Евпатора.

Для понимания отношения боспорцев к Скрибонию ключевой является фраза Диона Кассия, что тот уверял всех, будто он получил царскую власть от Августа и потому стремился овладеть Боспором (*Dio Cass. LIV. 24. 4*). Поскольку законной и признанной наследницей трона считалась Динамия, бывшая уже правительницей как же на Асандра и как фигура, на которую сделали ставку в Риме, то претензии Скрибония выглядели в высшей степени необоснованными. Промитридатовски настроенное население не признало Скрибония царем, чем не преминула воспользоваться Динамия. Добившись свержения Асандра руками Скрибония, она, видимо, перешла в оп

⁸ О подтверждении Римом права чекана золота в зависимых царствах см. *Sands P.S. Client Princes of the Roman Empire under the Republic. Cambridge, 1906. P. 135; Bowersock G.W. Augustus and the Greek World. Oxford, 1965. P. 51, ср., однако: Braund D. Rome and the Friendly King. L.; N.Y., 1984. P. 123–128* (в эпоху раннего принципата, особенно там, где до римлян существовали традиции золотой чеканки, Рим не очень вмешивался в монетную политику вассальных царей и они могли чеканить золото по своему усмотрению). Этот вывод кажется нам слишком упрощенным: почему же тогда на Боспоре золотая монета в позднеллинистическую и римскую эпохи выпускалась нерегулярно? Особенно в предпоследней и последней декадах I в. до н.э., когда с 16 г. до н.э. Август присвоил монопольное право чекана золота только Римской империи.

позицию этому бывшему римскому протезе⁹. На Боспоре опять начались волнения, это сыграло на руку Асандру, и, чтобы как-то успокоить население царства, Август вынужден был снова санкционировать его право управлять государством. Динамия номинально оставалась еще женой Асандра, что позволяло последнему использовать часть ее сторонников в конфликте со Скрибонием. Ранее мы полагали, что Август и Агриппа склоняли Скрибония объявить себя царем Боспора по повелению императора как раз в течение 20–17 гг. до н.э., когда Асандр вновь заявил права на власть¹⁰. Однако, скорее всего, это должно было произойти немного раньше, когда Асандра устранили с престола. Ведь если бы это случилось в начале предпоследнего десятилетия I в. до н.э., то тогда Скрибоний не успел бы заполучить сторонников для ведения войны с Асандром на протяжении трех лет в 20–17 гг. до н.э. В эти годы Асандр в уже очень преклонном возрасте отчеканил последние статеры своего 10-летнего правления (статеры К = 27, НК = 28, ΘΚ = 29-го годов правления), что как раз приходится на 19–17 гг. до н.э. и согласуется с сообщением псевдо-Лукиана о вступлении Асандра в неудачное сражение со сторонниками Скрибония в возрасте 90 лет и его смертью в 93 года, т.е. через три года после злополучной битвы. Может быть, в конце того же 17 г. до н.э., а скорее всего уже в следующем, 16 г. до н.э., Динамия, ставшая вдовой, вновь получила из Рима подтверждение своей власти, ознаменовав это событие выпуском в обращение своего второго золотого статера от 281 г. понт. эры = 16 г. до н.э. (рис. 1, 5). Типология этой монеты в точности повторяет изображение на ее предыдущем статере от 20 г. до н.э.¹¹ Это свидетельствует об открытом возрождении митридатовских традиций и окончательном утверждении на престоле прямых потомков Митридата I ишатора. Митридатовская идеология и ахеменидо-митридатовские

⁹ Wilcken U. Asandros // RE. 1896. Bd. II, 2. Hbhd. 4. S. 1516, 1517; К. Брандис и В.В. Латышев скептически отнеслись к сообщению псевдо-Лукиана (Brandis C. Bosporos // RE. 1897. Bd. III, 1. Hbhd. 5. S. 777–779; Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 100); В.Ф. Гайдукевич считал, что Скрибоний появился на Боспоре независимо от воли римлян (Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 315), что сомнительно, так как он вряд ли осмелился бы претендовать на власть там от имени императора Августа без санкции на то Рима.

¹⁰ Стрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 314, 315.

¹¹ Орциников А.В. Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. М., 1887. С. 68–70; Sallet A. Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Könige des Chimmerischen Bosporus und Pontus. B., 1866. S. 62–66; Kahrstedt U. Frauen auf antiken Münzen // Klio. 1910. Bd. 10. 3. S. 282; Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 191; Forrer L. Portraits of Royal Ladies on Greek Coins. Chicago, 1969. P. 46. N 160: автор считает, что означенный статер был выпущен Динамией между смертью Асандра и ее замужеством со Скрибонием; Анохин В.А. Указ. соч. С. 148, № 254; Фролова Н.А. Указ. соч. С. 24–29, 177. Табл. I, 1.

символы особенно заметны на так называемом бронзовом бюсте царицы Динамии из поселения Широкая Балка в окрестностях Бат. На нем она представлена в царской тиаре ирано-каппадокийских правителей с солярно-лунарными знаками – гербом Ахеменидов и их преемников Митридатидов. Этот портрет должен был показать боспорцам, что их царица Динамия является законной преемницей деда и отца, а ее бывший муж Асандр, не принадлежавший к династии царей Понта, наоборот, выступал как бы узурпатором власти Митридатидов (что на самом деле было истинной правдой, см. гл. 2). Выставление на передний план митридатовской символики у Динамии требовалось и римлянам, которые затеяли отстранение Асандра от трона и противопоставление митридатовского происхождения Динамии нелегитимному правителю Асандру, в свое время не признанному самим Цезарем¹². Своим происхождением царица не только расположила к себе население эллинских городов, поддерживавших в свое время ее деда и отца, но и немалый пласт варварского и полуварварского эллинизованного населения хоры и окраин Боспора, получавших большие выгоды и добычу на службе у понтийских царей – военно-хозяйственные поселенцы землю, а знать сармато-матов трофеи и дары. Имея столь мощную поддержку, Динамия тем не менее не желала обострять отношения с Римом, ибо это не входило в планы городов и части местной знати, поэтому она согласилась на навязанный ей Августом брак со Скрибонием.

В ряде работ и мелких исследований мы указывали на некоторые нюансы взаимоотношений Рима со Скрибонием и Динамией¹³. Не желая повторять уже сказанного, отметим лишь основные моменты. Очевидно, не без участия царицы Динамии боспорцы подняли против Скрибония мятеж, поэтому Август и Агриппа отказались

¹² *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // *Древности*. 1914. 25. С. 1–15; *Rostovtzeff M.I.* Queen Dynamis of Bosphorus // *JHS*. 1919. Vol. 39. P. 100 ff. Несмотря на то что мнение Ростовцева о принадлежности бюста Динамии подчас оспаривается (*Молчанов А.А.* Искусство портрета на античном Боспоре // *Вестн. Москов. ун-та*. 1971. 4. Серия история. С. 101; *Parlaska K.* Das sogenannte Porträt der Königin Dynamis in der Ergitige // *Проблемы античной истории и культуры*. Ереван, 1979. Т. 2. С. 397 и след.), оно до сих пор остается *communis opinio* в литературе, хотя бы потому что предполагаемая идентификация этого портрета с царицей Генепирией (см. гл. 5) невозможна по причине фракийского, а не ирано-каппадокийского происхождения последней, и поэтому не имевшей права использовать митридатовскую символику. На это указывают многочисленные детали портрета, особенно звезда-солнце и полумесяц на тиаре. Их могли помещать только жрецы и властители из династии понтийских и каппадокийских царей, связанных с персидскими Ахеменидами.

¹³ *Сапрыкин С.Ю.* Уникальный статер... С. 204 и след.; *Он же.* Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств (Динамия, Пифодорида, Антония Трифена) // *Женщина в античном мире*. М., 1995. С. 188 и след.; *Он же.* Понтийское царство. С. 314 и след.

от своего ставленника (*Dio Cass.* LIV. 24. 4), что еще больше укрепило политические позиции Динамии и промитридатовских кругов на Боспоре¹⁴. Приход Скрибония к власти мог нарушить политическое равновесие между городами и варварской периферией, включая царскую хору. С другой стороны, это поставило бы боспорские полисы в подчиненное Риму положение, делая их второстепенными экономическими партнерами полисов римских восточных провинций. Для населения хоры это грозило потерей статуса военно-хозяйственных поселенцев, поскольку со времен Помпея римляне всегда стремились ликвидировать созданную Митридатидами военно-административную систему управления и ее структуру в лице крепостей – катойкий и клерухий. К тому же боспорцы осознали, что римляне убрали их царя Асандра из-за того, что тот слишком усилил внутреннее положение в государстве путем опоры на укрепленные поселения и крепости на царской земле. Со своей стороны, римляне поняли, что в союзе с Динамией Скрибонию не удастся добиться устранения созданной Митридатом, Фарнаком и Асандром системы укрепленных поселений и военно-административной структуры управления царскими землями. Рим воспользовалась Динамией, которая для виду сохраняла дружбу с Римом и выполняла все его предписания¹⁵, а на самом деле укрепляла и развивала социально-экономическую основу власти Митридатидов.

Относительно правления Динамии в науке существуют несколько разных подходов. Еще со времен Т. Моммзена и М.И. Ростовцева часть исследователей была почти безоговорочно убеждена в том, что царица Динамия, придя к единоличной власти в 17/16 г. до н.э., пришла на Боспор до 12 г. до н.э. Присланный в Пантикапей римлянами в 14 г. до н.э. понтийский царь Полемон I женился на ней и они управляли совместно в 14–12 гг. до н.э. Затем, разведясь с Динамией в 12 г. до н.э., Полемон вторично женился, на этот раз на Пиффодориде, внучке Марка Антония, что вынудило Динамию искать убежище на азиатском Боспоре. После гибели понтийского царя в стычке с аспургианами в 9/8 г. до н.э. (см. ниже, гл. 4), царица с помощью тех же аспургиан и других меотских и сарматских племен, опираясь на поддержку то ли своего сына, то ли своего очередного супруга из среды этих варварских народов – по имени Аспург, сумела вернуться к власти и вновь управляла Боспорским царством как минимум до 8/9 г. н.э. После нее на троне находился какой-то неизвестный правитель, которого кое-кто называет Асандрохом (см. I KB, 40), а с 10 г. н.э. – тот самый Аспург, признанный римлянами царем с 14 г. н.э. С него начинается длительное правление сарматской по происхождению династии боспорских царей, которые носи-

¹⁴ Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 105; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 231.

¹⁵ Дж. Андерсон совершенно прав, утверждая, что Динамия была замешана в интриге против Асандра и Скрибония (*Anderson J.G.C. Op. cit.* P. 267).

ли имена своих римских покровителей из рода Юлиев–Клавдиев Тибериев Юлиев. Такая точка зрения длительное время господствовала в отечественной и зарубежной историографии¹⁶, она и по сей день имеет своих приверженцев¹⁷.

Другая группа ученых отвергает идею о “втором правлении Динамии” в основном по причине имеющихся нумизматических источников, нашего основного критерия в этом вопросе. Согласно их концепции, правление Динамии завершилось в 12 г. до н.э. в результате разрыва с нею Полемона, а после 9/8 г. до н.э. боспорский престол занял уже другой представитель митридатовской династии, в котором некоторые исследователи (и мы в том числе) видят Аспурга. Динамия была либо окончательно отстранена от власти, либо умерла, во всяком случае дальнейшая ее судьба неизвестна¹⁸. Недавно Ч. Роуз выдвинул гипотезу, что на южном фризе Алтаря Мира (Ara Pacis Augustae) в Риме, завершеном в 9 г. до н.э., могли быть запечатлены фигуры Динамии в царской диадеме и ее сына Аспурга, также в диадеме, варварской восточной одежде и с гривной на шее. Они помещены на фризе рядом с их покровителем Марком Агриппой в чис

¹⁶ *Mommsen T.* Geschichte des römischen Münzwesens. B., 1860. S. 702–711; *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст... С. 18; *Rostovtzeff M.I.* Queen. P. 100; *Он же.* Эллинизм и иранство. С. 147; *Idem.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1927. P. 148–155; *Ростовцев М.И.* Медь Динамии и Аспурга // ИТУАК. 1918. Т. 54. С. 47–58; *Гайдукевич В.Ф.* Указ. соч. С. 49 = *Gajdukevič V.F.* Das Bosporanische Reich. B.; Amsterdam, 1971. S. 328; *Anderson J.G.C.* Op. cit. P. 268; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. М., 1964. С. 134; *Латышева-Устинова В.О.* Аспурга и аспургиани // ВХУ. 1969. 3. С. 62; *Она же.* О роли Динамии в период правления на Боспоре Полемона // ВХУ. 1981. 214. С. 104; *Sherk R.K.* The Roman Empire: Augustus to Hadrian. Cambridge, 1988. P. 81; *Шелов Д.Б.* Указ. соч. С. 231; ср., однако: *Barrett A.* Gaius' Policy in the Bosphorus // ТАРА. 1977. 107. P. 3. Барретт отрицает гипотезу Ростовцева о браке и союзе Динамии с Аспургом после смерти Полемона, но признает реальным так называемое “второе правление Динамии”; ср. *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 76–80. Автор утверждает о возможности не только второго, но и третьего правления Динамии

¹⁷ *Яйленко В.П.* Указ. соч. С. 147; *Он же.* Материалы по боспорской эпиграфике // НЯДМАКАСП. С. 77; *Виноградов Ю.Г.* Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. 2. С. 150–154. Более осторожен в этом вопросе В.М. Зубарь, по мнению которого при нынешнем состоянии источников решить проблему в пользу той или иной точки зрения невозможно (*Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 17).

¹⁸ *Gardthausen V.* Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1896. T. I. Bd. 2. S. 842–844; *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 104–106; *Орешиников А.В.* Об эре на монетах Пифодориды, царицы Понта. М., 1885 (отд. оттиск); *Голубцова Е.С.* Указ. соч. С. 110; *Машкин Н.А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 532; *Фролова И.А.* О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 53 и след.; *Она же.* К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ. 1979. № 1. С. 139–141. *Она же.* Монетное дело... С. 24–29; *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. С. 320; *Parfenov V.* Dynamis, Agrippa und der Friedensaltar: zur militärischen und politischen Geschichte des bosporanischen Reiches nach Asandros // Historia. 1996. Bd. XLVI, 1. S. 99, 100.

и участников официальной римской процессии в честь установления Мира Августа. На этом основании делается вывод, что после 11 г. до н.э. Динамия прибыла в Рим вместе с Агриппой и оставалась там в свите императора Августа до 8 г. до н.э. После этого она вернулась на Боспор, вторично вступив в управление им¹⁹. Эта гипотеза имеет некоторую долю вероятности, так как Аспург, согласно его рискам Горгии, действительно находился в Риме в конце первого – начале второго десятилетия I в. н.э. (см. гл. 4). Однако предполагаемое изображение Динамии на Алтаре Мира никак не означает, что она вторично вернулась к власти. К тому же идея о понижении боспорской царицы на Алтаре остается всего лишь красивой гипотезой, на основании которой рискованно делать далеко идущие исторические выводы.

Развернутую аргументацию против тезиса о “втором правлении Динамией” мы давали в других работах, поэтому считаем необходимым вкратце повторить основные возражения сторонникам данного мнения. Их главный аргумент основывается на расшифровке монограммы Δ = ΔΥΜ на золотых статерах 8 г. до н.э. – 7 г. н.э. как скрывающей личное имя Динамии – ΔΥΝΑΜΕ(Ω)Σ или ΔΥΝΑΜΙΣ (рис. 1, 11)²⁰. Некоторые относят к Динамии и другие монограммы, в частности КΝΕ на золоте 8–9 гг. н.э. и ПАР на статерах 10–13 гг. н.э. В этой связи возникает вопрос, как могла правящая царица пользоваться различными монограммами в течение своего вторичного правления, длившегося непрерывно почти 16 лет? Это в корне противоречит монетному делу Боспора, когда находившиеся у власти цари помещали на золото лишь одну свою царскую монограмму, скрывавшую имя и титул. Если бы Динамия действительно пришла к власти еще раз, то она, естественно, ограничилась бы лишь одной первой из названных монограмм, которая была более созвучна ее имени. Э.И. Соломоник вообще считает, что почти аналогичный знак на амфорном клейме из Керчи следует расшифровывать как имя ΔΑΜΑΤΡΙΟΣ (П.О. Бурачков, в частности, видел в предполагаемой монограмме Динамии на монетах личное имя ΔΗΜΑΡΧΟΣ).

Э.И. Соломоник указывает на сарматский знак Δ , верхняя часть ко-

¹⁹ Rose Ch.B. “Princes” and Barbarians on the Ara Pacis // AJA. 1990. 94. P. 453–467.

²⁰ Ту точку зрения разделяет В.Н. Парфенов (Parfenov V. Op. cit. S. 99).

²¹ Ср.: Соломоник Э.И. Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. С. 43. Н.А. Машкин полагал, что это монограмма царя Асандроха (Машкин Н.А. Указ. соч. С. 534). Особняком стоит мнение Х. Гиля, который считал ее как АΔΥΜ – Аспург, сын Динамии (Giel Ch. Kleine Beiträge zur Antiken Numismatik Sudrusslands. М., 1886. S. 31). К такому же мнению склонился и А.Л. Бертье-Делагард (Бертье-Делагард А.Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 1910. 29. С. 179). О точках зрения на проблему подробно см.: Фролова Н.А. Монетное дело... С. 25–29.

торого напоминает монограмму на монетах Динамии. Но он датируется II–III вв. н.э. и не имеет отношения к боспорской царице²¹. В.С. Драчук, ссылаясь на Н.А. Захарова, усматривавшего в монограмме на монетах первый царский знак на Боспоре, приводит серию сарматских знаков – тамг, близких этой монетной монограмме, утверждая, что они изначально имели такое же значение, что и другие тамговые знаки. По его мнению, на монетах помещена не монограмма, а личный царский знак Динамии. И хотя сам Драчук придерживался гипотезы о втором правлении Динамии²², его вывод не означает, что монеты с таким знаком обязательно принадлежали этой царице. Их вполне мог отчеканить какой-то ближайший родственник или преемник Динамии в память о ней и в знак подчеркнутого родства для преемственности власти. Это укладывается в практику монетного дела на рубеже эр, когда цари, например, Митридат III Боспорский (см. гл. 5) или Полемон II Понтийский, подобно фракийским царям конца I в. до н.э. (см. выше), изображали на своих монетах портреты одного из родителей, державших до них бразды правления. К тому же весьма странно видеть сарматскую тамгу на монетах властительницы, которая помещала на них портреты римских покровителей Августа и Агриппы, а в своих надписях подчеркивала происхождение не от сарматских, а от понтийских царей. Если допустить, что означенная монограмма действительно скрывает имя Динамии, являясь ее личным царским знаком, то возникает вопрос, почему в те годы, когда она пользовалась покровительством Августа (20 и 17 гг. до н.э.), никакой римской символики на ее золотых не было, наоборот, на передний план всегда выставлялись ахеменидо-митридатовские признаки ее происхождения, титул и полное имя. Когда же вопреки воле Рима она якобы снова стала царицей Боспора, то вдруг начала чеканить золото с портретами уже умершего к тому времени Агриппы и Августа, а собственное имя, к тому же без титула, заключать в монограмму? Казалось бы, все должно было происходить наоборот. Если **А** является сарматской тамгой, то совершенно противоестественным выглядит ее соседство с портретами римских высших государственных деятелей в поле круга золотой монеты, выпуск которой в вассальных Риму царствах санкционировался императором и сенатом. Ее скорее следовало бы ожидать на одновременной золоту меди, использовавшейся для внутреннего обращения, а не на золотых статерах, стоимость и политическое значение выпуска которых приравнивались к римскому ауреусу²³. Однако на одновременных медных монетах появляются совершенно иные монограммы, связанные с именем другого правителя

²¹ Соломоник Э.И. Указ. соч. С. 43, примеч. 5.

²² Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1975. С. 65.

²³ Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 192; Nawotka K. The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosphoran Monarchs // Latomus 1989. Vol. 48, 2. P. 326–328.

Сериям золотых статеров с монограммами ДУМ, KNE, ПАР соответствуют выпуски меди с монограммами ВАЕ, ВАМ, ВАР (рис. 1, 14–17). Из них последняя уверенно относится к Аспургу, царю Боспора с 14 г. н.э., так как совпадает с монограммой на его же золотых статерах с датами годов правления. Н.А. Фролова убедительно доказала, что медные монеты с ВАМ и ВАР имеют единый тип лицевых (Арес) и оборотных (трофей) сторон и общий номинал, а монеты с ВАЕ предшествуют медным монетам с монограммой ВАМ. Но они связаны общей символикой и значением монограмм, в которых заключены имя и титул Митридата Евпатора. Поэтому исследовательница справедливо предположила, что эти серии медных монет принадлежат вовсе не Динамии, а другому правителю, оспаривавшему престол в качестве законного наследника Динамии и принадлежавшему к той же династии Митридатидов²⁴. Отсюда со всей очевидностью следует, что одновременные медным золотые монеты 9/8 г. до н.э. – 13 г. н.э. должны относиться не к чекану царицы Динамии, но к властителю, связанному с царицей общим происхождением.

Другим аргументом сторонников второго правления внучки Митридата служит переименование Пантикапея в Кесарию и Фанагорию в Агриппию, что было сделано якобы Динамией в честь ее римских благодетелей Августа и Агриппы после смерти последнего в 12 г. до н.э. Есть точка зрения, что переименование городов было осуществлено Динамией во время ее борьбы с Полемоном I, чтобы доказать, как и золотом с портретами Августа и Агриппы, свою полную лояльность Риму²⁵. Однако она легко опровергается тем, что, во-первых, статеры с портретами Августа и Агриппы чеканились уже после гибели Полемона I, а во-вторых, порождает вопрос, почему города были переименованы в те годы, когда Динамия, согласно адептам идеи о ее втором правлении, вела борьбу с этим римским ставленником, которого лично поддерживали Август и Агриппа? На это обратил внимание Д.Б. Шелов, отметивший, что трудно отделить от Динамии переименования городов после гибели Полемона, а для последнего это было вполне естественно²⁶. Означенный выше аргумент основан на выпущенной Кесарией и Агриппией обильной серии медных монет следующего типа: л.с. женский портрет направо в диадеме и модиусе – о.с. прора (Агриппия) или жезл (Кесария). Ее относили ко времени Полемона I и даже Полемона II, но не ранее 14–8 гг. до н.э. или 8 г. до н.э., а в женском портрете на

²⁴ Фролова Н.А. К вопросу... С. 142–144; Она же. О времени... С. 56; Она же. Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. // НЭ. 1989. Вып. 15. С. 3–5; Она же. Монетное дело... С. 30–53.

²⁵ Nawotka K. Op. cit. P. 328, 335; Д. Браунд полагает, что города были переименованы Полемоном I (Braund D. Op. cit. P. 108); то же у В.А. Анохина (Анохин В.А. Указ. соч. С. 88).

²⁶ Шелов Д.Б. Указ. соч. С. 230.

аверсе усматривали изображение Динамии или Ливии, супруги императора Августа, либо Афродиту Уранию Апатуру, персонифицированную в образы этих правительниц^{26а}. Однако еще А.Н. Зограф обратил внимание, что тип проры на этих монетах сохраняет связь с монетами Асандра, поэтому он датировал их заключительными годами его правления²⁷. Наиболее обстоятельное изучение этих монет провела Н.А. Фролова. Тщательно разобрав последовательность выпусков меди с монограммами (подробнее см. гл. 4), она пришла к выводу, что после 12 г. до н.э. и вплоть до 13 г. н.э. чеканились исключительно монеты с ВAE, ВAM, ВAP, что объясняется сходством их типов и единством номиналов. Поскольку их выпуск, особенно монет с ВAE и ВAM, очень обильный, а монеты с ВAP соответствуют статерам с царской монограммой Аспурга, которые тот чеканил с 14 г. н.э., то в ряду этой чеканки совсем нет места для не менее обильной серии меди Кесарии и Агриппии. В связи с тем что Асандр выпускал городскую медь иного типа и не столь многочисленную, монеты переименованных городов должны укладываться в период между смертью Асандра в 18–17 г. до н.э. и появлением на Боспоре Полемона I в 14–8 гг. до н.э., а точнее – до 12 г. до н.э., когда умер Агриппа и Динамия была отстранена от власти. На этом основании можно сделать вывод, что переименование городов произошло в предпоследнем десятилетии I в. до н.э. и должно быть связано с единоличным правлением Динамии в 17–12 гг. до н.э. И хотя мы считаем, что эти монеты могли появиться в обращении уже в 20 г. до н.э., когда царица выпустила свой первый золотой статер, а заключительный их выпуск вполне может заходить и в правление Полемона I, т.е. в 14–8 гг. до н.э., они (что совершенно очевидно) ни в коем случае не могут рассматриваться как доказательство второго правления Динамии в 8 г. до н.э. – 7/13 г. н.э.²⁸

В другом месте мы подробно говорили, что переименование городов в Кесарии на римском Востоке после 10 г. до н.э. было невозможно, поскольку с установлением Pax Augusta города стали получать название Себаста, Себастиополис или Себастейя, Кесариями же их называли не позднее 13–10 гг. до н.э.²⁹ На этом основании отпадает гипотеза о переименовании крупнейших боспорских городов и

^{26а} *Орешиников А.В.* Каталог... С. 71. № 500, 501 (Полемон II?); *Он же.* Этюды по нумизматике Черноморского побережья // ИРАИМК. 1921. I. С. 237 (Ливия либо Динамия); *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст. С. 14, 15; *Он же.* Медь... С. 47–50.

²⁷ *Зограф А.Н.* Указ. соч. С. 190: последние выпуски серии городской меди относятся ко времени Полемона I, т.е. к 14–8 гг. до н.э. Ср.: *Орешиников А.В.* Этюды. II. 1922. С. 131 (прора символизирует роstralный венок, который Агриппа получил за победу при Акции).

²⁸ *Фролова Н.А.* О времени... С. 54–60; *Она же.* К вопросу... С. 139–144; *Она же.* Медные монеты... С. 3–5; *Она же.* Монетное дело... С. 24–41.

²⁹ *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. С. 323.

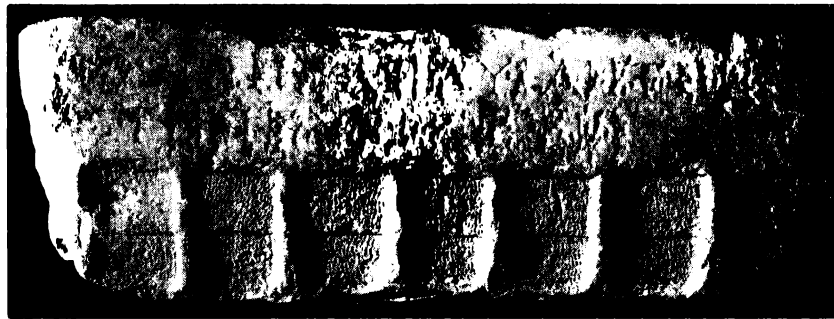

Рис. 3. Посвящение Пифодориды Старшей Ливии из Гермонассы. Конец I в. до н.э. (мрамор)

Кесарию и Агриппию при Полемоне I³⁰, который сделал бы это скорее в Понте, нежели на Боспоре, где его положение было непрочным. Переименование его вдовой Пифодоридой города Кабиры-Диполя в Себасту³¹ свидетельствует в пользу нашей точки зрения. Так что и этот аргумент в поддержку второго правления Динамии оказывается несостоятельным.

И, наконец, третий довод против вышеозначенной гипотезы. Обнаруженное не так давно в Гермонассе посвящение Ливии, сделанное Пифодоридой не ранее 8 г. до н.э. и не позднее 3/2 г. до н.э. (в любом случае не ранее 12 г. до н.э.) (рис. 3)³², абсолютно исключает вероятность одновременных посвящений Ливии от Динамии из Фанагории (CIRB. 978) и Августу из Пантикапея (CIRB. 38), и тем более из той же Гермонассы (CIRB. 1046), на что уже обращалось внимание в науке³³. Значит, эти надписи Динамии не могут служить основанием для утверждения о ее вторичном правлении при поддержке населения азиатского Боспора и для предположения о переименовании Пантикапея и Фанагории после 12 г. до н.э.

Недавно была предпринята еще одна попытка обосновать гипотезу о правлении Динамии с 21/20 г. до н.э. до 7/8 г. н.э. путем предположения, что переименование городов имело место в очень короткий промежуток времени – не ранее 13 г. и не позднее марта 12 г. до н.э. В доказательство С.И. Болдырев приводит следующие аргументы. Монеты Фанагории-Агриппии и Пантикапея-Кесарии не встречаются вкладах до 14 г. до н.э. вместе с монетами Асандра, а зафиксированы лишь вкладах с монетами с монограммой ВАЕ, т.е. не ранее последней декады I в. до н.э. Они отсутствуют на поселениях, считаю-

³⁰ Павлатский В.Д. Пантикапей. С. 134.

³¹ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 328.

³² Ботунова А.И. Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1989. № 1. С. 86–91.

³³ Мисленников А.А. Полемон I на Боспоре // БС. 1995. 6. С. 167–169; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 326.

щихся разрушенными Полемоном I. При описании гибели понтийского царя в предполагаемом 8 г. до н.э. Страбон не употребляет названия Агриппия применительно к Фанагории. Гибель Полемона I датируется не 8 г. до н.э., а мартом 12 г. до н.э. Это обосновывается тем, что он уже был женат на Пифодориде не позднее того времени, когда стал царем Понта в 37 г. до н.э., и имел от этого брака сына, который после смерти отца “стал частным человеком” и помогал матери Пифодориде управлять царством. Он не имел царского титула и трона только потому, что родился до того, как Полемон стал царем. Прибыв на Боспор, понтийский царь не сумел осуществить развод с Пифодоридой и, соответственно, взять в жены Динамию.

Если разобрать аргументацию Болдырева, то в глаза бросаются очевидные неувязки и ошибки, объясняемые элементарным незнанием исторической ситуации в Понте и на Боспоре³⁴. Во-первых, старший сын Полемона I, также по имени Полемон, не мог родиться ранее 12–8 гг. до н.э., потому что Динамия стала его женой по решению Августа (*Dio Cass. LIV. 24. 4*). Если исключить (как принято в науке) вероятность развода с Пифодоридой, то брак Полемона I с дочерью Пифодора из Тралл следует датировать уже после женитьбы понтийского царя на Динамии. Во-вторых, Полемон I стал царем не в 37 г., а в 39 г. до н.э., когда получил от Марка Антония в управление Киликию, а Понтийское царство только через два года (*App. B. C. V. 75; Strabo. XI 8. 16; XIV. 2. 24; Ephem. Epigr. II. 280; IX. 691*). Поэтому предположение, будто сын Полемона I родился до того, как его отец стал царем, теряет всякий смысл, равно как и тезис о женитьбе Полемона на Пифодориде не позднее 37 г. до н.э.”

³⁴ Болдырев С.И. О времени переименования Фанагории в Агриппию // ДБ. 1999. 2. С. 30–38; Он же. О характере пребывания Полемона на Боспоре // ДБ. 2000. 3. С. 11–17. Автор поддерживает идею о пребывании на Боспоре Агриппы (см. ниже). О наивности аргументации Болдырева можно судить по такому пассажи “Его жена (Полемона I. – С.С.) Пифодорида, прибыв на Боспор для развода (sic!), не застала своего мужа в живых. Вероятно, забрав тело супруга в Гермонассе, она ставит памятник императрице Ливии как частное лицо, не претендуя... на свои царские регалии” (sic!). Мало сказать, что ничего из описанного в источниках не содержится, а прибытие царской супруги-царицы Понта и Боспора за согласием супруга-царя на развод выглядело бы в глазах окружения и подданных как потеря чести и достоинства, тем более при отсутствии в древней Керчи институтов и документов о записи актов гражданского состояния!

³⁵ Ср., например: *Ozgan R. Die griechischen und römischen Skulpturen aus Tralleis // Asia Minor Studien. 1995. 15. S. 84, 85*. Он считает, что будучи в Малой Азии т.е. в начале 30-х годов до н.э., Марк Антоний познакомился с Пифодором из Тралл и санкционировал его брак со своей старшей дочерью Антонией, от союза с которой и родилась Пифодорида. Так что она никак не могла стать женой Полемона I в 37 г. до н.э., поскольку достигла детородного возраста только к 20–17 гг. до н.э. Это обстоятельство, кстати, опровергает тезис самого Озгана, будто Пифодорида вышла замуж за Полемона I при содействии своего деда Марка Антония триумвира.

И третьих, факт, что медь Кесарии и Агриппии не фиксируется в монетных кладах до последней декады I в. до н.э., еще ни о чем не говорит и ничего не доказывает, так как эти монеты стали попадать в обращение только в предпоследнем десятилетии этого века и не сразу и не везде получили повсеместное хождение, поскольку монетный рынок был заполнен митридатовской медью и медными монетами Асандра. Это совершенно исключает их попадание в клады, которые зарывались в рассматриваемое время. К концу I в. до н.э. они уже наполнили собой рынок, поэтому и встречаются в кладах наряду с монетами с ВАС и т.д., появившимися в последней декаде века. Для обоснования своей гипотезы С.И. Болдырев напрасно отбрасывает случаи обнаружения монет Кесарии на поселениях европейского и азиатского Боспора, например, на поселениях Полянка и Юбилейное I. Этого делать нельзя, ибо, хотя монеты и найдены не в слое, они все же происходят с этих памятников и археологические законы требуют датировать материал по позднейшим находкам.

Труднее со свидетельством Страбона о гибели Полемона. Это действительно вставка в основной текст труда, составленного ранее, но вставка в раздел текста, в котором использован перипл Артемидора Эфесского III–II вв. до н.э.³⁶, когда о переименовании Фанагории не было и речи. Географ, очевидно, посчитал возможным оставить в завершенном уже тексте древнее название полиса, ограничившись лишь очень кратким указанием о смерти Полемона I от аспуринцев, о которых он знал мало и потому обозначил их как племя в окрестностях греческой колонии Фанагория. Так что и эта попытка подтвердить идею о правлении Динамии до 7/8 г. н.э. очень легко опровержима, потому что искусственна, как и все предыдущие.

Есть еще гипотеза, которая вообще отрицает переименование боспорских столиц как факт, основанный на домыслах и предположениях ученых позапрошлого и прошлого веков. А монеты с этими названиями предлагается считать коммеморативными в честь празднеств и агонов, прославляющих императора Августа и его сподвижника Агриппу, но выпущенных при Калигуле³⁷. Эта позиция не менее сомнительная, поскольку в надписи CIRB. 983 вычитывается, хотя и не полностью, название города ὁ Ἀγρίπ[λέων], а встречающиеся в надписях римского времени этникины “фанагориец” (IGUR. 161) и “пантикапеец” (CIRB. 1048) являлись традиционными для бос-

³⁶ Ростовцев М.И. Страбон как источник для истории Боспора. Харьков, 1914. С. 3 и след.

³⁷ Денисова В.И. Боспор конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. (К проблеме переименования городов) // ΣΥΣΤΙΤΑ: сб. в честь Ю.В. Андреева. СПб., 2000. С. 258–263. Ср.: Анохин В.А. Указ. соч. С. 84, 85: монеты Кесарии и Агриппии чеканились в первой половине I в. н.э. Ксати, В.И. Денисова отрицает так называемое “второе правление Динамии.”

порцев (ср. CIRB. 37) и употреблялись для того, чтобы отличить их от представителей других многочисленных Кесарий и Агриппий по всей Римской империи и в вассальных царствах. Что до монет, то они не могли быть памятными хотя бы потому, что отчеканены в очень большом количестве и обращались на Боспоре очень долго, к тому же они постоянно встречаются в кладах, значит, служили средством платежа. Их выпуск при Калигуле и вообще в I в. н.э. невероятен в связи с тем, что в это время были отчеканены обильные серии меди царя Аспурга (см. гл. 4), Гепеирии и Митридата III (см. гл. 5) и им там просто не находится места.

Изложенного, думается, достаточно, чтобы признать попытки приписать Динамии “второе правление” субъективными и в итоге несостоятельными. Поэтому мы будем оценивать ее правление, согласно данным источников, предпоследним десятилетием I в. до н.э. *Terminus post quem* ее царствования – 20 г. до н.э., затем в течение трех лет она, видимо, должна была делить власть с Асандром, а с 17 по 14 г. до н.э. решала дела уже единолично; с 14 г. до н.э. под нажимом римлян Динамия вступила в брак с понтийским царем Полемоном I, а приблизительно с 12 г. до н.э. вообще ушла с политической сцены. Ее либо действительно приняли в Риме, либо она умерла или была насильственно лишена жизни – об этом мы можем только гадать.

О правлении Динамии свидетельствуют прежде всего надписи, монеты и скудные данные нарративной традиции. Сохранилась серия эпитафических памятников, поставленных самой Динамией или кем-либо в ее честь в крупнейших городах Пантикапее, Фанагории, Гермонассе, на периферии, а также фрагмент почетного декрета в честь ее посла в Херсонесе Таврическом Аминия (CIRB. 31; 38; 978; 979; 1046; IosPE. I. (ed. 2.) 354). В этих надписях (которые, как мы старались показать в специальном исследовании, относятся к 22–14 гг. до н.э. – периоду, в течение которого она практически единолично управляла Боспором) царица выражает глубокую признательность Августу и Ливии и ставит в их честь посвящения³⁸. Следуя общеримской политике переименования городов в честь Августа в разных частях Империи и в зависимых царствах, Динамия изменила названия крупнейших городов Боспора – Пантикапея или Гермонассы в Кесарию, а Фанагорию в Агриппию в честь Марка Випсания Агриппы, много сделавшего для ее прихода во власть. Одновременно она расширила политические права и свободы полисов, что выразилось в предоставлении им права чекана монет. В ее титуле, наряду с указанием, что она дочь Фарнака и внучка Митридата Евпатора, говорилось, что она “друг римлян”. Высказывалось мнение, что Боспор мог заключить с римлянами договор об *amicitia*³⁹, и вполне

³⁸ Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер... С. 212; Он же. Понтийское царство... С. 325.

³⁹ Nawotka K. Op. cit. 327, 328.

допустимо, что этот эпитет был дан ей Августом в год объявления ее царицей Боспора, хотя, как в действительности обстояло дело, мы не знаем. Эпитет “друг римлян” (φιλόρῳμαιος) мог перейти к ней и от ее первого мужа Асандра (CIRB. 30). “Друг римлян” без последующего обычного в таких случаях φιλόρῳμαιος встречается только во времена Римской республики и не может указывать на связь титулатуры с каким-либо из правителей в Риме⁴⁰. Динамия стала царицей Боспора уже во время принципата Августа, вероятно, была им признана таковой, поэтому следовало бы ожидать в ее титулатуре назначенный эпитет как знак преданности императору. Но у нее его нет ни в одной из надписей, а это дает основание для заключения, что эпитет “друг римлян” скорее всего появился у нее ранее как у жены царя Асандра, “друга римлян”. Август же мог и не утвердить ее как “друга цезаря”, сохранив за ней прежний эпитет “друг римлян”, очевидно, не в последнюю очередь по политическим соображениям. Этот штрих во взаимоотношениях императора и боспорской царицы показывает, что, несмотря на официальную позицию поддержки Боспора и его правительницы, Август в глубине души не доверял внучке Митридата Евпатора и дочери Фарнака, бывшей женой Асандра, сторонника Марка Антония.

Заслуживают внимания две надписи. Одна происходит из Пантикипея, в ней некто Мирон, сын Мирона, и его жена Кириена делают посвящение Афродите Урании Апатуре за царицу Динамию, “дочь царя Великого Фарнака, сына царя Митридата Евпатора Диониса” (CIRB. 31). Во второй надписи из Фанагории, где Динамией была поставлена статуя от имени Народа агриппейцев (ὁ δῆμος ἡ Λυριπλείων), она снова величается “дочерью Великого царя Фарнака, сына царя царей Митридата Евпатора Диониса, другом римлян” с дополнением – “свою спасительницу и благодетельницу” (CIRB. 979)⁴¹. Интересная деталь – в посвящениях Августу и Ливии Динамия не отважилась назвать себя дочерью Великого царя Фарнака, сына царя царей Митридата Евпатора Диониса (ср. CIRB. 978;

⁴⁰ Brand D. Client Kings // The Administration of the Roman Empire. 241 BC – AD 193. Exeter, 1988. P. 80.

⁴¹ Связь этой надписи с избавлением города от угрозы разрушения Полемоном I (см. Дьяков В.Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. № 3/4. С. 75) маловероятна, так как подразумевалась бы постановку статуи Динамии во время ее борьбы с понтийским царем, а это, как мы старались показать выше, было невозможно. Благодарственные эпитеты царицы в этой надписи могли быть вызваны ее особым отношением к фанагорийцам во время борьбы за власть между Скрибонием и Асандром. Именно в те годы и чуть позже Динамия ставит статуи Августу, называя его своим спасителем, поэтому и граждане Фанагории-Агриппии могли воспользоваться традиционной для раннеимператорского времени риторикой по отношению к властвовавшим персонам. Ср.: Латышев В.В. Указ. соч. С. 101. Он относит все надписи царицы ко времени ее брака с Полемоном I.

1046) из опасения, видимо, вызвать подозрения в “митридатизме” у своих покровителей в Риме. Ее митридатовская родословная фигурирует только в надписях, поставленных другими людьми, но в ее честь. Это следует объяснить не только исключительной популярностью имени Митридата Евпатора на Боспоре⁴² и легитимностью престолонаследия⁴³, но преимущественно тем, что Динамия стремилась продолжать внутреннюю политику, которую проводили Митридат Евпатор и одно время ее отец Фарнак. Поддержка городов выражалась не только в предоставлении им права чеканить монету, а но и в восстановлении, пусть и частично, политических прав граждан и полисных органов власти. Ведь не случайно, что царицу чествует демос – Народ агриппейцев, что говорит о функционировании народного собрания и, очевидно, буле. Также не случайно, что на монетах Кесарии и Агриппии фигурирует наиболее почитаемое эллинами Боспора божество – Афродита Урания Апатура⁴⁴ – и в надписи Мирона посвящение за Динамию сделано именно этой богине. Очевидно, политика Динамии устраивала население городов, в свое время поддержавших Митридата VI. Поддержка полисов, бывших на Боспоре всегда проводниками римского влияния и политики, со стороны царской власти устраивала Рим, так как это было своего рода противовесом варварам и военно-хозяйственным поселениям на хоре. Ж.-М. Роддаз отмечает, что поощрение городов политической и экономической самостоятельностью было скорее не заслугой Динамии, а целенаправленной политикой Агриппы. В этой связи он считает, что чекан монет Агриппией вряд ли был возможен после смерти этого “корегента” императора Августа, так как Фанагория была переименована до этого события⁴⁵. Как бы то ни было, поддержка полисов осуществлялась не без участия Динамии и не без влияния Рима, но наиболее действенной она оказалась лишь до смерти Агриппы в 12 г. до н.э. Отсюда следует вывод, что Динамия в общих чертах продолжала политику Асандра, который с соизволения римлян также старался опираться на города. Но если Асандр не пользовал поддержку полисов для расширения своих владений в Крыму, включая и царские земли на Боспоре, подчас даже за счет автономии Херсонеса Таврического, то Динамия была в этом плане

⁴² Ср. комментарий к CIRB. 979: *Гайдукевич В.Ф.* История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. С. 128; *Моммзен Т.* Указ. соч. С. 261; *Шелов Д.Б.* Указ. соч. С. 230–232; *Каллистов Д.П.* Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ. 1940. № 2. С. 69.

⁴³ *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 533.

⁴⁴ *Орешиников А.В.* Этюды... 2. С. 130–133 (богиня в калафе с чертами Ливии); *Ростовцев М.И.* Медь... С. 48 (Динамия); *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 84; *Фролова Н.А.* Монетное дело... С. 41 (Афродита Урания).

⁴⁵ *Roddaz J.-M.* Marcus Agrippa. Rome, 1984. P. 463–468; См. также: *Funk B.* Das Bosporanische Reich und Rom zur Zeit des Kaisers Augustus // *Das Altertum.* 1986. 32. S. 34.

держанное. Она не стремилась к расширению царства, не покушалась на свободу Херсонеса, соблюдая порядок, введенный в 25 г. до н.э. Августом, и рассматривая город как равноправного партнера. Об этом можно судить по фрагменту декрета в честь ее посла к херсонесцам Аминия, в котором Динамия названа “величайшей и благочестивейшей царицей Боспора” (IosPE. I. (ed. 2.) 354)⁴⁶. Город находился в симмахии с Боспорским царством, придерживался своей эры, имел собственные органы управления. Возможно, между ними был заключен военный союз⁴⁷, предусматривавший взаимопомощь, и с этим был связан проезд посланника Динамии.

Не следует в то же время забывать, что хотя Динамия и держала в руках бразды правления Боспором, ее брак со Скрибонием юридически сохранял силу. Более того, вплоть до 14 г. до н.э., когда в Пантикапей прибыл Полемон I, Скрибоний не оставлял попыток овладеть престолом и стать единодержавным властителем (*Dio Cass.* LIV. 24. 4). Это было результатом того, что, несмотря на про-римскую пропаганду Динамии, Август и его окружение в тайне рассчитывали покончить и с ее правлением, чтобы окончательно похоронить память о Митридате Евпаторе и промитридатовской политике. Динамию, как в свое время Дария в Понте, рассматривали в Риме не в качестве долговечного партнера, а как временную фигуру, с помощью которой надо было покончить с всевластием Асандра. Август не посмел тотчас провозгласить Скрибония царем и, соответственно, убрать Динамию, хотя, быть может, очень этого желал. Он оставил за ним право добиваться царского титула самому путем дипломатического использования популярных еще митридатовских лозунгов и имени понтийского царя.

К чести Динамии, она сразу раскусила планы Августа и Агриппы объединить Понтийское и Боспорское царства под сюзеренитетом Рима. Надгробие Матиана, сына Зайдара, с азиатского Боспора, лично поставленное царицей Динамией, судя по имени, принадлежащее одному из предводителей военно-хозяйственных поселенцев или сармато-меотской дружины⁴⁸ и свидетельствует, что немалую ставку в своей политике царица сделала на эллинизованных варваров, в особенности на военно-хозяйственных поселенцев. Этого Матиана

⁴⁶ Ростовцев М.И. К истории Херсонеса в эпоху ранней Римской империи // Об в честь П.С. Уваровой. М., 1916. С. 10, 11; Кадеев В.И. Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 59 (декрет Аминия подтверждает симмахию Херсонеса и Боспора в период второго правления Динамии после смерти Полемона I); Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. С. 18 (тесные отношения Херсонеса и Боспора под эгидой Рима); Он же. Северный Понт... С. 22 (этот памятник нельзя рассматривать как доказательство зависимости Херсонеса от боспорских царей).

⁴⁷ Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже нашей эры // ВДИ. 1987. № 2. С. 127.

⁴⁸ Миленко В.П. Материалы... С. 19. № 8.

считают представителем так называемых аспургиян, о которых речь подробно пойдет в следующей главе, а почести, оказанные ему лично Динамией, трактуются как благодарность за помощь верным ему отрядам этой царицы в годы борьбы с Полемоном I⁴⁹. Последнее, впрочем, сомнительно, ибо никакой войны Полемона с Динамией, как и ее второго правления, не было (см. выше), об этом факте источники ничего не говорят, однако то, что Матиан мог действительно поддержать царицу – это вряд ли следует оспаривать. Но поддержка эта должна была иметь место в предпоследнем десятилетии I в. до н.э., когда Динамия противостояла проiscaм римлян, Скрибония и Полемона I.

О союзе Динамии с варварской периферией Боспора говорит и ее популярность в Танаисе, городе, известном своей близостью к сарматскому и меотскому окружению (*Strabo* XI. 2. 11). Это подтверждается недавно обнаруженным там фрагментом надписи, в которой с некоторой долей вероятности вычитывается ее имя⁵⁰. Страбон свидетельствует: “из всех азиатских меотов одни подчинялись властителям торгового места на Танаисе, другие – боспорцам, но иногда то один, то другой народ отпадали от них; нередко боспорские повелители владели землями до Танаиса, в особенности последние Фарнак, Асандр и Полемон” (XI. 2. 11). Отсюда следует, что предшественники Динамии рассматривали Прикубанье, Восточную Меотиду и Нижнее Подонье в качестве наиболее главных своих владений и им подчинялись обитавшие в этих районах меотские племена. Почитание Динамии танаитами может указывать на преемственность политики Митридатидов в этом регионе и на Боспоре в целом. Поскольку римляне руками Полемона I поставили перед собой цель уничтожить Танаис и меото-сарматские поселения аспургиян (*Strabo*. XI. 2. 11; *Ptol.* V. 19. 17), то совершенно справедлива точка зрения тех, кто видел в жителях Нижнего Подонья оплот сопротивления Полемену и римским планам создать объединенное Понтийско-боспорское государство под контролем Рима⁵¹. Я бы добавил к ним и синдо-меотское население Восточного Приазовья и Прикубанья, также оказавшее не менее серьезное сопротивление понтийскому царю (*Strabo*. XI. 2. 11). Поэтому мы полностью разделяем мнение, что и Динамия вслед за Асандром рассматривала Танаис и ази

⁴⁹ Яйленко В.П. Женщины, Афродита и жрица Спартокидов в новых боспорских надписях // Женщина в античном мире. М., 1995. С. 221. Рис. 11; Горюнов В.А. Аспургияне и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. 2000. 3. С. 56, 57.

⁵⁰ Арсеньева Т.М., Беттгер Б., Виноградов Ю.Г. Новые исследования в Танаисе // ВДИ. 1996. № 3. С. 65 (отнесение этой надписи к Динамии, впрочем, весьма условно).

⁵¹ Латышев В.В. Указ. соч. С. 101; Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 108, 109; Гандукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 316; Он же. История... С. 128; Латышева-Устинова В.О. Указ. соч. С. 63.

тский Боспор как оплот своей власти⁵². Промитридатовская пропаганда и царская символика Митридатидов (восходящая к Ахеменидам) были рассчитаны в первую очередь на обитавшие здесь ирано-кочевные племена. М.И. Ростовцев был прав в том, что иранизм Митридатидов быстро стал понятен духу ираноязычного населения окраин Боспорского царства и это привлекало его на борьбу с Римом⁵³. Так было при Митридате Евпаторе, так продолжалось и при его наследниках. Не случайно бронзовый бюст Динамии и другие бронзовые вещи, в числе которых даже изображение самого Митридата Евпатора, обнаружены на поселениях-катоикях в окрестностях Горнишии и Бат, жители которых всегда находились в числе главных сторонников Митридатидов⁵⁴. Это были преимущественно выходцы из сарматской и синдо-меотской среды. Так что, хотя римлянам и внушалось, что Динамия и ее подданные не замысливают ничего серьезного против Римской империи, сама царица и промитридатовские круги в городах и на хоре укрепляли позиции и стремились обезопасить себя от той политики, которую со времен Помпея и Цезаря римляне проводили в Малой Азии для искоренения военно-хозяйственных поселений и крепостей, созданных понтийскими царями для войн с ними.

Если оперировать современными понятиями, такая линия Динамии может быть охарактеризована как “политика двойного стандарта”, и она имела свой глубокий подтекст. С одной стороны, царица искренне благодарила императора, что наконец получила единоличную власть. С другой – она заручилась поддержкой проримски настроенных городов, которые не хотели возврата к агрессивной политике Митридата VI и Фарнака против Рима. Делая реверансы в сторону римлян, царица как бы заверяла подданных, что не хочет возрождения объединенной понтийско-боспорской монархии, а готова править только на Боспоре, пользуясь наследственной властью. Динамия демонстрировала боспорцам, что это Рим, приславший самозванца Скрибония, стремится покончить с независимостью их царства. Этим она только укрепляла свой престиж, а своих подданных – горожан, племена, поселенцев на хоре – восстанавливала против Скрибония и стоявшего за ним Рима. Это еще одно проявление двойной политики ее деда Митридата Евпатора.

В сложившейся к рубежу предпоследнего – последнего десятилетия I в. до н.э. ситуации Динамия действовала смело и расчетливо.

⁵² Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 18; Он же. Эллинизм и иранство... С. 147; Шелов Д.Б. Указ. соч. С. 233; Яйленко В.П. Династическая история... С. 162–164; Горончаровский В.А. Указ. соч. С. 57.

⁵³ Ростовцев М.И. Научное значение истории Боспорского царства // Сб. в честь Н.И. Кареева. СПб., 1914. С. 6–8.

⁵⁴ Подробно об этих находках см.: Трейстер М.Ю. Бронзовая статуэтка Юпитера Капитолийского из Мысхако // ВДИ. 1992. № 2. С. 46–48; Treister M.Yu., Dmitriev A.V., Malyshev A.A. A Bronze Statuette of an Hellenistic Ruler from the Excavations at Myskhako Settlement near Novorossiisk // Eurasia Antiqua. 1999. Bd. 5. S. 489.

Пользуясь тем, что ее поддерживают промитридатовские круги и особенности жители обширной царской хоры Боспора, она решила выбить инициативу из рук Скрибония и римлян. Вот почему во всех боспорских надписях, поставленных в годы правления Динамии после Асандра, имя Скрибония не фигурировало вообще. Отсутствие его имени рядом с Динамией в ее надписях лаконично и образно охарактеризовал В. Гардтхаузен: “Динамия сделала Скрибония своим мужем, но не царем”⁵⁵, – т.е. она всячески принижала политическое значение фигуры этого “римлянина”. Осознав тщетность усилий утвердить у власти Скрибония и оттеснить Динамию, выполнившую по мнению творцов римской восточной политики свою роль “могильщика” Асандра, Август отказался от поддержки Скрибония, который в конце концов сам пал жертвой собственных интриг. Перемену в отношении Рима к своему бывшему ставленнику можно объяснить переусердствованием его в промитридатовской демагогии, которая оказалась неубедительной для боспорцев, так что Скрибоний вряд ли мог помочь римлянам в ликвидации основ “митридатизма” в Боспорском царстве⁵⁶.

Таким образом и этот раунд в борьбе Рима с эллинистическими устоями в союзном ему Боспорском царстве остался за Динамией. Она сумела сохранить власть и укрепить социальную базу “митридатизма”, отстоять право на сохранение царских земельных владений и остаться властительницей многочисленного слоя военно-хозяйственных поселенцев, осевших на этих землях. Как и четверть века назад, когда она в паре с Асандром использовала политику Марка Антония по возрождению некоторых эллинистических традиций в восточных клиентных царствах для сохранения у власти Митридатидов, так и теперь при Августе Динамия сумела отстоять позиции своей династии и усилить государство как всецело эллинистическое образование⁵⁷. В этом явственно прослеживаются параллели с митридатовским временем, когда нужно было выстраивать отношения с римлянами: и дед Митридат Евпатор, и его внучка Динамия, отчасти и ее отец Фарнак на переговорах с Цезарем, – все они, прикрываясь дружеским расположением к Риму, на деле осуществляли собственную политику, подчас не совпадавшую с его интересами.

⁵⁵ Gardthausen V. Op. cit. T. I. 2. S. 842–844.

⁵⁶ Можно согласиться с В.Н. Парфеновым, что после Асандра римляне сознательно раздували политический кризис на Боспоре с целью добиться ликвидации его независимости (*Parfenov V. Op. cit. S. 98*).

⁵⁷ Нельзя согласиться с А.Л. Бертье-Делагардом, будто Динамия не имела права на боспорский трон, а получила его только благодаря браку с Асандром (*Бертье-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 195, 196*). Все обстояло наоборот: это Асандр не имел законных прав на престол, поэтому его и не признавали в Риме, Динамия же была сразу признана Августом единственной законной наследницей Фарнака.

Все более заметная активная политическая роль Динамии грозила подорвать позиции римлян в этой части Причерноморья. К тому же дела там вообще шли для них не очень гладко. В 16–11 гг. до н.э. во Фракии произошло крупнейшее антиримское выступление племен бессов (*Tac. Ann.* II. 64), серьезно ослабившее позиции Римской империи в этой стране. Чтобы не допустить одновременного подрыва позиций Империи на Боспоре и во Фракии, Август и Агриппа планировали реализовать план объединения Понтийского царства Помпонидов с Боспором и обеспечить тыл в борьбе с непокорными фракийскими племенами. Это было не менее важно для создания задела против парфян и родственных им ираноязычных варварских народов. Римская империя стремилась усилить свои позиции в бассейне Черного моря, поскольку Август не доверял фактически правившему во Фракии династу Реметалку I Сапею, опекуну детей умершего царя Котиса II (IV или VII по Салливэну), своего брата. Хотя Реметалк, подобно Асандру на Боспоре, до битвы при Акции поддерживал Марка Антония, а затем переметнулся к Октавиану (*Plut. Mor.* 207A). Однако Август так и не простил ему этого предательства, как в свое время Цезарь не простил измену Асандру, перешедшему к Фарнаку. Не менее настороженно относился принципс и к Динамии, помня о ее происхождении и браке с Асандром, укрепившим независимость Боспора. Очевидно, подобное поведение в отношении союзников и вассалов было в духе ближайших родственников и сподвижников Цезаря. Таким образом, не желая терять позиции во Фракии, Август решил подстраховаться путем создания более прочной системы вассальных государств, сдерживавших сепаратизм друг друга⁵⁸.

Август и Агриппа не желали мириться с фиаско своей политики в отношении Боспора. Когда не удалось подорвать могущество правящей династии изнутри, было решено прибегнуть к внешней силе и покончить с остатками “митридатизма”. Было, наконец, принято решение создать единое Понтийско-боспорское государство, точнее, имперское, будет назвать его Понтийским царством, как это было при Митридате Евпаторе, но во главе его поставить совершенно постороннего для Митридатидов человека – понтийского царя Птолемея I, грека по происхождению, сына ритора Зенона из Лаодикеи. Первый союзник Рима, он немало потрудился в Понте для сдерживания парфянской угрозы, ликвидации остатков восточного деспотизма Митридата VI, полностью отказавшись от политики своих популяристских предшественников по укреплению царских земель, так как переориентировался на поддержку полисного землевладения, по существу, под царским контролем. Такую же задачу римляне поставили перед ним и на Боспоре, где он фактически должен был

⁵⁸ *Sautre M.* L'Asie Mineure et l'Anatolie d'Alexandre à Dioclétien (IVe s. av. j.c. – IIIe s. ap. j.c.). P., 1995. P. 166–169.

продолжить дело Скрибония, но уже под лозунгом полного искоренения “митридатовских традиций”.

Об этом переломном эпизоде боспорской истории сохранилось лишь замечание Диона Кассия, в котором говорится буквально следующее: “проведав о том, что Скрибоний, даже будучи супругом Динамии ...стремился овладеть Боспором... Агриппа послал против него Полемона, царя прилегавшей к Каппадокии части Понта. Полемон не застал уже в живых Скрибония, так как боспорцы раньше убили его, узнав о его замысле; когда они и ему оказали сопротивление из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в битву и одержал победу, но не успел подчинить их себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти на них походом. Тогда они сложили оружие и сдались Полемену; Динамия сделалась его женой, очевидно, по решению Августа” (*Dio Cass. LIV. 24. 4*).

Это важнейшее свидетельство понималось по-разному. Разночтения вызывают следующие ключевые моменты: кем были те “боспорцы,” которые убили Скрибония, подняв восстание, а затем оказали сопротивление понтийскому царю и в конце концов подчинились ему, и те, которые вступили в битву с Полемоном I, но тот не успел их себе подчинить; наконец, высаживались ли римские войска и флот под предводительством Агриппы в Пантикапее или так и остались в Синопе, лишь угрожая вторжением?

Существует предположение, что царь Понта был послан на Боспор против Скрибония, который стремился захватить власть, и даже будто бы вопреки воле римлян завладел-таки ею⁵⁹. Однако, как мы старались показать выше, Скрибоний хоть и получил в жены Динамию, реальной властью на Боспоре не пользовался. М.И. Ростовцев отмечал, что для планов Рима в Причерноморье Асандр, Скрибоний и Динамия казались Августу ненадежными⁶⁰. Скрибоний уже выполнил возложенную на него ранее миссию: способствовал устранению с престола неугодного Августу Асандра и расчистил Динамии дорогу к власти. Теперь единственное, что он мог сделать для римлян, это вновь дестабилизировать политическую обстановку в Боспорском царстве, чтобы создать предлог для устранения от власти Динамии, внутренняя политика которой не вызывала в Риме никакого восторга не столько тем, что, по выражению Ростовцева, “она добивалась сохранения власти в своих руках, не стесняясь в средствах”, сколько откровенно промитридатовской направленностью ее действий и поступков. Поэтому мы не

⁵⁹ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 315; Он же. История. С. 127; Зубарь В.М. Из истории... С. 127; Он же. Северный Понт и Римская империя... С. 16; Яценко В.П. Династическая история... С. 135 (вмешательство Агриппы могло быть вызвано как убийством Скрибония, так и захватом им власти).

⁶⁰ Ростовцев М.И. Эллинизм и иранство... С. 146.

исключаем, что восстание против Скрибония могло быть инспирировано римлянами, чтобы ослабить позиции Динамии и подчинить Боспорское царство власти нового их ставленника. Август и Агриппа воспользовались этой новой провокацией Скрибония, против которого выступило население царства, чтобы свергнуть Динамию и посадить в Пантикапее Полемона I.

В связи с поддержкой Динамией подавляющей частью боспорского населения – горожанами, жителями хоры и варварами окраинных земель – правильное будет усматривать в оказавших сопротивление Полемену боспорцах именно их⁶¹. Мы полагаем, что следует различить два этапа борьбы Полемона за власть в Боспорском царстве. Первый начался тотчас по прибытии в Таврику, когда ему пришлось вести борьбу с горожанами и населением сельских районов, прежде всего тех регионов Восточного Крыма, которые прилегали к Пантикапее и Феодосии. Археологические исследования показывают, что такие поселения типа катойкий, как Полянка, Чокрак, Семеновка, Порфмий и др., погибают в пожарах около 14 г. до н.э., скорее всего в связи с карательными действиями понтийского царя⁶². Очевидно, не все сельские районы Восточной Таврики, как и греческие полисы, сразу перешли под его власть, так как Дион передает, что он (Полемон I. – С.С.) не успел подчинить их себе, пока в Синопе не появился римский флот во главе с Агриппой. Так что правы те исследователи, кто полагает, что основной силой сопротивления стали города⁶³ и военно-хозяйственные поселения на царской земле, чьи жители опасались потерять свои привилегии в объединенном государстве. Однако полисы еще со времен Митридата Евпатора отличались большей про-римской симпатией. Поэтому как только обозначилась угроза разрыва отношений с Римом, а особенно с традиционными экономическими партнерами в римской провинции Вифиния-Понт и в царстве Полемонидов, боспорские города тотчас качнулись в обратную сторону и, по выражению Диона Кассия, “сложили оружие и сдались Полемену”. Некоторые аграрные районы Восточного Крыма и промитридатовские настроенные военно-хозяйственные поселенцы-катойки еще могли какое-то время оказывать сопротивление, но основная волна оппозиции Полемену и римлянам уже спала и царь Понта закрепил за собой плацдарм в Восточной Таврике для подчинения затем других регионов Боспора, все еще не признававших его власть.

⁶¹ Об этом см.: *Машкин Н.А.* Указ. соч. С. 531. М.И. Ростовцев считал, что Скрибония убили греки – жители городов, а против Полемона выступило местное сарматское население. См.: *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст... С. 13; *Он же.* Эллинство и иранство... С. 145.

⁶² *Мисленников А.А.* Полемон... С. 158; *Он же.* Эллинская хора на краю Ойкумены: Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. С. 112; *Maslennikov A.A., Treister M.Yu.* A Fragment of an Attic Helmet from the Settlement at Lake Chokrak // *AncCiv.* 1997. V. 4, N 1. P. 5–14.

⁶³ *Чиков В.Н.* Указ. соч. С. 75; *Блаватский В.Д.* Пантикапей. С. 130, 134.

Второй этап борьбы развернулся в 12–8 гг. до н.э., когда (если верить Страбону) царь Понта, а теперь и Боспора, разрушил Танаис “за неподчинение” и вел военные действия в Восточном Приазовье и на Тамани против так называемых аспургиян (*Strabo*. XI. 2. 3; 11). Начало второго этапа стало возможно потому, что Полемону и римлянам удалось частично умиротворить европейский Боспор, как силой оружия, так и дипломатической акцией, заставив легитимную правительницу Динамию, популярность которой не уменьшилась, выйти замуж за Полемона. Август и Агриппа пошли на это, поскольку их ставленнику не удалось сразу закрепиться в Пантикапее и заставить население в городах и на хоре признать его правителем и приступить к главной задаче, поставленной перед ним римлянами, – ликвидировать военно-административную систему и сеть военно-хозяйственных поселений. Поэтому римлянам не удалось сразу же убрать с престола властную и энергичную Динамию, даже несмотря на признание Полемона царем некоторой частью боспорского общества.

Динамия вновь оказалась в двусмысленной ситуации, когда надо было отстаивать собственные интересы, не нарушая верности Риму. И уже в который раз она прибегла к испытанному средству, согласившись на брак уже с третьим мужем – на этот раз с понтийским царем. Не исключено, что этим она рассчитывала не только сохранить за собой престол, но и по возможности стать со временем во главе единого Понтийского царства, чего добивался силой ее отец Фарнак. Однако на этот раз император Август переиграл царицу Боспора. Он рассчитал верно: если супруг Динамии ставит цель ликвидировать политическую и социальную опору власти жены, то конфликт между ними будет неизбежен. Поэтому он охотно благословил очередной брак Динамии. И действительно, получилось все так, как предполагал римский император.

Все, что нам известно о пребывании Полемона I на Боспоре, так это то, что он вел непрерывные войны на его территории, приводя к покорности местное население, военно-хозяйственных поселенцев, посаженных на землю Митридатидами⁶⁴, отчасти греческие города. Естественно, что Динамия не могла с этим смириться. Как указывалось выше, существует версия, что она могла выступить против своего нового супруга, однако наши источники умалчивают, как сложилась судьба царицы после 14 г. до н.э. Нумизматические и эпиграфические данные косвенно говорят о том, что приблизительно после двух лет замужества с Полемоном около 12 г. до н.э. Динамия

⁶⁴ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 195; Соколовский Н.И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 89–111; Масленников А.А. Полемон... С. 158 и след.; Болдырев С.И. О характере С. 11–17.

интерьяла престол⁶⁵. Нельзя исключать и возможное насильственное устранение царицы по приказу самого Полемона I, исполнившего желание римлян. Отстранение Динамии от власти могло стать одной из главных причин обострения отношений понтийского царя с местным населением, особенно с жителями царской хоры Боспора, до конца стоявшими за внуку Митридата Евпатора. Но факт остается фактом – римлянам удалось избавиться от умной правительницы, и чужими руками Полемона приступили наконец к ликвидации социальной базы “митридатизма” – военно-административного управления иррскими землями и военно-хозяйственными поселениями, т.е. стали делать то, что ранее осуществили в Понте.

Как только ситуация в Пантикапее и его окрестностях несколько стабилизировалась, понтийский царь заключил новый брак, на этот раз с Пифодоридой, внучкой Марка Антония (*Strabo*. XII. 3. 29; *IKR*. IV. 144; 1407; *OGIS*. 377; *Ephem. Epigr.* 1872. 1. P. 270). Нет нужды говорить, что и этот брак был санкционирован в Риме. После этого царь приступил к завоеванию азиатского Боспора, где позиции промитридатовских кругов были наиболее прочными. Поэтому мы склонны считать справедливой точку зрения, что основную силу против Полемона на всех этапах его борьбы за власть на Боспоре, но особенно на втором, составляли сторонники Митридата Евпатора, Фарнака, Асандра и Динамии из местных племен, не желавшие терять полученные от них привилегии и подчиняться Риму⁶⁶. Главными среди них по-прежнему являлись военно-хозяйственные поселения-катоики из сармато-меотских племен и переселенцев из Малой Азии, племенная знать, связанная с Митридатидами со времен их пойн против Рима. Думается, что как раз это обстоятельство было использовано против Динамии римлянами и Полемоном. В связи с тем, что катоики и клерухии в виде укрепленных поселений на иррской земле создавались на Боспоре и в Понте как бы в противовес получившим некоторые привилегии полисам и частично (а подчас и в основном) за счет полисных земель, то городам было в общем выгодно избавиться от полуварварских военных колоний. Перед ними был к тому же хороший прецедент – лишенные такого соседства греческие города Южного Причерноморья, получив от римлян широкие права политической автономии и расширение городской хоры, стали быстро развиваться экономически⁶⁷. Поэтому боспор-

⁶⁵ Фролова Н.А. О времени... С. 51–60; Она же. Медные монеты... С. 3; Болтунова А.И. Указ. соч. С. 86–91.

⁶⁶ Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 89; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 315; Каллистов Д.П. Указ. соч. С. 66–68; Шелов Д.Б. Указ. соч. С. 232; ср. Ростовцев М.И. Эллинство и иранство... С. 145, 146; *Rostovtzeff T.I. Iranians and Greeks...* P. 148–155.

⁶⁷ Миксимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.; Л., 1956. С. 250 и след.; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 291–293; быстрый рост экономического развития городов и постмитридатовскую эпоху

ские города и Херсонес Таврический могли посчитать для себя выгодным на данном этапе поддержать политику римлян и царя Понтийского государства, что выбило из-под сторонников Динамии одну из опор ее власти – эллинские города, обрекая царицу на проигрыш новому римскому ставленнику.

Теперь коснемся вопроса о пребывании в это время римских войск на Боспоре. До недавнего времени эта проблема не вызывала особых сложностей. Опираясь на сведения Диона Кассия (*Dio Cass.* LIV. 24. 4), считалось бесспорным, что, как только римский флот во главе с Агриппой появился в Черном море и расположился в гавани Синопы, то боспорцы сразу снизили накал сопротивления Полемену и в общем признали-таки его своим царем, а их правительница Динамия стала его супругой⁶⁸. Поэтому для римлян отпала необходимость пересекать Понт Эвксинский и вводить войска в Пантикапей⁶⁹. Однако недавно появилась точка зрения, во многом навеянная очень спорной гипотезой Ч. Роуза о пребывании Динамии в Риме вместе с сыном Аспургом (см. выше) и о том, что римские войска под командованием Агриппы могли высадиться на северном берегу Понта и непосредственно вмешаться в события, связанные с интронизацией там Полемона I. При этом допускается мысль, что экспедиция Полемона служила лишь авангардом, а решающим стало прибытие римских отрядов. В связи с этим ставится под сомнение брак Полемона с Динамией, а если он и состоялся, то быстро разрушился (последнее в общем-то правильно). При возвращении с Боспора Агриппа взял с собой царицу Динамию и ее сына либо в качестве заложников, либо для их безопасности (спрашивается, от кого, ведь Динамии ничего не угрожало, население ее поддерживало, Полемон, ее супруг, делал все, что ему советовал Агриппа, поддерживавший Динамию в 14–12 гг. до н.э. – получается полная бессмыслица!)

особенно заметен на примере римской провинции Вифиния-Понт (*Lewis M. A History of Bithynia under Roman Rule, 74 BC–14 AD. Minnesota, 1973. P. 74–90*; *Weimert H. Wirtschaft als landschaftsgebundenes Phänomen: Die Antike Landschaft Pontos. Frankfurt a. Main; Bern; N.Y., 1984. S. 45 u. folg.*). Результатом этого развития стало активное производство там с середины I в. до н.э. светлоглиняных амфор и их массовый вывоз в Северное Причерноморье. См.: *Внуков С.И. Светлоглиняные амфоры I в. до н.э. – I в. н.э. как источник по экономической истории Северного Причерноморья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М. 1988. С. 1–13.*

⁶⁸ *Gardthausen V. Op. cit. I, 2. S. 842–844; Anderson J.G. Op. cit. P. 268*; *Bowersock G.W. Op. cit. P. 52, 53; Дьяков В.Н. Указ. соч. С. 75; Машкин И.А. Указ. соч. С. 530; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 315; Он же. История. С. 127; Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 106; Латышев В.В. Указ. соч. С. 100*

⁶⁹ *Reinhold M. Marcus Agrippa. A Biography. Roma, 1965. P. 113–115; к этому мнению склоняется и Ж.-М. Роддаз (*Roddaz J.-M. Op. cit. P. 463: Агриппа спровоцировал демонстрацию военной силы со стороны*); *Syme R. Anatolica. Studies in Strabo. Oxford, 1995. P. 294, 295 (Агриппа с флотом дошел лишь до Синопы).**

Целесообразно ставится вопрос, что ребенку на Алтаре Мира (предполагаемому Аспургу) всего пять–шесть лет от роду, если не меньше, а ведь если он сын Асандра, то ему должно было быть намного больше лет. Отсюда ничтоже сумняшеся следует вывод, что ребенок Динамии не от Асандра, а от Скрибония – человека, вообще рядом с Динамией не появлявшегося ни в одной из надписей. Посвящения же самой царицы царственным лицам Рима истолковываются как результат пребывания ее в столице Империи, хотя почему-то не принимается во внимание, что, находясь она в Вечном городе с 13 по 11 г. до н.э., за что бы ей тогда благодарить в надписях императора и императрицу, санкционировавших ее отречение и отправивших в изгнание с Боспора, где ее власть была почти безграничной? Переименование Пантикапея и Фанагории относят, таким образом, к ее возвращению во власть, хотя при этом не обращается внимание на монетные выпуски этих новоназначенных городов, не укладывающиеся в рамки последнего десятилетия I в. до н.э. (см. выше). А если она действительно вернулась, как предполагают авторы гипотезы, и возглавила борьбу с Полемоном, то тогда вообще бессмысленно было ей ставить благодарственные надписи римским покровителям Августу и Тиберию, этого Полемона поддерживавшим. Далее, сторонники вторичного воцарения Динамии считают, что переименование городов вообще состоялось вследствие личного знакомства Динамии и Ирода Великого, царя Иудеи, что могло иметь место в Риме под патронажем Агриппы! Впрочем, достаточно... Спекулируя, посвященными истории Боспора на рубеже эр, за сто пятьдесят с лишним лет и так накопилось очень много⁷⁰. Обратимся лучше к первоисточникам, на которых многие исследователи пытаются построить свои исторические фантазии.

Опять, в который раз, приходится ссылаться на Диона Кассия, дающего наиболее достоверную информацию о событиях на Боспоре в конце предпоследнего десятилетия I в. до н.э. Он пишет: "...происшед об этом (желании Скрибония через замужество с ним Динамией стать владыкой Боспора. – С.С.), Агриппа послал против него Полемона...; когда же боспорцы и ему оказали сопротивление из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в битву и одержал победу (т.е. укрепился на европейском Боспоре. – С.С.), но не успел подчинить их себе (имеются в виду обитатели крепостей и варварские племена азиатского Боспора, а также часть городов. – С.С.), пока Агриппа не прибыл флотом в Синопу с намерением идти на них походом. Тогда они сложили оружие и сдались Полемону (имеются в виду города и их ближайшая округа, а жители царских земель азиатского Боспора и окраинных районов царства продолжали борьбу – С.С.); Динамия сделалась его женой, очевидно, по решению

⁷⁰ *Parfenov V.N.* Op. cit. S. 99–103; *Парфенов В.Н.* Динамия, царица Боспора: Несколько штрихов политического портрета // Боспор и античный мир. Нижний Новгород, 1997. С. 131 и след.; *Болдырев С.И.* О характере... С. 11–17.

Августа” (чтобы по-возможности скорее умиротворить катойком азиатского Боспора, а когда это не удалось, то Динамию убрали с престола, а Полемон женился на Пифодориде, чтобы прочнее связать Боспор и Понтийское царство. – С.С.) (*Dio Cass. LIV. 24. 4*) Описанные события датируются 14 г. до н.э., поэтому спрашивается, зачем было Агриппе вторгаться с войском на Боспор, о чем, кстати, у Диона нет и речи, если ситуация в Пантикапее и на европейском Боспоре в общем-то успокоилась? К чему было нарушать распоряжение императора сделать Динамию, друга римлян, супругой их собственного ставленника и тотчас же срочно вывозить ее вместе с сыном с Боспора по сути в изгнание? А затем опять возвращать обратно, но уже фактически превратив ее в противника Рима?

Возьмем другой источник, не менее значимый по характеру со держащейся в нем информации о событиях 14 г. до н.э. – “Иудейские древности” Иосифа Флавия. Он сообщает, что Ирод провел зиму дома в Иудее, а весной 14 г. до н.э. поспешил на встречу с Агриппой, зная, что он возглавлял экспедицию (или войско – στρατίαν) на Боспор... (*Jos. Flav. Ant. 16. 2. 2 (16–23)*). Данный пассаж с некоторой натяжкой можно было бы расценить как доказательство пребывания Агриппы с войском в Боспорском царстве, если бы не имелось достоверной версии о том, что именно Агриппа вдохновлял и в действительности управлял поступками царя Полемона I в Таврике⁷¹. Поэтому означенную фразу следует понимать не в смысле личного участия Агриппы в войне за обладание Пантикапеем и его окрестностями, а как фактическое руководство операцией там войск понтийского царя, в состав которых почти наверняка входили и римские солдаты, а также как командование стоявшим в Черном море римским флотом, уже готовым в случае крайней необходимости выйти из Синопы на Боспор. Иосиф Флавий сообщает далее, что Ирод встретился с Агриппой в Синопе на Понте, что полностью согласуется со свидетельством Диона Кассия, который ничего не говорит об экспедиции римских войск на Боспор. Ни Дион, ни Иосиф Флавий ни о какой военной акции Рима в Таврике не сообщают, следовательно, ее не было, а существовала лишь ее угроза, повлиявшая на ход тамошних событий.

Два других источника – это поздние латинские авторы. Евтропий, перечисляя земли, подчиненные Августом при помощи оружия, пишет: *omnes Ponti maritimas civitates, in his nobilissimas Bosphorum et Panticapaeum* (*Eutrop. VII. 9*) фраза, которая может иметь отношение к Скрибонию и Полемону I как ставленникам Августа на Боспоре, действительно добивавшимся власти там военной силой. О прямом же вмешательстве Рима здесь также не говорится. Сложнее с сообщением Павла Орозия, восходящим к Титу Ливию: Агриппа победил боспорцев и, после того как он римские военные знаки, некогда

⁷¹ *Anderson J.G. Op. cit. P. 267; Reinhold M. Op. cit. P. 113–115; Bowersock G.W. Op. cit. P. 53; Funk B. Op. cit. S. 27–35; Roddaz J.-M. Op. cit. P. 463–465; Rose Ch. II Op. cit. P. 453.*

побежденные ими при Митридате, вновь отвоевал в результате войны, принудил побежденных к капитуляции (*Liv. ap. Oros. VI. 21. 28*). Это свидетельство, но с поправкой на поздний характер источника, может подтверждать реальность римской военной интервенции на Боспор при Агриппе⁷². Однако бросается в глаза совпадение некоторых деталей в сообщениях Ливия/Орозия и цитированных выше авторов: у Орозия Агриппа принудил побежденных боспорцев к капитуляции, у Диона Кассия боспорцы сложили оружие и капитулировали (сдались) перед Полемоном, как только Агриппа прибыл в Синоп с намерением идти на них походом (ср. *Jos. Flav. Ant. 16. 2. 2* (16-23)). Различие лишь в том, что у Орозия не сказано ничего о Полемоне, а все заслуги в утверждении римской власти силой оружия приписываются Марку Агриппе, действительно стоявшему за спиной всех акций Полемона I на первом этапе его борьбы за власть. Но Диону же получается, что все, о чем говорится у Ливия/Орозия, было выполнено понтийским царем. Поэтому заслуживает особого внимания факт захвата на Боспоре римских воинских штандартов, доставленных сюда еще Митридатом Евпатором после III войны с Римом в 65–63 гг. до н.э. Именно этот факт и хотел выделить в своем сообщении римский историк, для которого захват римских легионных знаков отличия должен был подчеркнуть величие римского оружия и власти, а вовсе не военные успехи (к тому же весьма сомнительные) зависимого от Августа и Агриппы Полемона I, грека, а не римлянина по своему происхождению. Вот почему на первое место автор свидетельства поставил не царя Понта – государства, покоренного римлянами, а римского полководца Агриппу. Совершенно прав Ж.-М. Роддаз, указавший, что подчинение Боспора, пусть даже одной его части, благодаря Полемону, расширяло границы Римской империи и укрепляло престиж Агриппы. Это заставило римскую историографию сравнивать указанное событие с победой римлян над Митридатом VI, чтобы создать у римского общественно-го мнения иллюзию равнозначности военных кампаний против Понта и части его – Боспорского государства⁷³. Тем более что там по-прежнему очень сильными были митридатовские традиции. Так что и это сообщение Ливия/Орозия, если поглубже в него взглянуть,

А.А. Масленников допускает возможность вторжения Полемона на Боспор вместе с римскими войсками, отозванными сразу после смерти Агриппы в марте 12 г. до н.э. (*Масленников А.А. Полемон... С. 158–169*). Нельзя исключать, что в составе войск Полемона I могло находиться какое-то количество римских наемников, тем более что войска и флот Полемонидов были организованы по римскому образцу (см. *Tac. Hist. III. 47; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 338*). Римские отряды, впрочем, входили и в состав войск Митридата Евпатора, который перед III войной с Римом вообще реорганизовал армию на римский манер.

⁷² *Roddaz J.-M. Op. cit. P. 467 ff.* Е.С. Голубцова верно подметила, что это был Полемон I, который отдал римлянам их военные знамена (*Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 107*). См. также: *Масленников А.А. Полемон... С. 168, 169.*

оказывается не очень надежным аргументом в пользу тезиса о пребывании войск Агриппы в Боспорском царстве. Против этого говорят и возникающие вопросы: почему Агриппа срочно покинул Боспор, когда еще не вся его территория была в руках римлян и его самого, а население азиатской части продолжало борьбу с понтийским царем? И почему в этой обстановке Агриппа вдруг вывез с Боспора в 14 г. до н.э. Динамию с сыном, присутствие которых могло умиротворить жившие вокруг Меотиды племена и катойков на Таманском полуострове и в районе Горгииппии и Бат. Они заставляют нас признать все попытки приписать Агриппе вторжение на Боспор и свержение Динамии с последующей реставрацией ее на престоле с исторической точки зрения несостоятельными.

Это полностью согласуется с описанием хода событий 14 г. до н.э. у Иосифа Флавия. Он утверждает, что при встрече в Синопе Ирода и Агриппы произошел теплый обмен приветствиями, так как римский полководец полагал, что получил убедительное свидетельство доброй воли со стороны иудейского царя. Далее говорится о добрых дружественных связях этих государственных деятелей, их взаимопомощи. “Во время этого похода (судя по контексту, это поход Агриппы в 15–14 гг. до н.э. из Иерусалима в Митилену и далее в Синопу. – С.С.) Ирод был во всем ему помощником в государственных делах и советчиком во многих случаях” (здесь и далее речь идет о помощи государственной и “человеческой” уже во время стоянки флота в Синопе как главном эпизоде этого похода. – С.С.). Иными словами, у Флавия ничего не сообщается об участии царя иудеев в экспедиции на Боспор, а все действие ограничивается пребыванием Агриппы в Передней Азии в 15–14 гг. до н.э. и следованием за ним во это время самого Ирода вплоть до их встречи в Синопе. Далее историк пишет: “когда они теперь завершили миссию в Понте (Синопе. С.С.), для которой был послан Агриппа, они решили не возвращаться морем, вместо этого они успешно прошли через Пафлагонию и Каппадокию и оттуда по суше проехали в Великую Фригию до Эфеса...” (*Jos. Flav. Ant.* 16. 2. 2–23).

Как можно убедиться, в этом сообщении ничего не говорится ни о Динамии, ни о вторжении римлян и Ирода на Боспор, а повествуется лишь об удачном завершении миссии Агриппы в Понт, что подразумевает присутствие римского флота в Синопе и экспедицию Полемона I в Крым, опиравшуюся на морально-политическую поддержку Агриппы и Ирода Великого из Пафлагонии⁷⁴. По свидетельству Иосифа Флавия, Агриппа и Ирод возвращались не из Таврики, а по суше из Малой Азии, что недвусмысленно указывает на пребывание Агриппы только в Синопе. Отбытие Агриппы в Эфес, а затем в Рим было связано с относительно успешным завершением первого этапа кампании

⁷⁴ Это обстоятельство отметил еще В. Гардтхаузен (*Gardthausen V. Op. cit.* I, 1, S. 844).

Полемона, когда (если следовать Диону Кассию и Ливию/Орозью) диспорцы сложили оружие и капитулировали, признав Полемона своим царем не без нажима со стороны стоявшего в Синопе с флотом Агриппы, а свою царицу Динамию – женой понтийского царя. Кстати, обещанный в Риме триумф Агриппы в связи с этими успехами не состоялся не только по причине ранней смерти полководца в 12 г. до н.э., но и, возможно, вследствие не совсем благоприятного развития событий на Боспоре после отбытия сподвижника Августа из Синопы, когда жители азиатских районов Боспора открыто выказали неповиновение новому царю. Но при всех возможных вариантах развития событий пребывание Динамии у власти подходило к концу. В 12 г. до н.э. Боспор официально вошел в состав объединенного Понтийского государства, в результате чего Динамия как царица Боспора оказалась не у дел, была отстранена от власти, а Полемон сделал царицей Пифодориду, женившись на ней по решению римлян. Таким образом, Августу удалось в конце концов покончить с наследством Митридата–Фарнака–Асандра на Боспоре, убрав военравную и умную наследницу Митридатидов царицу Динамию. Это можно расценить как успех римской политики на Боспоре, но успех кратковременный и довольно относительный.

Оценивая политику Динамии, следует выделить три основных момента: продолжение дела Митридата Евпатора, Фарнака и Асандра, но в значительно более скромном объеме и не столь открыто выражающего антиримские настроения. Царица не могла не учитывать новую обстановку, когда Рим все больше начинал господствовать в Причерноморье. Далее, это стремление отстоять независимость Боспорского царства, сохранив те традиции и институты власти, которые сложились при Митридатиде и Асandre. Это было необходимо для продолжения развития государства по эллинистическому пути для завершения перехода от тиранической полисной формы правления при Спартокидах к классическому эллинистическому государству греко-иранского образца наподобие Понтийского царства Митридатидов. Для достижения этих сложных задач царица проводила проримскую политику, выставляла себя другом римлян и императорской чете, привлекая тем самым на свою сторону городов, некоторые формы автономии которых ею также поощрялись. Последнее давало Динамии возможность усиливать потенциал царского землевладения, продолжать создавать военно-хозяйственные поселения – укрепления, которые служили ее опорой в борьбе за власть и в сохранение эллинистических устоев государства. Она сумела создать и в то же время удержать тот баланс сил на Боспоре в лице городов, катойков на хоре и местных варварских племен, который поддерживал стабильность общества и давал возможность Боспорскому царству развиваться по эллинистическому пути. Но главное, в нем преуспела царица, это продолжение под предлогом дружбы к Риму политики Асандра по расширению царского землевладения, в том числе для защиты городов и римских интересов от варварской

угрозы, хотя именно это вменялось римлянами в вину Асандру и вызвало его замену на престоле Динамией. В этом видится непреходящее значение ее политики и величие фигуры царицы как выдающейся политической деятельницы своего времени. Динамия постоянно стремилась к укреплению царской власти по митридатовскому образцу. Популярность ее объясняется тем, что в течение I в. до н. э. интересы городов и местного населения сомкнулись с целью противостоять экспансии Рима⁷⁵, а это консервировало эллинистические порядки и институты власти во всех сферах жизни и востребовало политическую арену такие фигуры, как царица Динамия.

Рим делал все, чтобы повернуть Боспорское царство по пути, по которому пошел Понт после мероприятий Помпея и Цезаря. После серии неудач, связанных с Митридатом Пергамским и Скрибонием, ему удалось посадить на престол понтийского царя Полемона I, который в своей внутренней политике придерживался реформ Помпея. С его помощью начался процесс преобразования митридатовской системы царского землевладения, основанной на военно-хозяйственных поселениях как центрах административного управления царской хоронии подпитывавшейся за счет варварского меото-сарматского окружения Боспора. В противовес ей ставка делалась на некоторое расширение полисного землевладения, на определенную политическую и экономическую самостоятельность городов. По расчетам римлян и царя Полемона это должно было ограничить воздействие местного варварского населения на характер эллинизации Боспора, покончить с “митридизмом” как локальным понтийским вариантом развития эллинистической государственности и в перспективе содействовать большей романизации Боспора с целью превратить его в дальнейшем в римскую провинцию, т.е. сделать все так, как это успешно для Рима произошло в Понте и Вифинии. Поэтому с устранением сначала Асандра, а затем и Динамии, олицетворявших митридатовские принципы боспорской государственности, завершился важный этап в истории царства, когда оно превратилось в типичное эллинистическое государство, пришедшее на смену тираническому полисному образованию Археанактидов и Спартокидов. Но несмотря на все усилия римлян, в Боспорском царстве со времен Митридата Евпатора, но особенно сильно при Асандре и Динамии, начались необратимые процессы взаимодействия местных и пришлых иранских элементов с исконными греческими традициями во всех областях – экономике, политике, идеологии и культуре. И это обрекало на неудачу все попытки римлян как-то затормозить данный процесс и направить его в сторону подготовки почвы для обращения Боспора в римскую провинцию. Поэтому успех Агриппы и Полемона, на данном этапе сумевших одолеть царицу Динамию, можно охарактеризовать как временный и довольно относительный.

⁷⁵ Горемыкина В.И. Из истории Боспора Киммерийского I в. до н.э. и начала I в. н.э. // Учен. зап. Могилев. ГПИ, 1955. Минск, 1956. 2. С. 123–127.

ЦАРСТВОВАНИЕ АСПУРГА: СТАБИЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ И НОВОЕ УСИЛЕНИЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА

Приход Аспурга к власти

Как уже говорилось, Полемону I, прибывшему на Боспор в 14 г. до н.э., пришлось потратить некоторое время на упрочение там своего положения. Назначая его туда и создавая сильное объединение на северном берегу Понта – Полемон к тому времени уже владел Колхидой, Киликией, частью Понтийской Каппадокии, – Август и Агриппа преследовали две цели: укрепить позиции Римской империи на северо-востоке против сарматов и парфян, а заодно и против других вассальных царей в Восточном Средиземноморье, усиление которых не отвечало римским интересам, например против Архелаа, царя Каппадокии. Около 13 г. до н.э. отношения Рима с ним несколько ухудшились вследствие его усиления после урегулирования армянских и парфянских дел¹. Следуя традиционной римской политике “разделяй и властвуй”, Агриппа хотел иметь мощный противовес Архелаю в лице соседнего Понтийского царства, в состав которого был включен и Боспор. Это могло стать одной из причин женитьбы Полемона I на Пифодориде ок. 12 г. до н.э.², так как данный брак укреплял позиции понтийского царя в Малой Азии и Колхиде.

Полемон должен был уничтожить созданную Митридатидами структуру царского землевладения и военно-административного управления царскими землями путем создания катойкий – укрепленных поселений на γῆ βασιλική. Поэтому именно они оказали главное сопротивление прибывшему в Таврику понтийскому владыке³. Для противоборства с военно-хозяйственными поселенцами и варварскими племенами северо-восточных окраин Боспора Полемон пошел на сближение с эллинскими городами и соседними с Боспором полисами, в частности с Херсонесом Таврическим. Этот полис тогда стремился отделаться от опеки боспорских царей, а с 25 г. до н.э.

¹ *Pauli M.* Roma e i re d'Oriente da Augusto a Tiberio. Bari, 1974. P. 112, 113; *Kouklaz J.-M.* Marcus Agrippa. Rome, 1984. P. 471–474.

² *Wahlheim H.* Die Orientpolitik des Triumvirn M. Antonius. Heidelberg, 1960. S. 53.

³ *Астрикин С.Ю.* Понтийское царство. М., 1996. С. 315. Участие в этих событиях сарматов в качестве союзников Полемона I (см.: *Гасбова В.П.* Сарматы и Боспор на рубеже эр // Боспорский феномен. СПб., 2001. С. 196) невозможно, ибо они традиционно не поддерживали его, что и вызвало карательную экспедицию последнего на азиатский Боспор и в Нижнее Подонье.

получил от Августа некоторое самоуправление. Поэтому херсонеситы не могли не воспользоваться создавшейся на Боспоре новой политической ситуацией и не установить доверительные отношения с понтийским монархом, протееже их благодетеля императора Августа. Они надеялись получить дополнительное послабление своей зависимости от Боспорского царства. Известна надпись-рескрипт или письмо-послание Полемона I, адресованное Совету и Народу херсонеситов, к сожалению, фрагментарное, но из сохранившегося текста можно понять, что в нем речь шла о Боспоре и сам царь называет себя “спасителем – сотером херсонеситов” (IosPE. I. (ed. 2.) 704). На этом основании существует распространенное мнение, что Херсонес помогал царю Понта закрепиться на боспорском престоле, поскольку тот признал за ним некоторые права автономии и самоуправления^{3а}. Эта помощь Херсонеса вписывалась в рамки его оборонительного союза с Боспором, заключенного в 25 г. до н.э. при Августе. Согласно этому союзу, на Боспор был якобы направлен отряд херсонесских граждан, о чем говорится в другой надписи IosPE. I. (ed. 2.) 419⁴. Однако на самом деле эта последняя надпись датируется временем Полемона II⁵, поэтому едва ли обоснованно говорить о тесной зависимости Херсонеса от Боспорского царства в конце I в. до н.э. Это подтверждает и само обращение Полемона I к буле и демосу херсонеситов. К.М. Колобова и В.М. Зубарь правильно отметили, что форма обращения царя к херсонеситам обычно применялась к городам, которые имели права самоуправления и элевтерии⁶. Значит, Полемон соблюдал установленный при Августе порядок, когда протекторат Боспора над полисом существенно ослабел. И все же форма обращения в виде рескрипта, некоторое превосходство царя над гражданами, который величает себя их спасителем, свидетельствуют об определенных отношениях подданства горожан Полемону, т.е. Херсонес в некоторой степени продолжал зависеть от Боспорского царства⁷. Однако никаких данных о военной помощи Полемону со стороны города нет. Термин “сотер” по отношению к херсонеситам указывает, что какая-то помощь городу могла быть оказана самим Полемоном (в данном случае ΣΩΤΗΡ не является частью

^{3а} *Кадеев В.И.* Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 1979. № 2. С. 59; *Зубарь В.М.* Из истории Херсонеса Таврического на рубеже н.э. // ВДИ. 1987. № 2. С. 127.

⁴ *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 322, 323.

⁵ *Виноградов Ю.Г.* Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 135–139; *Сипрыкин С.Ю.* Из истории Понтийского царства Полемонидов // ВДИ. 1994. № 2. С. 34.

⁶ *Колобова К.М.* Политическое положение городов в Боспорском царстве // ВДИ. 1953. № 4. С. 55; *Зубарь В.М.* Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 22.

⁷ *Виноградов Ю.Г.* Полемон... С. 131–139; ср. *Зубарь В.М.* Северный Понт... С. 22.

официальной титулатуры царя, поскольку относится непосредственно к херсонеситам, а в титулатуре Полемона I был только эпитет благочестивый”).

При Поломоне I не был прекращен монетный чекан Кесарии и Агриппии, выпускавших монеты как минимум до года гибели царя, т. е. до 9/8 г. до н.э.⁸ Поскольку после смерти Агриппии в 12 г. до н.э. Агриппия не была переименована обратно в Фанагорию, то значит и Пантикапей (или Гермонасса ?) также сохранил свое новое название. Это доказывает их полисный статус, полученный еще при Асандре и Динамии и сохраненный понтийским царем.

Высказывались предположения, что Полемон вел с боспорцами две войны – первую, о которой рассказывается у Диона Кассия (см. гл. 1), и вторую, когда он боролся с аспургианами. Причем разрушение Танаиса, согласно сторонникам этого мнения, относится еще к первой войне⁹. В том, что понтийский царь вел на Боспоре две войны, сомневаться не приходится, однако последние археологические открытия на Керченском полуострове показывают, что сначала он управлялся с военно-хозяйственными поселенцами европейского Боспора, а немного позднее организовал экспедицию в азиатскую часть государства, о чем говорится у Страбона. Большая часть военно-хозяйственных поселений в Восточном Крыму, возникших при Митридате VI. Фарнаке и особенно при Асандре, гибнут не позднее предпоследнего десятилетия I в. до н.э. Это укрепление Полянка с палисадом на прибрежном холме, большим участком внутренней застройки и атрибутами повседневной жизни военных поселенцев-капитанов позднемитридатовской эпохи (монеты, терракоты); а также большая сильно укрепленная усадьба – центр крупного землевладения или резиденция наместника округа, известная как поселение Чокрак. В это же время были разрушены башни прямоугольного типа, построенные вдоль Узунларского вала, или “вала Асандра”. Разрушения, пожары и перестройки, ими вызванные, фиксируются почти на всех синхронных памятниках Восточной Таврики – в так называемых “малых городах” Мирмекии, Порфмии, Китее, на крупных военно-хозяйственных поселениях Семеновка, Новоотрадное, Андре-

⁸ Фролова Н.А. Монетное дело Боспора. М., 1997. Ч. 1. С. 41. Есть мнение, что именно Полемон переименовал Пантикапей и Фанагорию в Кесарию и Агриппию и способствовал их полисному чекану (Анохин В.А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 84; Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата Евпатора до Котиса I // ЭПЯДАКАСП. С. 142; Зубарь В.М. Северный Понт... С. 17). Однако надпись в честь Динамии, поставленная от имени Народа агриппийцев (CIRB. 979), которая не может относиться ко времени позднее середины предпоследнего десятилетия I в. до н.э. (см. гл. 3, примеч. 41), подтверждает мнение, что переименование и разрешение на право чекана монеты исходили от царицы Динамии до появления на Боспоре Полемона.

⁹ Anderson J.G. The Eastern Frontier under Augustus // CAH. 1934. Vol. X. P.268.

евка Северная, Артезиан, Салачик, Генеральское Восточное, Сириновая Бухта и Золотой Берег. А.А. Масленников справедливо связал эти следы военных действий с деятельностью Полемона I тотчас по прибытии в Таврику. Лишь после того как были разрушены пограничные цитадели и укрепленные поселения на царской земле вместе с рядом мелких городищ, понтийский царь приступил к подавлению восстания в Танаисе и на землях азиатского Боспора¹⁰.

После гибели военно-хозяйственных поселений на царских землях могли, как ранее в Понте и Пафлагонии, несколько усилиться влияние городов и расшириться полисная хора. Это способствовало заинтересованности их жителей в налаживании связей с Римом и независимым от него Понтом, что и вызвало прекращение военных действий на европейском Боспоре к концу 14 г. до н.э. В результате этого Агриппа с флотом покинул Черное море. Полемон получил относительную поддержку в крупных городах Таврики, во всяком случае в Пантикапее и Херсонесе Таврическом, часть катойков была временно замирена, в чем некоторую позитивную роль могла сыграть Динамия, ставшая супругой нового царя.

К этому времени правомерно отнести сообщение Страбона, что Полемону досталась по наследству от предыдущих царей территория, которая на востоке доходила до Танаиса. Причем эта фраза географа стоит в контексте описания того, что некоторые меотские племена отпадали от боспорских царей (*Strabo*. XI. 2. 11). Отсутствие в этом свидетельстве указания на подчинение Полемону меотов, как и выражение *μέχρι τοῦ Ταναΐδος*, может означать, что понтийский царь получил земли как включая Танаис, так и оставляя его за пределами своих владений, а также и то, что азиатские меоты не признали его власть. Возможно, что только города азиатской части Боспора подчинились новому царю. Поэтому совершенно прав Д.П. Каллистов, который отмечал, что общая опасность, исходившая от варваров, способствовала сближению боспорских городов с Римом¹¹. Другая причина поддержки некоторыми городами Полемона была вызвана его политикой в Понте и Киликии, где по настоянию римлян он стремился поддерживать тенденцию к самостоятельности городов, росту их хоры и сокращению объема царских земель, существенно уменьшив количество военно-хозяйственных поселений – крепостей, построенных Митридатидами по всему царству для борьбы с Римом¹². Городское население Боспора, немало на

¹⁰ Масленников А.А. Полемон I на Боспоре // БС. 1995. 6. С. 158–167; Он же. Дионисовская хора на краю Ойкумены: Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху. М., 1998. С. 100 и след.; см также: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 280 и след.

¹¹ Каллистов Д.П. Политика Августа в Северном Причерноморье // ВДИ. 1990. № 2. С. 68.

¹² Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 314–319.

придавшееся от войн и довольно жесткого военно-административного правления Митридатидов и их преемников, включая Асандра, более опиравшихся на местные племена, чем на полисы, не могло не причинять такую политику нового царя отвечающей его интересам. К тому же города устали от постоянных войн, сотрясавших Боспорское царство со времени Митридата Евпатора. Почему же тогда этот хрупкий каркас стабильности, установившийся на Боспоре на рубеже предпоследнего – последнего десятилетий I в. до н.э., был неожиданно нарушен и Полемону I пришлось снова вступить в войну с боспорцами, на этот раз более длительную и трудную?

Страбо́н, наш главный и единственный источник по этому периоду истории Боспора, говорит, что Полемон разрушил Танаис за неподчинение (*Strabo*. XI. 2. 3), хотя до этого, как следует из того же источника, некоторые земли вокруг него как будто бы признали власть римского ставленника. Ключ к разгадке видится нам в фигуре царицы Динамии. Популярная среди промитридатовски настроенного населения, став в 14 г. до н.э. женой Полемона, должна была вроде бы смягчить антимитридатовскую политику последнего по ослаблению влияния местных племен на политическую жизнь Боспорского царства, а также способствовать сохранению катойкий и клерухий военно-хозяйственных поселенцев. Когда она была у власти, даже будучи супругой полного царя, положение на Боспоре становилось стабильным, местные племена и поселенцы-катойки не выступали активно против центральной власти (исключение составляли лишь внутридинастические распри). Однако ее митридатовское происхождение, связи с сармато-меотским населением не устраивали Рим, и Август стремился ограничить, а затем и лишить ее влияния, помогая Полемону устранить митридатовские основы эллинистической боспорской государственности (см. табл. 1). Когда на Боспоре установилась относительная стабильность, в ней была и определенная заслуга Агриппы, Динамия как компромиссная фигура, устраивавшая всех, оказалась ненужной. Около 12 г. до н.э. она была устранена с престола. Возможно, некоторую роль в таком развитии событий сыграла и смерть Агриппы. Август предпринял новый шаг с целью полного и окончательного вовлечения Боспора в систему вассальных государств без малейшего намека на возврат к власти членов митридатовской династии – он решил соединить узами брака царицу Полемона I и Пифодориду, полугречанку-полуримлянку, внучку Марка Антония и Антонии, первой жены триумвира, дочь Антонии Вергетиды и знатного грека из Тралл Пифодора. Это должно было укрепить положение Полемона на престоле, поскольку именно Марку Антонию был обязан понтийский властитель своим возведением в царь сначала в Киликии, а затем в Понте, Малой Армении и Колхиде¹³.

¹³ Пифодориде и ее правлении см.: *Орешников А.В.* Об эре на монетах Пифодориды, царицы Понта. М., 1885. С. 18; *Он же.* Пифодорида и ее род в Понтийском царстве // ИТУАК. 1902. Т. 34. С. 8–13; *Kahrstedt U.* Frauen auf

Брак Полемона и Пифодориды состоялся уже после устранения Динамии, очевидно, в 12 г. до н.э. или в следующем. Дата вычисляется по косвенным признакам: в 8 г. до н.э. царь погиб на азиатском Боспоре, а Пифодорида родила ему троих детей – сыновей Полемона и Зенона и дочь Антонию Трифену, следовательно, в браке с новой царицей Полемон состоял не более четырех–пяти лет, а в союзе с Динамией не более двух лет¹⁴. И все же цель, преследуемая Августом, была наконец достигнута. С политической арены в Понте и на Боспоре была устранена династия Митридатидов, которая принесла столько хлопот Риму на протяжении более двух столетий. У власти встали люди, не связанные с ахеменидо-митридатовскими традициями, а это позволяло им претворять в жизнь римский план превратить Боспор в протекторат Империи.

Означенным браком император хотел еще больше приблизить греческие полисы к Полемону и Риму, поскольку Пифодорида была широко известна и почитаема среди греко-римского населения Восточного Средиземноморья и пользовалась покровительством династии Юлиев–Клавдиев. Мы считаем, что именно брак Полемона с Пифодоридой, который явился причиной и следствием лишения Ди

antiken Münzen // *Klio*. 1910. N X, 3. S. 300; существует расхожее мнение, что Полемон женился на Пифодориде, разведясь при этом с Динамией (*Gardthausen V. Augustus und seiner Zeit*. Leipzig, 1896. T. I, Bd 2. S. 842–844; *Литышева В.А.* О роли Динамии в период правления на Боспоре Полемона I ВХУ. 1981. 214. С. 104), а также что брак с Пифодоридой был заключен до прибытия Полемона на Боспор (*Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit* В., 1930. T. II, Bd 2. S. 619; *Magie D. Roman Rule in Asia Minor*. Princeton, 1950 Vol. 2. P. 1341; *Болдырев С.И.* О характере пребывания Полемона на Боспоре // *ДБ*. 2000. № 3. С. 15). Последнее очень маловероятно, так как это потребовало бы развода Полемона с Пифодоридой для женитьбы на царице Динамии, а источники указывают, что Пифодорида стала единственной законной преемницей и наследницей мужа (см. *Strabo*. XII. 3. 29). Это было возможно только при сохранении брака до гибели Полемона I, что собственно и подтверждает Страбон. См. подробнее: *Сапрыкин С.Ю.* Понтийское царство. С. 325. Динамия уже никак не фигурировала в “деле о наследстве” Полемона, что полностью исключает ее брак с царем Понта после предполагаемой женитьбы его на Пифодориде. Поэтому союз с внучкой Марка Антония был единственно возможен только после устранения Динамии от власти как законной царицы Боспора (каким образом – неизвестно!), поэтому справедливой остается точка зрения, что Пифодорида Филометора была второй женой Полемона I (*Forrer L. Portraits of Royal Ladies on Greek Coins*. Chicago, 1964 P. 64). Странной выглядит позиция Р. Салливэна, будто Полемон, следуя иранской традиции, мог иметь две жены – Динамию и Пифодориду одновременно (*Sullivan R.D. Near Eastern Royalty and Rome 100-30 BC*. Toronto, 1990 P. 160). Это невозможно, так как он не имел никакого отношения к иранскому происхождению и династии, будучи по рождению греком.

¹⁴ *Сапрыкин С.Ю.* Женщины-правительницы Понтийского и Боспорского царств // *Женщина в античном мире*. М., 1995. С. 194 и след.; см. также *Яйленко В.П.* Указ. соч. С. 144.

ниями власти как законной царицы Боспора, мог вызвать открытые выступления населения азиатской половины царства и отпадение Финниса. Это повлекло за собой военную акцию со стороны Пелемона, начавшего, таким образом, полномасштабную войну в устье Дона, Восточном Приазовье и на Северном Кавказе. Новым обострением военной и политической обстановки воспользовался Аспург, происхождении которого подробнее будет поведено ниже, чтобы предъявить свои права на власть в Боспорском государстве.

Уже длительное время ведутся споры о происхождении Аспурга. Существует устойчивое мнение, что со времени Асандра на Боспоре начинается процесс интенсивной сарматизации и в результате этого там установилась власть сарматской династии, к которой принадлежал и Аспург¹⁵. В источниках нет никаких указаний, откуда он был родом. Его считают представителем местной этнической среды, главным образом потому, что бесспорной признается связь этимологии слова “аспургиане” у Страбона с его именем, а самих аспургиан, буквально следуя Страбону, относят к сарматским или меотским племенам, обитавшим на азиатской половине Боспорского царства на территории Древней Синдики и в Прикубанье¹⁶. Особенно отчетливо эта мысль сформулирована в работах Н.И. Соколовского¹⁷. Одна из надписей, поставленная “начальником острова” (ὁ τῆς νήσου) Менестратом, сыном Менестрата, говорит, что Аспург “происходил от царя Асандроха” (τὸν ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου) (ФонРБ. II. 36 = CIRB. 40). Это имя созвучно имени царя Асандра (см. табл. 2), супруга Динамии, правившего до 17/16 г. до н.э. Некоторые предполагали, что “Асандрох” – грецизация варварского имени и потому

¹⁵ Ростовцев М.И. Научное значение истории Боспорского царства // Сб. в честь Н.И. Кареева. СПб., 1914. С. 8–11; Блаватский В.Д. Воздействие античной культуры на страны Северного Причерноморья // СА. 1964. № 4. С. 30–35; Десятчиков Ю.М. Процесс сарматизации Боспора: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1974. С. 3–8; Мошкова М.Г. Савроматы и сарматы в Волго-Донском междуречье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 213.

¹⁶ Brandis C. Bosphoros // RE. 1897. Bd. 3, 1. Hbbd 5. S. 780; Zgusta L. Die personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste. Praha, 1955. S. 35; Гандукевич В.Ф. Das Bosporanische Reich. В.; Amsterdam, 1971. S. 330; Устинов В.О. Аспург та аспургиані // ВХУ. 1969. Серия История. 10. С. 60; Мошкова Е.А. Аспургиане у Страбона // Древности. Харьков, 1995. Вып. 1. С. 60–63; Горончаровский В.А. Аспургиане и военно-политическая история Боспора на рубеже нашей эры // Таманская старина. 2000. Вып. 3. С. 54; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 162. Однако Е.С. Голубцова (Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 112) и И.И. Толстой (Толстой И.И. Из области боспорской ономастики // ВДИ. 1955. № 1. С. 12, 13) отрицают связь между этимологией “аспургиане” и именем “Аспург”.

¹⁷ Соколовский Н.И. Крепость аспургиан на Боспоре // КСИА. 1975. 143. С. 26; Он же. Таманский толос и резиденция Хрисалиски. М., 1976. С. 40 и след.

отличали его от боспорского царя Асандра, другие, напротив, считали, что Асандр – это грецизация сарматского имени Асандрох и поэтому оба лица тождественны¹⁸. Выдвигались предположения, что Асандр был меото-сарматским царем, положившим начало новой сарматской династии на Боспоре¹⁹. Не отвергая эту гипотезу, другие ученые отмечали, что “Асандрох” является варваризацией греческого имени, а его носитель – некий боспорский правитель 8 г. до н.э. – 7 г. н.э.²⁰ Все эти гипотезы строятся на следующем основании: выражение $\theta\epsilon\kappa + \Gamma\epsilon\pi$ в надписи Менестрата может служить препятствием считать Аспурга сыном Асандра > Асандроха, поскольку означает всего лишь “происходящий от...” (Comm. ad CIRB. 40). Однако достаточно сослаться на надпись тетрарха галатов Дейотара II Филопатора из Каралара, в которой он, сын Дейотара I и царицы Береники, в обоих случаях назван $\theta\epsilon\gamma\beta\alpha\sigma\iota\lambda\epsilon\omega\varsigma$ [$\Delta\eta\iota\omicron\tau\acute{\alpha}\rho\chi\eta\varsigma$ $\phi\iota\lambda\omicron\rho\omega\mu\alpha\iota\omicron\upsilon\ldots$ $\kappa\alpha\iota\ \epsilon\gamma\beta\alpha\sigma\iota\lambda\iota\sigma\sigma\eta\varsigma$ Βερενίκης (AE. 1936. 110 = RA. 1915. 133 f.)²¹ Артикль и предлог с характерной заменой согласного $\theta\epsilon\kappa = \theta\epsilon\gamma$ – это традиционное для рубежа нашей эры обозначение происхождения от отца и матери в титулатурах царей зависимых от Рима государств (ср. тот же оборот $\epsilon\kappa + \rho\omicron\delta$ падеж в титулатуре царицы Динамии – CIRB. 31; 979). Так что на этом основании нет никаких причин сомневаться, что Аспург мог быть сыном Асандр(о)х. Тем более что Менестрат поставил надпись как “начальник острова”, одного из административно-политических округов царства, расположенного на территории расселения аспургиан. Поэтому вряд ли можно допускать ошибку в обозначении происхождения царя, которому он служил.

На Фанталовском полуострове, являвшемся в древности островом, отождествляемым с $\eta\ \nu\eta\sigma\omicron\varsigma$ боспорских надписей, находились укрепления аспургиан и резиденция такого же “начальника” времен правления Асандра, имя которого сохранилось: $\text{Χρυσάλιστος Τύχη βα(σι)λεὺς Ἀσάνδρος φιλο(ρῶμαιος)}$ ²² (см. рис. 2). Орфография

¹⁸ Подробная библиография вопроса: Сапрыкин С.Ю. Аспургиане // СА. 1983. № 2. С. 65–78. См. также: Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1914. Вып. 25. С. 1–10 (Асандр – грецизация сарматского имени Асандрох).

¹⁹ Каллистов Д.П. Указ. соч. С. 71; Kiessling B. Gorgippia // RE. 1912. Bd 7. II. S. 262; Anderson J.G. Op. cit. P. 268; Rostowtzeff M.I. Queen Dynamis of Bosphorus // JHS. 1919. № 39. P. 99–103; Горемыкина В.И. Из истории Боспора Кimmerийского I в. до н.э и начала I в. н.э. // Учен. зап. Могилев. ГПИ, 1933. Минск, 1956. II. С. 128–131.

²⁰ Anderson J.G. Op. cit. P. 268; Kiessling B. Op. cit. S. 262; Голубцова Е.С. Внешнеполитическое положение Боспорского царства на рубеже н.э. // ВДИ. 1974. № 4. С. 96; Горемыкина В.И. Указ. соч. С. 130. Большая часть исследователей видят в Асандрохе боспорского царя, однако Б. Кисслинг и Дж. Андерсон считают его местным варварским династом, а В.П. Яйленко – царем аспургиан (Яйленко В.П. Указ. соч. С. 168).

²¹ Syre R. Anatolica: Studies in Strabo. Oxford, 1995. P. 129.

²² Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 40; Он же. Крепость... С. 26.

ошибками в греческом языке (βαλεὺς > βασιλεὺς, Ἀσάνδρος > Ασάνδρος), как и находки в самом доме Хрисалиска, показывают, что “начальник острова” и его окружение являлись негреками, хотя правильнее будет считать их эллинизированными варварами. Н.И. Соколовский полагал, что они были аспурггианами. В таком случае и Менестрат – “начальник острова” при Аспурге, несмотря на эллиническое имя, мог также быть варваром по происхождению. В этой связи любопытно сочетание двух гласных в словах Ἀσάνδρος в надписи Хрисалиска и Βόοσπλορος в надписи Менестрата. Это характерно для говора населения азиатской части Боспора. В сарматском языке элементы которого прослеживаются в боспорских надписях римского времени, нередки смешения падежей именительного, родительного и винительного, связанные с окончаниями гласных²³. Удлинение гласных также могло быть свойственно языку ираноязычных варваров азиатского Боспора. Аналогичным образом суффиксы -οχ и имени Асандрох, не исключено, являлся варваризацией, точнее иранизацией греческого личного имени Асандр. Это имя встречается и в греческом мире, оно известно и на Боспоре среди жителей Нимфеи (см. гл. 2, примеч. 3–5). Л. Згуста, например, видит в Ασάνδρ – составной части Ἀσάνδρ(οχ)ος – грецизацию, а -οχος считает иранизацией²⁴. Поэтому Асандрох это не грецизация варварского, а варваризация греческого личного имени Асандр, и это закономерно для эллинизированного варвара Менестрата, вряд ли говорившего на чистейшем наречии древнегреческого языка.

В различных документах встречаются родственные по происхождению иранские имена Ἀσποῦρος, Ἀσπαυροῦις, Ἀσπώραχου, Ασπώριх, Ἀσπώριαν, Ἀσφώρουος, Ἀσπαρούх и др. Предполагается, что в их основе лежит армянское *Aşrugak*, вследствие чего слова Ἀσπουρίανοί объясняют как соединение армянских и иранских терминов, а имя Аспург как армянское Ишхан-ик, т.е. “царь, князь”. В результате получалось, что аспурггиане – это княжеское или царское войско Аспурга²⁵. Дальнейшие исследования уточнили, что в основе личных имен и возводимого к Аспургу слова “аспурггиане” лежит иранское *aspa* (“конь”) и производное от него *asabara* (“конник, всадник”) (древнеперс. *asabari*, пехлеви *asobar*, новоперс. *aswar*, сир. *aspara*)²⁶. Перечисленные выше иранские личные имена образованы прибавлением к иранской основе Ἀσποῦр-, Ασπур-, Ἀσπώр-, Ἀσпар, Ἀσфώр- и т.п. иранских суффиксов -у,

²³ Колобова К.М. К вопросу о сарматском языке // ИГЛМК. 1933. 100. С. 426.

²⁴ Zgusta L. Op. cit. S. 364.

²⁵ Мурр Н.Я. Приложение к статье Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... // Древности. 1914. 25. С. 27, 30.

²⁶ Zgusta L. Op. cit. S. 75–77; Harmatta J. Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia. Budapest, 1952. P. 43–45; Генсолова В. Ирански елементи у пиробългарите // Антично общество. М., 1967. С. 238–241.

-уу, -оуу, -оух, -ах, -их, -іу, -оух, которому близок и суффикс -ох, приставленный к греческой основе имени Ἀσάνδρ -ох -оѡ.

Из изложенного следует, что имя Аспург – иранское (буки “мощноконный”)²⁷ и его правомерно считать принадлежащим как представителю ираноязычной знати одного из сарматских племен, так и выходцу из иранской династии, родственной персидским Ахеменидам, в которой были распространены такие иранские имена, как Митридат, Фарнак, Махар, Дарий, Аршак, Ксеркс и др., т.е. династии Митридатидов, царей Понта. Единственная надпись упоминает о родословной царя Аспурга, что он был сыном царя Асандра, имя которого в этой надписи начертано на ираноязычный манер одним из главных должностных лиц царской администрации полуострова варварского происхождения. Не исключено, впрочем, что сам Асандр иногда специально разрешал величать себя на иранский манер, поскольку, захватив престол у Митридатидов фактически незаконно, он опирался на промитридатовские иранские круги и стремление показать свою принадлежность к иранской митридатовской династии составляло одну из целей его политики по привлечению к себе как можно больше сторонников. Поэтому любые попытки усматривать в Асандрохе и Аспурге мифических сарматских царей, которые хотели завладеть боспорским престолом, несостоятельны. Вот почему мнение о том, что Асандр и Асандрох – одно лицо²⁸, а Аспург являлся сыном Асандра и Динамии, находит все больше сторонников²⁹.

Несмотря на это и во многом благодаря неуверенной позиции М.И. Ростовцева относительно происхождения Аспурга, которое он

²⁷ Ср. Яйленко В.П. Указ. соч. С. 162.

²⁸ Brandis C. Op. cit. S. 780; Бертъе-Делагард А.Л. О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 1911. Т. 10. С. 182; Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. С. 316 = Gajdukevič V.F. Op. cit. S. 328, 339; Латышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 103; Ростовцев М.И. Бронзовые бюсты. С. 17; Устинова В.О. Указ. соч. С. 62.

²⁹ Так полагал и М.И. Ростовцев (Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 16) впоследствии от этого мнения отказавшийся (Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 147; Rostowtzeff M.I. Op. cit. P. 101: Аспург либо сын Динамии, либо сармат царского рода, ее соправитель); Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. С. 316. Примеч. 55; Латышев В.В. Указ. соч. С. 103; Minns E. Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 594. Not. 1; Rohden A. Aspurgos // RE. 1896. Bd 2. S. 1739; Дьяков В.Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. № 3/4. С. 17; Блаватский В.Д. Пантикапей. М., 1964. С. 134; Он же. О Рескупориде Первом // СА. 1976. № 4. С. 58; Фролова Н.А. К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре // ВДИ. 1979. № 1. С. 143; Sullivan R. Op. cit. P. 160; однако В.А. Устинова-Латышева (Указ. соч. С. 62) и А.Л. Бертъе-Делагард (Указ. соч. С. 182, 183) возражают против того, что матерью Аспурга была Динамия, хотя признают Асандра его отцом; см. также: Сибирский А.А. Гипотезы о происхождении Асандра и новые домыслы о некоторых событиях его правления // ЗООИД. 1877. 10. С. 63.

пытался связать с отстаиваемой им идеей о втором правлении Динамии, в науке то и дело возникают различные экзотические гипотезы и спорные построения относительно судьбы Динамии и поднятого восстания против Полемона. По одной из версий Динамия вместе с Аспургом, сыном Асандра, удалилась на азиатский Боспор и здесь с помощью туземных племен вела борьбу за возвращение к власти, увенчавшуюся успехом³⁰. Другая гипотеза гласит, что Динамия, жена Полемона, вышла замуж за Аспурга, сына местного царька Асандроха, не идентичного Асандру, укрылась в Прикубанье – вотчине своего нового мужа, сарматского или меотского царя, и с его помощью вернула себе правление. После ее смерти к власти пришел Аспург³¹. Модификацией таких точек зрения является построение В.П. Яйленко, согласно которому Аспург, царь сарматского племени аспургиан, сын Асандроха, также местного царя, поддержал Динамию в борьбе за возвращение на трон после смерти Полемона I. Этот Аспург был аспургианином и каким-то образом родственником Митридатидов, может быть, по мнению исследователя, благодаря браку одного из сыновей или одной из дочерей Митридата Евпатора с каким-нибудь представителем местной знати, не исключено, с тем же Асандрохом. После смерти Динамии Аспург как последний аспургиан и Митридатидов (Яйленко почему-то называет их Ахеменидами, что в корне неверно – это хотя и родственные, но совершенно разные династии) принял власть³².

Все эти теории не основаны на данных имеющихся в нашем распоряжении источников. Они так или иначе восходят к гипотетической идее о “втором правлении Динамии”, которого, как мы стараемся показать выше, на самом деле не было, ибо оно не подтверждается документально. Напротив, монетные свидетельства полностью это опровергают. К тому же у нас имеется лишь одна надпись, по которой Аспург был сыном Асандра-Асандроха. Известно и то, что Аспург был женат на Динамии (см. гл. 2–3), наследовавшей его власть. Естественно поэтому заключить, что родство Аспурга и Митридатидов восходит не к гипотетическому браку мифического царя Асандроха с дочерью Митридата Евпатора, а всего лишь к тому, что его матерью скорее всего была Динамия. Это-то и облегчило ему наследование власти на Боспоре. Таким образом, тезис о том, что Аспург и Аспургиан стали якобы основоположниками сарматской династии боспорских царей, утрачивает силу. Их основные родовые корни уходили в митридатовскую династию, и это дало Аспургу пра-

³⁰ Гандукевич В.Ф. Указ. соч. С. 316; *Он же*. История античных городов Северного Причерноморья // АГСП. С. 128.

³¹ Alexsling B. Op. cit. S. 262; Anderson J.G. Op. cit. P. 268; Bowersock G. Augustus and the Greek World. Oxford, 1965. P. 52, 53; Sherк R.K. The Roman Empire: Augustus to Hadrian. Cambridge, 1988. P. 81.

Чулленко В.П. Указ. соч. С. 154–168.

во унаследовать трон после устранения с престола его матери Динамии. Также несостоятельной оказывается идея о бегстве Динамии на Кубань и уж тем более о ее замужестве там с Аспургом. Аспург не пришел к власти после гибели отца только потому, что на трон по настоянию римлян вошла его мать. И только после ее смерти или изгнания он получил право на престолонаследие по линии как отца, так и матери.

Если брак Асандра и Динамии был предположительно заключен ок. 42 г. до н.э., а смерть Асандра датируется 17/16 г. до н.э.³³, то Аспург мог родиться в этом временном промежутке. В качестве одного из аргументов против того, что он был сыном Асандра, выдвигается тезис, что тому наследовала Динамия, а не его сын, который будто бы погиб в борьбе за Херсонес, согласно легенде о Гикии (см. гл. 2)³⁴. Но упоминаемый в этой легенде сын Асандра был рожден скорее всего от его первого брака и в то время, когда тот еще не был царем. Царем же он стал лишь после женитьбы на Динамии ок. 42 г. до н.э., в результате чего и появился на свет Аспург³⁵.

Однако Аспург имел отношение и к местной эллинизированной меото-сарматской среде, что подтверждается его тамгаобразным родовым знаком на бронзовых монетах с головой Ареса, трофеем и царской монограммой Аспурга – ВАР: ³⁶, на кирпичах из Горгиии³⁷, столовой посуде из поселения-катоикии Владимировка под Новороссийском (рис. 4)³⁸, на некоторых предметах домашнего обихода из сарматских захоронений в Закубанье, в том числе на серебряной овальной ложке с длинной ручкой из погребения сарматского вождя в Косике³⁹. В.С. Драчук отметил, что это эмблема Аспурга, состоящая из двух сарматских знаков, соединенных по вертикальной оси в повернутом слева направо положении, поэтому их можно считать именными знаками сарматского происхождения⁴⁰. Это обстоя-

³³ Сапрыкин С.Ю. Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 211.

³⁴ Зубарь В.М. Северный Понт... С. 12–26; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 165.

³⁵ Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес // СА. 1987. № 1. С. 48–57.

³⁶ Фролова Н.А. О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 54; Она же. К вопросу. С. 142; Она же. Монетное дело. С. 67. Табл. 17, 8–14; Анохин В.А. Указ. соч. С. 150. № 318.

³⁷ Цветаева Г.А. Кирпичи с тамгой из Горгиии // КСИА. 1975. 143. С. 100.

³⁸ Онайко Н.А. Раскопки античного поселения у с. Владимировка // АО 1977. С. 135; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Укрепленное здание в античном поселении у с. Владимировка близ Новороссийска // КСИА. 1981. 168. С. 97.

³⁹ Каминская И.В., Каминский В.Н., Пьянков А.В. Сарматское погребение у станции Михайловской (Закубанье) // СА. 1984. № 4. С. 233. Рис. 4, 1; Treister M.Yu. New Discoveries of Sarmatian Complexes // AncCiv. 1997. Vol. 1. № 1. P.41.

⁴⁰ Драчук В.С. Системы знаков Северного Причерноморья. Киев, 1979. С. 58, 68.

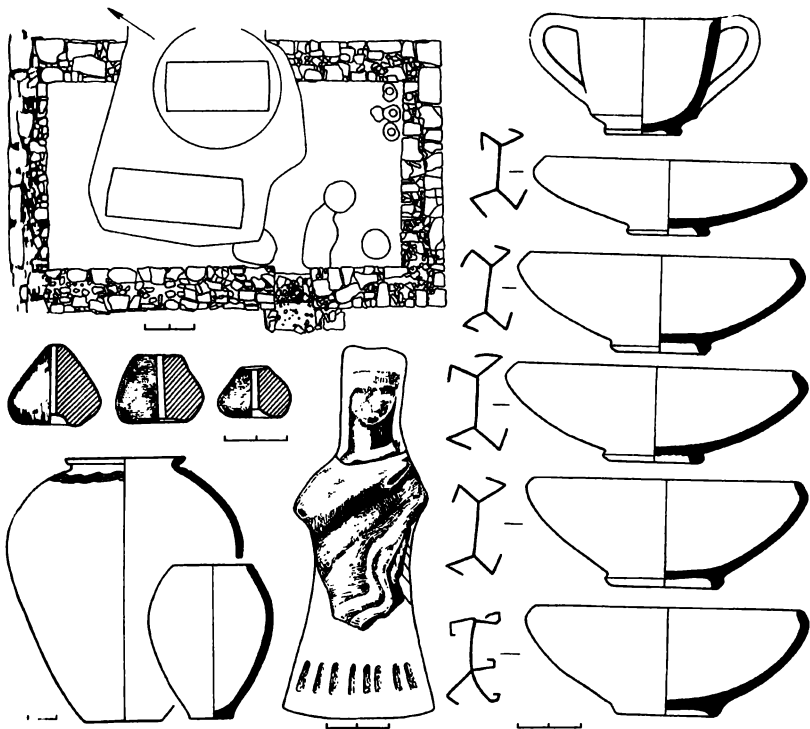

Рис. 4. Комплекс находок из поселения Владимировка близ Новороссийска I в. н.э. – I в. н.э. (по Н.А. Онайко)

тельство, однако, не может быть решающим в пользу предположения об исключительно сарматском происхождении Аспурга, как это иногда видится современным исследователям⁴¹. Во-первых, это схематическое изображение коня, а личное имя “Аспург” восходит к иранскому *aspa* (конь), *asrabaga* (конник). Значит это говорящая эмблема личного имени властителя, близкая и понятная сармато-меотскому окружению, на которое опирался Аспург в борьбе с Полемоном I за власть. Поэтому данный знак чаще всего встречается на предметах из азиатской части Боспора, где расселялись местные ираноязычные племена и происходившие из их среды военно-хозяйственные поселенцы-катоики, которые и являлись так называемыми аспургианами (см. ниже), поддерживавшими Асандра, Динамию,

Ишоградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 152–153; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 167; Зубарь В.М. Северный Понт... С. 26. Это мнение восходит к М.И. Ростовцеву (Иллиновство и иранство... С. 147–149); из последних работ см.: Русяева А.С., Зубарь В.М. Боспор Киммерийский: история и культура. Николаев, 1998. С. 10.

Аспурга и их предшественников – Митридата Евпатора и Фарнака Во-вторых, помещение тамгаобразного личного знака на монету рядом с портретом Ареса (не исключено, что это попытка персонифицировать самого Аспурга по примеру Митридата VI, также воспринимавшегося на меди в образе бога войны Ареса) и царской монограммой показывает, что сарматские корни царя не являлись основными при выборе его царской монограммы, имевшей совсем иной вид. Эта тамга доказывает только, что один из предков царя по отцовской или материнской линии мог являться выходцем из среды местных ираноязычных, скорее всего сарматских племен. Ведь во время пребывания на Боспоре Митридат Евпатор, стремясь сблизиться с верхушкой местных племен, включая сарматов и меотов, бывших его союзниками (*App. Mithr.* 57; 69; 119; *Justin.* XXXVIII. 3. 1; *Plut. Luc.* 16), выдавал своих многочисленных детей за представителей или представительниц местной племенной знати⁴². Подобно отцу, Фарнак также имел право на несколько жен, в том числе и из сарматской среды, а также многих детей, которых он мог выдать за вождей местных племен. От одного из таких браков, возможно, родилась Динамия, мать Аспурга. Ведь сарматы и скифы считались самыми ли не главными союзниками сына Митридата (*Strabo.* XI. 5. 8; *App. Mithr.* 123). Нам неизвестны и предки Асандра, среди которых также могли быть выходцы из сарматской племенной среды, тем более что он при Фарнаке был этнархом (*Ps.-Luc. Macr.* 17). То обстоятельство, что сын Аспурга Митридат III был близок к сираками, одним из ведущих сарматских племен Северного Кавказа (см. гл. 5), не кажется нам в этой связи случайностью. Поэтому Аспург с полным основанием относил себя к династии Митридатидов и с не меньшим правом подчеркивал свои сарматские корни (главным образом, из политических соображений и в определенный момент получения царской власти, завоеванной в войне с Полемоном при поддержке сарматов и меотов, на что указывает лишь однократное помещение тамги на монету с типом Ареса, богом войны у греков и сарматов).

Царской монограммой, выдававшей его принадлежность к правящей династии, была ВАР. Тамгаобразный знак присутствует только на предметах, связанных с сармато-меотским населением, включая и монету с Аресом, одним из основных божеств у сарматов (*Amm. Marc.* XXXI. 2; *CIRB.* 120). Так отмечали принадлежность предметов владельцам, которые составляли круг лиц, связанных с Аспургом отношениями воинской службы, т.е. своего рода вассальным подчинением носителю верховной власти в племенной среде. Это доказывает наличие в боспорском обществе прослойки служивых людей, дружины или отрядов военных поселенцев-катоиков или клерухов – аспургиан, связанных с Аспургом отношениями зависи-

⁴² Сейчас подробно об этом см. *Виноградов Ю.А.* Народы Северного Причерноморья и Митридатовы войны // Таманская старина. 2000. 3. С. 90–93.

мости и обязанностями военной службы. Хотя Аспург и являлся боспорским правителем, но его подданные из меото-сарматов воспринимали царя как своего вождя, оказывавшего им благодеяния за службу. Все это создавало серьезную угрозу власти Полемона I и поддерживавших его римлян. Поэтому, как только Аспург заявил свои права на престол, они сразу организовали поход против местных племен вокруг Меотиды и азиатского Боспора.

В.В. Латышев безусловно прав в том, что боспорцы, по преимуществу из местных племен, видели наследника престола в Аспурге и потому он пытался использовать их помощь в борьбе с Полемоном⁴³. Можно согласиться и с В.П. Яйленко, что местная племенная аристократия хотела видеть на престоле своего человека и устранить пришлого понтийского царя, чуждого ей по духу⁴⁴. Я бы добавил к этому – человека, имевшего законные права на власть в Боспоре, а им мог стать только представитель правящей династии Митридатидов, пусть и частично происходивший из сарматского племенного рода. Так что именно митридатовская родословная должна была быть решающей в этом деле. Все это находит прямое подтверждение в сообщении о гибели Полемона от аспургиан (*Strabo*. XI. 2. 11; XII. 3. 29; *Ptol.* V. 19. 17). Если предложенное нами объяснение названия аспургиан как группы военно-хозяйственных поселенцев типа катойков времени правления Аспурга верно⁴⁵, то, учитывая, что пассаж о них вставлен Страбонам уже после завершения в целом его “Географии”, можно быть уверенным, что главной силой, поддержавшей Аспурга в притязании на власть, были в основном местные племена и катойки на царской хоре. В состав последних могли входить и потерпевшие ранее поражение от Полемона жители военно-хозяйственных поселений европейского Боспора. Как и ранее при Динамии, они увидели и поняли угрозу как своим собственным привилегиям, так и боспорской эллинистической государственности в целом, – государству и династии, которые предоставили им землю для поселения и обработки и платили деньги за службу в качестве военных поселенцев (это подтверждают клады монет с поселения Помника и из окрестностей укрепления Батарейка II). Если бы Аспург потерпел неудачу и его силы были бы разгромлены, то это окончательно и бесповоротно ликвидировало бы митридатовскую династию как основополагающую силу эллинистической боспорской государственно-политической структуры. Это положение, кстати, разделяют практически все исследователи, независимо от того, считают они “второе правление Динамии” реально-

⁴³ Латышев В.В. Указ. соч. С. 104.

⁴⁴ Яйленко В.П. Указ. соч. С. 163, 164.

⁴⁵ Сапрыкин С.Ю. Аспургиане... С. 65 и след.; Он же. Понтийское царство. С. 319.

стью или, наоборот, являются приверженцами точки зрения о смерти царицы или ее устранении с престола без нового возвращения во власть. Вот почему выступление Аспурга против Полемона I, а значит на тот момент и против римлян, в последней декаде I в. до н.э., неизбежно должно было проходить под лозунгом возрождения и сохранения митридатовских традиций и созданной при его предшественниках военно-административной системы управления царством с упором на укрепленные поселения – катойки на царской земле. Сармато-меотские племена поддерживали Аспурга не столько потому, что он был частично выходцем из их среды, сколько оттого, что их племенная верхушка всегда получала выгоды от службы Митридатам⁴⁶.

По всей видимости, Полемон начал поход с разгрома Танаиса (*Strabo*. XI. 2. 3). Ранее считалось, что показания Страбона об этом ошибочны, поскольку понтийскому царю и римлянам было якобы совершенно невыгодно уничтожать город, через который шла вся торговля с северокавказскими степями и даже со Средней Азией⁴⁷. Однако раскопки показали, что весь западный район города, активно функционировавший в III–I вв. до н.э., был полностью разрушен и больше не восстанавливался. Снесены были и первую очередь оборонительные сооружения, а также жилые кварталы. Археологический материал подтверждает, что Полемон стремился ликвидировать город прежде всего как мощную крепость и очаг сопротивления не Боспору, а ему, Полемону I⁴⁸. Действия понтийского царя в Танаисе напоминают подавление непокорных укреплений и катойки в европейской части Таврики. Поселения Семеновка, Полянка, Чокрак, сторожевые укрепления башенного типа на Узунларском валу – все они были уничтожены в пожаре как система обороны, возникшая при Фарнаке и Асандре. При этом ряд поселений (Чокрак, Полянка, Узунларские башни), как и западный район Танаиса, более не восстанавливались, другие же (Семеновка, Новоотрадное Андреевка, Северная, Багерово Северное, Артезиан, Салачик, Сиреневая бухта, Генеральское Восточное, Золотое-Берег) после некоторого перерыва и перестройки, вызванных разрушениями в конце I в. до н.э., продолжали существовать и далее⁴⁹. Карательные мероприятия Полемона перекликаются с аналогичными действиями Гнея Помпея в Понте, Малой Армении и Пафлагонии по снесению укреплений

⁴⁶ Millar F. *The Roman Empire and It's Neighbours*. L., 1967. P. 288.

⁴⁷ Жебелев С.А. Северное Причерноморье. М.; Л., 1953. С. 195.

⁴⁸ Болтунова А.И. Был ли Танаис разрушен Полемоном? // ВДИ. 1969. № 1. С. 61; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 227–231.

⁴⁹ Масленников А.А. Полемон... С. 158–169; Он же. Эллинская хорра... С. 230–233; Maslennikov A.A., Treister M.Yu. A Fragment of an Attic Helmet from the Settlement at Lake Chokrak // *AncCiv*. 1997. Vol. 4, № 1. P. 5–14.

лений, построенных Митридатом Евпатором и бывших центрами оппора римским войскам (см. гл. 1). Это говорит о том, что при подавлении сопротивления в Танаисе и вообще в Восточном Причерномье Полемон преследовал те же цели, которые были поставлены перед ним Римом: ликвидировать опорные пункты военно-хозяйственных поселенцев-катоиков, эллинизованных варваров, главный оплот сторонников Митридатидов.

После карательной экспедиции в Нижнее Подонье, Полемон двинулся на юг либо по суше, либо по морю. Мы полагаем, что для избежания столкновений с сарматами и меотами Восточной Меотиды войска царя избрали морской путь от устья Дона до Тамани, что, впрочем, неизвестно. Несомненно лишь то, что карательный поход был начат с Танаиса, а продолжен на Тамани, так как наибольшим разрушениям подверглись укрепления в ее северо-западной части — на Фанталовском полуострове (в древности острове) и отдельном укрепленном районе — ἡ νῆσος во главе с “начальником острова” (ὁ τῆς νήσου). Это была территория так называемых аспургиан, причем “начальник острова” подчинялся непосредственно царю. При Асandre это был Хрисалиск, а при Аспурге — Менестрат (см. выше), а земли у них в подчинении являлись классическим типом νῆσις, удерживавшейся военными поселенцами-катоиками, обитателями крепостей. О том, как Полемон действовал на Тамани против аспургиан, Страбон говорит буквально следующее: “Царь Полемон хотел напасть на них под прикрытием дружбы, но его намерение не укрылось, он был встречен войском, попал в плен живым и был убит” (Strabo. XI. 2. 11). Из этого сообщения видно, что у аспургиан было организованное войско, точнее они сами являлись хорошо вооруженными воинскими отрядами, сумевшими пленить могущественного царя; понтийский владыка хотел заключить или даже заключил с ними соглашение или договор о дружбе перед тем, как на них напасть⁵⁰. Это соглашение было необходимо царю для успешной операции в Нижнем Подонье, чтобы обеспечить безопасный тыл и не допустить на время отсутствия в Пантикапее совместного выступления военно-хозяйственных поселенцев азиатского Боспора — аспургиан, и отрядов разбитых им ранее катоиков европейской половины царства. Мир с аспургианцами нужен был Полемону и римлянам, чтобы подготовиться и неожиданно вторгнуться в контролируемые ими районы. Возможно, что соглашение о дружбе понадобилось Полемону для безопасного прохода из Тамани вдоль меотийского побережья на азиатский Боспор.

Но до того, как понтийский царь был убит в плену, в очень сильном пожаре погибло укрепленное поселение близ пос. “За Родину”, известное как резиденция “начальника острова” при Асandre и Дионисии Хрисалиска, который осуществлял контроль за всеми крепо-

⁵⁰ На это обратил внимание В.П. Яйленко (Указ. соч. С. 163). Г.А. Стратановский вообще переводит это место как “под предлогом заключения договора о дружбе”. См.: Страбон. География. М., 1964. С. 470.

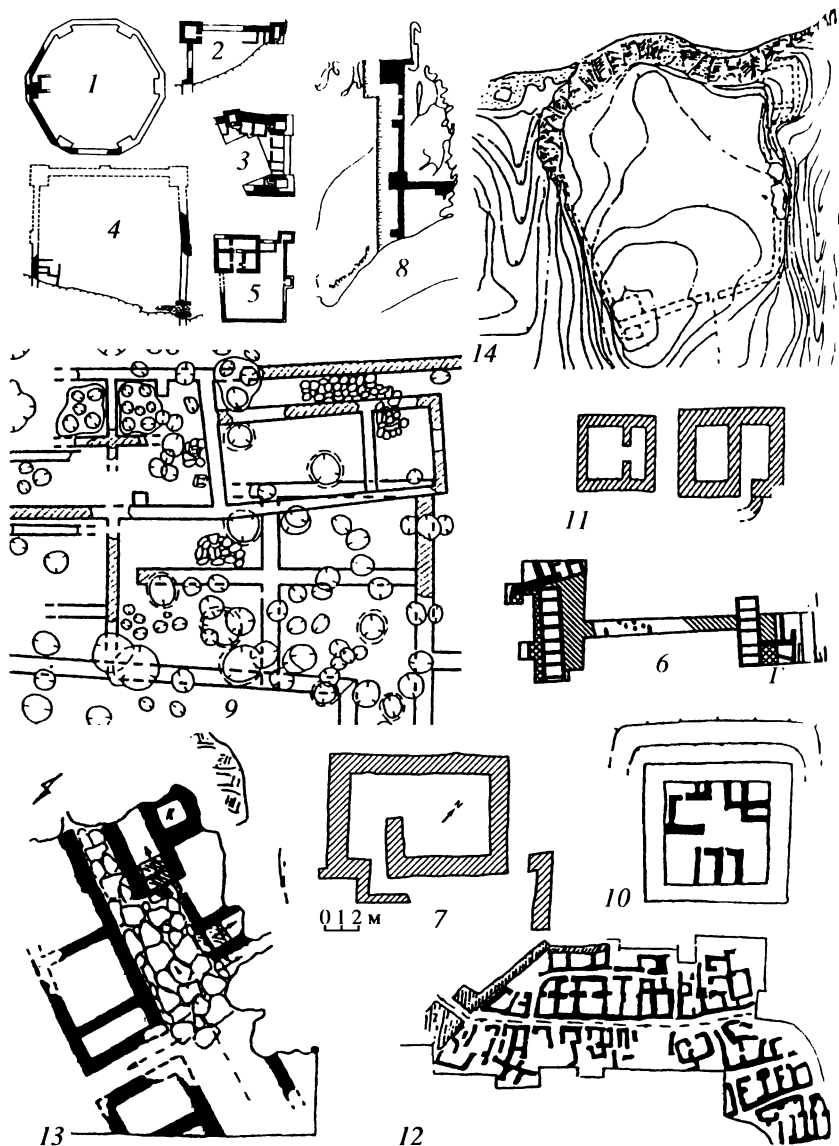

Рис. 5. Планы укрепленных поселений Боспора рубежа нашей эры

1 – Красноармейское; 2 – Батарейка I; 3 – Батарейка II; 4 – Патрыш; 5 – усадьба Хрисалиска и крепость аспургиан; 6 – Ильичевка; 7 – Джемен I; 8 – Опук; 9 – Артезиан; 10 – Новоотрадное I–III вв. н.э.; 11 – дома-башни Азиатского Босфора I в. до н.э. – I в. н.э.; 12 – Семеновка; 13 – Салачик; 14 – Куль-тепе (по В.П. Тошмакову, Э.Я. Николаевой, А.А. Масленникову)

тами Фанталовского укрепленного района (рис. 5, 1–5)⁵¹. Вслед за тем было разрушено укрепленное поселение на юго-западном берегу Ахтанизовского лимана, фундамент которого был сложен из так называемых синдо-меотских надгробий, видимо, еще при Митридат-е Евпаторе⁵². Это подтверждает принадлежность ее обитателей к сторонникам Митридатидов и объясняет их гибель от войск Полемона. Одновременно с ним погибает прямоугольное укрепление или усадьба Юбилейное I (рис. 6, 4), также возведенное с использованием надгробий и рельефов от более ранних сооружений⁵³. Разрушение укреплений Фанталовского полуострова показывает, что их обитатели могли быть главной опорой Аспурга и их действительно можно причислить к аспургианам – военно-хозяйственным поселен-цам эпохи от Митридата Евпатора до Аспурга. Вероятнее всего, войско Полемона I дошло до окрестностей Горгииппии, поскольку некоторые укрепления в ее районе – Раевское городище, Анапская, Широкая Балка – гибнут в пожарах в конце I в. до н.э. В результате нашествия, устроенной обитателями крепостей, составлявших отряды войск сторонников Аспурга, понтийский царь был пленен где-то на территории между Таманью и Горгииппией, а затем убит (*Strabo*. XI. 11; XII. 3. 29). Это событие обычно датируют 8 г. до н.э.⁵⁴

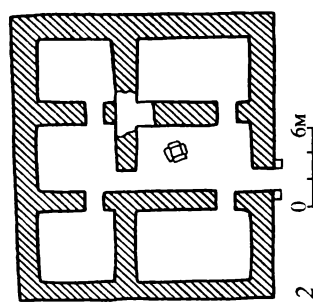
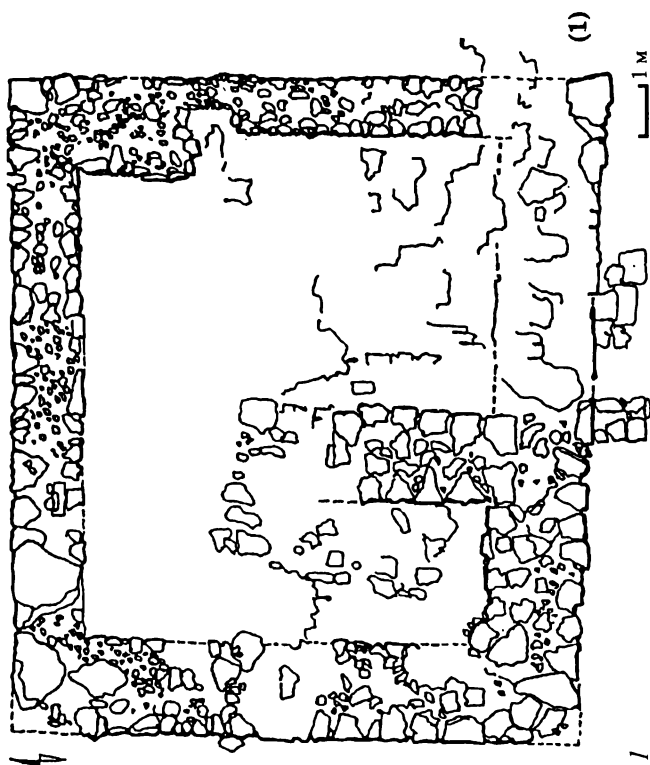
Гибель понтийского царя имела для Боспорского царства пово-ротное значение. Показателен сам факт его смерти. Убийство плен-ного царя, поддерживаемого Римом и лично императором, было пригвано доказать, что население Боспора желает сохранить пре-стол за представителем старой династии и оставить в силе те устои, которые обеспечивали независимость царства как эллинистическо-го образования. Смерть Полемона I ознаменовала крах всей строив-шейся годами римской политики на Боспоре, направленной на тес-

⁵¹ Гибель этого поселения от рук Полемона – это точка зрения Н.И. Соколь-ского (Таманский толос... С. 89–113; *Он же*. Крепость... С. 26 и след.; *Тол-стиков В.П.* Неизвестные страницы истории Боспорского царства // *Археоло-гия и искусство Боспора*. СГМИИ. 1992. 10. С. 50–54), обосновывавшего ее находкой в руинах сгоревшего здания надписи с упоминанием царя Асандра. Однако, она скорее может свидетельствовать о разрушении “дома Хрисали-ки” во время войны Асандра и Скрибония в конце 20–17 гг. до н.э., нежели декадой позднее, когда вместо давно умершего Асандра в той же надписи хо-зин резиденции поставил бы уже имя Динамии либо Аспурга.

⁵² Сокольский Н.И. Новые памятники синдской скульптуры // *КСИА*. 1965. 100. С. 87.

⁵³ Савостина Е.А. Античное поселение Юбилейное I на Тамани // *СА*. 1987. 1. С. 58–71; *Savostina E.* Trouvaille de reliefs antiques dans un etablissement agricole du Bospore Cimmerien (Taman) // *RA*. 1987. 1. P. 5–8.

⁵⁴ Waddington W. Sur la chronologie des rois du Pont et du Bosphore et des princes d'Olba // *RN*. 1866. N.S. IX. P. 423; *Rostowtzeff M.I.* Queen Dynamis. P. 99; *Magie D.* *Op. cit.* II. P. 1341; *Sullivan R.* Dynasts in Pontus // *ANRW*. 1980. Vol. II, T. 7, P. 913. Not. 24–26; ср.: *Яйленко В.И.* Указ. соч. С. 156 (Полемон погиб пер-ед 9/8 г. до н.э., а с 9/8 г. вторично правил Динамия).

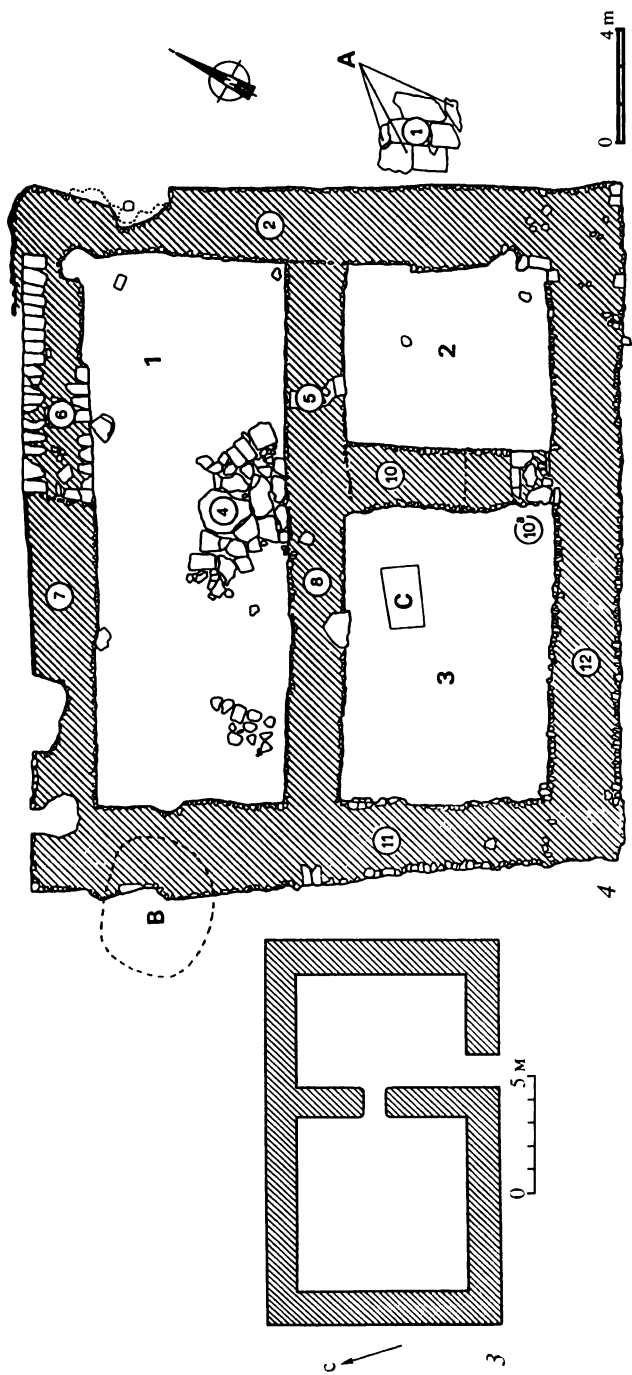

Рис. 6. Укрепленные поселения Бостора башенного типа

1 – дом-башня на Узунларском валу (по А.А. Масленникову); 2 – Семибратнее городище; 3 – Рассвет;
4 – Юбилейное I (по Е.А. Савостиной)

ную вассальную зависимость от Империи с перспективой обращения его в провинцию, как это имело место в Вифинии, Понте и ряде других бывших малоазийских царств. Поэтому римской дипломатии пришлось спешно менять курс в отношении Боспорского царства.

С устранения Полемона и до объявления Аспурга царем в 13/14 г. н.э. начался так называемый "темный период" в истории Боспора, совершенно не освещенный в источниках. Все, что мы имеем, это серии золотых статеров и медные монеты с различными монограммами, о значении которых существуют диаметрально противоположные объяснения. Из скудных эпиграфических источников, это уже упоминавшееся ранее посвящение Пифодоридой Ливии, найденное в Гермонассе, и краткое упоминание в одном из рескриптов Аспурга горгийпийцам о его поездке в Рим и какой-то неустойчивости в политическом положении в царстве во время его отсутствия. Чтобы представить хотя бы приблизительно картину дел на Боспоре с 8 г. до н.э. по 13 г. н.э., попытаемся сопоставить друг с другом эти разрозненные свидетельства.

С 9/8 г. до н.э. в Боспорском царстве возобновился выпуск золотой монеты⁵⁵, чеканившейся до официального принятия Аспургом царского титула (в иной связи данная тема уже затрагивалась в гл. 2). Первая монета с монограммой Δ = ΔΥМ датирована 289 г. п. эры = 8 г. до н.э. С приходом к власти Полемона и устранением Динамии на Боспоре, по-видимому, отказались от понтийской митридатовской эры и македонского календаря, вернувшись, как при Асандре, к юлианскому календарю, принятому в Риме. Поэтому, если Полемон погиб в 9 или в самом начале 8 г. до н.э., то новый правитель, который выпускал медь с монограммами ВАЕ и ВАМ (а это, как показано ниже, мог быть Аспург) (рис. 1, 14), не отважился сразу вернуться к понтийской эре и лунно-солнечному календарю. Он не мог это сделать чисто объективно, так как пересчет потребовал бы, как минимум, год. Поэтому завладевший властью на Боспоре Аспург, как ранее его отец Асандр, отчеканил свой первый золотой с ВАЕ, продатировав его по юлианской эре и соответственно первым годом своего правления (безусловно, если означенная монета является подлинной). Ведь он еще официально не носил царского титула. И только на следующий 8 г. до н.э. (по юлианскому календарю)

⁵⁵ Анохин В.А. Указ. соч. С. 148. № 255: приводит золотой статер с головой Августа на аверсе и головой Агриппы на реверсе, монограммой ВАЕ и А = 1 по первым годам правления, приписывая его царю Полемону I. Однако этот понтийский царь вообще никогда не чеканил золота, а на его монетах имя и титул всегда фигурировали полностью (см. рис. 1, 1), поэтому на золоте он тем более стал бы ставить не только свое изображение, но и титул с именем, а не скрывая их в монограмме; к тому же ВАЕ никакого отношения к Полемону не имеет (см. ниже), а первый год его правления тем более неуместен, поскольку Полемон находился у власти с 36 г. до н.э. Так что этот золотой ни в коей мере не может относиться к чекану Полемона I.

рю это был уже 7 г. до н.э.) он вернулся к традиционной эре Митридатидов, поменяв и значение монограммы на золоте.

Это статеры, по весу соответствовавшие римскому ауреусу⁵⁶, на аверсе имели изображение Августа, а на реверсе Агриппы, как и предполагаемая нами первая монета Аспурга. Но в отличие от нее на всех других монетах стоят даты по вифино-понтийской эре (эре Митридатидов), введенной на Боспоре Митридатом Евнатором, а также монограммы: Δ – с 8 г. до н.э. по 7 г. н.э., (рис. 1, 11) KNE – с 8 по 9 г. н.э., ПА ПАР – с 10 по 13 г. н.э.⁵⁷ Они не могут принадлежать Полемону I и Пифодориде, поскольку в Понте они никогда не чеканили монеты, а помещали их полностью, не чеканили золота, а только серебро и медь, и не вели счета годам правления по вифино-понтийской эре, ибо не имели никакого отношения к Митридатидам, напрямую связанным с данной эрой. Это доказывают монеты как самого Полемона I, так и Пифодориды (рис. 1, 12, 13)⁵⁸. Введение норм римского асса вместо оболы и ауреуса вместо статера было вызвано рядом причин: с правом выпуска золота и серебра в Римской империи с 16 г. до н.э. самим Августом, римскими субсидиями Боспору для поддержания его экономики на должном уровне⁵⁹, и с упрочившимися отношениями с Империей боспорских городов и ряда местных племен, получавших выгоды от торговли с малоазийскими провинциями. Ведь основной импорт на Боспор в это время поступал из Амиса и Синопы, а продукция металлоделательных мастерских шла из различных городов Малой Азии⁶⁰. Римляне, видимо, начали постепенно отходить от прежних жестких мер в отношении Боспора и налаживать связи с преемниками Полемона. Отсюда разрешение на чекан золота и допущение реимитации царской эры Митридатидов.

⁵⁶ Зограф А.Н. Античные монеты. М.: Л., 1951. С. 196; Блаватский В.Д. Пантикапей. С. 146; Цветаева Г.А. Боспор и Рим. М., 1979. С. 23.

⁵⁷ Латышев В.В. Указ. соч. С. 105; Бертье-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 156; Giel Ch. Kleine Beiträge zur Numismatik Südrusslands. Moskau, 1886. S. 28–31; Анохин В.А. Указ. соч. С. 148–150; Фролова Н.А. Монетное дело... С. 194–196.

⁵⁸ Waddington W., Babelon E., Reinach T. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure: Ed. 2. P., 1925. Vol. I, fasc. 1. P. 21. Not. 1, 17–18; Baldus H. Die Daten von Münzprägung und Tod der Königin Pythodoris von Pontus // Chiron. 1983. Bd. 13. S. 540–542.

⁵⁹ О подъеме экономики Боспора на рубеже нашей эры см.: Блаватский В.Д. Пантикапей. С. 145–147; о римских субсидиях Боспору см.: Винокуров Н.И. Проблема римских денежных субсидий Боспорскому царству // Проблемы античной культуры. Симферополь, 1988. III. С. 198, 199; Treister M.Yu. The Romans in Pantikapaion // AncCiv. 1995. Vol. 2, № 2. P. 176–177.

⁶⁰ Внуков С.Ю. Широкогорлые светлоглиняные амфоры Северо-Западного Крыма // СА. 1988. № 3. С. 198–206; Сапрыкин С.Ю. О значении некоторых клейм на черепице из Северного Причерноморья // РА. 1997. № 1. С. 194; Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin // BAR Int. Ser., 278. Oxford, 1986. P. 12ff.

Монограммы на упомянутых выше золотых монетах в научной литературе понимают по-разному. Немало сторонников имеет точка зрения Т. Моммзена, А. фон Заллета и М.И. Ростовцева, усматривавших в монограмме Δ или Δ имя царицы Динамии (см. гл. 3, примеч. 20–24)⁶¹. Находит приверженцев и мнение, что монограммы КНЕ якобы принадлежит какому-то неизвестному правителю, вот можно даже из среды аспургиан типа мифического Асандроха, отца Аспурга⁶². Эти версии сводятся к попытке так или иначе обосновать вероятность “второго правления Динамии”, что, как мы старались показать выше и в ряде других наших работ, противоречит всем доступным нам источникам. Приписывать монограммы на золоте Асандроху или какому-либо другому царю из сармато-меотской среды некорректно, так как противоречит датировке монет по вифинию понтийской эре, возможной исключительно при нахождении у власти представителя династии Митридатидов или близкого их родственника. Не случайно, поэтому, как мы уже отмечали, Э. Миннс считал, что монограмма Δ могла относиться как к Динамии, так и к Аспургу, а монограммы КНЕ и ПАР должны принадлежать только Аспургу⁶³. Оригинальную, как всегда, версию предложил В.П. Яйленко. По его мнению, синхронная этим монограммам на золоте монограмма на медных монетах ВАР (о которой ниже), должна принадлежать родственнику Динамии, Митридату, царствовавшему сразу после ее “второго правления”. Так, по мнению исследователя, можно избежать лакуны в непрерывности царствования Митридатидов от Динамии до Аспурга⁶⁴. Однако эта гипотеза несостоятельна уже потому, что совершенно неестественно выглядит ситуация, когда имевший титул и права на власть царь помещал на медь титул и имя в монограмме, а на будто бы ему одновременном золоте совершенно иную комбинацию букв. Казалось бы, все должно происходить наоборот или, по крайней мере, и на золоте и на меди обязаны стоять одинаковые монограммы. К тому же монеты с ВАР, как по

⁶¹ Sallet A. von. Beiträge zur Geschichte und Numismatik der Könige des Cimmerischen Bosphorus und Pontus. B., 1866. S. 62–66; Mommsen T. Geschichte des Römischen Münzwesens. B., 1860. S. 702–711; Ростовцев М.И. Бронзовый бюст... С. 18. Он же. Медь Динамии и Аспурга // ИТУАК. 1918. 54. С. 47–58. Из последних работ см.: Анохин В.А. Указ. соч. С. 82–90; Виноградов Ю.Г. Очерк... С. 152.

⁶² Об Асандрохе как предшественнике Аспурга см.: Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим... С. 103–112; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 167 и след. Зубарь В.П. Северный Понт... С. 26. О том, что это неизвестный правитель, см.: Анохин В.А. Указ. соч. С. 89 (ошибочно читает монограмму как КΛΕ).

⁶³ Minns E. Op. cit. P. 595–611; В. Рот приписывает монеты с ΔΥМ Аспургу (Wroth W. BMC. Pontus, Paphlagonia, Bithynia and the Kingdom of Bosphorus. I. 1873–1929. P. 49. Not. 1).

⁶⁴ Яйленко В.П. Указ. соч. С. 160–164: в основе этой идеи мысль А.Л. Бертье-Делагарда, что монограмма ВАР относится к царю В, а ВАР – к царю М (Бертье-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 158).

называют последние углубленные исследования меди Боспора рубе-
ж нашей эры, должны относиться совершенно к другому правите-
лю. Наиболее убедительно выглядят уже приводившиеся выше за-
ключения Н.А. Фроловой на основании золотых и медных монет
конца I в. до н.э. и начала I в. н.э., которые сводятся к следующему.

Сериям золотых статеров соответствуют обильные выпуски меди
с монограммами BAE, BAM, BAP. Последняя из них – это царская мо-
нограмма Аспурга, поскольку такая серия была выпущена одновре-
менно с появлением первого золотого статера с аналогичной моно-
граммой. Длительное время о значении монограмм на меди также ве-
лись споры. Их приписывали разным правителям: Полемону I, Дина-
мии, Митридату Евпатору, Аспургу, Митридату III, – несмотря на то
что они совершенно бесспорно расшифровывались большинством
исследователей как BAE = BA(ΣΙΛΕΥΣ) Ε(ΥΠΑΤΩΡ)
или BA(ΣΙΛΕΩΣ) Ε(ΥΠΑΤΟΡΟΣ), а BAM = BA(ΣΙΛΕΥΣ)
M(ΙΘΡΑΔΑΤΗΣ)⁶⁵. Тщательный нумизматический анализ этих серий
показал, что они стали чеканиться не ранее конца предпоследнего де-
сятилетия I в. до н.э. и продолжали выпускаться до получения Аспур-
гом титула царя в 14 г. н.э. Медные монеты с BAM и BAP (царской
монограммой Аспурга) объединены друг с другом одним типом авер-
са и реверса и общим номиналом. Серия с BAE предшествует монетам
с BAM, но связана с ними общей символикой, типологией и близким
числением монограммы. Действительно, большинство типов этих се-
рий имеют исключительно митридатовский характер: голова Горго-
ны принадлежит к популярному в Понте Митридатидов культу Пер-
сея, мифического предка персидских царей и наследовавших им Ота-
нидов-Митридатидов, голова Зевса и Зевса-Аммона перекликается с
популярным культом в Понтийском царстве – культом Зевса Стратия,
также запечатленного на понтийских медных монетах, голова Афи-
ны, восьмиконечная звезда–солнце, корона Исида, Геракл–палица,
Бес–орел на молнии, Аполлон–треножник, Дионис–циста, Сера-
пис–рог изобилия, лев–пальмовая ветвь, Персей–герма, Гермес–каду-
цей, Арес–трофей, Гермес–шестилучевая звезда–солнце, – все эти
изображения повторяют символику медных монет Понта и Боспора
эпохи Митридата Евпатора и Фарнака и тесно связаны с популярны-
ми в Понтийском царстве Митридатидов культурами⁶⁶.

Это полностью исключает принадлежность означенных серий
меди чекану Полемона I, при котором митридатовские культы уже

⁶⁵ Голько В.П. Яйленко вычитывал в BAE сокращение BA(ΣΙΛΙΣΣΗΣ)
Ε(ΥΣΕΒΟΥΣ) и относил монеты к Динамии (Яйленко В.П. Указ. соч. С. 155).
Однако эпитет “благочестивая” в титулатуре этой царицы не значит (ср.
СРВ. 30; 31; 38; 978; 979; 1046), что соответственно снимает вопрос о принад-
лежности этих монет Динамии.

⁶⁶ Спрыкин С.Ю., Масленников А.А. Люди и их боги: религиозное мировоззре-
ние в Понтийском царстве // Человек и общество в античном мире. М., 1998.
С. 398–408.

не были столь распространены, как ранее. Поэтому Н.А. Фролова вряд ли права, когда за *terminus post quem* монет с ВАЕ берет правление на Боспоре Полемона. Ведь этот царь не только не имел ни какого отношения к династии Митридатидов, но и не состоял в браке с представительницей этого рода Динамией, по крайней мере с 12 г. до н.э. Так что использование им митридатовской символики и монограмм было немыслимо, что подтверждает и полное их отсутствие на монетах царя, чеканенных в Понте. Начало выпуска медных ВАЕ следует, очевидно, датировать уже после гибели Полемона, то есть не ранее 9/8 г. до н.э. Медные монеты с ВАЕ и ВАМ взаимосвязаны как и монеты с ВАМ и ВАР типа Арес-трофей. На этом основании Фроловой сделан убедительный вывод, что все эти монеты должны относиться к одному лицу из “ахеменидо-понтийского” правящего дома, “появившемуся на Боспоре после смерти Динамии и оспаривавшему у Полемона I право на боспорский престол”^{66а}. Еще В.В. Латышев считал, что после смерти Полемона на Боспоре закрепился Аспург, поначалу не имевший царского титула и правивший как архонт⁶⁷. К такому же мнению склонялся и А.Л. Бертье-Делагард. Он же⁶⁸ и Н.А. Фролова указали, что, поскольку медь с ВАМ, ВАМ, ВАР связана с золотыми статерами с монограммами , КNI ПАР, ПА, то и эти последние должны принадлежать Аспургу, не получившему еще от Рима права титуловаться царем⁶⁹. Это подтверждается тем, что статеры Аспурга-царя с ВАР тесно связаны с выпусками монет с , КNE, ПАР, и с медными сериями с ВАР, в свою очередь взаимосвязанными с монетами с ВАЕ и ВАМ. Другим аргументом в пользу такого определения является датировка всех этих статеров по вифино-понтийской эре, что мог использовать только представитель династии Митридата Евпатора. Поскольку Динамия уже не правила (см. выше), в то время таким властителем на Боспоре мог быть только ее сын от брака с Асандром – Аспург. Если в монограмме действительно сокрыто имя Динамии (а эта точка зрения кажется нам наиболее справедливой), а монеты 8 г. до н.э. – 13 г. н.э. принадлежат Аспургу до получения титула царя, то это доказывает, что он, во-первых, был сыном Динамии, и во-вторых, стремился использовать имя матери для утверждения собственного положения.

^{66а} Фролова Н.А. О времени... С. 56; Она же. К вопросу... С. 139–144; Она же. Медные монеты Боспора конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. // НЭ. 1989. 13 С. 3–5; Она же. Монетное дело... С. 29–31.

⁶⁷ Латышев В.В. Указ. соч. С. 103–107.

⁶⁸ Бертье-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 179; ср.: Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом... С. 56–59; Блаватская Т.В. Рескрипты царя Аспурга // СА. 1963 № 2. С. 202.

⁶⁹ Фролова Н.А. К вопросу... С. 139–144; Она же. Монетное дело... С. 64 (и ср.: Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 322.

нии на престоле Боспора и в глазах римлян⁷⁰. О том, что произошло после смерти Полемона I, мы осведомлены благодаря Страбону. После совместного с мужем царствования на Боспоре и в Понте Пифодорида наследовала царский трон (*Strabo*. XII. 3. 29). В момент гибели отца дети Пифодориды были еще совсем маленькими (старшему сыну Полемену исполнилось всего три года), так что совершенно естественно, что власть сразу перешла к матери. Династия Полемонидов-Зенонидов, к которой отныне принадлежала Пифодорида, пользовалась особым покровительством Марка Антония. Уже одно только родство с покойным триумвиром давало Пифодориде право на единоличное правление. Получив неожиданно власть и на Боспоре, она решила поначалу засвидетельствовать признательность императорской чете за утверждение за нею права наследницы Полемонидов. Она сделала благодарственное посвящение за Ливию в боспорском Кайсариие, о чем свидетельствует ее надпись из Гермонассы⁷¹ (рис. 3).

Однако Август не сумел закрепить за ней боспорский домен ее мужа, поскольку право на него предъявил Аспург. Это могло послужить причиной отсутствия в упомянутой надписи титула у Пифодориды. В 3 г. до н.э. она вышла замуж за царя Каппадокии Архелая, став одним из правителей объединенного Понтийско-Каппадокийского государства — нового мощного барьера между римскими владениями и Парфией⁷². Это означает, что посвящение Ливии из Гермонассы датируется 8–3 гг. до н.э., и служит подтверждением того, что Август не отважился покончить с Аспургом и его сторонниками, разрушившими его план объединить Понт и Боспор в единое государство. Он понимал, что митридатовские традиции, которые так сильно отстаивала мать Аспурга, уже пустили на Боспоре глубокие корни. Поэтому в Риме решили, что будет лучше признать молодого наследника, но не царем, а, может быть, архонтом или династом. В связи с этим Пифодориде просто не нашлось места на Боспоре, и она была вынуждена ограничиться доменом своего умершего супруга в Анатоллии и Колхиде. Не исключено, что царица по собственной воле отказалась от власти в Боспорском царстве, так как поняла полную бесперспективность борьбы со сторонниками Митридатидов. Ведь Пифодорида, по словам Страбона, была “женщиной разумной и умеющей править делами” (*Strabo*. XI. 2. 18; XII. 3. 9), и потому решила сконцентрировать внимание на малоазийских владениях Полемонидов.

После гибели Полемона I позиции промитридатовски настроенных катойков на царских землях и поддержавших Аспурга ряда ме-

⁷⁰ () противоположном мнении на этот счет см.: Устинова В.А. Указ. соч. С. 62.

⁷¹ Болтунова А.И. Надпись Пифодориды из раскопок Гермонассы // ВДИ. 1989. № 1. С. 86–91; Vinogradov Ju.G. Greek Epigraphy of the North Black Sea Coast, the Caucasus and Central Asia (1985–1990) // *AncCiv*. 1994. Vol. I, № 1. P. 69.

⁷² *Romer F.E. G. and L. Caesar in the East: Diss.* Ann Arbor, 1974. P. 129–131.

стных племен значительно усилились. В Риме не хотели обострять отношения с местным населением Боспора и его окраин, очевидно поэтому *de facto* признав его права на власть. Аспург же со своей стороны не давал римлянам поводов для тревоги за судьбу их интересов на северо-востоке Причерноморья. Он изначально помещал на золотые статеры портреты Августа и Агриппы, покровителей своей матери, ввел в обращение нормы римских монет, приравняв к ним боспорские выпуски, не демонстрировал особой охоты помещать свой титул на монеты, что выгодно отличало его в глазах римлян от его боспорских предшественников. Аспург чутко уловил, что после 9 г. до н.э. золотые и серебряные монеты в Римской империи чеканились исключительно для прославления Августа как императора в высшем понимании власти, поскольку в 8 г. до н.э. его высший *imperium* был продлен. К тому же в римской чеканке оставалась еще очень популярной традиционная связь Августа и Агриппы с *tribunicia potestas*, потому что император был очень благодарен последнему за успехи в упрочении его единоличной власти как принципса. Это стало причиной помещения портретов Августа и Агриппы на золотые монеты Боспора 8 г. до н.э. – 13 г. н.э. как символы высшей власти в *Pax Romana*⁷³. Естественно, это делало невозможным демонстрацию на золотых монетах вассального царства каких-либо инсигний власти правителя, не утвержденного Римом в качестве царя. Что и явилось причиной чеканки монет с монограммами. И только на медных монетах, по традиции выпускавшихся на Боспоре правителями, не имевшими царского титула, которые были больше предназначены для местного рынка, Аспург мог позволить себе поместить символы династии, к которой он имел отношение. Он делал это для доказательства преемственности политики, которую проводили его предшественники. *Imperium* Августа рассматривался в то время как гарантия безопасности границ Империи против врагов Рима⁷⁴, поэтому Аспург, отражая его на своих монетах, давал как бы римлянам обет защищать их границы на северо-востоке. Нельзя сбрасывать со счетов и традиционную двурушническую политику Римской империи на востоке. Усилив Архелая и Пифодориду путем объединения их царств, римляне одновременно хотели видеть сильным и Боспорское царство, которое послужило бы им противовесом. Политика сдерживания и противовесов – основная линия во внешней политике Рима в то время, а это был как раз период интенсивных переговоров Августа и Гая Цезаря на Востоке⁷⁵. Все это

⁷³ *Sutherland C.H.V.* Coinage in Roman Imperial Policy: 31 BC – AD 68. N.Y.: 1971. P. 61–68, 177.

⁷⁴ *Ibid.* P. 177; *Béranger J.* Recherches sur l'aspect ideologique du principat. Bâle, 1951. P. 106–111.

⁷⁵ *Romer F.E.* Op. cit. P. 140; *Bowersock G.* Augustus and the East: The Problem of the Succession // *Caesar Augustus: Seven Aspects.* Oxford., 1984. P. 170, 171.

нило в конечном итоге склонить Августа предпочесть Аспурга Пиффидориде в качестве главы Боспорского государства. Однако, в связи с тем что окончательно еще не были улажены дела наследников Полемона I, и чтобы не создавать ненужного прецедента в отношении Боспора и Понта, Август не торопился утверждать за Аспургом царский титул. В Риме не спешили еще и потому, что за спиной Аспурга маячила в общем еще враждебная Империи масса сторонников Митридатидов и требовалось некоторое время склонить ее на свою сторону. Не могли пока забыть и то, что именно Аспург был первым инициатором свержения и убийства римского ставленника Полемона.

Если золотые с монограммами принадлежали Аспургу, то, исходя из отмеченных выше особенностей его взаимоотношений с Империей на начальном этапе правления, можно попытаться определить значение монограмм до получения им титула царя. В этом вопросе в науке нет единства: Δ считают началом имени Динамии, КНЕ монограммой какого-то сарматско-боспорского царя, ПАР и ПА обозначением архонтского титула Аспурга⁷⁶ или его должности политарха⁷⁷. Любопытна точка зрения Х. Гиля, который вычитывал в ПАР имя АΣΠ(ΟΥ)Ρ(ΓΟΣ), в Δ – ΑΔΥΜ, (*Аспург, сын Динамии*), а литеры с этими монограммами, включая и КНЕ, приписывал чеканке Аспурга⁷⁸. Имеется еще одно предположение (которое до недавнего времени разделяли и мы), что все эти монограммы принадлежали римским монетным чиновникам или должностным лицам при дворе боспорского правителя – опекунам несовершеннолетнего Аспурга в бытность того архонтом или династом⁷⁹. Однако это представляется сейчас маловероятным. Римские опекуны малолетних наследников престола в клиентных царствах, как, например, во Фракии, никогда не ставили свои имена (даже скрытые в монограммах) на монеты местных царей. А римские монетарии вряд ли могли в то время контролировать процессы чеканки монет на Боспоре, поскольку он представлял собой хотя и вассальное, но все же самостоятельное от Римской империи государство. К тому же перечислен-

⁷⁶ Голубцова Е.С. Внешнеполитическое положение... С. 95; Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом... С. 58. Анохин В.А. Указ. соч. С. 92, 146, 147. Против см.: Зубарь В.М. Северный Понт... С. 27.

⁷⁷ Пиноградов Ю.Г. Очерк... С. 153, 154.

⁷⁸ *Giel Ch.* Op. cit. S. 31.

⁷⁹ Гиртье-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 212–214; Фролова Н.А. К вопросу... С. 144; Она же. Монетное дело... С. 69 (даже в монограммах ВАЕ и ВАМ она разматривала имена чиновников, ответственных за чекан медных монет – Там же. С. 51); ср. Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом... С. 58; Сапрыкин С.Ю. Академик М.И. Ростовцев о Понтийском и Боспорском царствах в свете достижений современного антиковедения // ВДИ. 1995. № 1. С. 209; Она же. Женщины... С. 196.

ные монограммы стоят в одном ряду с царской монограммой Аспурга. Непонятно и то, почему в таком случае монограммы чиновников отсутствуют на одновременных статерах медных монетах. Предположение Н.А. Фроловой о принадлежности монограмм ВАЕ и ВАМ чиновникам, вряд ли справедливо, так как они присутствуют на различных сериях меди, обильных и выпускавшихся явно в течение одного или двух лет. Принимая все это во внимание, полагаем, что в первой из монограмм на золоте очень заманчиво видеть имя царицы Динамии, но не как полноправной правительницы с 8 г. до н.э. по 8 г. н.э., а как матери Аспурга, от которой он унаследовал власть по праву династического родства.

Подобные прецеденты известны в данную эпоху: Митридат III сын Аспурга, помещал изображение матери Гепепирии на свои монеты (см. гл. 5), то же находим в монетном деле понтийского царя Полемона II, изображение которого и титул соседствовали с портретом и титулатурой его матери Антонии Трифены⁸⁰. Данное положение имело место потому, что правление этих цариц непосредственно предшествовало царствованию их сыновей. Относительно монограмм = ПАР и = ПА возможны различные варианты, хотя предпочтительнее, на наш взгляд, такой.

Совершенно аналогичные монограммы , , встречаются на монетах Августа, особенно римской провинциальной чеканки после 2 г. до н.э. Они скрывают в себе сокращение имени члена *collegium tresviri*, либо почетный титул императора Августа – *pater patriae* = πατρ(ὸς) πα(τρίδος) (“отец отечества”), полученный им во 2 г. до н.э.⁸¹ Аналогичная же монограмма на боспорском золоте 10–13 гг. н.э. вполне могла скрывать этот почетный титул римского императора, тем более что на аверсе монет помещалась его голова.

Иначе понимает монограммы ΔΥΜ, ΚΝΕ, ΠΑΡ В.А. Анохин. Первую он справедливо относит к Динамии, вторую к неизвестному правителю, неправильно читая его имя (ΚΛΕ вместо отчетливого ΚΝΕ), а третью – к Аспургу, время правления которого он отсчитывает с 10/11 г. н.э. после двух лет царствования “правителя ΚΛΕ”. В отношении последнего неверно прочитанная монограмма ставит под сомнение все построения нумизмата⁸². Вряд ли верно датировать начало правления Аспурга 10 г. н.э. Это опровергается золотой монетой с изображением Августа и Агриппы, монограммой ВАЕ и Α = 1 годом правления властителя, которым скорее всего был Аспург (см. примеч. 55). Она не может относиться к Полемену I, так как чекан золота в Римской империи и зависимых царствах был возобновлен

⁸⁰ Waddington W., Babelon E., Reinach T. Op. cit. P. 23. Not. 24. Fig. 3; Baldus H. Op. cit. S. 537–545.

⁸¹ Wruck W. Die Syrische Provinzialprägung von Augustus bis Traian. Stuttgart, 1941 S. 17–20.

⁸² Анохин В.А. Указ. соч. С. 89–92.

уже после его смерти или перед самой его гибелью и первый год правления к нему никак не подходит. Портреты правящего императора и Агриппы могли появиться на золоте не ранее 9–8 гг. до н.э., когда Август возобновил консульство и *imperium proconsulare* на десять лет⁸³. Поскольку монограмма ВАЕ связана с Аспургом, то и соответствующую золотую монету следует относить к нему, а его правление таким образом, начинать в 9 или 8 г. до н.э., но не позднее появления первого золотого статера от 289 г. п. эры = 8 г. до н.э. В 9 г. до н.э. в Малой Азии был введен новый календарь, по которому начало года приурочивалось ко дню рождения Августа и первый месяц года назывался ΚΑΙΣΑΡ. В 8 г. до н.э. было произведено упорядочение юлианского календаря, и месяц Секстилий был переименован в Август⁸⁴. Аспург мог вначале воспользоваться этим календарем, отсюда и датировка его первой монеты А = 1 годом правления. Со второго года, когда в Риме был упорядочен юлианский календарь, он уже перешел на счет годов по вифино-понтийской (боспорской) эре Митридатидов. Следовательно, мы имеем основания относить всю серию монет 8 г. до н.э. – 13 г. н.э. ко времени нахождения у власти Аспурга.

Если ПАР и ПА действительно принадлежат Августу, то и предшествующая ей монограмма Κ.Ϝ = KNE также может быть связана с его культом. Первая ее часть Κ явно выдает слово ΚΑΙΣΑΡ (близкую монограмму на монетах фракийского царя Реметалка I того же времени – Κ, Κ = ΚΑΙΣΑΡΟΣ рядом с портретом Августа)⁸⁵; вторая половина Ϝ = ΝΕΩΚΟΡΟΣ, а вся полностью будет читаться как ΚΑΙΣΑΡ(ΟΣ) ΝΕ(Ω)Κ(Ο)Ρ(Ο)Σ, т.е. “храмоблуститель Августа”. Поскольку Пантикапей был переименован в Кесарию, а в Гермонассе, видимо, находился храм римского императора Кайсариона⁸⁶, то не исключено, что боспорские правители, титуловавшиеся как ἀρχιερεὺς τῶν Σεβαστῶν διὰ βίου (CIRB. 41: Котис I, сын Аспурга), считались и храмоблустителями Августа. Хотя титул “первоверхвенников Августов” появился лишь при Котисе I, нельзя все же отбросить предположение, что до этого Аспург мог иметь титул “попечителя Августа,” т.е. попечителя его храма или храмов на всем Боспоре, поскольку еще не величался царем. Но, если это было так, то возникает вопрос, почему на золоте 8–13 гг. н.э. появляются

⁸³ Salmon E.T. A History of the Roman World from 30 BC to AD 138. L., 1968. P. 35; ср. Béranger J. Op. cit. P. 108: Август в 8 г. до н.э. ввел ценз в качестве консула (RGDA. 8.2: in consulatu sexto censum populi conlega M. Agrippa egi).

⁸⁴ Kienast D. Augustus. Prinzeps und Monarch. Darmstadt, 1982. S. 106, 107.

⁸⁵ Youroukova Y. Coins of the Ancient Thracians // BAR Suppl. Ser. 4. Oxford, 1976. P. 90. No. 159, 169; Абрамзон М.Г. Из истории римско-фракийских отношений // РА. 1998. № 2. С. 170.

⁸⁶ Об этом см.: Яйленко В.П. Указ. соч. С. 145.

монограммы, связанные с культом обожествленного императора Августа, а предполагаемая монограмма Динамии исчезает с золотых монет?

Аспург, Рим и боспорские города

Чтобы ответить на данный вопрос, обратимся к рескриптам Аспурга городу Горгииппии (рис. 7). Речь об этом важнейшем документе по истории Боспорского царства I в. н.э. подробно пойдет ниже; здесь же отметим, что они свидетельствуют о том, что до получения царского титула Аспург какое-то время находился в Риме. К сожалению, надпись не содержит даты, когда Аспург отсутствовал на Боспоре. В ней только упоминается его “путешествие к императору Августу” (ἐν τῇ πρὸς τὸν Σεβαστὸν Αὐτοκράτορα ἀναβάσει). Не вызывает сомнений факт, что эта поездка была инициирована самим Аспургом, следовательно, он должен был предстать в Риме перед императором как верный его друг и вассал⁸⁷. Если это было так, то появление проавгустовских монограмм на монетах 8–13 гг. н.э. могло совпасть с поездкой боспорского правителя ко двору императора. Это было отражением и роли культа божественного Августа в насильном ему государстве, что должно было доказать преданность Аспурга повелителю Рима. Но еще важнее для него было обосновать право обладать титулом царя и заключить договор с Римской империей. Как только титул был получен, означенные монограммы с 13/14 г. н.э. были заменены монограммой ΒΑΡ – царской монограммой Аспурга, получившего и почетный эпитет “друг римлян” (φίλορῶμαιος).

В связи с отмеченной поездкой в Рим следует обратить внимание на один любопытный момент. В 13 г. н.э. на Боспоре были выпущены два золотых статера: один с монограммой , а другой с монограммой ПА. В.А. Анохин предлагает такое объяснение: после чекана статера IT – 310 г. п. эры = 13 г. н.э. Аспург отправился в Рим, а на Боспоре произошли волнения. На это намекают слова од

⁸⁷ Блаватская Т.В. Рескрипты... С. 202–206; Она же. Аспург и Боспор // СА 1965. № 3. С. 36; Vinogradov Ju.G. // Arheološki vestnik. 1980. 31. Р. 309; Жибарь В.М. Северный Понт... С. 27–29 (Аспург отбыл ко двору Августа по личной инициативе); ср. Millar F. Emperors, Kings and Subjects: The Politics of Two-Level Sovereignty // Scripta Classica Israelica. 1996. XV. Р. 169–171 = АИ 1538 (императором, принявшим Аспурга в Риме, могли быть и Август, и Тиберий). Точка зрения Ч. Роуза, что Аспург еще мальчиком был вывезен в Рим вместе с Динамией в 14–12 гг. до н.э. Агриппой (Rose Ch.B. “Princes” and Barbarians on the Ara Pacis // AJA. 1990. 94. Р. 453–467) слишком гипотетична к тому же непонятно, кто мог тогда управлять Боспором с 8 г. до н.э. по 14 н.э. В единственном нашем источнике, рескрипте А горгииппийцам, говорится только о путешествии Аспурга к автократуру Августу. Это действительно подразумевает скорее собственную инициативу Аспурга, нежели насильственное его изгнание с Боспора под влиянием Полемона I.

Рис. 7. Рескрипты царя Аспурга городу Горгиппии (мрамор)

ного из рескриптов Аспурга горгиппийцам. В результате у власти вновь встала Динамия, пытавшаяся погасить вспышку недовольства Аспургом, и это ей принадлежит первая из монограмм⁸⁸. Но все дело в том, что в источниках ничего не говорится об этом “третьем” правлении Динамии, тем более что и второго ее правления тоже не было (см. выше). К тому же Аспург отправился в Рим намного раньше, и в 13 г. н.э. он уже находился в столице Империи, а монограмма Δ , как говорилось выше, связана с его правлением, а не с царствованием его матери. Все гораздо проще: монограмма ПА обозначает императора Августа как “отца отечества.” Август умер 19 августа

⁸⁸ Анохин В.А. Указ. соч. С. 93, 94, 150. № 293. Табл 40, 44.

14 г. н.э. по юлианскому календарю, когда на Боспоре по лунно-солнечному македонскому календарю и вифино-понтийской эре стоял еще 13 г. н.э. Помещать на монеты титул умершего принцепса уже не имело значения, поэтому на Боспоре вернулись к традиционной символике – указанию на законность наследования власти Аспургом как сыном Динамии. Это должно было облегчить получение им царского титула и признания в Риме уже у нового императора Тиберия.

Таким образом, уже до того как Аспург стал царем Боспора, отчетливо прослеживаются две главные линии его политики: стремление заручиться дружбой с Римом и убедить императора в том, что он готов соблюдать основные римские интересы (защита границ, поддержка городов, поощрение торговой и ремесленной деятельности, недопущение варваров в пределы римских границ и на земли союзников Рима, включая и Боспорское царство); другим важным направлением его деятельности было обеспечить себе поддержку среди местных племен и военно-хозяйственных поселенцев на царской земле, убедив их в том, что царское землевладение на Боспоре остается под контролем правящей династии.

Утверждение Аспурга царем состоялось еще при жизни Августа, очевидно, в самые последние годы его жизни, а подтверждение этого в сенате могло происходить уже после кончины принцепса. Тогда же был, видимо, заключен и договор о дружбе с Римом, но официально все было оформлено уже при Тиберии. Август пошел на сближение с Аспургом во многом потому, что в результате посылки царей северопонтийских кочевников в Рим взаимоотношения Империи со скифами и сарматами значительно улучшились (RGDA. С. 31). В довершение к этому имевший право претендовать на боспорский престол старший сын Полемона I и Пифодориды стал соправителем матери в Понтийском царстве (*Strabo*. XII. 3. 29)⁸⁹, вследствие чего отпали все препятствия признавать Аспурга законным царем. Со своей стороны, Аспург сумел быстро упрочить свое положение⁹⁰, воспользовавшись для этого римскими субсидиями, которые поступали со времен Асандра, Динамии и Полемона.

Аспург находился у императора как прямой наследник Динамии и Асандра, что подтверждает типология и монограммы медных монет, которые предшествуют царской серии Аспурга с монограммой ВАР. Мы не знаем точно, когда Аспург вновь появился на Боспоре. Лишь косвенно можно утверждать, что это произошло в 14 г. н.э.,

⁸⁹ *Macurdy J. Vassal-Queens and Some Contemporary Women in the Roman Empire* Baltimore, 1937. P. 38–40.

⁹⁰ *Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим...* С. 126; Д.П. Каллистов считал, что после победы над Полемоном Аспурга Рим пошел на заключение с ним мирного договора, что сказалось на финансовом и экономическом благосостоянии царства (*Каллистов Д.П. Указ. соч.* С. 74–76).

когда впервые в обращение поступили его золотые и медные монеты с монограммой ВАР (золотые статеры 311 г. н.э. = 14 г. н.э. с портретом Тиберия на л.с. и Агриппы на о.с.), т.е. уже в 15 г. н.э. по юлианскому римскому календарю. Помимо монет мы имеем ряд датированных и недатированных надписей времени царствования Аспурга после 14 г. н.э. Это, в первую очередь, уже упоминавшиеся два рескрипта Горгииппии – самая ранняя надпись этого царя. Ввиду ее важности приведем полный ее перевод.

Рескрипт А: “Горгиппийцы Зевсу Спасителю! Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу, желает здравствовать! Будущий благосклонно расположен к городу горгииппеян и желая воздать им по справедливости, поскольку они проявили себя во многих делах благорасположенными ко мне, особенно, когда соблюли себя в полной безмятежности во время путешествия моего к императору Августу, я определяю сообразно данным мною распоряжениям, что на будущее время правила родственного наследования останутся у них неизменяемыми согласно наследственному закону Евпатора. Итак, императив опубликование, сделайте это постановление для всех известным сообразно нашему решению. Будьте здоровы! 312 года, месяца Даисия, 20-го дня”.

Рескрипт В: “Царь Аспург, друг римлян, Панталеонту и Феангелу желает здравствовать! Так как горгииппиянам [друзьям моим], я дал освобождение от [уплачиваемых] с вина, пшеницы и [ячменя] поценой одиннадцатой, с проса же [одной двадцатой?], то решил написать вам с тем, чтобы вы устроили согласно моему распоряжению. Будьте здоровы! 312 года, месяца Даисия” (*пер. Т.В. Блаватской*)⁹¹.

Интерес представляет также манумиссия от 16 г. н.э. из Фанагопии: “В царствование царя Аспурга, друга римлян, в 313 году, в месяц Даисии, 7-го числа, Фодак, сын Пофона, посвящает при молельне Аполлону своего вскормленника Дионисия, он же Лонгион... при условии почитания и усердного посещения молельни” (CIRB. 985). Любопытен и фрагмент базы статуи с титулом и именем Аспурга из Керсонеса Таврического: Βασιλεὺς Ἀσπὺργος.... / Β[ασι]λεύου... / Β[ασι]ΛΕΥΟΥΤ[ος....?] (IosPE. I. (ed. 2) 573). Не меньшее значение, чем горгииппийские рескрипты, имеют две близкие по времени надписи из Пантикапея. Это плита архитрава от постройки, вероятно, храма, дорического ордера с надписью от 23 г. н.э.: “Великому царю Аспургу, другу римлян, ...царствующему над всем Боспором, Фридогией, синдами, меотами, тарпитами, торстами, псессами и пантистами, подчинившему скифов и тавров... своему спасителю и

⁹¹ Документ датируется 15 г. н.э. по македонскому лунно-солнечному календарю и вифино-понтийской эре (*Блаватская Т.В. Рескрипты... С. 202–206; Она же. Аспург. С. 36 и след.*) или апрелем-маем 16 г. н.э. по юлианскому календарю (*Vinogradov Ju.G. Arheološki vestnik. P. 309; AE. 1538 со ссылкой на Н.О. Карышковского*).

благодетелю, посвятил ... в 320 году и месяце...” (CIRB. 39). Вторая постамент статуи из белого мрамора с надписью на передней стороне: “Великого царя Аспурга (*статую*), друга римлян, происходящего от царя Асандроха, друга цезаря и друга римлян, царствующего над всем Боспором, Феодосией синдами, меотами, тарпитами, торитами, псессами и танаитами, подчинившего скифов и тавров, Менестрат, сын Менестрата, начальник острова, своего спасителя и благодетеля “ (CIRB. 40).

Две последние надписи взаимосвязаны и не должны отстоять по времени далеко друг от друга, поскольку появились, очевидно, вскоре после военной победы Аспурга над скифами и таврами, одержанной между 16–23 гг. н.э. (надписи 15–16 гг. н.э. не содержат столь пышной титулатуры царя, значит они появились до его побед в Таврике). Херсонесскую надпись обычно связывают с войной Аспурга со скифами и таврами, когда в результате оборонительного херсонесско-боспорского союза была одержана победа, и царь в ознаменование своего успеха и в благодарность за помощь Херсонеса воздвиг в городе свою статую⁹². Это мнение, однако, не учитывает одного важного момента: если бы херсонесская надпись появилась после побед Аспурга в Таврике, то титулатура царя выглядела бы, как в почетных надписях и в Пантикапея, ибо именно тогда он присвоил себе эпитет “Великий царь”⁹³. Херсонесский же постамент дает обычный титул, как и другие надписи 15–16 гг. н.э. Следовательно, статуя Аспурга появилась в Херсонесе не около 23 г. н.э., а ближе к 14–16 гг. н.э., т.е., видимо, еще до войны в Таврике. Отсюда следует, что развитие царской титулатуры Аспурга прошло два этапа: первый приходится на время, когда он прибыл из Рима и величался просто “царь”, “друг римлян” (14–16 гг. н.э.), а второй совпадает с годами, когда вследствие победоносной войны в Таврике его стали именовать “Великий царь”, “друг римлян” и одновременно “друг цезаря и друг римлян” (ок. 23 г. н.э.).

В надписи Менестрата можно заметить ряд любопытных деталей. В ней читаем: Βασιλέα μέγαν Ἀσποῦργον φιλορώμαιον τὸν ἐκ βασιλέως Ἀσανδρόχου, φιλοκαίσαρα καὶ φιλορώμαιον, βασιλεύοντι παντὸς Βοσπόρου κτλ. Эпитет φιλορώμαιος упомянут в двух строках подряд. В первом случае он согласуется с именем Аспурга в вин. падеже, но без обычно ему сопутствующего φιλόκαισαρ; во втором – поставлен после имени Асандроха = Асандра (см. выше) в род. падеже, но уже в сочетании с φιλόκαισαρ и вновь в вин. падеже. Такие необычные написание эпитетов объясняют ошибкой резчика или не устоявшейся еще к тому времени формулировкой царской титулатуры Аспурга⁹⁴ (хотя как это возможно, когда со времени у

⁹² Зубарь В.М. Северный Понт... С. 30.

⁹³ Ср. аналогичную ситуацию при царе Савромате I (*Saprykine S.Ju. Le roi Sauromace Ier du Bosphore Cimmerien // Colloquia Pontica. 2000. 5. P. 45 ff.*).

⁹⁴ Comm. ad CIRB. 40. P. 47, 48; Зубарь В.М. Северный Понт... С. 28.

рождения Аспурга царем прошло десять лет). Подобное может быть списано на ошибку, но ведь всегда надо исходить из конкретного факта и стремиться объяснить его. Φιλώρωμαιος в первом случае логично отнести к Аспургу, а второе его упоминание в паре φιλοκαίσαρα καὶ φιλωρώμαιον В.И. Горемыкина связала с Асандром, опять объясняя разночтения в падежах пресловутой ошибкой речника⁹⁵. Однако Асандр (Асандрох, а если это разные лица, то тем более о последнем вообще ничего неизвестно) никогда не имел в титулатуре эпитета “друг цезаря” (ср. CIRB. 30; Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 40). Значит оба эпитета должны относиться к царю Аспургу и могли быть им получены после 15–16 гг. н.э.

Такое заключение подводит нас к мысли, что целью поездки Аспурга ко двору императора могло быть желание не только заручиться поддержкой Августа, сколько попытаться обновить ранее существовавший у Боспора договор о дружбе с Римской империей. Заключение договора о дружбе с Римом всегда предшествовало объявлению вассального царя φιλωρώμαιος, т.е. amicus populi Romani. Договор о дружбе с Римом (amicitia) обновлялся при вступлении на престол нового царя⁹⁶, поэтому титул Аспурга “друг римлян” мог быть закреплен за ним при Августе как формально перешедший к нему от Асандра и Динамии, являвшихся просто “друзьями римлян” (см. гл. 2–3). Августу оставалось только признать за Аспургом право титуловаться царем, подтвердив этим его полномочия как преемника родителей. Получая титул “друг Рима” и заключив договор о дружбе, цари, как правило, объявлялись римскими гражданами с правом прибавлять к своему имени личное и родовое имена императора, своего покровителя⁹⁷. Поскольку преемники Аспурга, начиная с его сына Котиса I, прибавляли к своему династическому имени римские родовые имена Тибериев Юлиев⁹⁸, а не Гесев Юлиев, то мы вряд ли уйдем далеко от истины, если выдвинем предположение, что договор Аспурга с Августом не был полностью разработан и ратифицирован из-за смерти принцепса в 14 г. н.э.⁹⁹ Он об-

⁹⁵ Горемыкина В.И. Указ. соч. С. 128–134.

⁹⁶ Илдьэль Б. Боспорская надпись IosPE II. 33 // ВДИ. 1948. № 3. С. 212; Цветаева Г.А. Указ. соч. С. 28; Braund D. Rome and the Friendly King. L.; N.Y., 1984. P. 106.

⁹⁷ Braund D. Op. cit. P. 160 ff.

⁹⁸ CIRB. 69 (Котис I); 70 (Рескупорид I); см. Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 324. Автор ошибочно полагает, что Аспург впервые употребил императорские имена в честь Тиберия, однако ни в одной из надписей этого царя они не встречаются.

⁹⁹ О заключении договора с Римом см.: Блаватская Т.В. Рескрипты... С. 207; Millar F. Op. cit. P. 169–171 (оба исследователя полагают, что договор был заключен в 14 г. н.э. при Тиберии). Ср.: Зубарь В.М. Северный Понт... С. 28. Однако упоминание о путешествии к автократуру Августу (ср. CIRB. 38) доказывает, что тот мог принять Аспурга для заключения договора (I. Mogradow Ju.G. Arheološki vestnik. P. 309; Idem. Pontische Studien. Mainz, 1997. S. 610; AE. 1994. P. 38).

рел юридическую силу лишь частично, вследствие чего Аспург при жизни Августа не только не получил римского гражданства, но и не мог еще титуловаться “другом цезаря”. Видимо, поэтому в надписи 15–16 гг. н.э. он имеет лишь “укороченный” эпитет “друг римлян”. Более пространный эпитет, утверждение договора и соответственно получение римского гражданства приходится уже на принципат Тиберия, в результате чего потомки Аспурга получили имена Тибериев Юлиев. Он же не пользовался ими потому, что основной социальной базой его власти по-прежнему были местные племена и военно-хозяйственные поселенцы на царской земле, среди которых антиримские промитридатовские традиции продолжали оставаться весьма сильными. Поэтому царь решил ограничиться прибавлением к своему титулу эпитета “друг цезаря.” Так как в почетной надписи CIRB. 39 от 23 г. н.э. Аспург продолжает величаться просто “другом римлян,” а в близкой ей по времени надписи Менестрата (CIRB. 40) он назван сначала традиционным “другом римлян”, а затем повторно уже как “друг цезаря и друг римлян,” то весьма вероятно, что последний эпитет был получен вскоре после 23 г. н.э. или незадолго до этого года. Это могло произойти после громких побед царя в Таврике, о чем сообщается в этих надписях. Поэтому К. Навотка в общем прав, когда утверждает, что Аспург подписал с Римом два договора о дружбе – в 14 г. н.э. с Тиберием вследствие которого обрел эпитет “друг римлян,” а затем другой договор с тем же императором, по которому получил право на эпитет “друг цезаря” (*amicus Caesaris* = φίλος αἰσαρ)¹⁰⁰.

На наш взгляд, договор Аспурга с Римом был один – с Августом, но подтвержден он был при Тиберии и вступил в силу не ранее окончания крымской кампании против скифов и тавров, т.е. после 16 г. н.э. Очевидно, в 13–14 гг. н.э. во время пребывания в Риме Аспург был только признан царем как законный преемник Динамии, что дало ему право бить монеты с царской монограммой ΒΑΡ. Но в результате смерти Августа договор не был оформлен и доведен до конца. Это позволило Аспургу действовать более решительно и самостоятельно, провести успешную военную кампанию в Тавриде, заручиться поддержкой полисов царства, подавить или успокоить оппозицию своей власти и после 16 г. н.э. возвести себя из ранга простого царя в Великие цари, т.е. взять себе титул, который был характерен для восточных монархов и прежде всего понтийских Митридатидов. Такое положение всегда вызывало у римлян определенное подозрение и могло послужить причиной для некоторой отсрочки заключения или подтверждения Тиберием договора о дружбе с Боспором. В Риме, видимо, опасались возрождения открытой промитридатовской по-

¹⁰⁰ *Nawotka K. The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosphorus Monarchs // Latomus. 1989. 48, 2. P. 329.*

литики, которая могла идти вразрез с его интересами¹⁰¹. Подобные прецеденты в римской политике уже были: Полемона I внесли в списки “друзей” только через четыре года после признания его Римом в качестве царя (*Dio Cass.*. LIII. 25.1).

Результатом заключения договора с Римом стало еще одно событие, сделавшее Аспурга и Боспорское царство более зависимыми от римлян, нежели это было при Асандре. Речь идет о браке с Гепеирией. На основании этого фракийского имени ее считают представительницей фракийского царского рода¹⁰², супругой Аспурга и матерью будущих боспорских царей Митридата VIII (= III Боспорского) и Котиса I¹⁰³. Есть версия, что она была дочерью фракийского сапейского царя Котиса III (VIII) и Антонии Трифены – дочери Полемона I и Пифодориды, сестрой Реметалка III, будущего царя Фракии, Полемона II, царя Понта, и Котиса IV (IX), царя Малой Армении, а также Пифодориды Младшей¹⁰⁴. Это, однако, маловероятно по следующим соображениям. Ее предполагаемая мать Антония Трифена родилась не ранее 12–8 гг. до н.э., так как ее отец Полемон I женился на Пифодориде Старшей, матери Трифены, не ранее 12 г. до н.э., а в 8 г. до н.э. его уже не было в живых (см. выше). В таком случае Трифена могла стать женой Котиса III Сапея не ранее 14 г. н.э. Этот Котис был убит в 19 г. н.э. и с этого года Антония Трифена оставалась вдовой (*Strabo*. XII. 3. 29; *Tac.* Ann. II. 64–67; *Vel. Patern.* II. 129. 1)¹⁰⁵. Во всяком случае о ее новом замужестве ничего не сказано. При таких обстоятельствах Гепеирия едва ли могла стать женой Аспурга как минимум до начала 30-х гг. н.э. С другой стороны, ни в одной из надписей или нарративном свидетельстве о детях Котиса Сапея и Трифены имя Гепеирии не упоминается. О времени ее брака с Аспургом существуют две точки зрения: это произошло либо в 13–15 гг. н.э. тотчас после поездки царя

¹⁰¹ () осторожности Рима в отношении правителей, объявлявших себя “Великими царями” см.: *Seyrig H.* Polemon II et Julia Mamaea // *RN.* 1969. Ser. 6. 11. P. 44–47 (об этом титуле у Полемона II); *Сапрыкин С.Ю.* Плиний Младший и Северное Причерноморье // *ВДИ.* 1998. № 1. С. 203 (о тревоге Траяна при получении известий об объявлении Савромата I Боспорского “Великим царем”).

¹⁰² *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст... С. 21; *Idem.* Queen... P. 88–109; *Gajdukevič V.F.* Op. cit. S. 338; *Крыкин С.Н.* Фракийцы в античном Северном Причерноморье. М., 1993. С. 38, 221. О фракийском характере имени см.: *Deichew D.* Die Thrakischen Sprachreste. Wien, 1976. S. 106.

¹⁰³ *Тютышев В.В.* Указ. соч. С. 110; *Wroth W.* BMC. P. 51; *Фролова Н.А.* О времени правления Гепеирии и Митридата III // *ВДИ.* 1977. № 3. С. 168; *Она же.* Монетное дело... С. 74–80; *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 95; Л. Форрер ошибочно считает Гепеирию женой Митридата III (*Forrer L.* Op. cit. P. 51).

¹⁰⁴ *Macurdy J.* Op. cit. P. 42–47; *Sullivan R.* Thrace in the Eastern Dynastic Network // *ANRW.* B.; N.Y., 1979. Vol. II. T. 7,1. P. 206; *Tacheva M.* On the Genealogy of the Last Kings of Thracia (100 BC – 45 AD) // *TAB.* 1985. II. P. 417.

¹⁰⁵ *Macurdy J.* Op. cit. P. 42–47.

в Рим как следствие согласия императора признать за ним право титуловаться царем¹⁰⁶, либо в конце 20-х – начале 30-х годов н.э.¹⁰⁷ Но последнее невероятно уже потому, что Митридат, сын Аспурга и Гепеирии, стал законным царем Боспора уже в 39 г. н.э. (см. гл. 5), достигнув совершеннолетия, если судить по монетным изображениям. Значит он должен был родиться не позднее 20 г. н.э., а это пока не знает, что брак Аспурга и Гепеирии, по-видимому, правильное отношение ко времени около 15 г. н.э. Если бы Гепеирия была дочерью Котиса III и Антонии Трифены, то она вряд ли вышла бы за боспорского правителя в 13–15 гг. н.э., ибо ей было тогда от силы два-три года от роду. У Котиса и Трифены было четверо детей, родившихся за шесть лет их брака, поэтому возможность иметь еще одну дочь полностью исключается. А рождение Антонией Трифеной Гепеирии до брака с Котисом невозможно, нереально это и вскоре после смерти Котиса, так как сразу после его убийства она отправилась в Рим и осудила в сенате это злодеяние (*Tac. Ann. II. 67*)¹⁰⁸. А это исключает ее беременность в означенный промежуток времени. Вот почему Гепеирия не могла быть дочерью Котиса III и Антонии Трифены, а значит и внучкой Полемона I.

Для выяснения истинного происхождения Гепеирии важно сравнить царские монограммы на ее монетах 37–38 гг. н.э., монеты Аспурга 13–38 гг. н.э. и фракийского царя Реметалка I (11 г. до н.э. –

13 г. н.э.). Они выглядят следующим образом: – Гепеирия, Аспург, – Реметалк I. Между ними есть определенное сходство, особенно заметное при сравнении монограмм Гепеирии – и

ВА(ΣΙΛΙΣΣΗΣ) ΓΗΠΑΙΡ(Υ)ΡΕΩΣ и царя Реметалка I – ВА(ΣΙΛΕΩΣ) Ρ(ΟΙ)ΜΗΤΑΛ(ΚΟ)Υ (рис. 1, 18); царская монограмма Аспурга близка монограмме Гепеирии, что естественно, учитывая их брак¹⁰⁹. Сходство монограмм должно подтверждать родственные династические связи между тремя царственными особами. Значит Гепеирия действительно могла иметь отношение к фракийскому сапейскому царскому дому, но не как дочь Котиса III и внучка Реметалка I, а как дочь последнего и сестра первого (возможно даже и как сестра Реметалка I). Конечно, это всего лишь одна из возможных версий, но можно быть уверенным в одном – брак Гепеирии и Аспурга был санкционирован в Риме императором. Это скорее не

¹⁰⁶ О точках зрения на этот счет см.: Сапрыкин С.Ю. Пифодорида – царша Фракии // ВДИ. 1984. № 2. С. 152 и след.

¹⁰⁷ Зубарь В.М. Северный Понт... С. 30.

¹⁰⁸ Strazzulla V. La serie dei re odrisii dal 200 a. C. al 46 d. C. // Bessarione. 1901/1902. I. Anno 6. Ser. 2. P. 288; Macurdy J. Op. cit. P. 42–47.

¹⁰⁹ Сапрыкин С.Ю. Фракия и Боспор на рубеже н.э. // ΣΥΣΣΙΤΙΑ: Сб. памяти Ю.В. Андреева. СПб., 1999. С. 264–266.

но произошло при Тиберии одновременно с окончательным оформлением договора о дружбе, т.е. где-то около 15–16 гг. н.э. Женитьба Аспурга на фракийской принцессе произошла почти одновременно или немногим позже брака ее брата Котиса III и Антонии Трифены с целью укрепления дружественных римлянам вассальных царств в Причерноморье. Благодаря провозглашению Аспурга царем Боспора и его брачной связи с царской династией Сапеев во Фракии, где также был заключен династический союз Сапеев и Зенонидов в лице Антонии Трифены, Римской империи удалось создать сеть клиентных государств в регионе, которые служили защитой ее границ на северо-востоке. Брачно-династийная политика помогала Риму укреплять влияние греческой и римской культуры в полушварварских странах. В отношении Боспорского царства Рим более не форсировал распространение своего влияния, перейдя к поддержке местных эллинистических принципов государственного устройства и поощряя развитие экономики, прежде всего торговли. В результате Боспор стал быстро развиваться на основе симбиоза греко-иранских традиций, комбинируя в своей эволюции как прежние митридатовские, так и новые сарматские черты. Для Аспурга его брак с Гепеирией давал возможность получить поддержку Фракии и Рима в проведении активной внешней и самостоятельной внутренней политики¹¹⁰. Это мог быть и своеобразный жест в отношении горожан, так как делал Аспурга в их глазах преемником боспорских митридатидов, фракийского или фрако-иранского по происхождению рода, немало сделавших в свое время для развития греческих полисов Боспора¹¹¹.

() внутренней и внешней политике Аспурга после объявления царем мы осведомлены из надписей и прежде всего из приводившихся выше двух его рескриптов гражданам Горгииппии. Они впервые были опубликованы Т.В. Блаватской, точка зрения которой по поводу взаимоотношений Аспурга с Римом и его боспорскими поддан-

¹¹⁰ Падэль считал, что Аспург был даже принят в число римских сенаторов (*Nadél B. Reges amici polnocnego Naczarnomorza i ich stosunki z Rzymem // EOS. 1961. P. 121–134*), что совершенно невероятно и не подтверждается источниками (*Braund D. Op. cit. P. 107; Nawotka K. Op. cit. P. 329*).

¹¹¹ Милленко В.П. Указ. соч. С. 170; Зубарь В.М. Северный Понт... С. 30; Н.О. Бурачков считал, что Аспург даже принял фракийское имя Рескупорид после брака с Гепеирией и объявления царем (*Бурачков П.О. Несколько замечаний о медалях Аспурга и Рескупорида, преемниках босфорского царя Птолемеона I // Древности. 1885. X. С. 63 и след.*). На этом основании А.Л. Бертье-Делагард читал монограмму ВАР как титул и имя Аспурга–Рескупорида I (*Бертье-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 179–181; см. также: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 324*). Однако сейчас доказано, что это неверно, а боспорским царем Рескупоридом I следует считать Рескупорида, сына Котиса I, внука Аспурга. См.: *Giel Ch. Op. cit. S. 30; Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом... С. 57–59; Фролова И.А. Монетное дело. С. 92.*

ными сводится к следующему. После ликвидации Полемона I, Аспург, став архонтом, усилился, поэтому Тиберий в 14/15 г. н.э. решил из уважения к местным традициям принять при своем дворе боспорского правителя. Именно Тиберию Аспург обязан царским титулом¹¹² и званием “друга римлян”. Признание Аспурга царем и уступки местным интересам должны были способствовать проримской ориентации боспорцев. Боспор и Тиберий заключили договор о союзе в форме *amicitia*, дававший Аспургу возможность проводить собственную внешнюю политику, согласовывая ее с интересами Рима. Либеральное отношение римлян к Аспургу позволило ему воспроизвести некоторые традиции Митридата Евпатора, среди которых было и введение пожизненного культа правителя. Во внутренней политике греческие города царства, в частности Горгиппия, пользовались некоторой автономией, хотя и находились в подчинении у царя. Горгиппия составила обособленный административный и судебный округ, и все царские благодеяния были направлены на поддержку зажиточных горожан, сторонников царской власти. Указание рескрипта А: “...я определяю сообразно данным мной распоряжениям, что на будущее время правила родственного наследования останутся у них неизменяемыми согласно наследственному закону Евпатора”, – показывает, что до 15 г. н.э. горгиппийцы были недовольны законами о наследовании. Поэтому в качестве особого благодеяния царя они получили право пользоваться митридатовским законом о наследовании по родству, т.е. в кругу ближайших кровных родных.

Этот закон перестал действовать еще до прихода к власти Аспурга. В знак особого расположения к горгиппийцам он отменил уплачиваемый ими в казну поземельный налог с урожая, установленный еще при Митридате Евпаторе, дал им бессрочную ателию и поделил город с его хорой в особую административную единицу. Это было сделано в ответ на благожелательность со стороны Горгиппии, поддерживавшей его во время поездки в Рим, в отличие от других полисов, которые выказали ему нерасположение. Выступления враждебных сил в этих городах привели к тому, что их права были существенно ограничены¹¹³.

После первой публикации рескриптов в 1965 г. был предложен ряд дополнений и поправок, в том числе и к отдельным положениям изложенной концепции. П.О. Карышковский датировал документ 16 г. н.э., Ю.Г. Виноградов высказал мнение, что τὸν Σεβαστῆν Αὐτοκράτορα в стк. 6–7 рескрипта А относится к императору Августу, а само посольство Аспурга датируется 10–14 гг. н.э.¹¹⁴ В начале

¹¹² Об этом же см.: Barrett A. Gaius' Policy in the Bosphorus // ТРАП. 1977. 107. Р. 1.

¹¹³ Блаватская Т.В. Рескрипты... С. 201–208; Она же. Аспург и Боспор. С. 28–36.

¹¹⁴ Vinogradov Ju.G. Arheološki vestnik. P. 309. N. 100; Idem. The Goddess Le Mety Olybris: A New Epigraphic Evidence from Armenia // East and West. 1992. P. 24. N. 39; см. также: Цветаева Г.А. Указ. соч. С. 28.

стк. 4 рескрипта В он предлагает [μ]ὲν δεκάτης, χένχρου δὲ [εἰκοσ-
της?], т.е. 1/10 с вина, пшеницы и [ячменя?], 1/20 с проса, что было
принято (ср. АЕ. 1538), в том числе и Х. Хайненом (см. ниже).
Ф. Миллар, напротив, поддержал идею, что в письме А упомянут Ти-
берий, а документы датированы летом 15 г. н.э. Хотя он и не исклю-
чает возможности видеть в τὸν Σεβαστὸν Αὐτοκράτορα намек на уже
почившего императора Августа. Исходя из теории о “двухступенча-
том суверенитете вассальных царств в отношении Римской импе-
рии” (города–царь–император), он видит в письме А конкретное
указание на зависимость Аспурга от римского императора. Под-
тверждение же за Горгиппией прав и законов, установленных еще
при Митридате Евпаторе, и дипломатичность обращения к горгиппий-
цам с целью добиться их расположения, являются, по его мне-
нию, отражением “деликатных” отношений царя и полисов¹⁵.

Наиболее обстоятельную критику концепции Т.В. Блаватской
высказал Х. Хайнен. Он полагает, что письма горгиппийцам датиру-
ются 16 г. н.э., в стк. 1 предлагает дополнить: τὸν ναὸν ἰδρύσαντο Διὶ
Ἰωήνῃ, – хотя здесь возможны разные варианты. Он не согласен,
что поездка Аспурга в Рим стала для Боспорского царства успехом
и благоприятным актом, свидетельствовавшим о важной роли этого
государства как суверенного образования. Это обычное посольство
вассального царя к своему покровителю – римскому автократуру, а
подтверждение царского статуса Аспурга было сделано не Авгу-
стом, а Тиберием в 14 г. н.э. Вслед за Г. Клаффенбахом, он настаи-
вает на том, что в рескрипте А в стк. 7–8 следует поставить запятую
после ἀτα[ρα]ξίαι, а после ἐντολάς. Тогда вся фраза приобретает
новый смысл: “Так как я благосклонно расположен по отношению к
порядку горгиппийцев и имею желание обратиться к ним по заслугам,
так как они были во многих делах ко мне благорасположенными,
прежде всего, потому что во время моей поездки к Величайшему
Повелителю соблюли себя, согласно данным мной распоряжениям, в
полной безмятежности, я определяю ...” Эта оговорка сделана, по
его мнению, в связи с тем, что отношение городов к царской власти
на Боспоре со времени Митридата Евпатора не отличалось постоян-
ством и длительное отсутствие Аспурга могло спровоцировать обо-
стрение политического положения. Πρὸς τὸν Σεβαστὸν Αὐτοκράτορα
в стк. 6–7 Х. Хайнен считает не указанием на конкретного импера-
тора, к которому совершил посольство Аспург, а всего лишь рито-
рической приветственной формулировкой, означающей “Величай-
ший Властитель” (erhabener Herrscher). Исследователь обосновывает
свою мысль тем, что Аспург якобы употребил нетрадиционный
для Августа и Тиберия порядок перечисления титула и эпитета, вме-
сто обычного Αὐτοκράτορ Σεβαστός (ср. IGR. III. 940: ὑπὲρ

¹⁵ Millar F. Op. cit. P. 169, 170.

αὐτοκράτορος Τιβερίου Καίσαρος Σεβαστοῦ). Далее делается вывод, что несмотря на полисный статус Горгииппии, Аспург выступает по отношению к ней как типичный эллинистический монарх, абсолютный суверен горгииппийцев¹¹⁶.

Однако некоторые из положений Х. Хайнена весьма спорны и уязвимы. Рескрипты датируются 312 годом вифино-понтийской эры, начальный год которой приходится на октябрь 297 г. до н.э. по македонскому лунно-солнечному календарю¹¹⁷. Следовательно 312 г. понт. (босп.) эры будет соответствовать 15 г. н.э. В пересчете на юлианский календарь это действительно будет 16 г. н.э., но этот календарь использовали в Риме, а на Боспоре в ходу был македонский календарь и основанная на нем эра. Поэтому правильнее все же датировать рескрипты по понтийско-боспорской традиции 15 г. н.э., а это показывает, что в означенном году Аспург уже находился в Пантикапее, завершив поездку в Рим. По этой же традиции смерти Августа (19 августа 14 г. н.э. по юлианскому стилю) и интронизации Тиберия приходится на конец 13 г. н.э. Первые боспорские монеты с царской монограммой Аспурга и портретом Тиберия относятся к 311 г. п. эры = 14 г. н.э.¹¹⁸ Они отчеканены в тот же самый год, когда Тиберий стал автократом, а Аспург официально возведен в цари. До 14 г. н.э. Аспург царем еще не был, ибо его золотые монеты не имеют царской монограммы. Значит в 14 г. н.э., когда на Боспоре приступили к чекану его царских монет¹¹⁹, Аспург уже должен был вернуться на Боспор. Из этого следует, что он отправился в Рим еще до объявления Тиберия преемником Августа, иначе он не успел бы вернуться из столицы Империи ни к началу выпуска монет, ни к моменту написания рескриптов в 15 г. н.э. При вступлении на трон Тиберия Аспург должен был еще находиться в Риме, а это показывает, что он отправился туда еще при жизни императора Августа.

Возникает вопрос, почему в таком сугубо казенном документе как царский рескрипт, употребляется приветственная риторическая формулировка адорации императора. Это противоречит традиции официального обозначения римских императоров в греческих надписях, тем более государственного характера. Употребление формулы Σεβαστὸν Αὐτοκράτορα не должно смущать. В одной из надписей

¹¹⁶ Heinen H. Zwei Briefe des bosporianischen Königs Aspurgos (AE. 1994. 1500). (Überschene Berichtigungsvorschläge Günther Klaffenbachs und weitere Beobachtungen) // ZPE. 1999. 124. S. 133–142.

¹¹⁷ Перл Г. Эры Вифинского, Понтийского и Боспорского царств // ВДИ. 1969. № 3. С. 45–68; Leschhorn W. Antike Aeren. Stuttgart, 1993. S. 83–85.

¹¹⁸ Анохин В.А. Указ. соч. С. 150. № 297; Фролова Н.А. Монетное дело... С. 197 см. также: Zograph A.N. Ancient Coinage // BAR Suppl. Ser. 33 (II). Oxford., 1991. P. 307–313.

¹¹⁹ Выпуск монет с ВАР начался сразу после смерти Августа. См.: Коцинский А.С. О нумизматической стороне одного важного издания // ВДИ. 1971. № 3. С. 97.

сей Херсонеса Таврического упоминаются “Величайший Автократор,” т.е. император Август, и сенат (IosPE. I. 355: ...τοῦ μ]εγίστου Αὐτοκράτορος καὶ τὰς συνκλήτο[υ...]¹²⁰, – при этом эпитет и титул императора стоят в такой же последовательности, что и в аспургонном рескрипте. В надписи из Миры (Ликия) Август величается θεὸν Σεβαστὸν θεοῦ υἱὸ[v] Καίσαρα αὐτοκράτορα... (IGR III. 719)¹²¹; иногда он именовался более кратко – Σεβαστὸς Καίσαρ или Σεβαστὸς θεὸς Καίσαρ (IGR. IV. 68 – Митилена; ILS. 8784 – Фасос)¹²²; в письме Гиберия и в декрете о введении императорского культа из Гифейонии в Лаконии об Августе говорится: ...ἐπὶ μὲν τὴν πρώτην θεοῦ Σεβαστοῦ Καίσαρος τοῦ πατρὸς ...ἱερέως θεοῦ Σεβαστοῦ Καίσαρος¹²³. В Оксиринхском папирусе от 37 г. н.э. упоминаются эпитеты и титул Тиберия: ... [ὀμνύω Τιβέριον Καί]σαρα νέον Σεβαστὸν αὐτοκράτορα...¹²⁴; в одной из надписей с Кипра от 29–30 г. н.э. Август и Тиберий поименованы Τιβερίῳ Καίσαρι Σεβαστῶι θεῶι θεοῦ Σεβαστοῦ υἱῶι Αὐτοκράτορι...¹²⁵ Эти документы свидетельствуют, что эпитеты Августа Μέγιστος и Σεβαστός могли предшествовать титулу императора “автократор” в отношении как Августа, так и Тиберия. Если принять во внимание, что рескрипты Аспурга относятся ко времени после смерти Августа, то при общих лаконичных формулировках становится понятно, что царь просто опустил для краткости θεὸς Καίσαρ, оставив от титулатуры умершего принцепса лишь главные ее компоненты – эпитет и титул: (θεὸν) Σεβαστὸν (θεοῦ υἱὸν Καίσαρα) Αὐτοκράτορα. И так было понятно, что речь идет об умершем недавно императоре¹²⁶, тем более что в данном контексте важнее было подчеркнуть не признание его царем, а выделить поездку в столицу Римской империи. Тем более что окончательного решения вопроса о заключении договора о дружбе с Римом он там еще не добился по объективным, не зависящим от него обстоятельствам. Поэтому ничто не мешает предположить, что в стк. 6–7 рескрипта А говорилось о путешествии Аспурга в Рим к императору Августу, хотя официальное подтверждение признания его царем произошло только при Тиберии¹²⁷.

¹²⁰ Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первых веках н.э. Харьков, 1981. С. 15. Примеч. 4; Зубарь В.М. Северный Понт... С. 13.

¹²¹ Ehrenberg V., Jones A.H.M. Documents, Illustrating the Reigns of Augustus and Tiberius. Oxford, 1949. P. 70. N. 72.

¹²² Ibid. N. 67, 77.

¹²³ Ibid. N. 102.

¹²⁴ Ibid. N. 117.

¹²⁵ Ibid. N. 134.

¹²⁶ Это обстоятельство отметил уже Ф. Миллар (Millar F. Op. cit. P. 170), да и сам Х. Хайнен замечает, что выражение Σεβαστὸν Αὐτοκράτορα может с одинаковой долей вероятности относиться и к Августу и к Тиберию (Heinen H. Op. cit. S. 138, 139).

¹²⁷ Ср. Vinogradov Ju.G. Arheološki vestnik. P. 309; Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом... С. 59.

Что до запятой в стк. 7–8 этого же рескрипта, то вызывает некое сомнение будто бы данное Аспургом распоряжение городам оставаться в безмятежности в годы его отсутствия. Трудно себе представить, чтобы любой уважающий себя правитель столь откровенно бы недоверял своим собственным подданным, самолично отдавая повеление не выступать против него, тем самым расписываясь в собственной слабости. С исторической точки зрения это просто невероятно: кто бы всерьез стал соблюдать предписание отсутствующего властителя, если возникла бы необходимость поднять мятеж, составить заговор или начать войну против неугодного династа, и истории таких фактов предостаточно, а вот жалостливых повелений не выступать против себя любимого – такого примера найти как-то не удастся. Хотя грамматически верными остаются оба предложенных варианта – и Т.В. Блаватской, и Г. Клаффенбаха–Х. Хайнса. Но для нас важно одно обстоятельство, которое следует из обеих версий: в первые годы правления Аспург столкнулся с некоторой оппозицией ряда полисов царства, и только Горгиппия полностью доверяла ему и оставалась на его стороне, за что и получила впоследствии ряд важных привилегий. Некоторые величают эту оппозицию “смутой,” заговором, попыткой государственного переворота, подавленной якобы с помощью силы верными власти аспургианами и горгиппийцами¹²⁸. Однако ничего этого в источниках нет, а имеется лишь свидетельство о неблагонадежности по отношению к Аспургу каких-то кругов на Боспоре, которые в отличие от Горгиппии отказали ему поначалу в поддержке.

В этом плане заслуживает внимания херсонесская надпись с именем и титулом Аспурга (см. выше). Как верно было подмечено, она связана с политикой царя в Таврике и выявляет равноправные отношения Боспора и Херсонеса как членов санкционированного при Августе военно-оборонительного союза – симмахии двух государств. При этом Херсонес сохранил права внутренней автономии, суверенитета и выступил союзником Аспурга¹²⁹. Однако ранее херсонесцы поддержали Полемона I, его противника (см. выше, примеч. 3–10). В таком случае едва ли будет ошибкой допустить, что оппозиция Аспургу в Боспорском царстве могла исходить от боспорских полисов, которые ранее, по словам Диона Кассия, “сложили оружие и подчинились Полемену” (*Dio. Cass. LIV. 24. 4*). Поскольку Полемон с санкции Рима обеспечил внутренние права боспорских городов за счет подавления активности военно-хозяйственных поселенцев, то для укрепления своего положения Аспург также должен

¹²⁸ Блаватский В.Д. О Рескупориде Первом. С. 59, 60; ср. Блаватская Т.В. Аспург и Боспор... С. 36; Зубарь В.М. Северный Понт... С. 27; ср. также Heinen H. Op. cit. S. 137.

¹²⁹ Кадеев В.И. Херсонес, Боспор и Рим. С. 59; Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя... С. 18; Он же. Северный Понт... С. 30.

был предоставить городам хотя бы частичную самостоятельность. Отсутствие Херсонеса в официальной титулатуре Аспурга говорит о том, что он не входил в состав его царства¹³⁰, но поддерживал царя. Поддержала Аспурга и Горгиппия, видимо, не столько от того, что рядом с нею обитали аспургиане, а потому что он гарантировал расширение прав граждан. Поэтому предложенное Т.В. Блаватской чтение рескрипта А: “я определяю сообразно данным мной распоряжениям, что на будущее время правила родственного наследования останутся у них неизменяемыми согласно наследственному закону Императора,” – я считаю более верным и с точки зрения исторической ситуации справедливым, нежели понимание этого документа Г. Клаффенбахом–Х. Хайненом. Это значит, что введение “Евпаторова закона о наследовании” в городах Боспорского царства, в том числе и в Горгиппии, относится еще ко времени до отъезда Аспурга в Рим. Когда же это не подействовало и некоторые из полисов даже после такого расширения своих прав продолжали с недоверием относиться к Аспургу за исключением Горгиппии и Херсонеса Таврического (этот город находился на особом положении), то по возвращении из Рима Аспург еще раз, но уже в благодарность за поддержку подтвердил за горгиппийцами, а может быть и за некоторыми другими городами, право пользоваться означенным законом. Новые рескрипты на этот счет потребовались потому, что теперь Аспург выступал уже как признанный в Риме царь, а не династ или архонт, как до того. Нельзя исключить и предположение, что недоверие ряда полисов Аспургу возникло из-за неопределенности его позиции – архонта или династа – по отношению к Риму¹³¹, а также в связи с длительным периодом его неутверждения в качестве царя (9 г. до н.э. – 13 г. н.э.).

Лишь после его прибытия из Рима от императора официально уже в качестве царя ситуация несколько прояснилась, позиция Аспурга теперь вполне соответствовала интересам граждан полисов, и внутреннее напряжение в городах спало. Не случайно, употребление в письме горгиппийцам глагола $\delta\omicron\chi\iota\mu\acute{\alpha}\zeta\omega$, как показал Х. Хайнен, означает вынесение Аспургом решения в ответ на их обращение к нему¹³². Граждане, видимо, пожелали, чтобы Аспург, облеченный теперь царской властью, подтвердил свои ранее принятые на их счет постановления. А это способно косвенно служить подтверждением того, что благодеяния Горгиппии в виде закона о наследовании недвижимости, ателии и прочее могли быть введены его указом еще до поездки в Рим и получения им царского титула.

¹³⁰ Зубарь В.М. Херсонес Таврический. Киев, 1997. С. 55.

¹³¹ Funk B. Das Bosporanische Reich aus der Sicht Strabons // Klio. 1985. Bd. 67. S. 275.

¹³² Heinen H. Op. cit. S. 142.

Сущность и значение “Евпаторова закона о наследовании” мы попытались раскрыть в исследованиях о Понтийском царстве. Поэтому здесь вкратце суммируем наши основные выводы. Дарование прав наследования в рамках полиса, а речь идет о наследовании земельных участков-клеров в случае смерти владельца, усиливало частное землевладение в рамках полиса за счет некоторого ослабления царского контроля за наследством и царской земельной собственностью. Этот закон закреплял наследственное право за детьми и в случае смерти гражданина полиса – владельца клера при условии, что при отсутствии прямых наследников по мужской линии, клер переходил в собственность всего полисного коллектива, а не царя. Это расширяло права автономии полиса, хотя царь оставался верховным собственником земли в государстве, а полис во власти монарха. Последнее подтверждается обращением Аспурга в рескриптах не к властям города, а к царским чиновникам – представителям царской администрации в полисе Панталеонту и Феангелу, очевидно, ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας и эпистату¹³³. В связи с тем что Аспург оставался верховным собственником земли в государстве, ему пришлось изменить и размер поземельных налогов и податей, которые горгиппийцы платили в царскую казну. Вследствие расширения прав землевладения граждан, новый указ (рескрипт В) освобождал полисную общину от уплаты податей с вина, пшеницы и ячменя в размере 1/10 урожая, а с проса – 1/20. Освобождение Горгиппии от поземельного налога находится в прямой зависимости от расширения прав полисного самоуправления и наследования земельных участков согласно “Евпаторовому закону”. Представляется важным сравнить размеры податей в царскую казну, уплачиваемых военными колонистами в Пергаме, с тем, что повелел Аспург по этому поводу горгиппийцам. За право пользоваться царской землей пергамские катойки и клеруши вносили с винограда 1/20, с пшеницы и других плодов – 1/10 (RG P. 51), как и граждане Горгиппии. При этом клер оставался у семьи владельца и возвращался царю только при отсутствии прямого наследника¹³⁴. Из этого сравнения видно, что законодательные акты

¹³³ Heinen H. Op. cit. S. 140, 141; Т.В. Блаватская считает их царскими экономами а Панталеонта представителем той же семьи, выходцы из которой, в частности наварх Панталеонт, служили еще Асандру и Динамии (CIRB. 30) (Блаватская Т.В. Аспург и Боспор... С. 34). В 1987 г. в Горгиппии было найдено надгробие Аполлония и Антипатра, сыновей Панталеонта, датированное концом I в. до н.э., хотя его можно отнести и к первой половине I в. н.э. Умерших считают сыновьями упомянутого выше наварха времени Асандра. См.: Горончаровский В.А. Надгробие сыновей Панталеонта из Горгиппии // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 176. С не меньшим основанием их можно рассматривать как сыновей Панталеонта, чиновника царской администрации Аспурга в Горгиппии.

¹³⁴ Свенцицкая И.С. Социально-экономические особенности эллинистических государств. М., 1963. С. 43.

Аспурга являлись сугубо эллинистической практикой регулирования отношений царя и полисов, а полисная земельная собственность была в Боспорском царстве опосредована царской земельной собственностью¹³⁵ и повинности за пользование клером несли в пользу царя каждый землевладелец в отдельности и весь гражданский коллектив в целом. Регламентация системы налогообложения в Горгиипии при Аспурге касалась ответственности перед царем всего полиса, уменьшая долю повинностей каждой отдельно взятой семьи граждан. Очевидно, они вносили свою долю налогов полису, после чего полисные власти уже выплачивали в царскую казну через представителей царской администрации установленную норму налога. Освобождение города от поземельного налога существенно улучшало его благосостояние, способствовало подъему экономики, торговли, сельского хозяйства, и это четко прослеживается археологически. Следуя примеру Аспурга, его преемники также не обходили своим вниманием город, содействуя росту его доходов и расширению прав гражданского коллектива¹³⁶. Отныне граждане получали больше возможностей контролировать собственную хору и доходы полиса. Такая практика существовала одно время и при Митридате VI Понтийском, по крайней мере до 80 г. до н.э., так что Аспург лишь вернул им то, что они имели при понтийском царе¹³⁷. Следовательно, во внутренней политике, особенно во взаимоотношениях с греческими городами, царь действовал, придерживаясь митридатовских традиций и стараясь продолжать филэллинские принципы, которые были сложены при Митридате. А это лишний раз подчеркивает его принадлежность к династии Митридатидов.

Сопоставление Аспурговых рескриптов и документов из Пергамна показывает значительное расширение прав гражданского коллектива Горгиипии. В Пергаме при отсутствии прямых наследников клер отходил к царю, в боспорской же Горгиипии в аналогичной ситуации земельный участок становился собственностью полиса. Этот нюанс был крайне важен для Аспурга. С одной стороны, он ввел этот принцип согласно юридическим нормам, которые существовали при Митридате VI, что не отталкивало от него многочисленную группу промитридатовски настроенных катойков и местных племен; с другой – этот жест давал ему возможность привлечь в ряды своих сторонников граждан боспорских полисов, еще не во всем и не все-

¹³⁵ Русяева А.С., Зубарь В.М. Указ. соч. С. 78, 79.

¹³⁶ Алексеева Е.М. Горгиипия в системе Боспорского царства первых веков нашей эры // ВДИ. 1988. № 2. С. 80–82 (автор допускает возможность, что до поездки в Рим Горгиипия могла быть резиденцией Аспурга.)

¹³⁷ Блаватская Т.В. Аспург и Боспор... С. 32–34; Сапрыкин С.Ю. Аспургиане... С. 68. Подробно об “Евпаторовом законе о наследовании” см. Сапрыкин С.Ю. “Евпаторов закон о наследовании” и его значение в истории Понтийского царства // ВДИ. 1991. № 2. С. 181–197; Он же. Понтийское царство. С. 211–216.

гда доверявших новому царю. Но самое главное, расширение политических прав граждан городов позволяло Аспургу не выходить за пределы той политики, которую ему навязывали в Риме, а именно поддержать греческие города и проримски ориентированных жителей этих городов и этим обеспечить стабильное политическое положение на Боспоре¹³⁸. Аспургу удалось это сделать в полной мере, но не в рамках традиционных римских мероприятий в духе Помпея или Цезаря, и уж тем более не в русле политики Агриппы и Полемона I, а исключительно в традициях его прадеда – Митридата Евпатора. Это дало ему возможность не отторгнуть от себя поддерживавших его военно-хозяйственных поселенцев и местные племена Северного Кавказа, которые и посадили его на трон в Пантикапее.

Другие надписи Аспурга также подтверждают его стремление привлечь города Боспорского царства. Обращает на себя внимание титулатура этого царя. Она показывает, что Аспург называл себя “царствующим над всем Боспором и Феодосией,” а также местными племенами азиатской части государства – синдами, меотами, тарпитами, торетами, псессами и танаитами (CIRB., 39; 40). Титулатура удивительным образом перекликается с традиционной титулатурой боспорских Спартокидов от Левкона I до Перисада II: *Λεύκωνος ἄρχοντος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων, Τορετέων, Δανδαρίων, Ψησῶν* (CIRB. 8; 37 etc. – Левкон I); *ἄρχοντος Παρισιάδου τοῦ Λεύκωνος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύων Σίνδων καὶ Τορετῶν καὶ Δανδαρίων* (CIRB. 1014); ср. CIRB. 927: *ἄρχοντος Παρισιάδεος Βοσπόρου καὶ Θεοδοσίης καὶ βασιλεύοντος Σίνδων, Μαιτῶν, Θατέων, Δόσχων*; ср. также вариант: *...καὶ βασιλεύοντος Σίνδων καὶ Μαιτῶν πάντων καὶ Θατέων* (CIRB. 1; 2; 1015). Отличие от титула Аспурга лишь в том, что ранние Спартокиды обозначались как архонты Боспора и Феодосии, тогда как Аспурга величали царствующим над всем Боспором и Феодосией. В титуле последнего отсутствуют дандарии, доски и фатеи, включенные в титулатуру Спартокидов, поименованных как царствующие над ними. В спартокидовском титуле не названы тарпиты и танаиты, которые, напротив, присутствуют в титулатуре Аспурга. Разумеется, в начале I в. н.э. карта расселения племен в Прикубанье и Подонье существенно изменилась по сравнению с IV в. до н.э., хотя основные жившие здесь племена – синды и меоты – остались на прежнем месте. Все включенные в титулатуру Аспурга племена оставались в составе Боспорского царства до рубежа эр и поддерживали его в борьбе

¹³⁸ В.Н. Дьяков вряд ли прав, когда утверждал, что Аспурга выдвинули горные слои Боспора, так как на самом деле он пришел во власть благодаря поддержке военно-хозяйственных поселенцев и окраинных местных сармато-меотских племен. Но безусловно справедливо то, что хорошие отношения между царем и Римом были особенно выгодны полисам (Дьяков В.Н. Указ. соч. С. 75).

бе за престол. Это и стало причиной включения их в его царскую титулатуру, что подтверждает присутствие в ней танаитов, оказавших, как известно, отчаянное сопротивление Полемону I и потому ставших опорой Аспурга в Подонье – Приазовье. Аспургиане не упоминаются в стемме подчиненных Аспургу племен¹³⁹, и это подкрепляет наше предположение, что это не племя и не народ, а военно-хозяйственные поселенцы на царской хоре, посаженные на землю еще при Митридате Евпаторе, Фарнаке и Асандре и продолжавшие в этом же качестве служить Аспургу. Среди них встречались выходцы из разных племен Прикубанья и Приазовья, но преобладали синды и мсоты, а также сарматы. Аналогичные по статусу поселенцы обитали и на землях европейского Боспора. Все они обеспечивали новому царю военную и политическую поддержку¹⁴⁰.

Наиболее любопытна, однако, первая часть Аспурговой титулатуры – “царствующий над всем Боспором и Феодосией,” что в некотором роде является возрождением древних спартокидовских традиций обозначать верховного правителя Боспорского государства. Выделение Феодосии, а также Боспора, т.е. территорий, подвластных греческим городам Пантикапею, Нимфею, Фанагории, Горгиппии и Гермонассе, как это было во времена Спартокидов, может указывать на то, что, как и прежде, большая часть этих городов продолжала владеть своей хорой. Но их некоторая автономия при этом была опосредована верховной властью царя, вследствие чего в титулатуру было включено обозначение “царствующий над всем Боспором”. Оно показывает, что под властью царя Аспурга находились как полисные, так и царские земли по всей территории Боспорского царства. Подобная титулатура может свидетельствовать в то же время, что до получения царского титула в 14 г. н.э. Аспург мог совершенно использовать спартокидовскую титулатуру, чтобы подчеркнуть свою архонтскую власть, опиравшуюся и на боспорские полисы. Став царем, а позднее и “Великим царем”, он оставил в силе “полисную” структуру своей титулатуры, заменив лишь титул архонта на “царя”. Это косвенно подтверждают монеты 8 г. до н.э. – 13 г. н.э. без царской монограммы Аспурга ВАР (см. выше). Это была политика заигрывания с городами, попытка найти у них поддержку, что ранее сумел сделать Полемон I. Она, в свою очередь, обеспечила некоторым крупным полисам права автономии и политики, определенную независимость во внешней политике. О соприкосновении городами, в частности Фанагорией, автономии при Аспурге говорит и употребление этнонима “фанагориец” в надписи фанагорийского посла первой трети I в. н.э. из римского императорского консульства, как, впрочем, и сам факт такого посольства из боспор-

¹³⁹ Латышев В.В. Указ. соч. С. 103.

¹⁴⁰ Anderson J.G. The Eastern Frontier... P. 269; Сапрыкин С.Ю. Аспургиане... С. 68 и след.

ского города в Рим (IGUR. 567). В русле этой политики находится и введение “Евпаторова закона о наследовании,” что стало отражением желания царя укрепить поддержку своей власти со стороны греческих подданных и дать этим знак римлянам не поощрять амбиции сармато-меотских племен и катойков, выходцев из их среды, на царских землях. Тем самым Аспург выдерживал традиционный для Понта и Боспора в митридатовский и постмитридатовский периоды баланс власти: одинаковая поддержка как городов, так и местных этнических общин без нарушения его в пользу вторых за счет первых, как это нередко случалось в прошлом при Митридате Евпаторе и Фарнаке. Такая политика делала царскую власть стабильной, и это нашло выражение в титулатуре Аспурга, где на равных фигурируют города (Феодосия, Боспор) и местные племена. В этом снова просматривается следование митридатовским традициям, преемственность власти Митридатидов при Аспурге, сумевшем сохранить основные принципы политики родителей – Асандра и Динамии. Он даже смог преумножить их, убедив римлян, что она выгодна им, хотя ранее они всячески старались ограничить митридатовские черты и традиции в жизни Боспорского царства.

Заручившись поддержкой городов, катойков и племен азиатской части Боспора и добившись понимания в Риме, Аспург увеличил территорию царства до границ времен его расцвета при Спартокидах и Асандре. Для удержания этих владений и дальнейшего укрепления власти, а также для проведения завоевательной политики в Таврике и отпора агрессивным сарматским племенам с востока, где постепенно набирали силу аланские кочевники, Аспургу потребовалось возродить систему крепостей на царской земле. Иначе говоря, реконструировать или отстроить заново все разрушенное при Скрибонии и Полемоне, реанимировать структуру царских земельных владений и крепостей, которые способствовали подъему Боспора при Асандре. Но если ранее подобные мероприятия были чреваты ухудшением отношений с Римом, то теперь Аспург получил на них согласие Тиберия.

Поддержка Августом и Тиберием Аспурга объяснялась общеполитическим положением на Востоке. С 16 г. н.э. клиентные государства Рима испытывали напряженные отношения с Парфией. Интронизация новых царей в Армении, Киликии и Каппадокии смогла не только смягчить ситуацию, поэтому в данный период Рим предпочитал больше доверять местным династам¹⁴¹. Спокойствие Тиберия по отношению к большей самостоятельности в политике вассальных царей привело к тому, что во Фракии дядя проримски настроенного царя Котиса III Рескупорид III начал откровенно вынашивать планы

¹⁴¹ Garzetti A. *From Tiberius to the Antonines. A History of the Roman Empire AD 14–192*. L., 1974. P. 36, 37; Shotter D. *Tiberius Caesar*. L.; N.Y., 1991. P. 54, 55.

свержения своего племянника и это воспринималось в Риме совершенно хладнокровно¹⁴². Позиция Тиберия, сквозь пальцы смотревшего на возросшую активность клиентных царей, развязала руки Аспургу и дала ему возможность расширить границы Боспорского царства за счет северокавказских племен и крымских скифов и тавров (CIRB. 40), а также продолжать митридатовскую политику опоры на военно-хозяйственные поселения для осуществления таких завоеваний. Видимо, этим следует объяснить и некоторое благосклонное отношение Рима к принятию Аспургом иранского “митридатовского” титула “Великий царь” (см. выше). Значение для Римской империи Боспорского царства повысилось в первой четверти I в. н.э. еще и потому, что после ликвидации ок. 15 г. н.э. Каппадокийского царства Архелая и некоторого ослабления позиций царицы Пифодориды в Понте, Фракия и Боспор оказались единственными ключевыми государствами на ее северо-восточных рубежах¹⁴³. Рим поддерживал рост экономики Боспора, чтобы он способен был успешно осуществлять защиту границ Империи от варваров Кавказа. Это было выгоднее, нежели непосредственно посылать туда свои войска и дестабилизировать внутривосточную обстановку с целью свержения местных неугодных правителей¹⁴⁴. Все это благоприятствовало Аспургу и не препятствовало возрождать митридатовские традиции и создавать систему мощных укреплений на царской земле.

Аспург и военно-хозяйственные поселения на царской хоре

Вся внутренняя и отчасти внешняя политика Аспурга тесно связана с так называемой “проблемой аспургиан”. Самое первое упоминание о них находим у Страбона. Перечисляя племена азиатской половины Боспорского царства, он говорит: “К числу меотов принадлежат сами синды, затем дандарии, тореты.... К ним же относятся и аспургиане, живущие между Фанагорией и Горгиппией на пространстве 500 стадиев. Царь Полемон хотел напасть на них под прикрытием дружбы, но его намерение не укрылось, он был встречен войском аспургиан, попался живым в плен и был убит”. В другом месте, рассказывая о Пифодориде, второй супруге понтийского царя, географ поясняет: “...Пифодорида ... наследовала власть, когда Полемон окончил свою жизнь среди так называемых аспургиан, принадлежавших к числу варварских племен около Синдики” (*Strabo*. XI. 2. 11; XII. 3. 29). Сведения Страбона, что аспургиане являются

¹⁴² Gowing A.M. Tacitus and the Client Kings // TAPA. 1990. 120. P. 326.

¹⁴³ Sartre M. L'orient romaine. Provinces et sociétés provinciales en Méditerranée orientale d'Auguste aux Sévères (31 a.j.c. - 235 après j.c.). P., 1991. P. 37.

¹⁴⁴ Kennedy D. The East // The Roman World / Ed. By J. Wachter. L.; N.Y., 1987. Vol. I. P. 274, 275.

племенем, повторили Элий Геродиан и Стефан Византийский (*Herodian*. VII. 180. 2; *Steph. Byz.* s.v. Ἀσπουργιανοί). Все эти авторы помещают аспургиан на азиатской стороне Керченского пролива, в районе Горгииппии и Фанагории, т.е. в окрестностях совр. Анапы, Тамани и Новороссийска. Птолемей присоединяется к ним, но сильно искажает их название – Ἀσπυργιανοί (*Ptol.* V. 8. 17). Аспургиан упоминают и боспорские надписи римского времени: в них засвидетельствована должность “начальника аспургиан”, который одновременно являлся и хилиархом, т.е. командиром подразделения боспорских войск в 1000 человек (CIRB. 36 – Керчь: Фанн, сын Саклея, χεῖλιάρχης καὶ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν; 1248 – Танаис: Зенон, сын Фанна, ὁ ἐπὶ τῶν Ἀσπουργιανῶν, возможно, сын Фанна, внук Саклея, что может означать передачу этой должности по-наследству от отца к сыну).

Археологические исследования в Прикубанье, Тамани, в окрестностях Анапы и Новороссийска показывают, что многие крепости на юго-восточных рубежах Боспора возникли как единое военно-стратегическое целое в I в. до н.э. и относились к аспургианам. Однако сделанные там находки, подчеркивающие смешанный характер населения этих укреплений, не дают ответа на вопрос, кем являлись аспургиане. Их считают племенем меото-сарматского или иного происхождения¹⁴⁵, либо группой или даже партией (sic!) политических сторонников Аспурга, имя которого легло в основу их названия¹⁴⁶. В отношении названия “аспургиане” правы те, кто отрицает, что это этническое понятие¹⁴⁷. Сейчас доказано, что οἱ Ἀσπουργιανοί – деноминативное, латинское по форме образование, которое означало “сторонники, последователи Аспурга”. Правда некоторые лингвисты, в частности И.И. Толстой, полагали, что это не боспорский царь Аспург, а какой-то иной одноименный ему человек, возможно, основатель местного культового фиаса или “полувоенного – полуразбойничьего объединения”. Так как для образования прилагательных от личных имен в латинском и древнегреческом языках используется суффикс – an (-αν), если имя оканчивается на гласный звук, или -ian (-ιαν), если на согласный, то οἱ Ἀσπουργιανοί как производное от Aspurg-us должно означать сторонников Аспурга (по типу Christus–Christiani; Caesar–Caesariani

¹⁴⁵ *Anderson J.G.* The Eastern Frontier... P. 268; *Гайдукевич В.Ф.* Боспорское царство. С. 316 = *Gajdukevič V.F.* Op. cit. S. 329; *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 103; *Голубцова Е.С.* Северное Причерноморье и Рим. С. 112; *Сокольский И.И.* Таманский толос... С. 107; *Молев Е.А.* Указ. соч. С. 60; *Горончаровский В.А.* Аспургиане... С. 54; *Яйленко В.П.* Указ. соч. С. 162.

¹⁴⁶ *Brandis C.* Op. cit. S. 780; *Каллистов Д.П.* Указ. соч. С. 71; *Толстой И.И.* Указ. соч. С. 10–12; *Устинова В.О.* Указ. соч. С. 61–63.

¹⁴⁷ *Brandis C.* Op. cit. S. 780; *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 103; *Ростовцев М.И.* Бронзовый бюст... С. 17; *Каллистов Д.П.* Указ. соч. С. 71; *Устинова В.О.* Указ. соч. С. 61.

Χιλλή-Sullanus; Φιμβρίας-Φιμβριανοί)¹⁴⁸. Однако еще Брандис заметил, что им. падеж к τῶν Ἀσπουργιανῶν надписей будет не οἱ Ἀσπουργιανοί, а τὰ Ἀσπουργιανά, т.е. “место, замок, местность аспургиян”, и не может служить обозначением этника. На этом основании в аспургианах видели не латинизированный этникон, а производное от топонима. Οἱ Ἀσπουργιανοί, по мнению ряда исследователей, образовано не от личного имени, а от прилагательного на -ι, но в основе которого лежит личное имя Аспурга: Ἀσποῦργος>Ἀσπυργίος>Ἀσπουργιανοί (по типу: Βοσπóρος>Βοσπόριος>Βοσποριανός). Таким образом, слово “аспургиане” должно означать определенный район или территорию, населенную людьми, связанными с Аспургом¹⁴⁹. А поскольку, как мы старались показать выше, в истории Боспора был только один Аспург, сын Асандра и Динамии, то эта область расселения его сторонников была связана с ним, царем Боспорского государства 14–37 гг. н.э.

Какую же территорию Боспорского царства следует подвести под понятие “аспурговой” или “аспургиановой” и соотнести с деятельностью царя Аспурга? Деление на царскую и полисную земли подтверждается эпиграфическими документами Боспора. Надписи об административно-территориальном делении государства дают сведения о главных должностных лицах – наместниках областей: Феодосии – ὁ ἐπὶ τῆς Θεοδοσίας (CIRB. 36), царской области или царских земель Боспора – ὁ ἐπὶ τῆς βασιλείας (CIRB. 36; 1051)¹⁵⁰; Горгииппии – ὁ ἐπὶ τῆς Γοργιππείας (CIRB. 1115; 1134); острова – ὁ ἐπὶ τῆς νήσου (CIRB. 40; 697; 982; 1000) и области аспургиан (см. выше). Это показывает, что в первых веках н.э. вся территория Боспорского царства делилась на землю, находившуюся в ведении полиса (город и его сельская округа), и не входившую в состав полиса (остров, область аспургиан, царские земли, включая территорию Пантикапея и соседних областей). Любопытно, что административно были выделены городские земли Феодосии, Горгииппии и царские области – остров и район проживания аспургиан. Это в целом совпадает и с ти-

¹⁴⁸ Голстой И.И. Указ. соч. С. 11–13.

¹⁴⁹ Brandis С. Op. cit. S. 780; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 159–161.

¹⁵⁰ В.В. Латышев и В.Ф. Гайдукевич считали, что эта магистратура означала наместника европейского Боспора вместе со столицей Пантикапеем (Латышев В.В. Указ. соч. С. 124, 125; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. С. 342); В.Д. Блаватский полагал, что это наместник части государства, которая в титулатуре Спартокидов именовалась Боспором (Блаватский В.Д. Пантикапей. С. 217); С.А. Жебелев был убежден, что это “начальник царской резиденции в Пантикапее” (Жебелев С.А. Северное Причерноморье... С. 210, 211); и только А.И. Болтунова показала, что это должностное лицо, управлявшее царскими землями, доходы с которых поступали в царскую казну, а земли располагались в различных частях царства, в том числе и назиатском Боспоре в районе Горгииппии (Болтунова А.И. Надпись под стелой из Горгииппии // СА. 1958. Вып. 28. С. 113–116).

тулом Аспурга (см. выше). Выделение в особые округа Горгиппии Феодосии, острова и аспургиян связано с той поддержкой, которую оказали эти города и военно-хозяйственные поселенцы Таманского полуострова и окрестностей Горгиппии и Бат Аспургу в первые годы его правления и в период борьбы с Полемоном. Существование городской хоры Горгиппии подтверждается рескриптами Аспурга и данными археологии: в районе Джемете выявлено более 80 построек на земельных наделах, поселения IV в. до н.э. – III в. н.э. обнаружены в окрестностях поселков Красный Курган, Красная Скала, Уташ, Су-Псех¹⁵¹. На хоре Нимфея в конце I в. до н.э. возрождаются сельские усадьбы Героевка-1, Тобечик-1, Чурубашское. Наряду с ними создается специальный укрепленный район, прикрывавший хору города с запада. Его форпостом были крупные укрепления Чурубашский Маяк, Чурубаш-2, Чурубашская Цитадель – последнее в виде мощной прямоугольной цитадели с башней. Не исключено, что эта оборонительная система располагалась уже на царской земле. В первые века нашей эры функционируют и другие поселения округа Нимфея: Огоньки-1, где обнаружены медные монеты Боспора и Амиса, Огоньки -2, Огоньки-4, Чурубаш-6, Чурубаш-9 и др.¹⁵²

Должность “начальника острова” впервые засвидетельствована при Аспурге, следовательно, перечисленные административно-территориальные округа могли уже существовать и ранее при Асандре, что косвенно указывают находки в “доме Хрисалиска”(см. выше)¹⁵³. В митридатовское время хора Боспора также подразделялась на царскую и полисную, но важно другое: области, управлявшиеся “начальниками острова и аспургиян”, располагались на царской земле, ибо они подчинялись наместникам городов, имевших свою сельскую округу. Эти области находились под непосредственным контролем царской власти. Согласно Страбону, аспургияне обитали между Фанагорией и Горгиппией на пространстве в 500 стадий. Это территория Таманского полуострова, область к югу от Ахтанизовского лимана, окрестности Анапы и земли к северу и западу от Новороссийска. Их земли доходили до р. Кубань, поскольку на Кубанском правобережье и далее на востоке жили племена дандариев, сираков, меотов, аорсов и др.¹⁵⁴ отчасти признававшие суверенитет Боспора, но не подпадавшие под его административно-территориальную систему. Поэтому Аспур

¹⁵¹ Алексеева Е.М. К изучению сельских поселений вокруг Горгиппии // Горгиппия. Краснодар, 1980. Т. 1. С. 24–42.

¹⁵² Зинько В.Н. Некоторые итоги изучения сельской округи античного Нимфея // МАИЭТ. 1996. Т. 5. С. 13–17; Scholl T., Zin'ko V. Archaeological Map of Nymphaion (Crimea). Warsaw, 1999. P. 24–30, 53–56.

¹⁵³ Латышев В.В. Указ. соч. С. 125; Болтунова А.И. Указ. соч. С. 116; Соколовский Н.И. Таманский толос... С. 89 и след.

¹⁵⁴ Анфимов Н.В. Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953. С. 18–26. Он же. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. 1958. Вып. 28. С. 63–68.

влиял себя царствующим над всем Боспором и Феодосией и от-
дельно царем племен восточной половины государства. Земли этих
племен лишь номинально входили в состав “царской” хоры¹⁵⁵. Таким
образом, области “острова” и “аспургиан” располагались по-соседству,
“около Синдики”, по выражению Страбона, а сам “остров” – это севе-
ро-западная часть Таманского полуострова, совр. Фанталовский п-ов.

Раскопки на Фанталовском п-ове, в окрестностях Бат и Горги-
нии, подтверждают близость археологических памятников этих рай-
онов. Их справедливо рассматривают как принадлежащие аспургиа-
нам¹⁵⁶. Раскопки Н.И. Сокольского у пос. “За Родину” ознаменова-
лись открытием большого укрепления, обнесенного валом и рвом. Со
120-х годов до н.э. по 14–13 гг. до н.э. это была резиденция некоего
Хрисалиска, наместника “острова” (рис. 5, 5). Она состояла из пери-
метричного двора, окаймленного длинными стенами, и монументально-
го прямоугольного в плане дома, резиденции наместника. Его плани-
ровка – 20,83 × 17,5 м – близка аналогичным постройкам Прикубанья,
в частности Семибратнего городища (рис. 6, 2). Уклад жизни его оби-
тателей и характер находок (местная керамика, обилие зернотерок,
ритуальное захоронение воина в основании вала, совершенное по об-
ряду меото-сарматов, предметы культа Великой Матери богов Кибелы,
курильницы сарматского типа и др.) указывают на тесную связь
жителей усадьбы с меото-сарматским миром. Это был центр укреп-
ленного сельскохозяйственного района, а расцвет усадьбы приходит-
ся на время Митридата Евпатора, Фарнака и Асандра. Ее владелец
Хрисалиск, по мнению Сокольского, был сторонником Асандра и Ас-
пурга, в результате чего его резиденция погибла во время каратель-
ной экспедиции Полемона I против аспургиан (см. примеч. 51).

Примерно серединой I в. до н.э., а, возможно, и рубежом II–I вв.
до н.э., датируется возникновение серии укреплений на Фанталов-
ском полуострове, где их зафиксировано не менее 12: Ильичевка,
Кучугуры, Пересыпь, Татарская, Патрей, Каменная батарейка, За-
порожская, Красноармейское, Батарейки 1 и 2, крепость на юго-за-
падной оконечности острова. К ним можно добавить городища Го-
лубицкое 1 и 2. Все они погибли в конце I–II в. н.э.¹⁵⁷ Отличительной

¹⁵⁵ См.: Жебелев С.А. Указ. соч. С. 135, 173, 174.

¹⁵⁶ Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 107; Он же. Крепость... С. 28, 29; Де-
сятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4. С. 79;
Голстиков В.П. Фортификация античного Боспора: Автореф. ... дисс. канд.
ист. наук. М., 1981. С. 21; Крушкю Ю.С. Древняя Синдика. М., 173; Онай-
ко Н.А. К истории Северо-Восточного Причерноморья в античную эпоху // *Ziva Antika*. 1975. 25, 1–2. S. 334, 335.

¹⁵⁷ Сокольский Н.И. К истории северо-западной части Таманского п-ва в антич-
ную эпоху // VIe Conférence Internationale d'états classiques des pays socialistes.
Sofia, 1963. P. 20, 21; Толстиков В.П. Фортификация... С. 4–9; Десятчи-
ков Ю.М. Разведки Кучугурского отряда // АО 1977. М., 1978. С. 117; Он же.
Раскопки городища Кучугуры // АО 1976. М., 1977. С. 96.

особенностью крепостей является сходная планировка, наличие почти возле каждой синхронного неукрепленного поселения. Они прямоугольной формы, близкой к квадрату, с сильными фортификациями в виде вала, рва и оборонительных стен с башнями. Пифосы, жерновы, лепной посуды, виноделен и наличие рядом неукрепленных земледельческих поселений не оставляют сомнений, что их обитатели занимались сельским хозяйством и одновременно выполняли военно-оборонительные задачи¹⁵⁸. К неукрепленным поселениям относятся: поселение к востоку от хут. Яхнова, Десятый километр, Двенадцатый километр и др. На всех зафиксированы слои II в. до н.э. – II–III вв. н.э., но наиболее интенсивная жизнь там протекала в I в. до н.э. – II в. н.э., что совпадает с расцветом крепостей. Все они небольшого размера и носят отчетливый земледельческий характер¹⁵⁹.

Одной из наиболее изученных крепостей является Ильичевское городище. Его размеры 400 × 400 м с крепостью-цитаделей на центральном холме, оборонительные стены которой 2,40–2,45 м толщиной. Оно возникло на рубеже I до н.э. – I в. н.э., но до этого на его месте существовало укрепление, построенное на рубеже II–I в. до н.э. К I в. до н.э. – I в. н.э. относятся две стены на сырцово-каменной основе, а к I в. н.э. – стена от угловой башни. Не исключено, что в I в. н.э. укрепление было перестроено и усилено (рис. 5, 6)¹⁶⁰.

Укрепление Батарейка I на берегу Динского залива, 220 × 150 м с четырьмя башнями по углам было построено еще в начале I в. до н.э., хотя дошедшие до нашего времени оборонительные стены датируются серединой I в. до н.э. К I в. н.э. относится расположенное близ нее сельскохозяйственное поселение с остатками виноделен¹⁶¹, что позволяет утверждать о важности этой крепости во время Аспурга (рис. 5, 2; 8, 6).

¹⁵⁸ Кубланов М.М. К истории азиатского Боспора // СА. 1959. Вып. 29/30. С. 204–217; Соколовский Н.И. Таманский толос... С. 89, 113; Он же. Крепость... С. 21–30; Он же. К истории... С. 19–23; Он же. Ильичевское городище // СА. 1966. № 4. С. 128; Он же. Крепость на городище у хут. Батарейка I // СА. 1963. № 1. С. 183–190; Он же. Крепость на поселении Батарейка I // КСИА. 1967. Вып. 109. С. 112–114.

¹⁵⁹ Блаватский В.Д. Третий год работ в Синдике // КСИИМК. 1955. Вып. 70. С. 92–95; Он же. Четвертый год раскопок в Синдике // КСИИМК. 1956. Вып. 70. С. 119, 120.

¹⁶⁰ Шелов Д.Б. Городище около хутора Ильичевка // КСИИМК. 1951. Вып. 4. С. 10; Соколовский Н.И. Ильичевское городище. С. 128; Николаева Э.Я. Поселение у дер. Ильич // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 88, 89; Десятчиков Ю.М. Сельская территория // Античные государства Северного Причерноморья М., 1984. С. 89.

¹⁶¹ Соколовский Н.И. Крепость на городище. С. 183–190; Он же. Фрагмент стелы с изображением Афродиты // Проблемы Советской археологии. М. 1978. С. 128–132; Десятчиков Ю.М. Сельская территория... С. 88–90.

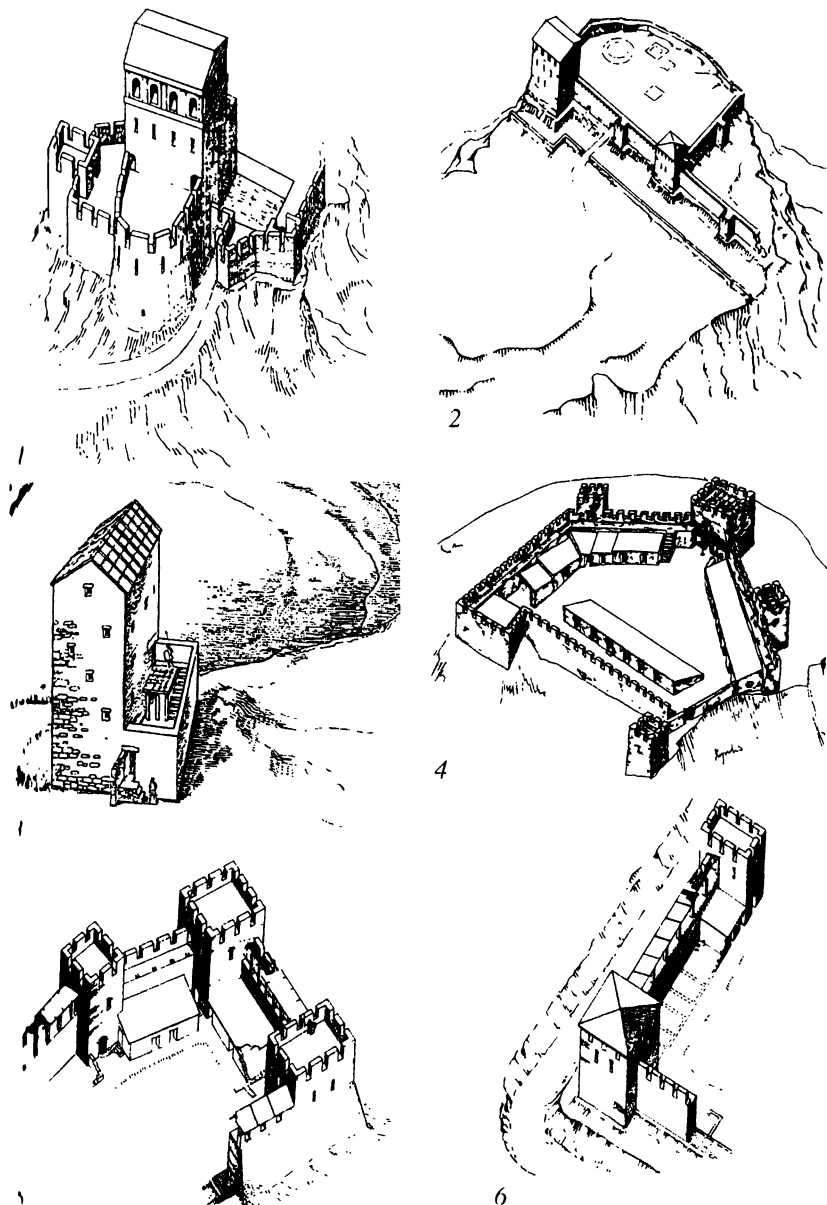

Рис. 8. Укрепления и крепости Боспора I в. до н.э. – I в. н.э. Реконструкции
 1 – цитадель акрополя Пантикапея (по В.П. Толстикову); 2 – Опук (по В.П. Толстикову); 3 – дом-башня на Узунларском валу (по А.А. Масленникову); 4 – Кутлак (по С.Б. Ланцову); 5 – Батарейка II (по В.П. Толстикову); 6 – Батарейка I (по В.П. Толстикову)

Крепость Батарейка 2 имела шесть башен — четыре по углам и две промежуточные. Она возникла на рубеже II—I вв. до н.э., хотя одна башня имеет форму прямоугольной формы 60 × 40 м и башни относятся к середине I в. до н.э. Вдоль сырцово-каменных крепостных стен находились различные помещения. Прямоугольные жернова из гранита, пифосы, узкогорлые амфоры, косы, серпы свидетельствуют, что ее обитатели занимались военной и хозяйственной деятельностью¹⁶² (рис. 5, 3; 8, 5).

Укрепление на городище Патрей, возведенное еще на рубеже II—I вв. до н.э., была отстроена заново в середине—конце I в. до н.э. и в начале I в. н.э. после разрушения, которое произошло еще при Митридатe VI в 80-х годах до н.э. Оно имело прямоугольную форму, толщину стен ок. 3,60 м, ворота в восточной стене, защищенные прямоугольными пилонами, блоки помещений внутри стен, разделенные узкими улочками. Ее жители занимались военно-хозяйственной деятельностью, о чем свидетельствуют остатки виноделия — пифосы, зерновые ямы¹⁶³ (рис. 5, 4).

Городище Кучугуры 2 также испытало серьезные разрушения в начале I в. до н.э., но в середине I в. до н.э. — I в. н.э. здесь была построена новая крепость с сырцовыми стенами, башнями и жилыми помещениями внутри. Башни находились по углам укрепления (фундамент одной из них был обнаружен). По-видимому, часть жителей крепости составляли сарматы, о чем говорят две сероглиняные цилиндрические курильницы сарматского типа¹⁶⁴. Поскольку городище входило в систему обороны Таманского полуострова, как и поселение у пос. “За Родину”, где также явно проглядывают сарматские черты в укладе жизни обитателей, то это должно подтверждать предположение, что цари династии Асандра—Аспурга активно использовали осевших на землю сарматов как военно-хозяйственных поселенцев на царской земле.

Не менее значительно укрепленное поселение Каменная батарея. Оно было прямоугольным, 500 × 300 м, имело оборонительную стену 1,60 м толщиной, четыре угловых башни, т.е. это была классическая тетрапиргия, как и крепости Батарейка 2 и Кучугуры 2. Время его возникновения укладывается в те же временные рамки, что и строительство перечисленных выше крепостей. Рядом располагалось неукрепленное поселение, жители которого занимались виноделием

¹⁶² Сокольский Н.И. Крепость на поселении. С. 112–114; Десятчиков Ю.М. Сельская территория. С. 88–90.

¹⁶³ Крушкoл Ю.С. Патрейский клад 1950 г. // КСИИМК. 1956. Вып. 66. С. 116–117; Она же. Раскопки древнего Патрея в 1949 г. // ВДИ. 1950. № 2. С. 203–204; Она же. Раскопки древнего Патрея в 1950 г. // ВДИ. 1951. № 2. С. 226–227; Сокольский Н.И. Раскопки в северо-западной части Таманского п-ва // АН СССР. 1965. М., 1966. С. 127; Десятчиков Ю.М., Долгоруков В.С. Патрей // Античные государства... С. 86.

¹⁶⁴ Десятчиков Ю.М. Раскопки... С. 96; Он же. Разведки... С. 117; Он же. Сельская территория... С. 89.

м¹⁶⁵. Крепости-батарейки служили убежищами для населения неукрепленных деревень в случае военной опасности, как это имело место на царской хоре в других частях эллинистического мира.

Самое крупное из укреплений региона – Красноармейское, 110 × 400 м, с цитаделью в юго-восточной части и оборонительными кирпично-каменными стенами. Это шестиугольная в плане крепость со специальными пилонами на углах, которые заменяли башни. Укрепление и находившееся рядом неукрепленное поселение возникли в I в. до н.э., жители занимались преимущественно сельским хозяйством, о чем свидетельствует находка обугленной корзины с ячменем (рис. 5, 1)¹⁶⁶. К названным укрепленным батареям надо добавить еще поселения Голубицкое 4, Темрюк 3, Красный Октябрь на полуострове Кандаур и Ахтанизовскую батарею близ Фанагории¹⁶⁷.

Помимо больших крепостей с башнями по углам, в этом районе существовали и простые укрепления близкие к квадрату, но с массивными оборонительными стенами – Юбилейное 1 и 2 близ Кеп. Они возникли в последние годы правления Митридата Евпатора и активно функционировали в I в. до н.э. – I в. н.э. Стены на поселении Юбилейное 1 до 2 м толщиной сложены из архитектурных деталей и надгробий IV–III вв. до н.э. (рис. 6, 4)¹⁶⁸, что говорит о возведении это в условиях военной опасности, а также и в целях возрождения пришедших в запустение городских земель, отныне ставших уже деревнями¹⁶⁹. Картографирование древних населенных пунктов на Таманском полуострове показывает, что многочисленные сельские поселения VI–III вв. до н.э. исчезают здесь к I в. до н.э., что стало следствием изменения в системе расселения в связи со строительством новых крепостей на месте существовавших прежде поселений, организованных теперь в единую систему обороны Фанталовского полуострова¹⁷⁰. Аэрофотосъемка отчетливо свидетельствует, что каналы мелиоративной системы IV–II вв. до н.э. не связаны с дорогами, соединяющими укрепленные батареи I в. до н.э. – I в. н.э.¹⁷¹,

¹⁶⁵ Герц К.К. Археологическая топография Таманского п-ва. М., 1870. С. 110; Десятчиков Ю.М. Сельская территория. С. 89; Толстиков В.П. Неизвестные страницы... С. 50–54.

¹⁶⁶ Десятчиков Ю.М. Сельская территория... С. 89.

¹⁶⁷ Паромов Я.М. Ахтанизовская батарея (укрепленное поселение на Таманском п-ве) // БС. 1994. № 4. С. 175–178; Рогов Е.Я. Укрепленные поселения Таманского полуострова // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999. С. 154.

¹⁶⁸ Савостина Е.А. Указ. соч. С. 58–61; Savostina E. Op. cit. P. 3–34.

¹⁶⁹ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 277.

¹⁷⁰ Воронов А.А., Паромов Я.М. Планировочные принципы расселения на Таманском полуострове в античную эпоху // Архитектурное наследство. 1990. № 37. С. 3–11.

¹⁷¹ Горлов Ю.В., Лопанов Ю.А. Древнейшая система мелиорации на Таманском полуострове // ВДИ. 1995. № 3. С. 131.

которые являются, таким образом, принципиально новым элементом в структуре хоры по сравнению с предшествующим периодом. Это, по нашему мнению, доказывает, что в I в. до н.э. – I в. н.э. произошло увеличение удельного веса царских земель вследствие некоторого запустения городской хоры в конце II в. до н.э., вызванного рядом объективных причин. Строительство укрепленных поселений – катойкий или батареек должно было оживить сельское хозяйство на аграрной периферии Боспорского царства и одновременно защитить греческие города и их кое-где сохранившуюся сельскую округу.

Вскоре после разрушения “дома Хрисалиска” на его месте в начале I в. н.э. при царе Аспурге возникла новая крепость, аналогичная перечисленным выше и занявшая место в единой системе обороны острова (рис. 5, 5)¹⁷². Следовательно, деятельность крепостей получила новый стимул в правление Аспурга. В систему обороны острова входили и валы, один из которых засвидетельствован у восточной оконечности Таманского залива¹⁷³.

Южнее Фанагории, на берегу высохшего русла Кубани, у южной западной оконечности Ахтанизовского лимана, находилась еще одна крепость, которая функционировала только в I в. до н.э.¹⁷⁴ Ее возникновение и гибель надо, видимо, поставить в связь с событиями сыгравшими решающую роль в судьбе “дома Хрисалиска” (см. выше). Эта крепостица строилась в спешке, как и поселение Юбилейное 1, поскольку ее стены выложены из синдо-меотских надгробий принесенных с соседнего некрополя. Это наводит на мысль, что создание системы обороны “острова” и расположенных рядом объектов произошло в связи с завоевательными планами Митридата VI и Фарнака, но, главным образом, при Асандре, когда он вел борьбу за власть с тем же Фарнаком, а затем с Митридатом Пергамским. Эта политика, направленная на усиление обороноспособности царских земель, была продолжена Аспургом из-за угрозы со стороны Понтийского царства. Все это могло стать причиной строительства крепостей в спешном порядке, реконструкции ранее разрушенных построек, причем преимущественно в прибрежной зоне, видимо, вследствие опасности вторжений с европейского Боспора. Следование Асандром и Аспургом политики понтийских царей по укреплению и обустройству царской хоры подтверждается последними разведками на Таманском п-ове, где засвидетельствованы крепости, возведенные еще в конце II в. до н.э. на месте более ранних поселений VI–III вв. до н.э.: восточная линия обороны Таманского п-ова – городища Старотитаровское 4, Стрелка 2; южная линия обороны – Вышестеблиевская батарея, Старотитаровская 17, Старотитаровская 15, Тока

¹⁷² Сокольский Н.И. Таманский толос... С. 109–113; Он же. Крепость... С. 21–30.

¹⁷³ Кубланов М.М. Указ. соч. С. 221–226.

¹⁷⁴ Сокольский Н.И. Новые памятники... С. 87–89.

фискальная батарея, где зафиксирован слой I в. до н.э. – II в. н.э. Они хронологически и в плане напоминают укрепления Фанталовского типа, так как имеют прямоугольную форму, составляя вместе с ними единую оборонительную систему, заложенную еще до Асандра–Аспурга. Хотя одно крупное укрепление на левом берегу одного из отрогов Сухой балки на побережье Кизилташского лимана площадью не менее 16 га, судя по подземному материалу исключительно римского времени, могло возникнуть при Аспурге¹⁷⁵.

Далее к югу, у хутора “Рассвет” и Тарусино под Анапой, обнаружены прямоугольная укрепленная усадьба конца II в. до н.э. – I в. н.э. Находки оружия (кинжал и копье) и терракотовой статуэтки воина говорят о том, что ее обитатели были связаны с военным делом. Там найдены также терракотовые фигурки Афродиты Урании Апатуры (рис. 6, 3)¹⁷⁶. Близкие сооружения исследованы близ ст. Натухаевская и Анапская, вместе с укреплением у хутора “Рассвет” они составляли единую систему обороны, которая возникла на рубеже нашей эры. Эти прямоугольные поселения представляли собой автономные жилищно-хозяйственные постройки из двух смежных помещений площадью от 100 до 200 кв. м с мощными оборонительными стенами, оградами и дворами (рис. 5, 11). Они располагались в 3–5 км друг от друга в пределах визуальной видимости, что доказывает их военно-хозяйственное предназначение¹⁷⁷. Нельзя исключить, что поселение “Рассвет” начало функционировать на рубеже II–I вв. до н.э., хотя время его расцвета приходится уже на период правления Асандра–Аспурга, т.е. на середину I в. до н.э. – I в. н.э. (рис. 5, 11; 6, 3)¹⁷⁸. Аналогичное поселение у ст. Анапской имело два строительных периода. Оно возникло в I в. до н.э. при Асandre первоначально как дом-башня с двором, обнесенным каменной оградой с несколькими неукрепленными домами вокруг него. Стены укрепления имели толщину 2,3 м, площадь здания из двух помещений составляла 88 кв. м. (рис. 11, 4). В конце I в. до н.э. укрепление было разрушено, очевидно, Полемоном I, а в начале I в. н.э. – восстановлено, вероятно, усилиями царя Аспурга¹⁷⁹. Подобное

¹⁷⁵ Рогов Е.Я. Указ. соч. С. 154–156.

¹⁷⁶ Крушкoл Ю.С. Древняя Синдика. С. 133–158; Она же. Античное здание в районе Горгиипии // АИКСР. С. 213–219.

¹⁷⁷ Алексеева Е.М. Анапская экспедиция // АО 1980 г. М., 1981. С. 95; Она же. К изучению... С. 20; Онаiko Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты в окрестностях Бат и некоторые вопросы социально-экономической и политической истории юго-восточной окраины Боспора на рубеже нашей эры // ВДИ. 1982. № 2. С. 117.

¹⁷⁸ Алексеева Е.М. Поселения вблизи Фанагории и Горгиипии // Античные государства... С. 90.

¹⁷⁹ Алашиников М.В. Новый тип поселений азиатского Боспора первой половины I в. н.э. // Актуальные проблемы историко-археологических исследований. Киев, 1987. С. 64, 65; Алексеева Е.М. Горгиипия... С. 66–69; Она же. Поселения... С. 90.

прямоугольное сооружение площадью ок. 100 кв. м существовало около ст. Натухаевская¹⁸⁰, близкая ему постройка известна между Тоннельной и Раевской, но оно не раскапывалось¹⁸¹. Разведками зафиксированы каменистые пятна, скрывавшие античные постройки, которые могли быть связаны с означенными укрепленными поселениями. По форме и облику они напоминают пригородные усадьбы Горгиппии III–I вв. до н.э., в частности Джемете 1 и 2¹⁸², но в отличие от них расположены не на полисной, а на царской хоре, так как имеют прямое сходство с крепостями в окрестностях Бат, не принадлежавших горгиппийскому полису (рис. 5, 7, 11).

Важное значение имеет открытие аналогичных крепостей близ Новороссийска. Поселение Владимировка, прямоугольное в плане площадью 198 кв. м, возникло в конце II–I в. до н.э. и погребено в середине I в. н.э. в сильном пожаре. Из находок выделяются четырнадцать сероглиняных мисок с разнообразными знаками на донцах, из которых один – царский герб Аспурга, что подтверждают монеты и кирпичи из соседней Горгиппии с его тамгой (см. выше) (рис. 4). Они свидетельствуют о том, что в начале I в. н.э. обитатели укрепления непосредственно подчинялись Аспургу. А это могло быть только в том случае, если они принадлежали к категории посаженных на землю катойков из состава местного населения на царской земле. Обилие лепной керамики, обломки терракотовой фигурки, близкой обнаруженным на усадьбах у хут. “Рассвет” и в Горгиппии, и связанной с культом Афродиты Апатуры, говорят о смешанном этническом характере жителей. Помимо военных обязанностей, они занимались хлебопашеством, о чем свидетельствуют расположенные вокруг здания зернохранилища¹⁸³.

Поселение Цемдолинское, прямоугольное, площадью 150 × 100 м включало большое каменное здание в 212 кв. м с двумя смежными помещениями и полукруглой башней, значительные оборонительные стены. Эта крепость существовала во II–I вв. до н.э., здесь встречается много местной лепной керамики (рис. 9)¹⁸⁴.

¹⁸⁰ Сизов В.И. Восточное побережье Черного моря: Археологические экскурсии // МАК. 1889. № 2. С. 105; Алексеева Е.М. Горгиппия... С. 68; Она же. Поселения... С. 90.

¹⁸¹ Алексеева Е.М. Горгиппия... С. 68.

¹⁸² Алексеева Е.М. К изучению... С. 20–28.

¹⁸³ Онайко Н.А. О работе Новороссийской экспедиции // АО 1971. М., 1971. С. 135; Она же. Результаты работ Новороссийской экспедиции 1971–1972 гг. // КСИА. 1975. Вып. 143. С. 88–85; Она же. Раскопки... С. 135; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Укрепленное здание... С. 93–99; Они же. Сторожевые посты... С. 107.

¹⁸⁴ Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Раскопки укрепленного здания на античном поселении Цемдолинское // АО 1978. М., 1979. С. 106–110; Они же. Сторожевые посты... С. 140.

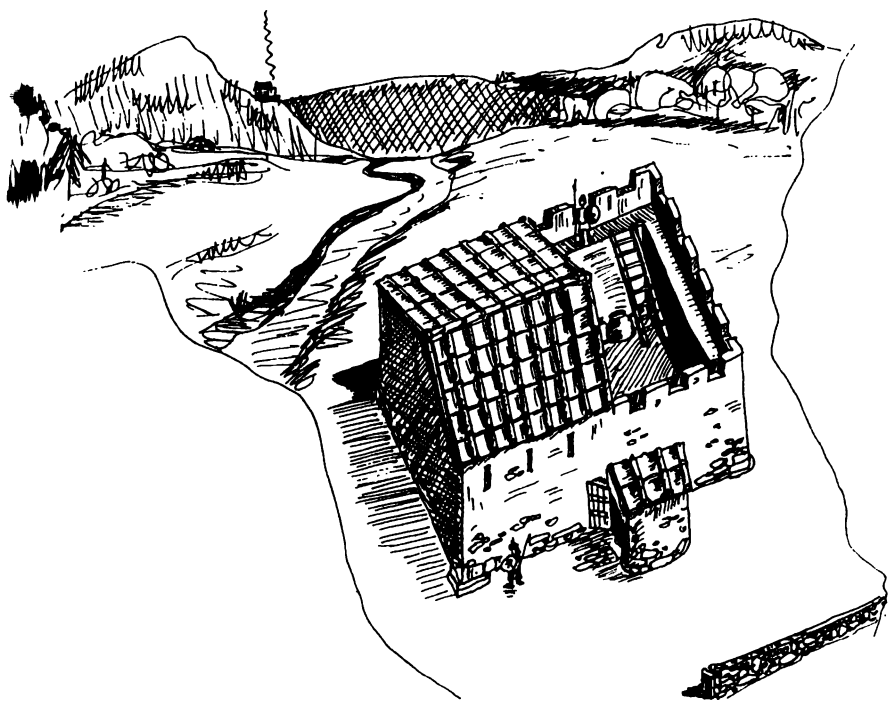
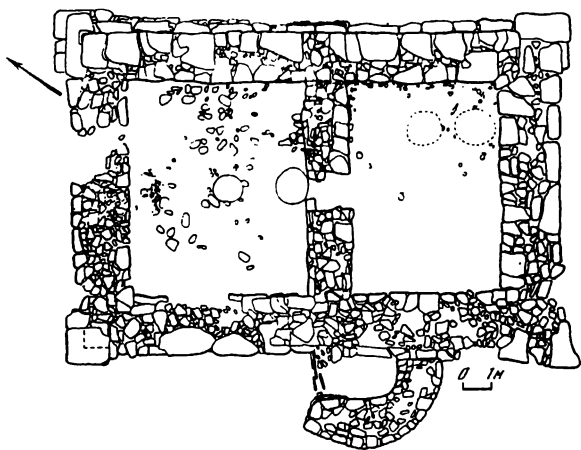

Рис. 9. Укрепленное поселение Цемдолинское близ Новороссийска.
 План и реконструкция Н.А. Онайко и А.А. Масленникова

Поселение Широкая Балка известно тем, что здесь в числе бронзовых вещей был найден бюст Динамии, матери Аспурга (см. рис. на первой сторонке переплета). Зафиксированы остатки больших каменных помещений двух строительных периодов рубежа нашей эры и I в. н.э. Эта большая усадьба или скорее крепость погибла в пожаре, как и перечисленные выше укрепления, при Полемоне, а вскоре была реконструирована Аспургом. Среди керамики встречаются слепки, характерные для меото-сарматских городищ Прикубанья¹⁸⁵.

В этом районе засвидетельствованы и другие сельские поселения II—I вв. до н.э. — I в. н.э. Это поселение на Малой Земле¹⁸⁶ и Раевское городище. Последнее вошло в систему укреплений юго-восточных границ Боспора в IV в. до н.э., на рубеже нашей эры оно обносится каменной стеной и в число его обитателей стали проникать представители сарматских племен, которые занимались здесь земледелием и ремеслом. Возведение оборонительной стены в конце II—I вв. до н.э. — I в. н.э. стоит в одном ряду с возникновением укреплений Цемдолин, Владимировка, Широкая Балка и др. Эта стена перекрыла перистильный двор здания III—II вв. до н.э., одно из помещений которого стало угловой башней новой крепости. Все оборонительные сооружения были уничтожены в пожаре в конце I в. до н.э., очевидно, вследствие войны Асандра со Скрибонием или карательных действий Полемона I. В начале I в. н.э. городище, подобно большинству других поселений азиатского Боспора, было восстановлено, видимо, по распоряжению Аспурга. Обитатели этого укрепления — типичные военно-хозяйственные поселенцы, что подтверждается обилием серпов, гвоздей, топора, кусков железного шлака¹⁸⁷.

В этом же районе сравнительно недавно исследовалось поселение Мысхако, которое датируется тем же самым периодом, что и перечисленные выше укрепления. Оно было населено промитридатовски настроенными катойками, сторонниками Митридатидов, о чем красноречиво говорит обнаруженная бронзовая статуэтка царя Митридата Евпатора в образе Геракла. Как и бюст Динамии из Широкой Балки, это показывает, что митридатовские традиции продол

¹⁸⁵ Онайко Н.А. К истории... С. 334; Она же. Разведка античных памятников в районе Новороссийска и Геленджика // СА. 1970. № 1. С. 133–136; Она же. Бронзовый бюст-гиря из раскопок античного поселения в Широкой балке // КСИА. 1971. Вып. 128. С. 73–77.

¹⁸⁶ Онайко Н.А. Разведка... С. 132, 133; Она же. Новые данные о поселении на Малой Земле // КСИА. 1973. Вып. 133. С. 94–96.

¹⁸⁷ Онайко Н.А. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // СА. 1967. № 2. С. 162; Она же. Результаты... С. 85; Она же. Разведка... С. 136; Она же. Раскопки Раевского городища в 1955–1956 гг. // КСИИМК. 1959. № 77. С. 51–61; Она же. О раскопках Раевского городища // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 125; Она же. Раевское городище. Топик. Античные государства... С. 92.

или оставаться очень сильными в этой части Боспора и после смерти понтийского царя, а их носителями могли быть аспургiane¹⁸⁸.

Семибратнее городище на берегу р.Кубань, возникшее еще в конце VI – начале V в. до н.э., известное под названием Лабрита в IV–III вв. до н.э., после разгрома, случившегося в начале III в. до н.э., могло представлять собой мощное укрепление с массивными оборонительными стенами 1,90 м толщиной, монументальным зданием 12,5 × 19,5 м, пятью помещениями вокруг мощеного двора и входом на южной стороне. Это здание имеет ближайшие аналогии с усадьбой Хрисалиска (см. выше) и укрепленным поселением Чокракский Мыс на европейском Боспоре (см. ниже)¹⁸⁹. Поскольку оба последних были резиденциями наместников соответствующих округов на царской земле (острова – усадьба Хрисалиска и одного из районов *ἡ βασιλική* или *βασιλεία* на Керченском п-ове – Чокрак), то не может быть невероятным предположение, что и Семибратнее городище могло служить резиденцией наместника одного из административно-территориальных областей в Синдике (рис. 6, 2). Это вполне могла быть “область аспургiane”, куда входили укрепления в окрестностях Горгииппии и Бат, тогда как укрепления на Тамани находились в ведении “начальника острова”, а пригородные земли Горгииппии в зоне ответственности *ὁ ἐπὶ τῆς Γοργυλλείας*. Таким образом, области “острова” и “аспургiane” представляли собой административно-территориальные и военные округа, населенные катойками, которые при Аспурге стали опорой его власти на азиатском Боспоре. Н.А. Онайко удачно сопоставила звенья оборонительной системы юго-восточной окраины Боспора с аналогичными памятниками в окрестностях Горгииппии и Фанталовского п-ова. Все они располагались на царской земле и близки меото-сарматским поселениям к востоку от р. Кубань. Здесь, на землях, прилегающих к царской хорге Боспора и занятой местными племенами, также находились укрепления¹⁹⁰. Об одном из них – главном городе сираков Успе, говорит Плутарх (*Тас. Анн.* XII. 15–18). По характеру архитектуры перечисленные крепости ближе укрепленным усадьбам Херсонесского полиса, ряда городов Балканской Греции, Эгеиды, Карики, Ионии, Эолиды и т.д., они не исключение и для Боспора.

¹⁸⁸ *Трейстер М.Ю., Дмитриев А.В., Мальцев А.А.* Бронзовая статуэтка эллинистического правителя из раскопок поселения Мысхакко под Новороссийском // РА. 1998. № 4. С. 160–173.

¹⁸⁹ *Анфимов Н.В.* Новые данные к истории Азиатского Боспора // СА. 1941. Вып. 7. С. 258–267; *Он же.* Исследования Семибратнего городища // КСИИМК. 1953. Вып. 51. С. 99–112; *Долгоруков В.С.* Семибратнее городище // *Античные государства...* С. 88.

¹⁹⁰ *Анфимов Н.В.* Древние поселения Прикубанья. Краснодар, 1953. С. 21–34; *Виноградов В.Б.* Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 119–123, 150.

На европейской его стороне земли, входившие в разряд царских, были покрыты сетью близких по архитектуре и назначению укреплений. Здесь существовали такие же прямоугольные одно- и двухмерные дома-башни, как и на азиатской стороне. Выделяется мощная башня вблизи Узунларского вала площадью около 135 кв. м, построенная при Асандре в начале третьей четверти I в. до н.э. Фрагменты светлоглиняных амфор, терракоты, пряслица и пряжки говорят о занятиях ее обитателей обычными для полувоенных поселенцев делами (рис. 6, 1; 8, 3)¹⁹¹. Аналогичная башня 12 × 12 м находилась на вершине холма северо-восточнее дороги Керчь–Курортное. Обе они датируются I в. до н.э. – I в. н.э. Прямоугольная постройка 11 × 15 м этого же времени обнаружена близ с. Бондаренково. Более крупное укрепление было построено в это же время на мысе Казантип: здесь зафиксированы остатки трех круглых башен 7–7,5 м в диаметре и толщиной стен 1,2–1,4 м. Подобные укрепления трактуют как маяки или убежища, как башни со сторожевыми и сигнальными функциями на побережье Меотиды и близ так называемого “Асандрова вала”¹⁹². Но при всех вариантах это звенья одной цепи обороны сельской территории.

Из всех поселений региона Крымского Приазовья наиболее заметным следует считать укрепление Чокракский Мыс. Возникшее еще в конце первой половины I в. до н.э. оно достигает своего расцвета в середине – предпоследней декаде I в. до н.э. и гибнет в результате карательной экспедиции Племона. При Асандре были усилены оборонительные сооружения главного здания, появились дополнительные постройки, поэтому возникла идея, что это могла быть резиденция наместника одного из военно-административных округов, который объединял полувоенные полуаграрные поселения Крымского Приазовья (рис. 10)¹⁹³.

Помимо домов-башен, близких расположенным на землях по округу Горгииппии и Бат, на европейском Боспоре функционировали и так называемые батарейки, аналогичные укреплениям “островов”. Это поселение Багерово-Северное – квадратная в плане цитадель 23 × 23,5 м с толщиной стен ок. 2,5 м на вершине высокого холма. От нее по северному склону плато прослеживается кладка стены, что говорит о террасной застройке примыкавших к цитадели помещений. Площадь всего комплекса ок. 1,2–1,5 га. Самые поздние слои относятся ко II–III вв. н.э., а в I в. до н.э. – I в. н.э. поселение перестало существовать.

¹⁹¹ Масленников А.А. Раскопки на Узунларском валу // СА. 1994. № 4. С. 111; Он же. Племон I на Боспоре // БС. 1995. № 6. С. 159; Он же. Эллинская хора... С. 106.

¹⁹² Масленников А.А. Эллинская хора... С. 106; ср. Nowicka M. Les maisons à tour dans le monde grec. Warszawa, 1975. P. 78f.

¹⁹³ Масленников А.А. Племон... С. 158; Он же. Эллинская хора... С. 50, 111; Maslennikov A.A., Treister M.Yu. Op. cit. P. 5–14.

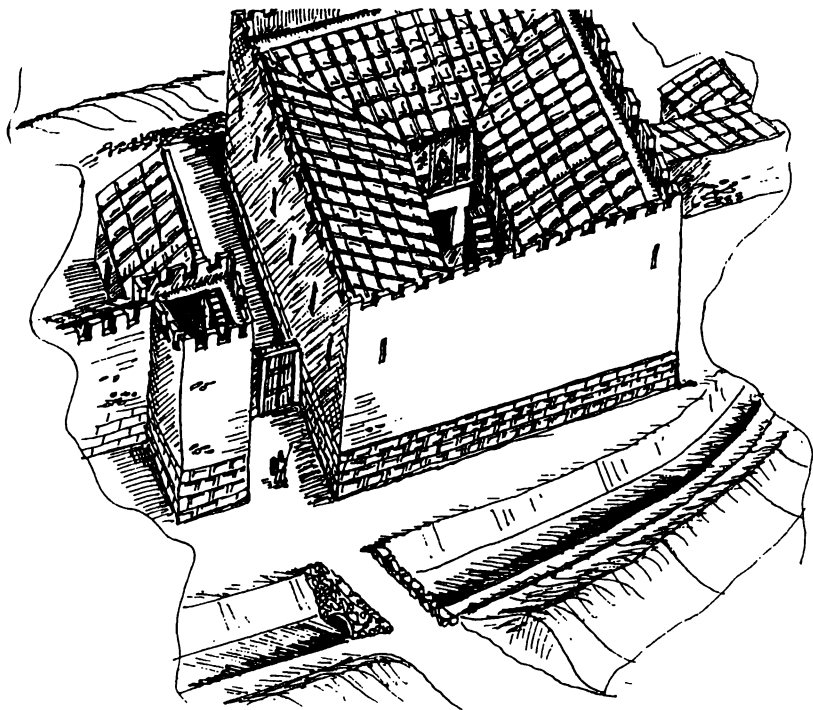
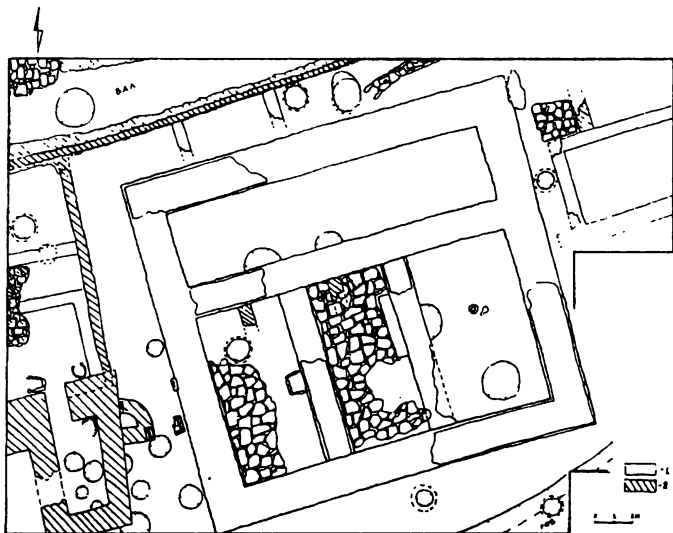

Рис. 10. Укрепленная резиденция наместника царя близ озера Чокрак на европейском Боспоре. План и реконструкция А.А. Масленникова

страивается¹⁹⁴. Близким по характеру было поселение Придорожное площадью 800–850 кв. м с оборонительными стенами от 2 до 3 м толщиной. В центре находилась квадратная в плане цитадель, к которой примыкали помещения, окруженные еще одной внешней линией стен (внутри цитадели могли быть другие помещения, расположенные по периметру стен)¹⁹⁵. К этому типу поселений относится и Андреевка Северная площадью немногим более 1 га, в центре которого также находилась укрепленная цитадель, а жилые дома были сооружены на террасах, огороженных внешней стеной или валом. По границам поселения, как в случае с Багерово Северное, были зольные холмики. Укрепление возникло в III в. до н.э., а в I в. до н.э. – I в. н.э. оно перестраивается и расширяется за счет постройки террас и внешних укреплений¹⁹⁶.

Поселение Михайловка, возникшее в эллинистическую эпоху, в I в. н.э. при Аспурге перестраивается в прямоугольную постройку площадью ок. 850 кв. м с длиной каждой из сторон ок. 29 м. (рис. 11, б). В центре был большой двор, помещения жилого и хозяйственного назначения располагались вдоль стен по периметру, квадратная башня в юго-восточном углу фланкировала вход в центральное помещение¹⁹⁷. К этому типу поселений относится укрепление Леноксхтовка второй половины I в. до н.э. – III в. н.э., размещенное на квадратной вершине холма, что предполагает существование центральной постройки – цитадели¹⁹⁸. Близким по характеру считается укрепленное поселение на Темир-горе квадратной планировки, общей площадью ок. 0,8–1 га и толщиной стен 2,2–2,5 м, со рвом и башнями по углам. На городище были внешняя оборонительная линия стен, вал, фланкированные башнями ворота. В 70-х годах XIX в. было раскопано укрепленное квадратное здание с винодельней, построенное в конце I в. до н.э. – I в. н.э., которое имело вход в южной стене¹⁹⁹. Мощные укрепления и винодельня свидетельствуют, что эта крепость господствовала над определенной территорией с сельскими усадьбами и неукрепленными поселениями, подобно тому как это зафиксировано в отношении таманских Батареек 1 и 2.

¹⁹⁴ Масленников А.А. Эллинская хора... С. 118, 119.

¹⁹⁵ Там же. С. 117, 235.

¹⁹⁶ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 108–112; Она же. Сельская территория // Античные государства... С. 76, 77; Она же. Раскопки поселения "Андреевка Северная" // ДБ. 2000. Вып. 3. С. 78–96.

¹⁹⁷ Петерс Б.Г. Михайловское поселение античного времени // Проблемы советской археологии. М., 1978. С. 117–127; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 125, 126; Она же. Сельская территория. С. 76; Масленников А.А. Эллинская хора... С. 234.

¹⁹⁸ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство. С. 126; Она же. Сельская территория. С. 76; Масленников А.А. Эллинская хора... С. 235.

¹⁹⁹ Гайдукевич В.Ф. Укрепление villa rustica на Темир-горе // СА. 1941. № 1. С. 45–60; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство. С. 126; Она же. Сельская территория. С. 76; Масленников А.А. Эллинская хора... С. 235.

К типу крупных укреплений в виде квадратной или прямоугольной цитадели на вершине холма с помещениями снаружи, но, главным образом, внутри цитадели, относятся поселения Артезиан и Новоотрадное. На поселении Артезиан (рис. 5, 9) площадь цитадели более 1500 кв. м, она окружена валом и двумя рвами. Укрепление было основано при Асандре около середины I в. до н.э. на месте здания IV–III вв. до н.э. Это относящиеся ко второму строительному периоду остатки самой цитадели, ряда жилых и хозяйственных строений. Хозяйственно-жилой комплекс 2, датируемый I в. до н.э. – I в. н.э., включил винодельню, хранилища для вина, гончарную печь, прямоугольные и квадратные в плане жилые и хозяйственные постройки. Хозяйственно-жилой комплекс 4, возникший в конце второй четверти – середине I в. до н.э., имел прямоугольную форму, вдоль западной и южной стен располагались помещения, напоминающие, по мнению Н.И. Винокурова, казарменные постройки. Если это так, то поселение явно было военно-хозяйственным, а его обитатели являлись казачками. В начале I в. н.э. комплекс 2 перестраивается, к нему были пристроены новые помещения. На рубеже нашей эры поселение пережило какую-то катастрофу, скорее всего связанную с борьбой против прибывшего на Боспор в 14 г. до н.э. Полемона I²⁰⁰. Поселение доживает до середины III в. н.э., хотя в начале I в. н.э. в одном из помещений комплекса 2 фиксируются следы пожара. Если следовать датировке слоев городища по Винокурову, то первое разрушение (комплекс 4) относится ко второй четверти – середине I в. до н.э., что, возможно, стало результатом борьбы Асандра с царем Фарнаком. Затем в третьей четверти I в. до н.э. при Асандре на поселении была проведена реконструкция, а во второй четверти I в. н.э., после некоторого расширения комплекса 2 при Аспурге, происходит его разрушение и, очевидно, временное прекращение жизни на всем поселении, о чем говорит засыпь помещений 7–9 на раскопе 2. Впрочем, датировки разрушений и перестроек у автора раскопок весьма расплывчаты (например, прекращение существования блока помещений комплекса 2 он относит то к первой–второй трети I в. н.э., то ко второй – третьей четверти этого столетия – с. 38, 40)²⁰¹. Поэтому, не исключено, что вслед за Масленниковым, первое разрушение поселения можно отодвинуть ближе к концу I в. до н.э., а второе – ко второй половине I в. н.э. Это подтверждается находкой медного асса царя Митридата III.

²⁰⁰ А.А. Масленников считает, что это поселение было разрушено в конце I в. до н.э., о чем свидетельствуют пять медных монет Асандра из очажной ямы комплекса 2 (Масленников А.А. Эллинская хора... С. 119). Н.И. Винокуров относит первое разрушение поселения – комплекса 4 – к землетрясению 63 г. до н.э., хотя эта дата плохо согласуется с предложенным им временем основания этого комплекса – серединой I в. до н.э. См.: Винокуров Н.И. Археологические памятники урочища Артезиан в Крымском Приазовье. М., 1998. С. 33–39.

²⁰¹ Винокуров Н.И. Указ. соч. С. 39–43, 66–68.

Поселение Новоотрадное (рис. 5, 10; 11, 2) на берегу Азовского моря возникло на месте почти полностью уничтоженной эллинистической усадьбы или небольшой крепости III–II вв. до н.э. В самом конце II в. до н.э., а вероятнее всего уже в первой–второй четверти I в. до н.э., возникает прямоугольное здание 28 × 18,5 м с квадратной башней в восточном углу. Как и у таманских батареи, стены его были сырцово-каменными. При Асандре в середине–второй половине I в. до н.э. крепость расширяется за счет пристройки двух новых помещений с северной и южной сторон, происходит перепланировка строений внутри здания, что привело к увеличению количества помещений вокруг внутреннего двора. В таком виде поселение просуществовало до I в. н.э. (рис. 11, 1). В I–II вв. н.э. планировка укрепления полностью видоизменяется, оно становится прямоугольным, близким к квадрату, 19,5 × 19,5 м с мощнейшими оборонительными стенами до 3 м толщиной, и существует до III в. н.э. Трудно сказать, когда в течение I в. н.э. имела место коренная перестройка крепости, но по аналогии с поселением Артезиан это могло случиться либо в середине, либо ближе ко второй половине столетия. Во всяком случае крепость функционировала и при Асандре, и при Аспурге²⁰².

Другая группа поселений рубежа нашей эры – поселения с линейной застройкой. Это укрепление Полянка середины–второй половины I в. до н.э., разрушенное при Полемоне I (рис. 11, 1). Что отличает хаотичность застройки, непрямолинейное направление стен и небольших улиц, блоки однотипных помещений. Обитателями таких укреплений были военно-хозяйственные поселенцы, занимавшиеся военным делом и земледелием. Это подтверждают находки двух кладов монет времени Асандра-архонта и обращавшейся одновременно с ними митридатовской квазиавтономной меди городов Понта и Пафлагонии, являвшихся, по-видимому, жалованием катойкам за несение военной службы²⁰³. Платой за сторожевую службу обитателям крепостей на Таманском полуострове следует, очевидно, считать и клад с Фанталовского поселения, который содержал три статера Асандра, статер с монограммой

²⁰² Кругликова И.Т. Поселение у деревни Ново-Отрадное // ДБ. 1998. № 1. С. 143–163; Масленников А.А. Эллинская хора... С. 233. Сейчас, после обширных исследований поселений на хоре Боспора с достаточно схожей датировкой слоев и разрушений представляется возможным уточнить хронологию II–III строительных периодов. Нельзя исключить, что усадьба второго периода была построена ближе к середине I в. до н.э., а разрушена в последней четверти века. Третий период жизни поселения определенно связан уже с деятельностью Аспурга в первой четверти I в. н.э. См.: Saprykin S.Y. A Bosporan Fortified Settlement Near the Modern Village of Novootradnoe in the Eastern Crimea // North Pontic Archaeology. Leiden, 2001. P. 285–295.

²⁰³ Масленников А.А. Эллинская хора... С. 128–133. О кладе с поселения см. Фролова Н.А. Клад боспорских монет I в. до н.э., найденный на античном поселении “Полянка” (1984–1985 гг.) // ПИФК. 1998. Вып. 6. С. 53–76.

ΔΥМ 9 г. до н.э., семнадцать драхм Полемона I и денарий Юлия Цезаря от 48 г. до н.э.²⁰⁴ Статеры Асандра-архонта позволяют предполагать, что аспургиане, населявшие укрепления Таманского полуострова и являвшиеся сторонниками Асандра-Аспурга, были по характеру деятельности военными поселенцами, получившими за это деньги. Среди них могли быть и наемники, как и на европейском Боспоре. Такой же платой за службу полувоенным поселенцам-аспургианам следует, вероятно, считать и клад из 112 медных монет, обнаруженный в 1997 г. близ укрепленного поселения Батарейка I. Он состоял из тетрахаалков и оболов архонта Асандра и Пантикапея времени его правления и оболов Амиса времени Митридата Евпатора. Оболы имеют надчеканку в виде восьмилучевой звезды – митридатовского символа, долженствующего подчеркнуть принадлежность самого Асандра или его преемников, использовавших его монеты в обращении, к династии Митридатидов. Клад был зарыт в последней четверти I в. до н.э., очевидно, в связи с борьбой между промитридатовскими катойками-аспургианами и римскими ставленниками Скрибонием и Полемоном I²⁰⁵. Эти клады показывают, что Асандр и, вероятно, Аспург активно привлекали на свою сторону катойков-аспургиан, поощряя их денежными субсидиями за выполнение воинских обязанностей.

Как типичную катойкию на Керченском полуострове следует рассматривать поселение Семеновка. Самая ранняя оборонительная стена его относится к середине I в. до н.э., что предполагает его застройку при Асандре. В конце этого столетия поселение было разрушено, как и большинство других аналогичных ему крепостей, очевидно, при Скрибонии или Полемоне I. В начале I в. н.э. оно было отстроено заново, что было результатом деятельности Аспурга. Городище площадью 1/3 га имело террасную застройку, ряды улиц и кварталы с блоками жилых домов, а стены и рельеф местности делали его хорошо укрепленной крепостью (рис. 5, 12)²⁰⁶.

В описываемом районе было немало подобных укреплений-катойкий в первые века нашей эры, однако их периодизация пока еще точно не установлена. Это поселения Сиреневая бухта, Зеленый Мыс, Куль-Тепе Западное, Туркмен, Салачик – городище, которое в I в. н.э. опоясывается внешней оборонительной стеной толщиной 1,6–1,8 м и высотой ок. 4,5 м (рис. 5, 12, 13, 14).

²⁰⁴ Кротошкин В.В. Клады римских монет на территории СССР // САИ Г4-4. М., 1961. № 27; Масленников А.А. Полемон... С. 164; Treister M.Yu. The Romans... P. 162; М. Кроуфорд ошибочно датирует клад 49–45 гг. до н.э. (Crawford M. Roman Republican Coin Hoards. L., 1969. P. 114. N 371), не учитывая наличия в нем статера с ΔΥМ от 9 г. до н.э.

²⁰⁵ Карелин А.А., Молчанов А.А. Клад надчеканенных оболов Асандра (К истории денежного обращения на Боспоре в I в. до н.э.) // Седьмая Всероссийская нумизматическая конференция. М., 1999. С. 26, 27.

²⁰⁶ Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 104–106; Она же. Сельская территория... С. 76; Масленников А.А. Эллинская хора... С. 237–239.

Около середины I в. н.э. возникает и первая оборонительная стена на городище Илурат²⁰⁷, однако это произошло, очевидно, чуть ранее, в правление Аспурга. Почти на всех городищах и поселениях Восточного Крыма в I в. до н.э. – I в. н.э. проводились работы по перестройке или в целях усиления их обороноспособности. Это городища Семеновка, Новоотрадное, Андреевка Северная, Михайловка, Золотое, Ивановка, Тасуново, Генеральское I и др., различающиеся по размерам. Некоторые (Андреевка Северная, Новоотрадное) прямо перекликаются с крепостями азиатского Боспора, другие (Семеновка, Тасуново, Илурат) представляют собой поселения городского типа, подобные Раевскому городищу²⁰⁸. Все они выступают как центры небольшой территории, как убежища для сельского населения деревень, тяготеющих к ним. Более крупные поселения городского типа служили ядром еще большей округи, охватывавшей укрепления и укрепленные усадьбы помельче. Все они располагались на возвышенностях и контролировали дороги и подходы к городам Пантикапею, Фанагории, Кепам, Горгиппии, Батам и др.²⁰⁹

Классификация сельских поселений согласно их роли в оборонной способности хоры Боспора проведена А.А. Масленниковым. Нижним звеном этой системы являлись дома-башни или сторожевые посты (Юбилейное 1 и 2, Рассвет, укрепления в районе Бат), следующим элементом схемы можно считать укрепления прямоугольной формы или цитадели, а также резиденции наместников военно-административных округов (Чокрак, Семибратнее городище, “усадьба Хрисалиска”). Следующее место в иерархии крепостей занимали поселения с внутренней планировкой по линейному принципу, во главе которой стояли поселения – городища площадью более 1 га (Илурат, Генеральское Восточное, Зюк, Белинское и др.)²¹⁰. Эта военно-административная структура стала создаваться в последние годы правления Митридата Евпатора и Фарнака, а завершена при Асандре – Аспурге и Котисе I, просуществовав до III в. н.э. Ее создание было обусловлено объективными причинами и проводилось по образцу и канонам, принятым в Понтийском царстве Митридатидов. Во второй половине II – первой половине I в. до н.э. на европейском Боспоре в результате концентрации земли, социальной и имущественной дифференциации, движений скифов и сатархов, войн Диио

²⁰⁷ Горончаровский В.А. Крепость Илурат в системе обороны западной границы Боспорского царства в I–III вв. н.э. // Фортификация в древности и средневековье. СПб., 1995. С. 61.

²⁰⁸ Исчерпывающий список всех поселений хоры европейского и отчасти азиатского Боспора см.: Масленников А.А. Полемон... С. 158–169; Он же. Эллинская хора... С. 100–103.

²⁰⁹ Сокольский Н.И. К истории... С. 21; Онайко Н.А. Раскопки Раевского городища... С. 59–61; Кругликова И.Т. Сельское хозяйство... С. 145–152.

²¹⁰ Масленников А.А. К типологии боспорских поселений // СА. 1989. № 1. С. 66–78; Он же. Эллинская хора... С. 112, 136, 173–181.

фанта и восстания Савмака, измен сыновей Митридата Евпатора — Митридата Младшего, Махара и Фарнака, поборов самого Митридата и Фарнака многие укрепления и поселения, принадлежавшие городской территории Пантикапея, Феодосии и Нимфея, приходят в упадок. В середине—второй половине I в. до н.э. — первой половине I в. н.э. на месте разрушенных старых укреплений и усадеб возникают новые, а на одновременных с ними некрополях (Кыз-Аул, Золотое, Новоотрадное и др.) появляются захоронения, отличающиеся по обряду от предыдущих. Это позволило сделать вывод о смене населения в этом районе со второй половины I в. до н.э. в связи с тем, что Асандр и Аспург наделяли поселенцев землей на условиях несения сторожевой службы²¹¹ или оказывали помощь в укреплении поселений²¹². Разветвленная сеть военно-хозяйственных поселений сохранилась на царской хоре, поскольку многие полисные земли пришли в запустение. Новые поселения на царской земле помогли поднять экономику, сельское хозяйство, способствовали усилению центральной власти. Они служили защитой греческим полисам, обеспечивая безопасность их возрождавшихся сельских территорий, и одновременно давали возможность царской администрации осуществлять контроль над ними.

Новый удар по этой системе был нанесен Скрибонием и Полемоном I, однако Аспург сумел возродить ее заново, хотя административно-территориальное деление восточной и юго-восточной частей царства в основных чертах оставалось прежним²¹³. Это означает, что Асандр и Аспург продолжали развивать социально-экономические отношения, которые стали складываться на Боспоре при Митридате Евпаторе и Фарнаке. Поэтому их строительная деятельность на царских землях европейского и азиатского Боспора совпадает по времени. Практика неделения поселенцев землей, введенная на Боспоре по образцу эллинистических государств при Митридате VI и Фарнаке, была продолжена их преемниками Асандром, Дишимией и Аспургом. Вот почему военные поселенцы на царской хоре Боспора в азиатской половине, не отличающиеся в целом от обитателей усадеб и крепостей на европейской половине, получили название “аспургиан” по имени царя, уделявшего особенное внимание укреплению восточных и юго-восточных рубежей царства. Начав эту практику на азиатском Боспоре в Синдике, так как европейский Боспор находился в руках Полемона I, он затем продолжил ее и на

²¹¹ Масленников А.А. Население Боспорского государства в VI—II вв. до н.э. М., 1981. С. 69–74; Он же. К истории населения хоры европейского Боспора в I в. до н.э. // СА. 1980. № 4. С. 73.

²¹² Онайко Н.А. Раскопки Раевского городища... С. 103.

²¹³ Соколовский Н.И. Таманский толос... С. 110; Он же. Крепость... С. 21; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Сторожевые посты... С. 119; Масленников А.А. Население... С. 73; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 282.

Керченском полуострове, после того как была одержана победа над понтийским царем.

Близость прямоугольных построек усадьбам – пиргам позволяет и их отнести к этой категории сельских домов, а крепости Батарейки 1 и 2 с четырьмя башнями по углам следует определять как тетрапиргии. Принимая во внимание совмещение обитателями крепостей военных и хозяйственных функций, кажется возможным усматривать в этих укреплениях подобие военно-хозяйственных поселений типа катойкий. Это соответствует расположению их на царской земле, прямому подчинению царю и имеет аналогии в эллинистических государствах. В известной надписи Мнесимаха, в которой перечисляются владения, полученные этим вельможей Антигона от царя и отданные под залог храму, говорится, что в состав его имени входили деревни-комы, которым подчинялись более мелкие поселения. Все они вносили определенную подать в царскую казну, которую собирал уполномоченный чиновник царя – хилиарх²¹⁴.

В этой связи уместно вспомнить надпись CIRB. 36, где назван Фанн, сын Саклея, начальник аспургиян и хилиарх. Очевидно, что как наместник аспургиян, т.е. округа, включавшего сельские поселения и усадьбы – крепости, он также занимался сбором податей с военных поселенцев и земледельцев. Таким образом, налицо прямое влияние практики военно-административной системы эллинистических государств. Плутарх в биографии пергамского царя Евмена рассказывает, что для конфискации у крупных землевладельцев усадеб и имений, включая тетрапиргии, ему пришлось применить стенобитные и осадные машины (*Plut. Eum.* 8). Следовательно, в состав крупного земельного владения входили мощные укрепленные усадьбы, в том числе и четырехбашенные. Значит таманские крепости тетрапиргии Батарейки 1 и 2, укрепленная усадьба “начальника острова” Хрисалиска, резиденция наместника на европейском Боспоре – Чокрак и другие укрепления могли составлять крупные земельные владения, на основе которых формировались административные округа на царской хоре. Видимо, наместники округов – Хрисалиск при Асандре, а Менестрат при Аспурге – принадлежали к ряду крупных землевладельцев, получивших от царя большие участки царской земли с находившимися на ней укрепленными поселениями и неукрепленными деревнями-комами. Они собирали подать с деревень, прилегавших к крепостям. Такое положение должно распространяться на всю хору Боспорского царства, подпадавшую под понятие царской. Так что область, заселенная аспургиянами, не представляла собой чего-либо исключительного для сельской округи царства, она была частью царской земли, на которой находились

²¹⁴ Buckler W., Robinson D. Greek Inscriptions from Sardes // AJA. 1912. 16. P. 11. 81
Ранович А.Б. Зависимые крестьяне в эллинистической Малой Азии // ВДИ
1947. № 2. С. 33–35.

укрепленные поселения и общины-комы местных земледельцев, плативших подать в царскую казну хилиархам.

Считают, что военно-хозяйственные поселения – катойки создавались из воинов, отслуживших свой срок²¹⁵, однако более убедительна точка зрения, что военные колонии организовывались для того, чтобы в чрезвычайных обстоятельствах черпать оттуда силы для ведения военных действий²¹⁶. Катойки пользовались покровительством царской власти, во главе их стояли стратеги (ср. хилиархов на Боспоре во главе аспургиян), а переселение осуществлялось за счет царской казны. Учитывая, что уклад жизни на военно-хозяйственных поселениях “острова” и “аспургиян” имеет много общих черт с укладом жизни поселений прикубанских сарматских племен, следует думать, что в этническом плане поселенцы являлись смешанным меото-сарматским населением. Среди них могли быть выходцы и из других племен, потомки синдов и сатархи, которые расселились на Северном Кавказе со II в. до н.э.²¹⁷ На европейском Боспоре это были скифы, эллины и небольшое число пришлых меото-сарматов²¹⁸.

Вовлечение скифов, сарматов и меотов в войны с Римом и их использование в качестве военных поселенцев на хоре началось при Митридате Евпаторе приблизительно с 90–80-х годов до н.э. и усилилось в 70–60-е годы I в. до н.э., когда царь заключал с ними договоры и вербовал в свои войска. Организация военных колоний и укрепленных поселений проводилась по традициям эллинистических государств Малой Азии, в особенности Понтийского царства, где эта политика осуществлялась очень активно. Фарнак продолжил начатое отцом, все более и более вовлекая скифов и сарматов в войны на Боспоре и Малой Азии. Сарматские племена сираков и аорсов снабжали его войском (*Strabo*. XI. 5. 8; *App. Mithr.* 57; 69; 119; 123; *Iustin.* 38. 3.7; *Plut. Luc.* 16). Его преемники Асандр, Динамия, Аспург, Митридат III также нередко опирались на местные племена, а Асандр, как мы помним, вообще был этнархом – предводителем местных племен на азиатском Боспоре (см. гл. 2). Фарнак оставил его своим наместником на время похода в Малую Азию, так что Асандр всегда опирался на верные ему укрепления и округа азиатской части царства. Его сын Аспург продолжил такую политику, сохранив со времени отца добрые связи с населением этой половины государства. Поскольку строительство многих укреплений на хоре связывают с деятельностью Асандра и Аспурга, то можно предполагать, что

²¹⁵ *Kreissig H.* Wirtschaft und Gesellschaft im Seleukidenreich. B., 1978. S. 49; *Leveque P.* Le monde hellénistique. P., 1969. P. 61.

²¹⁶ Ср., например: *Bar-Kochva B.* The Seleucid Army. Cambridge, 1976. P. 24, 33.

²¹⁷ *Десятчиков Ю.М.* Сатархи // ВДИ. 1973. № 1. С. 143.

²¹⁸ *Масленников А.А.* Население... С. 63–74; *Корпусова В.Н.* Некрополь Золотое. Киев, 1983. С. 94.

они, подобно Митридату VI и Фарнаку, селили отдельных представителей местных племен на царской земле с целью использовать их в борьбе за овладение столицей и царским титулом. После того как они добились царского положения, политика организации военно-хозяйственных поселений не была приостановлена, а, напротив, продолжалась еще активнее. С их деятельностью связаны мероприятия по упрочению административно-территориального деления Боспора, завоевательные походы против соседей, что требовало постоянного укрепления царских земельных владений. Данные обстоятельства заставили укрепить хору, особенно области “острова” и “аспургиан”, постоянную опору династии. Не случайно, поэтому, на месте “дома Хрисалиска” Аспург основал новую крепость, расселяя меотов, сарматов и синдов в качестве поселенцев-катоиков. Так что социально-экономические отношения на Боспоре, сложившиеся при Митридате Евпаторе по традициям эллинистических государств Малой Азии, были закреплены и получили свое дальнейшее развитие при Асандре и Аспурге. Так можно объяснить грандиозную строительную деятельность Аспурга на европейском и азиатском Боспоре, а также близость материальной культуры обитателей крепостей к культуре меото-сарматских племен Прикубанья.

В свете этого становится понятно, почему Страбон и следовавшие ему авторы характеризовали аспургиан как этническое понятие. Привлечение для охраны восточных и юго-восточных земель Боспора части варварских племен или одного племени создавало у современников впечатление, что происходило переселение варваров с одного места на другое. Такое впечатление усиливалось, когда им давалась для поселения определенная территория, что создавало даже иллюзию захвата варварами части царства.

При описании северо-восточного побережья Черного моря Страбон использовал перипл Артемидора и сочинение Гипсикрата из Амиса (II в. до н.э.). Свидетельство об аспургианах не может относиться к Артемидору, так как это этническое понятие ему неизвестно. Сведения о них попали к географу из более позднего источника, что отражает их появление на исторической арене в постмитридатовское время. Поскольку Страбон завершил свой труд в первой половине I в. н.э., т.е. во время царствования на Боспоре Аспурга, то известия об аспургианах должны были попасть к нему из современных географу источников и отражать произошедшие там перемены. Поэтому аспургиане появились не ранее правления Асандра–Аспурга, что уменьшает вероятность рассмотрения их в качестве племени. Это были обычные военные колонисты из состава местных племен – сарматов, меотов, сатархов, занимавшиеся земледелием, ремеслом и военным делом. Они жили в крепостях и на усадьбах на царской хоре и поддерживали правящую династию²¹⁹.

²¹⁹ Подробно об этом см.: Сапрыкин С.Ю. Аспургиане. С. 75–78.

Таким образом, вынужденный под нажимом Рима предоставить ряд привилегий греческим городам, Аспург стал укреплять царские владения и расширять доставшиеся ему по-наследству от Асандра и Динамии прочные связи с промитридатовски настроенными катойками. Это говорит о продолжении политики Митридата Евпатора, что открывало для Боспора возможность развиваться в качестве эллинистического государства. Немалая заслуга в этом принадлежала и римлянам, пожелавшим видеть Боспор сильным государственным образованием на своих границах. По сути Аспург закрепил эллинистическую структуру землевладения, которую в борьбе с римскими ставленниками создавали его родители Асандр и Динамия. Это превращало Аспурга в более независимого по отношению к Риму клиентного царя, оставляя ему немалое поле для проведения самостоятельной внутренней и внешней политики²²⁰.

Аспург и местное население

Несмотря на то, что мы весьма слабо осведомлены о взаимоотношениях Аспурга с окрестными племенами, кое-какие сведения об этом можно почерпнуть из эпиграфических и археологических источников. Это прежде всего царская титулатура, в которой говорится, что он царствовал над синдами, меотами, тарпитами, псессами, танаитами, а также указывается, что он подчинил скифов и тавров (CIRB. 39; 40). Перечисление племен азиатского Боспора свидетельствует о возрождении границ царства в Прикубанье, Восточном Приазовье и Нижнем Подонье в том виде, как это было при Спартокидах. Все перечисленные народы и племена бесспорно относятся к числу меотских, о чем недвусмысленно повествуют античные авторы рубежа и начала нашей эры (*Plin.* N.H. IV. 88; VI. 19; *Mela.* I. 2. 13; 14: “побережье, идущее изгибом от Боспора до Танаиса, заселяют меотики”), а обитали они на территории от Тамани, и окрестностей Горгиппии и Бат вдоль побережья Восточного Приазовья и в низовьях течения р. Кубани. Более точные сведения дает Страбон, согласно которому “вокруг озера Меотиды живут меоты” (*Strabo.* XI. 2. 1), а “на Малом Ромбите сами меоты занимаются этим (рыбным. – С.) промыслом. Ведь по всему этому побережью меоты... распадаются на несколько племен, причем живущие вблизи Танаиса отличаются более мягкими нравами...” (*Strabo.* XI. 2. 4). Но особенно инте-

²²⁰ Н.А. Машкин правильно подметил, что нет оснований говорить о безоговорочном вассалитете боспорских царей к Риму (*Машкин Н.А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 535). Представляется чрезмерно категоричной критика Х. Хайненом (*Heinen H.* Op. cit. S. 137) позиции Б. Функа, считавшего политику Аспурга во многом основывавшуюся на митридатовских традициях (*Функ Б.* Проримская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной истории и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 83–87).

рессен в связи с титулатурой Аспурга следующий пассаж: “К числу меотов принадлежат сами синды, дандарии, тореты, агры и аррихи, а также тарпиты, обидиакены, ситтакены, доски, и многие другие... из всех азиатских меотов одии подчинялись владельцам эмпория на Танаисе, другие – боспоранам, но иногда то один, то другой народ отпадали от них. Нередко боспорские повелители владели и землями до Танаиса, в особенности последние из них Фарнак, Асандр и Полемон” (*Strabo*. XI. 2. 11). Это сообщение отражает ситуацию при Спартокидах и до Полемона I, т.е. до 9/8 г. до н.э. Об Аспурге (за исключением аспургиан, что является вставкой в уже готовый текст сочинения) Страбон нигде не упоминает. Это и понятно, ибо основной текст “Географии” в разделах о Понте и Боспоре был завершён к 7 г. до н.э. и даже ранее (в нём нет сведений ни о Динамии, ни об Агриппе с флотом в Синопе), а в дальнейшем вплоть до 19 г. н.э. вносились лишь поправки и дополнения²²¹. Если сравнить стемму меотских племен у Страбона с титулатурой Спартокидов, то можно действительно увидеть выпадение из под власти боспорских царей то одних, то других племен. Однако из названных географом народов в надписях IV–III вв. до н.э. присутствуют синды, тореты, дандарии, меоты (или все меоты), доски (у Страбона нет псессов и фатев). Из них при Аспурге в составе Боспора фигурируют синды, меоты, тарпиты, псессы (нет торетов и досхов). Если сопоставить перечисление меотских племен в надписях Аспурга с сообщением Страбона, что предшественники Аспурга – Фарнак, Асандр и Полемон правили землями до Нижнего Подонья, то можно сделать вполне уверенный вывод, что Прикубанье и Восточное Приазовье, населённые меотами, а также Синдика, достались Аспургу по наследству от более ранних правителей. Они не были присоединены в результате завоевания, а это означает, что синдо-меотские племена поддерживали Митридатидов и их преемников, будучи их опорой в борьбе за власть. Поддержка ими правящей династии несколько не говорит о том, что Асандр и Аспург, а тем более царица Динамия, сами были выходцами из их этнической среды. Эти земли попросту входили в состав Боспора, являясь одной из его хлебных житниц.

Новым в титуле Аспурга по сравнению со Спартокидами и стеммой Страбона можно считать упоминание о танаитах. В данном контексте этот термин явно этнического характера, но географически связанный с Танаисом, рекой и городом. Он упоминается также Плинием и Птолемеем. Первый говорит о каком-то хронологически не очень понятном эпизоде из истории Нижнего Подонья, связанном с вторжением скифских племен авхетов, атерниев и асампатов, поголовно истребивших инапеев и танаитов (*Plin.* N.H. VI. 22). Возможно, что речь здесь идет о вторжениях сарматских племен, которых римские авторы также считали скифскими, на рубеже IV–III вв.

²²¹ Из последних работ об этом см.: *Syme R. Anatolica...* P. 298, 299.

до н.э. или чуть позже в конце III–II вв. до н.э., что привело к гибели и вытеснению скифов и меотов. В этом отношении знаменательно совпадение названия позднескифской крепости Напит в Крыму, одного из укреплений Скифского царства в эпоху войн Диофанта (НЭПХ. I. 1), и этнонима “инапеев” у Плиния как происходивших от одного корня. Если одной из причин возникновения Позднескифского царства считать появление роксолан в степях между Доном и Днепром, то гибель инапеев и танаитов надо увязать с передвижениями сарматов из-за Дона. Тогда термин “танаиты” у Плиния явно носит этнический характер и относится к населению по берегам Дона. Это подтверждает и Птолемей, который точно характеризует танаитов как племя, обитавшее у поворота реки Танаис (*Ptol.* III. 5. 10), т.е. в районе городищ Нижне-Гниловского, Тимерницкого, Кобякова. “Танаиты” засвидетельствованы в надписях II–III вв. н.э. из Танаиса: C¹IRB. 1242, 1245, 1250, 1251a – архонт танаитов (ср. C¹IRB. 1237 – архонт Танаиса); 1249 – Деметрий, сын Аполлония, танаит; 1243 – эллины и танаиты; 1251a – лохаг танаитов.

Надписи показывают, что термины “танаит”, “танаиты” в первые века нашей эры имели несколько оттенков: а) ими называли местное население, которое не подпадало под категорию “эллинов”, управлявшихся эллинархами (C¹IRB. 1251a, 1243), в отличие от лохаги, стоявшего над танаитами; б) ко всем гражданам общины города Танаиса, верховными магистратами которых были архонты (C¹IRB. 1237, 1242, 1249). Поэтому уже давно высказано мнение, что представители местных племен, обозначенные как “танаиты”, заселяли в III–I вв. до н.э. западную часть города, тогда как “эллины” селились в центральных районах²²². В конце I – начале II в. н.э., когда после полемоновского разгрома западный квартал был заброшен, а центральная часть возрождена в виде обнесенного оборонительными стенами четырехугольника, местное население танаитов вошло в состав нового города, но сконцентрировалось главным образом на сельских городищах в округе города. Это означает, что “танаиты” в аспурговских надписях первой четверти I в. н.э. являлись не жителями города Танаиса, которого в то время еще не существовало в полном смысле этого слова, а населением сельских районов по нижнему течению Дона. В таком случае владения Аспурга на азиатском Боспоре распространялись от Тамани и территории между Батами и Фанагорией, включая часть меотских земель в Прикубанье, далее по восточному берегу Меотиды до устья Дона. Как далеко в это время вглубь материка заходила восточная граница Боспора, мы, к сожалению, не знаем.

Исследования последних лет в Прикубанье показывают, что, начиная со среднемеотского периода II (III – первая половина I в. до н.э.), а кое-где и ранее, с IV в. до н.э. (городище Пашковское б), по

²²² Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 214–217.

рессен в связи с титулатурой Аспурга следующий пассаж: “К числу меотов принадлежат сами синды, дандарии, тореты, агры и аррихи, а также тарпиты, обидиакены, ситтакены, доски, и многие другие. из всех азиатских меотов одни подчинялись владельцам эмпория на Танаисе, другие – боспоранам, но иногда то один, то другой народ отпадали от них. Нередко боспорские повелители владели и землями до Танаиса, в особенности последние из них Фарнак, Асандр и Полемон” (*Strabo*. XI. 2. 11). Это сообщение отражает ситуацию при Спартокидах и до Полемона I, т.е. до 9/8 г. до н.э. Об Аспурге (за исключением аспургиан, что является вставкой в уже готовый текст сочинения) Страбон нигде не упоминает. Это и понятно, ибо основной текст “Географии” в разделах о Понте и Боспоре был завершён к 7 г. до н.э. и даже ранее (в нем нет сведений ни о Динамии, ни об Агриппе с флотом в Синопе), а в дальнейшем вплоть до 19 г. н.э. вносились лишь поправки и дополнения²²¹. Если сравнить стемму меотских племен у Страбона с титулатурой Спартокидов, то можно действительно увидеть выпадение из под власти боспорских царей то одних, то других племен. Однако из названных географом народов в надписях IV–III вв. до н.э. присутствуют синды, тореты, дандарии, меоты (или все меоты), доски (у Страбона нет псессов и фатеев). Из них при Аспурге в составе Боспора фигурируют синды, меоты, тарпиты, псессы (нет торетов и досхов). Если сопоставить перечисление меотских племен в надписях Аспурга с сообщением Страбона, что предшественники Аспурга – Фарнак, Асандр и Полемон правили землями до Нижнего Подонья, то можно сделать вполне уверенный вывод, что Прикубанье и Восточное Приазовье, населённые меотами, а также Синдика, достались Аспургу по-наследству от более ранних правителей. Они не были присоединены в результате завоевания, а это означает, что синдо-меотские племена поддерживали Митридатидов и их преемников, будучи их опорой в борьбе за власть. Поддержка ими правящей династии несколько не говорит о том, что Асандр и Аспург, а тем более царица Динамия, сами были выходцами из их этнической среды. Эти земли попросту входили в состав Боспора, являясь одной из его хлебных житниц.

Новым в титуле Аспурга по сравнению со Спартокидами и стеммой Страбона можно считать упоминание о танаитах. В данном контексте этот термин явно этнического характера, но географически связанный с Танаисом, рекой и городом. Он упоминается также Плинием и Птолемеем. Первый говорит о каком-то хронологически не очень понятном эпизоде из истории Нижнего Подонья, связанном с вторжением скифских племен авхетов, атерниев и асампатов, поголовно истребивших инапеев и танаитов (*Plin.* N.H. VI. 22). Вот можно, что речь здесь идет о вторжениях сарматских племен, которых римские авторы также считали скифскими, на рубеже IV–III вв.

²²¹ Из последних работ об этом см.: *Syme R. Anatolica...* P. 298, 299.

до н.э. или чуть позже в конце III–II вв. до н.э., что привело к гибели и вытеснению скифов и меотов. В этом отношении знаменательно совпадение названия позднескифской крепости Напит в Крыму, одного из укреплений Скифского царства в эпоху войн Диофанта (IIIЭПХ. I. 1), и этнонима “инапеев” у Плиния как происходивших от одного корня. Если одной из причин возникновения Позднескифского царства считать появление роксолан в степях между Доном и Днепром, то гибель инапеев и танаитов надо увязать с передвижениями сарматов из-за Дона. Тогда термин “танаиты” у Плиния явно носит этнический характер и относится к населению по берегам Дона. Это подтверждает и Птолемей, который точно характеризует танаитов как племя, обитавшее у поворота реки Танаис (*Ptol.* III. 5. 10), т.е. в районе городищ Нижне-Гниловского, Тимерницкого, Кобякова. “Танаиты” засвидетельствованы в надписях II–III вв. н.э. из Танаиса: CIRB. 1242, 1245, 1250, 1251a – архонт танаитов (ср. CIRB. 1237 – архонт Танаиса); 1249 – Деметрий, сын Аполлония, танаит; 1243 – эллины и танаиты; 1251a – лохаг танаитов.

Надписи показывают, что термины “танаит”, “танаиты” в первые века нашей эры имели несколько оттенков: а) ими называли местное население, которое не подпадало под категорию “эллинов”, управлявшихся эллинархами (CIRB. 1251a, 1243), в отличие от лохагов, стоявшего над танаитами; б) ко всем гражданам общины города Танаиса, верховными магистратами которых были архонты (CIRB. 1237, 1242, 1249). Поэтому уже давно высказано мнение, что представители местных племен, обозначенные как “танаиты”, заселяли в III–I вв. до н.э. западную часть города, тогда как “эллины” селились в центральных районах²²². В конце I – начале II в. н.э., когда после полемоновского разгрома западный квартал был заброшен, а центральная часть возрождена в виде обнесенного оборонительными стенами четырехугольника, местное население танаитов вошло в состав нового города, но сконцентрировалось главным образом на сельских городищах в округе города. Это означает, что “танаиты” в аспурговских надписях первой четверти I в. н.э. являлись не жителями города Танаиса, которого в то время еще не существовало в полном смысле этого слова, а населением сельских районов по нижнему течению Дона. В таком случае владения Аспурга на азиатском Боспоре распространялись от Тамани и территории между Батами и Фанагорией, включая часть меотских земель в Прикубанье, далее по восточному берегу Меотиды до устья Дона. Как далеко в это время вглубь материка заходила восточная граница Боспора, мы, к сожалению, не знаем.

Исследования последних лет в Прикубанье показывают, что, начиная со среднемеотского периода II (III – первая половина I в. до н.э.), а кое-где и ранее, с IV в. до н.э. (городище Пашковское б), по

²²² Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э. М., 1970. С. 214–217.

р. Кирпили, на правом берегу Кубани (Краснодарская группа, Ладжская группа городищ) и р. Лабы (Усть-Лабинская группа городищ) возникает и функционирует целая серия укрепленных поселений меотов. Все городища расположены компактно, в визуальной видимости друг от друга, их сопровождают могильники. На р. Кирпили известно более двадцати городищ от ст. Роговской до г. Приморско-Ахтарск. В I в. до н.э. – I в. н.э. (позднемеотский период) городища по р. Кирпили продолжали существовать. Их архитектурный пейзаж характерен для поселений, выполнявших пограничные функции и предназначенных для обороны. Они имеют возвышенную центральную часть – цитадель, которую от нижних кварталов отделял глубокий ров. Аналогично строилась планировка других городищ, в частности в Краснодарской группе. В конце I в. до н.э. прекращает существование Елизаветинское городище²²³ и Ново-Лабинское поселение²²⁴, а в начале I в. н.э. перестают функционировать поселения по р. Кирпили²²⁵. Одновременно увеличивается общее число городищ по правому берегу Кубани, появляются новые и по левому ее берегу в Краснодарской группе, до 30 городищ продолжают бытовать в Усть-Лабинской группе, отделенной от Краснодарской незаселенным участком территории в 13 км. Небольшое пространство, которое ранее отделяло Усть-Лабинскую группу поселений от Ладжской, теперь почти ликвидируется и застраивается, при этом укрепленные городища тянутся вдоль берега Кубани почти непрерывной цепью до ст. Темижбекской (поселение Темижбекское IV в.), по-видимому, далее до поселения Маламино III. Большинство этих городищ не раскапывалось, но некоторые из сопутствующих им могильников дают материал I–II вв. н.э. Известно и несколько цепей городищ на левобережье Кубани, в том числе и там, где располагаются курганные погребения Зубовско-Воздвиженского типа I в. до н.э. – первой половины I в. н.э.^{225a} Распространение сети городищ меотов с III в. до н.э. до III в. н.э. по правобережью и левобережью

²²³ Шилов В.П. Новые данные об Елизаветинском городище по раскопкам 1952 г. // СА. 1955. № 28. С. 235; Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М., 1989. С. 240.

²²⁴ Поселения по р. Кирпили могли принадлежать иксоматам-язаматам. См. Каменецкий И.С. О язаматах // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 169.

²²⁵ Каменецкий И.С. Меоты... С. 241.

^{225a} Курганные погребения Зубовско-Воздвиженского типа имели некоторое отношение к городищам меотов Советское, Батарея и у ст. Воздвиженской как принадлежавшие либо меотам (Каменецкий И.С. Меоты... С. 244), либо смешанному сармато-меотскому населению (Гущина И.И., Засецкая И.И. Погребения зубовско-воздвиженской группы из раскопок Н.И. Веселовского в Прикубанье (I в. до н.э. – II в. н.э.) // Археологические исследования на юге Восточной Европы: Тр. ГИМ. 1989. 70. С. 88–101; Смирнов К.Ф. Северский курган. М., 1953. С. 40–42).

жью Кубани и по р. Кирпили создаст впечатление о желании защитить довольно обширную территорию, а их компактность и протяженность границ заселенной области напоминает по характеру пограничный лимес эллинистическо-римского типа. Это показывает, что их возникновение обязано охране границ определенного района или территории. Ею могла быть область, защищаемая со стороны местного меото-сарматского населения от угрозы вторжения другого соседнего государства, которым в то время являлся только Боспор, или, напротив, попытка Боспорского царства обезопасить свои границы от внешней опасности, исходившей от сопредельных варваров. Мы считаем, что рассмотренные укрепления являлись пограничными укрепленными городищами, обозначавшими северо-восточные и восточные рубежи Боспорского государства. Они отделяли его от неподчинявшихся боспорским правителям III в. до н.э. – III в. н.э. варварских земель, населенных сарматами и меотами. В пределах защищаемой ими территории лежали области, подвластные Боспору, которые, исходя из титулатуры Аспурга, были заселены синдами, меотами, тарпитами, пессами, а ранее дандариями и досхами до затопления их земель Фарнаком (см. гл. I). Жители их признавали Спартокидов, архонтов Боспора и Феодосии как царей, о чем свидетельствует титулатура этих династов от Левкона I до Перисада II. Если это так, то возникшие еще во времена поздних Спартокидов (среднемеотский II период) поселения в данном районе получили новый стимул к существованию в правление Фарнака и Асандра, но особенно при Аспурге (начало позднемеотского периода). Некоторые полагают даже, что городища Прикубанья могли возникнуть еще в правление Митридата Евпатора, учитывая сложившуюся при нем практику создания укреплений на царских землях²²⁶. Последнее возможно, однако, как и на царской хоре собственно Боспорского государства. При Митридате VI процесс создания городищ в Прикубанье мог только начаться или усилиться, а завершился он при его преемниках. Это находит подтверждение в датировке Ново-Джерелиевского I городища, относящегося к I в. до н.э. – I в. н.э.²²⁷

В качестве доказательства можно привести три главных момента. Первое – известие Страбона, что местные племена меотов в этом районе подчинялись боспорцам (см. выше). Второе – отсутствие поселений и могильников этого времени на землях дандариев, так как они были затоплены при Фарнаке. Исключение составляет Ястребовский могильник I в. до н.э. Третье – появление в этот период меото-сарматских захоронений на собственно боспорской территории в районе Тамани и Новороссийска.

²²⁶ Шевченко Н.И. Политика Боспора и варвары Прикубанья в I в. до н.э. // Таманская старина. 2000. 3. С. 93–96.

²²⁷ Каменецкий И.С. Ново-Джерелиевское I городище // ПИФК. 1999. Вып. 8. С. 271.

Знаменательно совпадение прекращения жизни на меотских поселениях по р. Кирпили с появлением в низовьях Дона серии городищ и с включением в титулатуру Аспурга этнического термина “танаиты”. Во II в. до н.э. возникает Азовское городище, в конце I в. до н.э. – I в. н.э. Подазовское, а чуть позднее в I в. н.э. целая серия других поселений – Кобяковское, Темерницкое, Нижне-Гниловское, Мокро-Чалтырское, Сухо-Чалтырское, Ростовское, Кизитириновское²²⁸. На большинстве из них прослежены слои I–III вв. н.э., кое-где, в частности на Сухо-Чалтырском городище, даже слой конца I в. до н.э.²²⁹, и только на Хапровском городище пока обнаружен слой II–III вв. н.э.²³⁰ Однако отдельные категории материала из некрополя Кобякова городища (бронзовые фибулы, краснолаковая керамика) относятся к первой-второй трети I в. н.э.²³¹, что позволяет ставить вопрос о появлении городищ ближе к рубежу нашей эры²³².

²²⁸ *Каменецкий И.С.* Население Нижнего Дона в I–III вв. н.э.: Автореф. ... дисс. канд. ист. наук. М., 1965. С. 2–7; *Он же.* Итоги исследования Подазовского городища // СА. 1974. № 4. С. 221; *Он же.* Нижне-Гниловское городище (раскопки 1954–1955 гг.) // Краеведческие записки Таганрогского краеведческого музея. 1957. Вып. 1. С. 121–134; *Он же.* Городища донских меотов. М. 1993. С. 12–14, 145–153.

²²⁹ *Каменецкий И.С.* Светлоглиняные амфоры с Нижне-Гниловского городища // КСИА. 1963. Вып. 94. С. 29–36; *Кругликова И.Т.* Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижнедонской экспедиции // Археологические памятники Нижнего Подонья. М., 1974. 2. С. 182; *Копылов В.П., Томашевич-Бук И. Иванов А.* Разведочные работы на Сухо-Чалтырском городище в 1996–1997 гг. // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов, 1998. 15. С. 103.

²³⁰ *Беспалый Г.Е.* Исследования Хапровского городища в 1997 г. // Историко-археологические исследования... С. 25; *Казакова Л.М., Беспалый Г.Е., Коломенко Е.В.* Итоги охранных археологических работ на Хапровском городище 1995 г. // Историко-археологические исследования... С. 94.

²³¹ О материалах I в. н.э. из Кобякова городища и его некрополя см.: *Капошкин С.И.* Раскопки Кобякова городища и его некрополя // Археологические раскопки на Дону. Ростов-н. Д., 1962. С. 100; *Она же.* Итоги работ Кобяковской экспедиции // КСИА. 1965. Вып. 103. С. 47. Об отдельных категориях материала начала I в. н.э. см.: *Косыненко В.М.* Краснолаковая керамика некрополя Кобякова городища // СА. 1980. № 3. С. 219 (краснолаковая гл. релка и кубки первой-второй трети I в. н.э.); *Она же.* Бронзовые фибулы из некрополя Кобякова городища // СА. 1987. № 2. С. 47, 60 (фибулы с короткой круглой в сечении спинкой 1–2 групп начала I в. н.э. и типа Авдеевской первой половины I в. н.э.).

²³² *Каменецкий И.С.* Меоты... С. 241; *Шелов Д.Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н.э... С. 167–194. На территории Темерницкого городища засвидетельствована находка золотого римского ауреуса Клавдия и Агриппины Младшей (49–54 гг. н.э.). См.: *Безуглов С.И.* К реконструкции состава донских кладов боспорского золота // Донская археология. 2001. № 2. С. 91, 92. Следовательно, к концу первой половины I в. н.э. Темерницкое городище существовало.

Тогда время в разрушенном при Полемоне I Танаисе постепенно начинает восстанавливаться жизнь. На месте западной стены возникает постройка, напоминающая в плане типичную сельскую усадьбу I в. н.э. Появление амфорной керамики I в. н.э. в совокупности с отсутствием оборонительных стен²³³ говорит о том, что город стал возрождаться первоначально как небольшое рустифицированное поселение, вероятно, напоминающее обликом ранние нижнедонские городища. Не исключено, что в этот период он мог составлять одно из звеньев обороны по правому берегу Дона, тогда как городища Лювовское и Подазовское защищали дельту с юга. По своему характеру, особенностям материальной культуры все эти городища, включая Танаис, являются типичными меотскими памятниками, и лишь в отдельных случаях, как на некрополе Кобякова городища, прослеживаются элементы сарматского погребального обряда. На рубеже нашей эры меотские черты очень отчетливо проступают в некрополе Танаиса. Это металлические украшения, бусы, лепные и лощеные сосуды, аналогичные найденным в меотских комплексах на Прикубань²³⁴. Поэтому вполне обоснованным выглядит предположение, что появление нижнедонских городищ стало следствием переселения на Дон части меотов с р. Кирпили²³⁵. В таком случае в начале I в. н.э. «танаиты», включенные в царскую титулатуру Аспурга, представляли собой полувоенизированное земледельческое население будущей сельской округи Танаиса. А в рассматриваемое время это могла быть отодвинутая с р. Кирпили на Нижний Дон граница боспорских владений при Аспурге.

Процесс укрепления обороны восточных и северо-восточных рубежей путем расширения сети меотских городищ в Прикубанье и на Нижнем Дону совпал со строительством полувоенных полуаграрных поселений и крепостей – катойкий на царской хоре собственно Боспорского царства и потому должен расцениваться в контексте усиления царской власти и государства в целом. Северо-восточные и восточные рубежи царства имели несколько линий обороны. Первая служила защитой царских земель – округов, на которые делился Синдика. Одним из ее элементов являлось укрепленное городище

²³³ Болтунова А.И. К истории Танаиса // *Klio*. 1964. Bd. 42. S. 200–202; Она же. Был ли Танаис разрушен Полемоном? // ВДИ. 1969. № 2. С. 63; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в первые века н.э. ... С. 268, 269; Арсеньева, Беттгер, Виноградов. Указ. соч. С. 68–70.

²³⁴ Шелов Д.Б. Некрополь Танаиса. М., 1961. С. 93.

²³⁵ Каменецкий И.С. Население... С. 2–8; Он же. Итоги исследования Подазовского городища // Археологические раскопки на Дону. Ростов-н. Д., 1973. С. 12; Он же. Меоты... С. 241; Безуглов С.И., Гугуев В.К. Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I–III вв. н.э. (структура и эволюция погребального обряда) // Проблемы сарматской археологии и истории: Тез. Азов, 1988. С. 26; Власкин М.В. Археологические исследования в г. Ростове-н. Д. и Аксае в 1995–1996 гг. // Историко-археологические исследования... С. 44.

близ хут. Батарейного V в. до н.э. – IV в. н.э. Оно включало в себя цитадель и примыкавшие к ней поселение и имело два оборонительных рубежа: первый, проходивший восточнее городища, состоял из вала и рва и защищал местность с востока и с юга; второй представлял собой восточную оборонительную стену поселения, вал, соединявший ее с “батарейкой” – цитаделью на холме (165 × 150 м), окруженную кольцевидным рвом и валом с пятью башнями²³⁶. Это поселение и оборонительная система были промежуточным звеном обороны между землями местных племен, признававших боспорских правителей “царями”, и собственно административной территорией Боспора, названной в титулатуре Спартокидов и Аспурга как “мест. Боспор”.

Второй линией обороны выступали уже охарактеризованные выше прикубанские и нижнедонские меотские городища, защищавшие области расселения племен, подчинявшихся “царям” Боспора. Аналогичные структуры обороны в виде валов и рвов, отделявшие царскую хору от территории скифов и тавров, также подчинявшиеся Аспургу (см. ниже), находились и на Керченском полуострове (Узунларский и Ак-Монайский валы). На полувоенный статус меотов-танаитов в раннеимператорское время указывает то, что над ними стоял “лохаг танаитов”, один из верховных военных магистратов Боспора (см. CIRB. 1251a). Следовательно, местные племена, которые населяли укрепления на царской земле и подпадали под военную административную структуру царства (остров, область аспургинской области Танаиса, царская хора на европейском Боспоре), подчинились крупным царским чиновникам воинского ранга – хилиархам, стратегам, лохагам, ибо по статусу являлись военно-хозяйственными поселенцами. Параллельно боспорские цари создавали укрепления на землях в Прикубанье и Подонье, служивших буферной зоной между царской хорой Боспора и агрессивными племенами северокавказских степей, которые не входили в состав государства. Аналогичная политика проводилась и на европейской стороне пролива.

Какие же из местных племен могли в это время представлять потенциальную угрозу для Боспорского царства? Что потребовало укрепить восточные рубежи в одно время со строительством крепостей и укрепленных поселений по всей хоре? Это прежде всего сарматы и наиболее крупные и опасные из них роксоланы, а также племена сираков и аорсов. Чуть позже появились аланы. Союз племен роксоланов или ревксиалов, как в Диофантовом декрете, со II в. до

²³⁶ Захаров Н. Пограничное укрепление Боспорского государства на Северном Кавказе и Краснобатарейное городище // СА. 1937. Вып. 2. С. 229, 230; Аифимов Н.В. Городище восточной окраины Боспорского государства // Историко-археологический сборник: Научно-исследовательский институт краеведческой и музейной работы. М., 1948. С. 139, 140; Шилов В.П. О расселении меотских племен // СА. 1950. Вып. 14. С. 113–115.

II в. н.э. занимал огромную территорию от Дона до Днепра и во многом способствовал вытеснению в Крым скифов. Некоторые из роксоланов, особенно после разгрома Палака и Тасия войсками Митридата Евпатора, периодически возвращались на Дон, создавая возможную угрозу боспорским правителям – преемникам понтийского царя²³⁷. Не менее значительными и периодически опасными были племенные союзы сарматских племен сираков и аорсов. Первые занимали левобережье Дона, частично потеснив, частично ассимилировав живших в низовьях Танаиса меотов-язаматов. На рубеже нашей эры сираки стали главной политической силой в Предкавказье, Прикубанье и в междуречье Дона и Волги. Они не выходили к Гинаису, а населяли обширные районы в северо-восточном Предкавказье и Закубанье, непосредственно соседствуя с меотами. Именно в Северо-Восточном Приазовье проходила в это время граница расселения сираков и меотов, однако ассимиляция меотов сираками происходила здесь мирно. Это подтверждается совмещением сарматских и меотских черт в погребальном обряде местного населения²³⁸. Данные процессы привели к образованию меото-сиракского племенного союза²³⁹. О взаимоотношении аорсов и сираков с Боспором в постмитридатовскую эпоху свидетельствуют античные источники. В середине I в. до н.э., по-видимому, после поражений, нанесенных сарматам в 91–89 гг. до н.э. полководцем Митридата Евпатора Неоптолемом, цари аорсов и сираков Спадин и Абеак помогли Фарнаку организовать поход в Малую Азию, выставив соответственно 200 тыс. и 20 тыс. всадников, а верхние аорсы, обитавшие по Кипсию, даже еще больше конницы (*Strabo*. XI. 5. 8). Это говорит о дружественных и подчас союзнических отношениях сарматов с правителями Боспора в 50-х – начале 40-х годов до н.э. Это же подтверждает и участие сарматов на стороне Фарнака в его борьбе за власть с Асандром в 47–46 гг. до н.э. (*App. Mithr.* 120). В 45–49 гг. н.э. во время конфликта римлян с боспорским царем Митридатом III (см. гл. 5),

²³⁷ *Мачинский Д.А.* Некоторые проблемы этнографии восточноевропейских степей во II в. до н.э. // АСГЭ. 1974. Вып. 16. С. 125–128; *Шукин М.Б.* На рубеже эр. СПб., 1994. С. 145; *Максименко В.Е.* Сарматы на Дону. Азов, 1998. С. 165–167; *Глебов В.П., Смоляк А.Р.* Раннесарматское погребение с острова Поречный // Донская археология. 1998. № 1. С. 28.

²³⁸ *Марченко И.И.* Впускные сарматские погребения правобережья Кубани // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 37 и след.; *Анфимов Н.В.* Сложение меотской культуры и ее связи со степными культурами Северного Причерноморья // Проблемы скифской археологии. М., 1971. С. 172 и след.

²³⁹ *Ждановский А.М., Марченко И.И.* Сарматы в Прикубанье // Проблемы сарматской археологии и истории. Азов, 1988. С. 47; *Ждановский А.М.* К истории сиракского союза племен (по материалам курганных погребений Среднего Прикубанья) // Дон и Северный Кавказ в древности и средние века. Ростов-н. Д., 1990. С. 35–48.

аорсы, предводительствуемые царем Евноном, оказали помощь Риму и Котису I Боспорскому, младшему сыну Аспурга, а сираки под властью царя Зорсина поддерживали мятежного Митридата, старшего сына Аспурга, противника Римской империи (*Tac. Ann.* 15–20).²⁴⁰ Следовательно, на рубеже нашей эры сираки и аорсы активно вмешивались в династические распри боспорских правителей, поддерживая то одних, то других претендентов на трон. Их отношения с Аспургом, по всей вероятности, были мирными, однако, помня о не всегда дружественных акциях сарматов против его отца Асандра, Аспург мог не доверять этим варварам и продолжал вслед за отцом укреплять восточные границы царства. Поэтому в данном районе мы сталкиваемся с такой мощной системой пограничных укреплений, гораздо более многочисленных, нежели на западной границе Боспора. Аспург делал это в интересах греческих полисов и Римской империи, поскольку при Августе сарматские племена не признали римской власти и сохраняли самостоятельность, хотя и добились дружбы с Империей (*Flor.* 34; *Ampel.* 47; *RGDA.* С. 31). Только ориентацией Аспурга на Рим можно объяснить его боязнь сразу восстановить уничтоженные при Полемоне с санкции Августа оборонительные сооружения в Танаисе. Может быть до поры до времени царь не хотел усиления сармато-меотского влияния в городе. Ведь с эллинистической эпохи Танаис подчинялся Боспору, его окрестностями владели боспорские правители – тираны Пантикапей (*Strabo.* XI. 2.11; *Plin.* N.H. VI. 20). Создание укрепленных поселений и городищ в Нижнем Подонье и Прикубанье в I в. н.э. могло стать результатом стремления обезопасить эти регионы от сарматских вторжений, в том числе и аланских кочевников, которые вышли на политическую арену Причерноморья в середине–третьей четверти I в. н.э.

Усиливавшееся в первой половине I в. н.э. соперничество сираков и аорсов, которое вылилось в открытый конфликт при Клавдии, потребовало от Аспурга не только военных мер по обороне границ, но и решительных дипломатических шагов. Это способствовало сближению Боспора и сираков, возможной поддержке Аспургом сирако-меотского союза в Прикубанье и заигрыванию с аорско-сарматской знатью в Подонье.

Уже давно замечено, что появившиеся в I в. до н.э. – I в. н.э. сарматские курганные захоронения в Нижнем Подонье (где известно около 151 погребения) и в Прикубанье тесно соседствуют с расположенными рядом городищами земледельческого оседлого населения. Курганы дружинного погребения Золотое кладбище II–I вв. до н.э. – II в. н.э. практически одновременны меотским по-

²⁴⁰ Разбор античной традиции о сарматах см.: Максименко В.Е. Сарматы на Дону. С. 11–29; *Он же.* Античная традиция о населении Дона // *Донская археология.* 1998. № 1. С. 9–12.

принадлежность²⁴¹. Зубовско-воздвиженская группа курганов традиционно приписывается сиракам, рядом существовало не менее 10 меотских поселений²⁴².

Большая часть меотских городищ в Прикубанье имеет погребения I–II вв. н.э. В Нижнем Подонье курганные захоронения с богатым инвентарем совпадают с резким увеличением количества поселений по берегам Дона: близ Мокро-Чалтырского городища засвидетельствовано более 13 курганов I–II вв. н.э.²⁴³ Одновременно сарматские черты прослеживаются в некрополях Фанагории, Кеп, других городов Таманского полуострова²⁴⁴. Даже несмотря на то, что характер римского импорта в нижнедонских курганах документирует появление большинства из них лишь в середине – второй половине I в. н.э.²⁴⁵, отдельные комплексы возникают еще в начале I в. н.э., как, например, Крестовый курган и Гоголовский курган 3, в которых обнаружены материалы конца I в. до н.э. – начала I в. н.э.²⁴⁶ Более 400 сарматских комплексов из Правобережной Кубани дают тесное переплетение меотских и сарматских черт, особенно заметное на примере Калининского курганного могильника²⁴⁷. Благодаря связям меотов с Боспорским царством, появившиеся на их землях сарматы начинают активно втягиваться в экономические отношения с ним. Об этом го-

²⁴¹ Ждановский А.М. Новые данные об этнической принадлежности курганов "Золотого кладбища" // Археология и вопросы этнической истории Северного Кавказа. Грозный, 1979; Анфимов Н.В. Племена Прикубанья в сарматское время // СА. 1958. Вып. 18. С. 67; Каменецкий И.С. Меоты... С. 244; Десятчиков Ю.М. Сарматы на Таманском полуострове // СА. 1973. № 4. С. 77.

²⁴² Гуцуца И.И., Засецкая И.П. Указ. соч. С. 71–101; Ждановский А.М. К истории... С. 35–48; ср. Смирнов К.Ф. Основные пути развития меото-сарматской культуры в Среднем Прикубанье // КСИИМК. 1952. Вып. 46. С. 14; Каменецкий И.С. Меоты... С. 244; Виноградов В.Б. Сиракский союз племен на Северном Кавказе // СА. 1965. № 1. С. 108–121.

²⁴³ Мошкова М.Г. Указ. соч. С. 208; Каменецкий И.С. Меоты... С. 241; Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон. С. 194–197; Беспалый Е.И. Курганы сельской округи Танаиса // Историко-археологические исследования. С. 21–23; Raev B.A. Roman Imports in the Lower Don Basin. BAR Int. Ser., 278. Oxford, 1986. P. 63.

²⁴⁴ Десятчиков Ю.М. Сарматы... С. 70–73; Масленников А.А. Население... С. 70–100.

²⁴⁵ Раев Б.А. К хронологии римского импорта в сарматских курганах Нижнего Дона // СА. 1976. № 1. С. 123–135; Он же. Новое погребение с римским импортом в Нижнем Подонье // СА. 1979. № 4. С. 201–212; *Idem*. Op. cit. P. 56–63.

²⁴⁶ Raev B.A. Op. cit. P. 40, 41, 51.

²⁴⁷ Марченко И.И. Впускные сарматские погребения правобережья Кубани // Археолого-этнографические исследования Северного Кавказа. Краснодар, 1984. С. 37–71; Савченко Е.И. Комплекс сарматского времени у ст.Калининской // БС. 1994. 5. С. 87 и след.

входят распространенные в сарматских погребениях некоторые виды красноглиняной керамики II–I вв. до н.э. (сосуды с шарошатым туловом и горизонтальной ручкой, веретенообразные амфоры, сероглиняные сосуды и тарелки, как из боспорских центров производства, так и местного изготовления в Прикубанье), плоские прямоугольные зеркала и круглые с перфорацией, позолоченные серебряные ложечки, мелкие сосуды и шкатулки для благовоний, фибулы, нашивные бляшки, стеклянные подвески и бусы и т.д. Многие из этих вещей имеют близкие аналогии в некрополях Танаиса, Пантикапея и Фанагории²⁴⁸. Сюда относятся и предметы вооружений – бронзовые шлемы латенского типа, этрусско-италийского и аттического образцов, сарматские фалары, конские налобники поздних типов. Они попадали в погребальные комплексы вместе со шлемами в результате участия сарматов в войнах Митридата Евпатора²⁴⁹.

В богатых захоронениях племенной знати в большом количестве встречаются золотые и серебряные сосуды, бронзовые и серебряные дорогостоящие римско-италийские сервизы рубежа нашей эры и первой половины I в. н.э., как, в частности, в богатом погребении сарматского вождя начала I в. н.э. зубовско-воздвиженского типа из окрестностей пос. Цемдолин под Новороссийском. Оно связано с существовавшими в этом районе военными хозяйственными поселениями юго-восточных рубежей Боспора²⁵⁰. Погребение и весь могильник в целом показывает, что местные племена меотов и сарматов могли активно привлекаться на военную службу боспорскими правителями и из них формировались отряды боспорской конницы и поселенцев-катоиков на царской земле, известных как аспургиане. Дорогая римская провинциальная посуда и украшения в сарматских захоронениях на Нижнем Дону и в Прикубанье в I в. н.э. попадали туда не только вследствие грабительских набегов²⁵¹, но в основном как результат торго-

²⁴⁸ *Абрамова М.П.* Сарматская культура II в. до н.э. – I в. н.э. // СА. 1959. № 1. С. 55 и след.; *Мошкова М.Г.* Указ. соч. С. 207–209; *Савченко Е.И.* Указ. соч. С. 93; *Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // МИА. 1959. Вып. 1. С. 464; *Максименко В.Е.* Сарматы. С. 105–107; О меотской керамике и поселениях Прикубанья см.: *Каменецкий И.С.* Сероглиняные миски Пантикапейского VI городища // БС. 1994. Вып. 5. С. 5 и след.

²⁴⁹ *Раев Б.А., Симоненко А.В., Трейстер М.Ю.* Этрусско-италийские и кельтские шлемы в Восточной Европе // Древние памятники Кубани. Краснодар. 1990. С. 117–135; *Maslennikov A.A., Treister M.Yu.* Op. cit. P. 5–14.

²⁵⁰ *Мальшев А.А., Трейстер М.Ю.* Погребение зубовско-воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // БС. 1994. Вып. 5. С. 59–86.

²⁵¹ *Капошина С.И.* Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н.э. и в первые века н.э. // Античное общество. М., 1966. С. 174 (дорогие изделия в сарматских курганах это результат военных походов сарматов в ходе войн Митридата Евпатора и Фарнака).

ных связей, дипломатических даров знатым родам или платы за службу боспорским царям²⁵².

Об активном привлечении сарматов и их использовании в интересах Боспора царями Асандром и Аспургом свидетельствуют отдельные находки боспорских монет в сарматских курганах: в Нижнем Подонье в погребении кургана 13 близ Мокро-Чалтырского городища найдены два обола времени Митридата VI и обол времени Асандра – архонта 47–44 гг. до н.э.²⁵³; в сарматском погребении 1 кургана 26 у хут. Алитуб зафиксированы три медные монеты с монограммой ВΑΕ–Гелиос–звезда, полумесяц, Гермес в петасе–кадуцей, Геракл–палица, относящиеся к концу I в. до н.э. – первому десятилетию I в. н.э.²⁵⁴; пантикапейские 105–90 гг. до н.э. и 73–63 гг. до н.э. медные монеты обнаружены в сарматском погребении рубежа IV в. в Южной Башкирии у с. Иштучаново²⁵⁵. Хотя находки монет в погребениях сарматов редки, они тем не менее могут указывать на поощрение денег к кочевникам в качестве платы за службу Митридатидам и их преемникам на Боспоре. Это подтверждается обнаружением в сарматских погребениях в Косике и у ст. Михайловской бытовых предметов, в частности серебряной ложки с длинной ручкой, помеченных тамгообразным знаком Аспурга (см. гл. 4, примеч. 39). Эти вещи могли попасть к сарматам вследствие присутствия их отрядов на Боспоре или в результате торгового обмена. О торговых отношениях боспорцев с сираками говорит надгробная эпитафия Христиона, сына Асиатика, купца (ἑμπορος), умершего на земле сираков (ἐν Σιρακοῖς ἑθνικοῖς) (CIRB, 142).

Если верно предположение, что изделия из восточных римских провинций проникали в степь в виде даров или платы за службу, то тогда вполне вероятно их поступление через Боспор как часть римской помощи из Малой Азии, которую оказывали царям Боспора и части провинции Вифиния-Понт. Вместе с золотом, часть которого тратилась на чекан полновесных ауреусов Аспурга, богатые дары были предназначены обеспечить мирные взаимоотношения сармат-

²⁵² Шелов Д.Б. Римские бронзовые кувшины и амфоры в Восточной Европе // СА. 1983. № 4. С. 58; Клейн Л.С. О характере римского импорта в богатых курганах сарматского времени на Дону // АМА. 1979. 4. С. 219; Шолов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975. С. 165; Малышев А.А., Трейстер М.Ю. Указ. соч. С. 71, 72; Раев В.А. *Op. cit.* Р. 69.

²⁵³ Беспальный Е.И. Курганы... С. 21–23.

²⁵⁴ Зисецкая И.П., Лагоцкий К.С., Маливицкая Л.Э. Исследования Манычского отряда // АО 1971. С. 125; Максименко В.Е. Сарматы... С. 40. Рис. 32, 1; Мошкова М.Г. Указ. соч. С. 208; Раев В.А. *Op. cit.* Р. 10: в большинстве работ указано, что это монеты Митридата Евпатора, Асандра, Динамии и только одна принадлежит чекану Аспурга, тогда как все три монеты относятся ко времени правления Аспурга до получения им титула царя (см. Фролова Н.А. Монетное дело... Табл. 5, 18; 7, 15–17, 18).

²⁵⁵ Мошкова М.Г. Указ. соч. С. 208.

ских и боспорских царей, а значит сохранять спокойствие на северо-восточных рубежах Империи. Такая политика не могла не способствовать переходу аорсов в стан друзей и союзников римлян, что можно видеть на примере их царей Евнона, Фарзоя и Инисмея²⁵⁶.

Что до сираков, то усиление Великой Аорсии толкало их на установление более прочных отношений с Боспором для возможного противодействия аорсской экспансии. Это содействовало упрочению меото-сиракского союза племен и усиливало его зависимость от соседнего Боспора как раз в правление царя Аспурга. Именно меото-сиракские отряды оказывали боспорским царям помощь, обеспечивая охрану боспорского пограничья, их знать осуществляла связь с соседями, даваемыми в Прикубанье, Подонье и на Боспоре укрепленными поселениями. В качестве одного из звеньев этой политики можно считать возведение укрепленных поселений меотов и меотов-танантов соседствовавших с сарматскими курганными захоронениями. В результате стало возрождение Танаиса как звена в обустройстве защитного щита от угрозы нового противника – аланов, которых также старались привлечь дипломатическими дарами²⁵⁷.

Цари Боспорского государства активно пользовались межплеменными противоречиями и внутриплеменными процессами социальной дифференциации в сарматской среде, выделением оседлого населения и знати, заинтересованных в военной службе, чтобы использовать для охраны границ²⁵⁸. Это еще плотнее привязывало сарматов к Боспору, вовлекая в орбиту римской и боспорской политики. Мы не можем согласиться с утверждением, что сиракский союз племен возник для отпора экспансии Боспора²⁵⁹, так как все это говорит за то, что он мог служить буферной зоной между ним и сильно подверженными античному воздействию племенами междуречья Волги и Дона, а также Северного Прикаспия.

Укрепив положение на востоке, создав этим надежный щит для расширения экспансии на западе, Аспург предпринял успешные военные действия против Скифского царства в Крыму. Поскольку на надписи 23 г. н.э. царь величается как “подчинивший скифов и тавров” (CIRB. 39, ср. 40), то совершенно естественно предположить, что проникновение боспорцев в Крымскую Скифию происходило по

²⁵⁶ См., например: *Виноградов Ю.Г.* Очерк... С. 167, 168: переход аорсов в ряды “друзей Империи” можно, вероятно, связать с признанием их царей как “правителей Великой Аорсии”. См.: *Сидоренко В.А.* Фрагмент декрета римского времени из средневековой базилики под Мангуном // МАИЭТ. 1996. Т. 5. С. 35–60.

²⁵⁷ *Raev B.A.* Op. cit. P. 56–63.

²⁵⁸ *Масленников А.А.* Греки и варвары на “границах” Боспора // Древности государства Восточной Европы. 1996–1997. М., 1999. С. 188.

²⁵⁹ *Ждановский А.М., Марченко И.И.* К вопросу о периодизации раннего железного века в Прикубанье // Первая Кубанская археологическая конференция. Тез. Краснодар, 1989. С. 910.

второй декаде I в. н.э.²⁶⁰ По поводу этих событий существует несколько точек зрения. Согласно Т.Н. Высотской, победа Аспурга в Таврике не имела большого значения для судьбы Позднескифского царства, так как и скифская столица, и другие укрепления продолжали существовать и в первые века нашей эры²⁶¹. Д.С. Раевский считает, что во время похода Аспурга немалая часть Крымской Скифии была подчинена Боспору, в результате чего произошло переселение в Неаполь значительного контингента меото-сарматов, сторонников Аспурга, и это укрепило границы Боспора в Таврике. Зависимые от боспорских правителей тавры и скифы рассматривались как сила, отваживавшая Херсонес Таврический от попыток ослабить боспорский протекторат. Однако Скифское царство не прекратило существование. Вследствие установления у власти в Неаполе вассальной Аспургу династии сарматских царей, был заключен союз Скифии и Боспора, призванный расширить влияние последнего в Крыму и Северо-Западном Причерноморье²⁶².

Точку зрения Д.С. Раевского подверг критике В.М. Зубарь. Справедливо указав, что переселение в Неаполь эллинизированных сарматов вряд ли имело место в начале I в. н.э. поскольку подбойные могилы в его некрополе появляются там только в конце I-II вв. н.э.²⁶³, он делает затем два взаимоисключающих вывода. Первый – нельзя согласиться с тем, что при Аспурге “была захвачена большая часть поздней Скифии, включая ее столицу”; второй – “в период правления Аспурга поздние скифы Крыма потерпели серьезное поражение от боспорских войск, в результате которого вплоть до начала II в. н.э. не могли представлять серьезной угрозы для близлежащих античных центров”²⁶⁴. Так и остается неясно, какова была степень зависимости Крымской Скифии от Аспурга и каковы были последствия ее захвата Боспором.

Поход Аспурга в Таврику был предпринят в интересах самого боспорского царства и Римской империи. До этого местные скифы, тавры и сарматы только формально признавали господство и волю Рима. Создание в Прикубанье дружественного Боспору сирако-ме-

²⁶⁰ Зубарь В.М. Северный Понт... С. 28 (между 14–23 гг. н.э.); Колтухов С.Г. Новые материалы к периодизации и реконструкции оборонительных сооружений Неаполя Скифского // СА. 1990. № 2. С. 187 (8–23 гг. н.э.). Поход вряд ли был предпринят ранее 14 г. н.э., т.е. времени признания Аспурга царем Боспора.

²⁶¹ Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. Киев, 1979. С. 192.

²⁶² Раевский Д.С. К истории греко-скифских отношений (II в. до н.э. – I в. н.э.) // ВДИ. 1973. № 2. С. 113–118.

²⁶³ Зубарь В.М. Северный Понт... С. 29; Самый активный второй этап сарматизации Неаполя начался не ранее второй половины I в. н.э. См.: Пуздровский О.Э. Сарматы в Неаполи Скифському // Археологія. 1983. 3. С. 30–40.

²⁶⁴ Зубарь В.М. Северный Понт... С. 29.

отского союза, как и подчинение крымских скифов и тавров, обеспечивало римлянам надежность северо-восточных рубежей, открывало возможность установить прямые контакты с враждебными им еще варварами. Это ставило скифов и сарматов-сираков, и отчасти аорсов, в зависимость от целей и направления римской политики. Совпадение интересов Боспора и Рима при слабой еще возможности последнего решительно воздействовать на ситуацию в регионе не давало царям Боспора шанс расширить собственное могущество и приобрести новые территории. Пожары и многочисленные разрушения в Неаполе Скифском, на Усть-Альминском городище и других поселениях в первых десятилетиях I в. н.э.²⁶⁵, наглядно подтверждают, что боспорцы сумели захватить почти все скифские укрепленные городища от Феодосии до Неаполя. Во время скифо-боспорской кампании часть земель в Северо-Западном Крыму могла попасть в подчинение к Боспору. Аспург взял приступом городища Кара-Тобе, Чайку, Калос Лимен, где не позднее начала второй четверти I в. н.э. погибает часть зданий²⁶⁶. Это, вопреки мнению В.М. Зубаря²⁶⁷, свидетельствует, что большая часть Крымской Скифии оказалась во власти Боспора. Впервые после Митридата Евпатора его преемник на троне Боспорского царства сумел восстановить часть его прежних владений. В надписях скифы и тавры не фигурируют в титулатуре Аспурга как племена, признающие его царем, там говорится только, что он “подчинил скифов и тавров”. Это доказывает, что они не вошли в состав Боспора, как народы азиатской его половины, а сохранили долю автономии и право иметь своих правителей. Скорее всего Аспург добился признания своего суверенитета над населением Таврики, а отношения со Скифским царством рассматривал как установление протектората над ним через заключение скифо-боспорского союза с доминирующей ролью в нем Боспора.

Подчинение Таврики Боспору в некоторой степени было выгодно Херсонесу, так как это снимало постоянно нависавшую над ним угрозу нападения скифов и тавров. Херсонеситы могли даже оказывать содействие Боспору, о чем косвенно свидетельствует база ста

²⁶⁵ Колтухов С.Г. Указ. соч. С. 187; Он же. Позньоскіфські поселення східної частини Передгірського Криму // Археологія. 1991. 4. С. 88; Пуздринский О.Э. Кримська Скіфія в кінці II ст. до н.е. – першої половині III ст. н.е. // Археологія. 1992. 2. С. 129; Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев, 1994. С. 14.

²⁶⁶ Уженцев В.Б. Боспор и Северо-Западный Крым в первые века н.э. // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб. 1999. С. 311. О пожарах на Чайке и Кара-Тобе см.: Vnukov S.Y. The North Western Crimea: An Historical-Archaeological Essay // The North Pontic Archaeology: Colloquia Pontica. 2001. Vol. 6. P. 173.

²⁶⁷ В.М. Зубарь признает, что разрушения позднескифских городищ в начале I в. н.э. были результатом побед Аспурга, но необоснованно сомневается в захвате им большей части Скифии (Зубарь В.М. Северный Понт... С. 29).

иуи Аспурга в этом городе (см. выше). Отсутствие упоминания Херсонеса в титулатуре Аспурга можно расценивать как признание за персонесской общиной политической самостоятельности и подтверждение боспоро-херсонесского военного союза – симмахии, заключенного при содействии Рима. Победа Боспора в Крыму на некоторое время сняла с повестки дня вопрос об элевтерии Херсонеса. Она способствовала более тесному сближению с царями Великой Аорнии. Если верно предположение, что правивший в Неаполе в первой половине I в. н.э. царь Ходарз мог быть родственником аорсского царя Фарзоя (IosPE. I. (ed. 2) 669)²⁶⁸, то создание боспорско-скифского союза в Таврике с упором на сарматскую династию усиливало позиции Аспурга и в степях севернее Крыма, где в это время устанавливается господство аорсов²⁶⁹. Таким образом внешнеполитическое положение Боспора при Аспурге серьезно упрочилось, а расширение боспорского влияния в Таврике содействовало углублению процесса сарматизации местного населения, усилившегося к середине I в. н.э.

В ходе ведения войн в Таврике Аспург опирался на мощь крепостей царской хоры Боспора. Считается, что одну из ключевых ролей могло сыграть и укрепление в Кутлакской бухте на южном берегу Крыма, построенное якобы при Аспурге²⁷⁰. Это мощная подтреугольная в плане крепость площадью 2400 кв. м и толщиной стен до 1,8 м, с пятью или шестью башнями и казарменными прямоугольными постройками близко напоминает боспорские катойкии-батареи (рис. 8, 4). Оно определенно относится к категории военно-хозяйственных поселений и возникло как опорный пункт боспорского влияния в Таврике для защиты сухопутных и морских прибрежных коммуникаций. Укрепление появилось в середине-второй половине I в. до н.э. при Фарнаке или скорее всего в правление Асандра одновременно с другими подобными боспорскими крепостями на хоре Боспора. Есть предположение, что крепость относилась к Феодосии, а ее гарнизон комплектовался из этого города. Материал раскопок показывает, что гибель Кутлакской крепости относится к рубежу эр или самому началу нашей эры, т.е. это имело место при царе Аспурге, стремившемся подавить сепаратизм граждан Феодосии²⁷¹. Однако у нас нет данных о том, что Феодосия выступила против Аспурга в годы его отсутствия на Боспоре, напротив, косвенные признаки говорят за то, что город мог остаться в рядах его сторонников (см. выше). Скорее всего, крепость прекратила существование при

²⁶⁸ Раевский Д.С. Указ. соч. С. 117–119; Зубарь В.М. Северный Понт... С. 30.

²⁶⁹ Мачинский Д.А. Указ. соч. С. 131; Симоненко А.В. Сарматы Таврии. Киев, 1993. С. 117.

²⁷⁰ Зубарь В.М. Северный Понт... С. 29.

²⁷¹ Ланцов С.Б. Краткие сведения о боспорской крепости Кутлак-Афинеоне (?) псевдо-Арриана // ВДИ. 1999. № 1. С. 132–134.

Полемоне I в ходе войн с катойками европейского Боспора, во всем случае при Аспурге она уже не функционировала и царь не мог воспользоваться ею как базой для наступления вглубь Крыма²⁷². Укрепление служило опорой Асандра и Динамии в борьбе с Фарнаком Митридатом Пергамским и Скрибонием, а также для проникновения боспорского влияния в Южную Таврику, будучи расположенной на территории между Феодосией, Херсонесом и Скифским царством. Почему Аспург не восстановил крепость, неизвестно, может быть, в ее существовании в то время уже не было надобности, так как Скифское царство и тавры признали вассальную зависимость от Боспора, соседняя Феодосия входила в его состав, а Херсонес считался союзником боспорского царя.

Особенности политики Аспурга

Обеспечив безопасность границ Боспора на востоке и западе, стабильность отношений с местными племенами для Римской империи, царь Аспург сумел добиться внутриполитической консолидации в своем царстве. Он имел поддержку городов, заинтересованных в добрых отношениях с римлянами, тесные связи с сарматами и меотами, союз-симмахию с Херсонесом, признание превосходства Боспора со стороны тавров и скифов. Благоприятное развитие событий дополнялось временным невмешательством Тиберия в дела клиентских государств, так как принцепс решил оставить все в том виде, как было при Августе. Это позволяло Аспургу проводить сбалансированную “митридатовскую” политику, но не открыто антиримскую или исключительно проримскую, как было при Фарнаке, Асандре, Динамии и Полемоне I, а более умеренную – усиливать могущество Боспорского царства с целью противостоять варварской угрозе римским восточным границам. Он пытался добиться подъема своего царства, используя для этого удовлетворение интересов римской политики, полисов и сармато-меотских племен. К сожалению, от 11-летнего правления Аспурга дошло только незначительное число надписей, зато известно довольно много монетных серий. Что касается письменной традиции, то здесь мы сталкиваемся с полным молчанием античных писателей об Аспурге и Боспоре времени его правления. Поэтому для характеристики его политики мы вынуждены ограничиваться лишь нумизматическими, эпиграфическими и археологическими источниками.

До нашего времени дошло несколько серий монет Аспурга, с начала архонта или династа, а с 13/14 г. н.э. – царя. Среди его монетных выпусков с монограммой ВАМ встречаются семисы со знаком = 6 (вес 4–5 г). Они могли представлять собой половину номинала

²⁷² Ланцов С.Б., Труфанов А.А. Столовая посуда с лаковым покрытием из Каллакской крепости // ДБ. 1999. Вып. 2. С. 161–166.

монет IB = 12 единиц, чеканенных Аспургом-царем с монограммой ВАР. Известны монеты в 6 единиц с ВАР, поэтому было выдвинуто предположение, что монеты с ВАМ были переходными к римской системе счета. Когда Аспург получил титул царя, то единицей счета монет стала римская унция²⁷³. Это свидетельствует об определенной ориентации экономики и финансов Боспора на Римскую империю. Н.А. Фролова полагает, что это связано с контролем римских чиновников за монетным делом на вассальном Боспоре. Однако, скорее всего, это следствие той финансовой помощи со стороны Рима, которая способствовала регулярному чекану золота и была направлена на скорейшее восстановление военно-экономического потенциала Боспора. Помещение головы Августа на статеры 9–8 г. до н.э. – 13–14 г. н.э. (рис. 1, 11), а с 14–15 г. по 37–38 г. н.э. портрета Тиберия также подтверждает зависимость царской власти и государства от Римской империи. На золоте изображались только портреты Августа и Тиберия, а на реверсе исключительно бюст Агриппы. Параллельно Аспург чеканил медь, на которой помещались головы Тиберия и Калигулы (в 37–38 гг. н.э.) в обрамлении их титула, а на обороте портрет самого Аспурга с царской монограммой ВАР²⁷⁴ (рис. 1, 15–17). Впервые после царицы Динамии, которая ставила собственный портрет на золотые статеры, бюст правящего царя появился на монете, хотя и не на золотой, как раньше, а на медной, к тому же без полного титула, скрытого теперь в монограмме. Это говорит о том, что Аспург признавал право римских цезарей давать разрешение на чекан золота и не осмеливался демонстрировать склонность к политической самостоятельности помещением своего портрета на статеры, удовлетворившись правом иметь свое изображение на меди. Тем не менее последнее знаменательно, так как показывает тенденцию к пропаганде царского ранга Аспурга, в частности, это проявляется в увенчании его головы царской повязкой – диадемой. А его портрет вместе с портретом принцепса не только подчеркивал зависимость царя от Рима, но в некотором роде мог рассматриваться как выражение равенства царя и императора, хотя бы в глазах боспорских подданных. В целом же монетное дело Боспора при Аспурге отчетливо выдает большую степень клиентной зависимости этого государства от Рима, признание его верховной роли в политике по отношению к народам Северо-Восточного Причерноморья. Это доказывает сделанный ранее вывод, что все действия Аспурга были направлены на соблюдение интересов Империи, заинтересованной в стабильном и сильном Боспорском царстве.

Обращает на себя внимание чекан на реверсе статеров Аспурга при Тиберии и Калигуле портрета Агриппы, умершего задолго до

²⁷³ Зограф А.Н. Указ. соч. С. 196; Анохин В.А. Указ. соч. С. 86; Фролова Н.А. Монетное дело... С. 51.

²⁷⁴ Анохин В.А. Указ. соч. С. 150, 151; Фролова Н.А. Монетное дело... С. 68.

восшествия на престол Аспурга. Вряд ли это объясняется только популярностью имени и деяний соратника Августа, а также тем, что и в восточных частях римской державы продолжали ставить его лик на монеты в течение длительного времени. Его супруга Юлия, дочь Октавиана, ставшая женой пасынка Августа – Тиберия, разошлась с последним в 6 г. до н.э. Тиберий ненавидел Юлию, поэтому связь нового принцепса с Агриппой через нее полностью исключается, и с этой стороны помещение его изображения на монеты Боспора вместе с портретом Тиберия вряд ли могло вдохновлять местных монетариев. Одной из причин могла быть длительная любовь Тиберия к своей первой жене Випсании Агриппине, дочери Марка Випсания Агриппы от первого брака. Чтобы польстить Тиберию, покровителю Аспурга, боспорские монетарии могли поместить бывшего тестя принцепса на монеты, но это, думается, следует также отбросить. Боспорское население не знало всех тонкостей родственных отношений римских цезарей и их жен, поэтому причиной сохранения на долгий период штемпелей с портретом умершего в 12 г. до н.э. соратника Августа надо считать его содействие в приходе к власти на Боспоре Динамии, матери Аспурга, преемником которой выступил последний. Боспорский царь всячески подчеркивал в Риме преемственность власти, доставшейся ему не от Полемона I, а от матери, поэтому преклонением перед памятью Агриппы он стремился добиться расположения различных групп населения царства, среди которых имя его матери было очень популярно. Такая тенденция в политике Аспурга не могла иметь никакого противодействия в Риме, так как подчеркивала его уважение к великим соратникам Октавиана.

В ряду царских золотых Аспурга с ВАР мы имеем последовательную серию с датами от 311 г. п. эры = 14/15 г. н.э. вплоть до 334 г. п. эры = 37/38 г. н.э., года смерти Аспурга. В данном ряду отсутствуют только монеты от 312 г. п. эры = 15/16 г. н.э., 319 г. п. эры = 22/23 г. н.э., 322 г. п. эры = 25/26 г. н.э.²⁷⁵ Отсутствие монеты 312 г. п. эры иногда объясняют тем, что Аспург обращался за подтверждением царского титула во второй раз уже к Тиберию, после того как в первые это случилось при Августе²⁷⁶. Однако наличие статера 311 г. п. эры с портретом Тиберия и двух с монограммами ПАР и ДΥМ от 310 г. п. эры = 13/14 г. н.э. с портретом Августа не позволяет с этим согласиться. Отсутствие означенной монеты,

²⁷⁵ Анохин В.А. Указ. соч. С. 150; Фролова Н.А. Монетное дело... С. 72, 197. 1991 В.П. Яйленко и А.Л. Бертъе-Делагард неверно прочитали дату ВАР на золоте Аспурга 35 г. н.э., приняв это за его монограмму как сокращение βα(σιλέως) Τιβε(ριου) Ί(ουλίου) (Яйленко В.П. Указ. соч. С. 171; Бертъе-Делагард А.Л. Указ. соч. С. 223, 224). На самом деле это дата ВАР = 332 г. п. эры = 35 г. н.э. (см. Фролова Н.А. Монетное дело. С. 199; Анохин В.А. Указ. соч. С. 150).

²⁷⁶ Фролова Н.А. Монетное дело... С. 72.

как и других статеров от 22/23 и 25/26 гг. н.э., объясняется скорее тем, что они еще просто не обнаружены. Иными словами, уже в 14 г. н.э. Тиберий сразу после смерти Августа признал Аспурга царем Боспора, что было решено еще при его предшественнике, и чуть позже заключил с ним договор о дружбе (*amicitia*). После этого Аспург официально вступил в права римского гражданина, приобрел прерогативу именоваться и называть своих детей Тибериями Юлиями и бить монету с царской монограммой.

Среди памятников боспорской нумизматики имеются монеты с легендой $\text{TEIMAI BACILEYC KOTYOC}$, курульным креслом с венком, скипетром и бюстом на *aversе*, и TOY ACPYPOYTOY , круглым щитом, копьем, головой коня, шлемом, головой и мечом на *reверсе*. Их относили к Котису I, Рескупориду I, а теперь рассматривают как монеты Котиса II (123–132 гг. н.э.). Они были выпущены вслед за монетами Савромата I с аналогичной легендой²⁷⁷. Монетная легенда, которая переводится как “дары чести царя Котиса, (сына или потомка) Аспурга”, как и монограмма = $\text{TEIMAI TOY ACPYPOYTOY}$ или TOY ACPYPOYTOY на монетах Рескупорида I с его изображением в курульном кресле со скипетром с бюстом императора²⁷⁸, свидетельствуют, что перечисленные цари использовали инсигнии власти Аспурга, полученные им в Риме, как дань уважения последнему и в память о нем²⁷⁹. Ни чем иным как увековечиванием имени Аспурга можно объяснить и официальную титулатуру Котиса I, называвшего себя “сыном Аспурга” (CIRB. 41; 42; 958) “Дары чести” – курульное кресло, скипетр, венок, щит, меч, копье говорят о том, что Аспург получил их от римского императора Тиберия вместе с принятием в сенаторское и всадническое сословие и правом именоваться Тиберием Юлием, которое перешло и к его потомкам. Выше отмечалось, что в надписях 15–16 гг. н.э. царь Аспург титуловался только эпитетом “друг римлян”, такой же эпитет имел он и в 23 г. н.э. после победы над скифами и таврами (CIRB. 39; 985). Однако в надписи Менестрата, близкой по времени к надписи 23 г. н.э., дважды повторяется эпитет “друг римлян” и один раз эпитет “друг цезаря”

²⁷⁷ Орешников А.В. Каталог собрания древностей графа А.С. Уварова. М., 1887. С. 88. № 551; Зограф А.Н. Указ. соч. С. 200 (монеты Котиса I); Анохин В.А. Указ. соч. С. 101 (чекан Рескупорида I, но различает набор инсигний власти на его монетах и на монетах его отца Котиса I); Фролова Н.А. Монетное дело. С. 139–141 (монеты Котиса II). Высказанные Фроловой аргументы не во всем убедительны, поскольку остается возможность приписать монеты Котису I, ибо он постоянно подчеркивал, что являлся сыном Аспурга.

²⁷⁸ Орешников А.В. Каталог... С. 91; Зограф А.Н. Указ. соч. С. 201 (предложил читать монограмму как $\text{TITOY OYEPACIANOC AYTOKPATΩP}$); Анохин В.А. Указ. соч. С. 101.

²⁷⁹ Абрамзон М.Г., Фролова Н.А., Горлов Ю.В. Клад бронзовых боспорских монет конца I в. до н.э. – II в. н.э. (Анапа, 1978) // РА. 2000. № 3. С. 110.

(CIRB. 40). По данному поводу В.Д. Блаватский предположил, что получение этих эпитетов произошло в разное время и по разному поводу, поэтому в надписи Менестрата употреблены первый ранний и второй более поздний варианты титула царя²⁸⁰. Поскольку инициации власти Аспурга, переданные ему от римлян как вассальному царю, заключают в себе знаки военной доблести, победы и власти (щит, конь, меч, копье), то можно с большой долей уверенности предполагать, что боспорский царь получил вышеозначенные привилегии от императора сразу после успешной военной кампании против скифов и тавров. После этого Аспург сначала стал называть себя “Великим царем”, а затем официально добился от Рима признания своих заслуг в обеспечении безопасности границ Боспора на востоке и западе, а значит и в снятии потенциальной угрозы Риму со стороны варварского населения Северного Причерноморья. Скорее всего, это произошло в начале 20-х годов н.э. Несмотря на некоторое подчеркивание своей самостоятельности принятием титула “Великий царь,” Аспург укрепил северные и восточные рубежи *raх Romana*, поэтому Тиберий, стремившийся сохранить статус-кво в отношениях с клиентными правителями, смотрел сквозь пальцы на незначительное возрождение при Аспурге некоторых митридатовских традиций, понимая, что это всего лишь пропагандистский жест, рассчитанный на местное население. В целом же прочный проримский курс царя не мог вызывать у римлян особых опасений, поэтому они продолжали его поддерживать.

С победой над таврами и скифами связан выпуск медных монет с типом Ареса и военного трофея из оружия и доспехов с монограммами **ΒΑΜ** и позже с **ΒΑΡ**²⁸¹. Эти монеты и символика их типа были одинаково понятны боспорскому и меото-сарматскому населению, так как имели двойной смысл. Типологически они примыкают к известным квазиавтономным монетам понтийского митридатовского чекана типа Арес–меч²⁸², что подчеркивало преемственность традиций отмечать богов, популярных у бывших подданных Митридата

²⁸⁰ *Блаватская Т.В.* Рескрипты... С. 207. Примеч. 49. Ср. Comm. ad CIRB. 40 С. 47: в надписи *φιλοκαίσαρα καὶ φιλωρώμαιον* относится к Аспургу, поэтому в CIRB. 39 вполне допустимо восстановление... *τῶ[ι ἐκ βασιλέως Ἀσπυρῶ] ρόχου, φιλοκαίσαρ[ω] καὶ φιλωρώμα[ίω]* с отнесением титулов к Аспургу, а не к царю Асандр(о)у. Ср.: *Блаватский В.Д.* Раскопки Пантиканея // КСИИМК. 1950. Вып. 33. С. 26, 27; *Он же.* Строительное дело Пантиканея // МИА. 1957. № 56. С. 68–70; *Фролова Н.А.* Монетное дело... С. 72.

²⁸¹ *Фролова Н.А.* Монетное дело... С. 71; ср. *Кене Б.В.* Описание музеума понтийского князя В.В. Кочубея. СПб., 1857. Т. 2. С. 61.

²⁸² *Imhoof-Blumer Fr.* Die Kupferprägung des mithridatischen Reiches und anderer Münzen des Pontus und Paphlagoniens // NZ. 1912. 5. S. 175. Taf. I, 25, 26; *Wittmann ed.* 2, 1. P. 67. Pl. VII, 20.

Импатора²⁸³. Ареса широко почитали и в сармато-меотской среде²⁸⁴, что привлекало к Аспургу племена, обитавшие вдоль боспорских восточных границ и обогащавшиеся за счет военных кампаний и побед царей Боспора. Монеты с типом Ареса показывают, что какие-то военные успехи были достигнуты Аспургом еще до получения титула царя (не исключено, что это могло быть связано с победой над Полемоном I), по получении же царского титула он продолжил их чекан либо в связи с новыми военными успехами, либо в ознаменование своих военных побед вообще, способствовавших процветанию его самого и вверенного ему государства. Они показывают также, что римляне не сразу признали за Аспургом права римского гражданства и полноту привилегий вассального монарха, обладателя куркульного кресла, скипетра с портретом императора и титула “друга цезаря”. Это могло стать одной из причин, почему Аспург нигде и никогда не называл себя полным именем “Тиберий Юлий”. Столь длительное положение Аспурга в качестве “полупризнанного” Римом царя вызвано тем, что на престоле в Понтийском царстве находилась вдова Полемона I Пифодорида Филометора, имевшая права на Боспорское царство как домен ее бывшего мужа, но по решению Августа получившая в удел лишь малоазийские и колхидские владения. Не желая обострять отношения Понта и Боспора, Тиберий, следовавший политике Августа, не решался окончательно признавать Аспурга как “друга цезаря” со всеми вытекающими отсюда полномочиями. Но как только Аспург доказал, что может считаться верным вассалом Рима, а его оппоненты в Понте после смерти Пифодориды в 22/23 г. н.э. освободили престол, перешедший к Антонии Трифене, то Тиберий тотчас официально завершил дело о признании Аспурга союзником и другом римского народа с введением его в сенаторское звание. В самом Понтийском царстве это существенно облегчило приход к власти Антонии Трифены, дочери Полемона I и Пифодориды, не имевшей прав на Боспорское царство в отличие от ее матери и старшего брата Полемона (*Strabo*. XII. 3.29). Во избежание недоразумений с наследниками в Понте и особенно на Боспоре в связи с нежеланием портить отношения с Аспургом, римляне перевели этого Полемона из Понта в отцовский домен в Киликии, сделав его династом – жрецом храмового государства Ольба²⁸⁵.

Таким образом одной из главных черт внешней политики Аспурга было проявить себя вассалом Римской империи, чтобы при ее поддержке добиться усиления Боспора и династии Митридатидов. Благодаря тому, что Империя рассчитывала использовать Боспор-

²⁸³ () почитании бога Ареса на Боспоре см.: CIRB. 63; 120; 1237; Сапрыкин С.Ю. Бог войны Арес на оттиске перстня-печати из Восточного Крыма // ВДИ. 1997. № 1. С. 46 и след.

²⁸⁴ CIRB. 120: “бурный Арес номадов”. Ср.: Мошкова М.Г. Указ. соч. С. 210.

²⁸⁵ Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 332.

ское царство как гаранта безопасности границ на северо-востоке, то она была заинтересована в его военном и экономическом могуществе. Аспург чувствовал это и, пользуясь поддержкой императора, продолжал развивать эллинистические митридатовские традиции и порядки. Это выражалось в укреплении царского землевладения, опоре на военно-хозяйственных поселенцев-катоиков, привлечении на свою сторону дружественных меото-сарматов, создании новых и реконструкции старых военно-хозяйственных поселений-крепостей на царской хоре, сохранении некоторых полисных привилегий городов Боспора, которые они имели при его предшественниках. Одновременно Аспург заручился их поддержкой, ибо поощрял их экономику, расширял полисные права горожан, в частности, предоставив им возможность наследовать земельные участки – клеры, а не возвращать их полисной или царской администрации при отсутствии определенных категорий родственников, имевших права на наследство. Этим поддерживался баланс между царским и полисным землевладением, что всегда отличало эллинистическую систему социально-экономических отношений. Мы, по всей вероятности, имеем основания говорить о том, что при поддержке Рима Аспург сумел отстоять независимость Боспорского царства, добился политической и экономической стабильности, сохранив в силе многие из митридатовских традиций в управлении и структуре земельных отношений как опор царской власти и основы для дальнейшего роста военно-политического и экономического могущества государства. Политику Аспурга можно с полным правом рассматривать как продолжение той линии, которую отстаивали его родители Асандр и Динамия. Но в отличие от Аспурга они постоянно сталкивались с недовольством и интригами против них римлян, вытолкнувших их в конце концов с исторической арены. Аспургу же повезло больше, Римская империя при Августе и Тиберии не вмешивалась открыто в боспорские дела, предоставив царю самому решать все внутренние проблемы. Вот почему можно смело говорить, что именно Рим при Аспурге содействовал развитию Боспора по эллинистическому пути не препятствуя сохранению митридатовских традиций. Если при предшественниках Аспурга эти традиции являлись элементом противопоставления римской экспансии и даже средством проведения агрессивной наступательной политики, то при Аспурге они должны были работать исключительно в римских интересах и это содействовало их консервации на долгие годы.

Какие элементы “митридатизма” можно отметить на Боспоре в правление Аспурга? Помимо социально-экономических отношений о которых подробно речь шла выше, это в первую очередь идеологическая и религиозная политика царя. Об основных ее чертах можно судить по памятникам археологии и монетам. Наиболее ярко она проявилась в то время, когда Аспург еще не был царем и в обращение поступали многочисленные выпуски меди с ВАЕ и ВАМ. В это

время молодой правитель, только недавно победивший Полемона I, вынужден был доказывать свое право на трон и пытался заручиться поддержкой местного населения, апеллируя к нему при помощи митридатовской идеологии и близкой ему символике. Еще В.М. Брабич отмечал, что на монетах с ВAE и ВAM, чеканенных после смерти Динамии, постоянно встречаются изображения солярных богов или их атрибуты – Зевс-Аммон, Серапис, Гелиос-Митра, Аполлон, Персей, Арес и др. Эти типы монет имели ярко выраженную династическую направленность – стремление подчеркнуть божественную сущность власти Митридата Евпатора и его преемников²⁸⁶. Действительно, голова Горгоны на первом типе монет с ВAE (по Н.А. Фроловой) перекликается с типом митридатовских монет горгонейон / Ника, выпущенных в различных городах Понта и Пафлагонии. Этот образ тесно связан с популярным в Понте при Митридадах культом Афины²⁸⁷. Эта богиня на монетах с ВAE второй серии подтверждает митридатовскую символику боспорского типа, так как среди митридатовской квазиавтономной меди встречается аналогичный сюжет с головой Афины в коринфском шлеме²⁸⁸. Монеты типа Геракл–палица, Зевс–орел на молнии, Дионис–циста напрямую связаны с типологией монет митридатовского чекана городов, что доказывает прямое воздействие понтийского монетного дела на выбор типов монет с ВAE²⁸⁹. Персей, покровитель династии персидских царей и понтийских Митридатидов, также запечатлен на медных монетах с ВAE. В образе этого героя, как и бога войны Ареса (ср. серию меди Арес – трофей, монограммы ВAM и ВAP), на понтийско-пафлагонской меди нередко изображался сам Митридат Евпатор²⁹⁰, поэтому выбор типа боспорскими монетариями на рубеже IV в. можно объяснить популярностью митридатовской символики у населения Боспора. Змея, в том числе в короне Изиды, также является реминисценцией митридатовских религиозных представлений,

²⁸⁶ Брабич В.М. Египетские мотивы в монетной чеканке Боспорского царства конца I в. до н.э. – начала I в. н.э. // НЭ. 1960. Т. 2. С. 44.

²⁸⁷ Фролова Н.А. Монетное дело... С. 42. О монетах с горгонейоном и Афиной в митридатовской чеканке см.: Imhoof-Blumer Fr. Op. cit. S.176; WBR. I. ed. 2, I. P. 174. N 15. Pl. 18, fig. 14; Suppl. N, fig. 10 etc.; тип эгида – горгонейон / Ника см.: SNG. IX. The British Museum. 1: The Black Sea. L., 1993. Pl. XLVI. 1245, 1246 etc.

²⁸⁸ WBR. I, ed. 2. I. P. 63. N 17, 18.

²⁸⁹ О влиянии митридатовского монетного дела на боспорские монеты с ВAE и ВAM см.: Oreschnikow A.W. Zur Münzkunde des Cimmerischen Bosphorus. Moskau, 1883. S. 11–15; Зограф А.Н. Указ. соч. С. 192–198; Брабич В.М. Указ. соч. С. 44; о понтийско-пафлагонской меди типа Зевс–орел см. SNG. IX. N 1350, 1351 etc.), Дионис–циста (SNG. IX. N 1199–1208 – Амис).

²⁹⁰ Cumont F. Le Persee d'Amisos // RA. 1905. 5. P. 181–189; Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. С. 117–121; Olshausen E. Götter, Heroen und ihre Kulte in Pontos – ein erster Bericht // ANRW. B.; N.Y., 1990. Bd. II. 18,3. S. 1893 (Митридат Евпатор в образе Персея); S. 1874 (Арес как Митридат VI).

так как культ богини плодородия Изида был широко распространен в Малой Азии в позднеэллинистическую эпоху. Он тесно связан с популярным в Синопе и других областях Пафлагонии культом Сераписа, а также местными богинями плодородия Кибелой, Артемидой, Афродитой-Анаит²⁹¹. Афина также почиталась в Восточной Анатолии в образе Ма-Кибелы, ее отождествляли с Анаит-Артемидой или Афродитой. Отсюда совмещение портрета Афины и свернувшейся змеи на монете Боспора как отражение синкретизма малоазийских культов. Бюст Посейдона и трезубец связаны не только с атрибутикой спартанской династии, но и с почитанием этого бога в Синопе, столице Понта, где он воспринимался с эпиклесой Геликония²⁹². Лежащий бык на монетах Боспора с ВAE может быть не столько символ культа Деметры, сколько Артемиды Таврополы, популярной в Анатолии и нередко отождествляемой с греческой Деметрой или Афродитой, Анаит и Ма²⁹³. Голова Гермеса в петасе и кадуцей также не чужды митридатским типам, поскольку встречаются на монетах Синопы (Гермес в петасе) и Херсонеса Таврического (Гермес в петасе и кадуцей) конца II – начала I в. до н.э. (SNG. IX. N 815, 816, 1503). На некоторых монетах Боспора означенной серии фигурирует лев: он обычно выступает на памятниках как символ солнца, прославляющий величие и могущество властителя. Об этом свидетельствует фигура льва, покрытая знаками солнца и с полумесяцем под шеей, на одном из коммагенских рельефов. На боспорской монете лев сопровождает восьмиконечная звезда или солнце²⁹⁴, что явно навеяно понтийскими митридатскими представлениями о власти. Ведь среди типов митридатской монеты встречается изображение льва и пантеры, в частности на монете Амасии, где лев запечатлен на реверсе, а Гелиос в лучевой короне – на аверсе (WBR. I. (ed. 2.) Fasc. 1. P. 33. N 5. Pl. IV, 8).

Однако особый интерес вызывают медные монеты с головой Гелиоса в лучезарном венце на л.с., а на обороте – одна шестилучевая, а другая восьмилучевая звезда, полумесяц и монограммы BAI и BAM (рис. 1, 14)²⁹⁵. Их типология удивительно совпадает с изобра-

²⁹¹ *Magie D.* Egyptian Deities in Asia Minor in Inscriptions and Coins // *AJA*. 1953. 57. P. 180; *Olshausen E.* Op. cit. S. 1870.

²⁹² *Olshausen E.* Op. cit. S. 1897; *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Люди и боги: религиозные представления в Понтийском царстве // *Человек и общество в античном мире*. М., 1997. С. 407.

²⁹³ *Cumont F.* Notes sur le culte d'Anaitis // *RA*. 1905. 5. P. 24–31; *Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А.* Указ. соч. С. 422–424.

²⁹⁴ *Фролова Н.А.* Медные монеты... С. 12 (тип 2); *Она же.* Монетное дело... С. 182. Табл. V, 5а–14; *Анохин В.А.* Монетное дело... С. 149, № 257. Табл. 10, 257; 11, 281.

²⁹⁵ *Зограф А.Н.* Указ. соч. С. 192–195. Табл. XLIV, 20; *Анохин В.А.* Монетное дело... С. 148, № 270, 294 (монеты ошибочно приписываются третьему правлению Динамии, что полностью противоречит источникам); *Фролова Н.А.* Монетное дело... С. 42. Табл. V, 17; С. 50. Табл. X, 18–22.

жением на золотой пластине от погребального венка из некрополя Горгииппии, на которой представлен бог Гелиос на колеснице со скипетром или плетью, звездой и полумесяцем над головой. В свое время мы выдвинули ряд аргументов в пользу того, что на пластине в образе Гелиоса-Митры мог быть запечатлен царь Аспург, а символы солнца и луны являются династической эмблемой или гербом Ахеменидов-Митридатидов. Такие пластины стали особенно популярными со времени Аспурга и были призваны подчеркнуть величие царя и его происхождение от Митридатидов, в частности Митридата VI²⁹⁶. Соответственно и на монетах должен тогда быть представлен бог Гелиос-Митра, покровитель Митридатидов как воплощение образа царя из этой династии. Ведь и Митридат Евпатор изображался в виде Гелиоса²⁹⁷, а на боспорских монетах времени его правления чеканился лик этого солнечного бога²⁹⁸. В таком случае Гелиос как покровитель династии должен был обозначить преемственность власти в Боспорском царстве от Митридата Евпатора к Динамии и Аспургу, воспринимавшимися в качестве божественных правителей.

Однако эта точка зрения на семантику монет и наше объяснение изображения на горгииппийской пластине встретили возражения со стороны некоторых исследователей. Н.А. Фролова полагает, что Гелиос, звезда, полумесяц, лев, пальмовая ветвь не могут прославлять величие властителя, поскольку в монограммах ВАЕ и ВАМ скрыты имена монетариев, которые отвечали за выпуск монет. Она считает, что близость этих символов к типологии монет других вассальных Риму государств, в частности Мавретании при царе Юбе II, свидетельствует о прямом влиянии римского монетного дела на монетариев Боспора при выборе ими типов монет. В доказательство сию приводятся монеты Публия Клодия с изображением Гелиоса – звезды и полумесяца, а также монеты Турпилиана с аналогичными типами²⁹⁹. Между тем еще со времен А.Л. Бертье-Делагарда и А.В. Орешникова установилось твердое мнение, что в монограммах ВАЕ и ВАМ скрыты имя, титул и эпитет царя Митридата VI Евпатора: ВА(Σ)ΙΛΕ(ΥΣ) ΜΙ(ΘΡ)ΙΔΑΤ(ΗΣ) Ε(Υ)ΠΑΤΩΡ. А.Л. Бертье-Делагард подсчитал, что из 15 типов аверсов монет с ВАЕ шесть

²⁹⁶ Minns E. Op. cit. P. 388. Fig. 285: золотой погребальный или жреческий венок с прометопедоном в виде оборота монеты с ВАЕ. Ср. прометопедон от венка из некрополя Горгииппии с предполагаемым изображением Аспурга как Гелиоса: Сапрыкин С.Ю. Золотая пластина из Горгииппии // ВДИ. 1983. № 1. С. 70. О наделении Гелиоса на монетах чертами Митридата VI см.: Болтунова А.И. К надписи IosPE II.400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 174.

²⁹⁷ Krug A. Ein Bildnis Mithridates' VI. von Pontos // AA. 1969. 84. S. 193; Olshausen E. Op. cit. S. 1880. Ср. монеты Амасии типа Гелиос-лев (WBR. I. Ed. 2. 1. P. 33. N 5; Imhoof-Blumer Fr. Op. cit. S. 182. N 79).

²⁹⁸ Анохин В.А. Монетное дело... С. 145. № 195 (Горгииппия).

²⁹⁹ Фролова Н.А. Монетное дело... С. 51, 52.

одинаковы с изображениями лицевых сторон монет городов Понтия и Пафлагонии времени Митридата Евпатора, а из пятнадцати типов реверсов четыре являются тождественными³⁰⁰ – аргумент, который Фролова почему-то приводит в доказательство римского воздействия на чекан меди в Боспорском царстве (sic!). Что же до римских денариев и ауреусов с Гелиосом, звездой – солнцем и полумесяцем, то их типология напрямую заимствована с Востока, когда восточные культы и религиозные представления активно распространялись в провинциях Римской империи. На это указывают, в частности, монеты Амастрии эпохи ранней Империи с бюстом Гелиоса вправо – звездой и полумесяцем, выпущенные от имени койнон городов Понта (WBR. I. ed. 2. 1. P. 170. N 29. Pl. XVIII, 29). Поскольку Боспор имел тесные связи с провинцией Вифиния-Понт, а ранее с Понтийским царством, то вполне естественно, что тип монет Гелиос-звезда, полумесяц попал туда из Малой Азии, а не из далекого Рима, тем более что в 38–18 гг. до н.э., когда были выпущены монеты Публия Клодия и Турпилиана, римские монетные чиновники не могли отвечать за чекан монет в Пантикапее или каком-либо ином городе Боспорского царства. Поэтому мы пока не склонны принимать критику нашей концепции и не отказываемся от мнения, что рассмотренная символика на Боспоре могла быть навеяна митридатовскими традициями и религиозными представлениями, так как они являлись идеологическим обоснованием прав Аспурга на власть.

После получения царского титула Аспург перестал демонстрировать на монетах атрибутику митридатовской идеологии. Он стал открыто выражать собственный вассалитет по отношению к Риму, помещая на лицевую сторону монет портрет Тиберия, а с 37 г. н.э. Калигулы. На реверс монет он ставил собственное портретное изображение в царской диадеме и с прической, напоминающее царственный лик Митридата Евпатора как это было воспроизведено на понтийских золотых и серебряных монетах. Профиль портрета Аспурга – длинные волосы, спадающие сзади на плечи, пряди волос на лбу, чуть припухлое суровое лицо и нос с горбинкой, – все в облике царя выдает мужественный образ правителя-воина, характерный для эллинистических портретных изображений властителей (рис. 1. 15–17). Это должно было восприниматься подданными как проявление независимой воли и стремление повелителя сохранять традиционные эллинистические устои государственной жизни. В облике этого монарха ничто не указывает на сарматские черты династии; наоборот, мы видим здесь почти полное следование классическим образцам портретов эллинистических правителей Востока. А это может быть лишним аргументом в пользу родства Аспурга с понтийскими Митридатидами.

³⁰⁰ Бертъе-Делагард А.Л. О монетах... С. 138, 150, 151; Oreschnikow A.W. Op. cit. S. 11–15.

Упоминавшиеся уже рескрипты Аспурга горгиппийцам и золотая пластина с его предполагаемым изображением в виде Митры-Гелиоса свидетельствуют об особом привилегированном положении Горгиппии при этом царе, тем более что в ее окрестностях обитали так называемые аспургиане, сыгравшие решающую роль в приходе Аспурга к власти. Существует даже предположение, что город мог стать одной из резиденций Аспурга в начальные годы его правления³⁰¹. Это косвенно подтверждается находками там черепицы с царской тамгой Аспурга, изготовленной в принадлежавших ему керамических мастерских, и столовой посудой с аналогичным знаком из окрестностей соседних Бат, произведенной в той же Горгиппии³⁰². В первые годы правления возникла серьезная оппозиция власти Аспурга, связанная с притязаниями на престол других претендентов, политикой римлян и недолюбовью широких торгово-ремесленных слоев. Это способствовало открытой демонстрации Аспургом митридатовской символики и следованию митридатовским традициям с целью привлечь сторонников среди военно-хозяйственных поселенцев. В этой ситуации, но особенно после побед в Таврике и торжественного признания его власти Римом, ему было просто необходимо ввести официальный культ божественного правителя по примеру не столько императора Августа, сколько его прадеда Митридата Евпатора. Это позволило предстать законным наследником престола, обеспечило поддержку варварского и греческого населения. Для этих целей более всего подходил культ солнечного бога, перекликавшийся с традициями Митридатидов, популярными на Боспоре и в начале I в. н.э. Горгиппийцы при этом могли сыграть важную роль, тем более что почитание ими Гелиоса восходило еще к эпохе Митридата Евпатора, как о том говорит серебряная драхма конца II в. до н.э. с ликом этого бога.

Проявляя давнее расположение к Аспургу, горгиппийцы могли инициировать установление культа божественного правителя, ставшего популярным по всему царству, в особенности после успехов во внешней и завоевательной политике. Введение культа обожествленного царя содействовало внутривластной стабилизации на Боспоре, примирению различных социальных и политических группировок. Как отмечал В.Д. Блаватский, обожествленному царю Аспургу посвящали храмы в различных городах Боспора, но остатки одного из них обнаружены пока только в Пантикапее. По его мнению, этот храм был пятиколонным, а его строительство, как и само обожествление, было следствием провозглашения императора Августа богом и возведения ему и РOME храмов в восточных провинци-

³⁰¹ Алексеева Е.М. Горгиппия в системе Боспорского государства. С. 70; Она же. Античный город Горгиппия. М., 1997. С. 55.

³⁰² Цветаева Г.А. Кирпичи... С. 100; Алексеева Е.М. Античный город... С. 55.

ях империи³⁰³. Однако тщательное изучение фасада архитрава с посвящением Аспургу (CIRB. 39) показало, что он использовался не в храмовой постройке, а в некоей стеновой мемориальной конструкции или утилитарном сооружении небольших размеров, но никак не в колоннаде³⁰⁴. Этот вывод не ставит под сомнение гипотезу об обожевлении Аспурга, так как надпись является посвящением этому царю. Однако обожевление этого правителя было следствием римской политики или воздействия культа божественного Августа, а прямым результатом сохранения митридатовских традиций, когда провозглашение царя богом приравнивалось к идее воспринимать предка Аспурга, царя Митридата VI, как Нового Диониса или Митры-Гелиоса. Поэтому Аспурга также могли почитать как Гелиоса Митру, Аполлона или даже Зевса, а быть может и как Персея предка Митридатидов, о чем говорят боспорские монеты рубежа нашей эры. Подобное обожевление было в духе преемников понтийских царей, использовавших в своих целях противоположность интересов эллинского и варварского населения. Оно свидетельствует о синкретизме греческой и местной религий, начавшемся в Понтийском царстве и перекинувшимся на Боспор в позднеэллинистическую эпоху.

Ко времени правления на Боспоре преемников Митридата Евпатора относится распространение среди населения характерных ирано-малоазийских культов, что, помимо монет, нашло отражение и на коропластике. Это повсеместно встречающиеся в слоях I в. до н.э. – I в. н.э. терракотовые фигурки всадников, стоящих воинов, богов Аттиса-Мена, Митры-Аттиса на быке, Митры Таврохтона и других. Анализ смысла этих изображений с точки зрения культовой символики сделан нами в другом месте³⁰⁵, здесь же считаем необходимым подчеркнуть, что эти культы были особенно близки мировоззрению жителей хоры Боспорского царства, катойкам, которые занимались сельским хозяйством и военным делом. Именно они больше всех старались поддерживать митридатовские традиции, на них стремились опереться преемники Митридата Евпатора, включая и Аспурга. Поэтому “митридатовская” пропаганда этого царя, выраженная на монетах, адресовывалась прежде всего этому слою населения. К. Навотка вряд ли прав, утверждая, что задачей боспорской пропаганды на рубеже эр было доказать лояльность Риму, а подданным собственный суверенитет³⁰⁶. Здесь скорее просматривается отголо-

³⁰³ Блатовский В.Д. Новые данные о строительстве Пантикапея // СА. 1954. № 17. С. 176; Он же. Пантикапей. С. 148; Блатовская Т.В. Рескрипты. С. 208.

³⁰⁴ Крыжицкий С.Д. К проблеме строительства в Северном Причерноморье храмов с нечетным количеством колонн по главному фасаду // ВДИ. 2000. № 1. С. 148–152.

³⁰⁵ Сапрыкин С.Ю., Масленников А.А. Указ. соч. С. 426–440.

³⁰⁶ Nawotka K. Op. cit. P. 337.

сок дальновидной политики Аспурга: под прикрытием лояльности и дружбы к Риму, защищая его интересы, сохранить эллинистические устои государства, развивать царское землевладение, поддержать катойков, уравновесить интересы торгово-ремесленной верхушки полисов и варварской знати, обеспечить благосостояние широких городских слоев. Для этого требовалось сохранить устойчивый баланс римского влияния и митридатовских традиций, подпитывавших эллинистический характер боспорской государственности. В этом заключался смысл всей многолетней деятельности Аспурга, сумевшего добиться подъема могущества Боспорского царства после всех катаклизмов, которые пришлось на его долю в последней четверти I в. до н.э.

ГЕПЕПИРИЯ И МИТРИДАТ III: РАЗРЫВ С РИМОМ И ПАДЕНИЕ “МИТРИДАТИЗМА”

Равновесие между проримской и митридатовской тенденциями в политике Боспора, гарантировавшими стабильность и процветание, продолжалось до самой смерти Аспурга. Последней его золотой монетой считается статер 334 г. п. эры = 37 г. н.э., а медной – ассарий с головой Калигулы и его полным именем на аверсе: ΓΑΙΟΥ ΚΑΙΣΑΡΟΣ ΓΕΡΜΑΝΙΚΟΥ (рис. 1, 11)¹. Император Тиберий, покровитель Аспурга, скончался 16 марта 37 г. н.э., его на престоле сменил Калигула. Хотя и считается, что помещением портрета Калигулы на медные монеты Аспург якобы засвидетельствовал признание своей власти с его стороны², мы с полным основанием это утверждать не можем, так как на золоте 37 г. н.э. сохранился еще портрет Тиберия. В том же году в обращение поступил золотой статер с царской монограммой Гепепиии, супруги Аспурга, на котором по-прежнему фигурировал бюст Тиберия, как и на статере следующего 38 г. н.э. (рис. 1, 19)³, несмотря на то что у власти уже находился Калигула. Это дает основание предположить, что Аспург лишь домогался официального признания Калигулой своей власти, но не успел этого добиться из-за своей смерти, последовавшей, очевидно, после кончины Тиберия. Что стало причиной смерти боспорского царя, нам, к сожалению, неизвестно, мы знаем только, что престол перешел к его вдове Гепепиии, а не к старшему сыну Митридату. Об этом свидетельствуют золотые статеры Гепепиии от 37–38 гг. н.э. с царской монограммой ВАНР.

Любопытно, что в течение полутора лет своего правления царица упорно изображала на аверсе своих статеров не нового принца Калигулу, а покровителя династии Тиберия. На параллельном

¹ *Zograph A.N.* Ancient Coinage. // BAR. Suppl. Ser. 33. Oxford, 1977. P. 315; *Анохин В.А.* Монетное дело Боспора. Киев, 1986. С. 95. Таб. 12, 317, 320; *Фролова Н.А.* Монетное дело Боспора. М., 1997. Т. 1. С. 68, 73. Кат. Стр. 22, стр. 199. Таб. 13, 16–17.

² *Фролова Н.А.* Монетное дело... С. 73.

³ *Орешников А.В.* К нумизматике преемников Аспурга // ИРАИМК. 1921. Т. С. 2, 3; *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 151. № 324, 325; *Фролова Н.А.* Указ. соч. С. 73–80; 204. Таб. 17, 15–17; А.Н. Зограф считал монограммы ВАР и ВАIII принадлежавшими Аспургу, отрицая отнесение последней к Гепепиии (*Zograph A.N.* Op. cit. P. 315).

выпуске меди она вообще осмелилась отступить от общепринятых норм монетного дела Боспора римской эпохи помещать на лицевую сторону монет лик императора, заменив его своим портретом. На обратной стороне монет она ввела совершенно невиданную доселе практику – ставить свое полное имя и титул ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΑΠΥΡΕΩΣ, сопроводив их изображением покровительницы Боспора богини Афродиты Урании Апатуры в калафе и покрывале. В образе богини можно было при желании легко угадать черты самой правительницы (как чуть ранее на аналогичных монетах Кесарии в облике богини воспринимали тогдашнюю повелительницу Динамию) (рис. 1, 20). Афродита считалась одной из покровительниц императорской семьи Юлиев-Клавдиев, в частности супруги Августа Ливии и сестры Калигулы Друзиллы (IGR. IV. 145 = *Syll.* (ed. 3.) 798). Поэтому в выборе монетного типа можно, наверное, усматривать и преклонение перед Римом⁴, желание расположить к себе Калигулу.

По поводу личности самой Гепеирии и ее монетной чеканки существуют различные точки зрения. Ее считали и продолжают считать женой Митридата III⁵, хотя большинство исследователей давно убеждены, что этот Митридат приходился ей сыном⁶. Об этом свидетельствуют монеты Митридата с ее портретом на реверсе, изображение царицы и ее монограммы на монетах Котиса I, ее младшего сына, и сообщение Петра Патрикия, в котором упоминается мать Митридата и Котиса, но не приводится ее имя. Н.А. Фролова убедительно доказала, что Гепеирия была женой Аспурга и матерью его сыновей Митридата и Котиса I, будущих царей Боспора⁷.

⁴ Анохин В.А. Указ. соч. С. 151. № 326; Фролова Н.А. Указ. соч. С. 76; Абрамзон М.Г. Медный чекан Гепеирии и некоторые проблемы политической истории Боспора // ПИФК. 1996. Вып. 3. С. 18. Ранее ошибочно считали, что все монеты с именем Гепеирии чеканены при Митридате III (Зограф А.Н. Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 197; Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 326; Minns E. *Scythians and Greeks*. N.Y., 1971. P. 597). Л. Форрер полагает, что богиня в калафе – это Ливия в образе Афродиты (Forrer L. *Portraits of Royal Ladies on Greek Coins*. Chicago, 1969. P. 51).

⁵ Кене Б. Описание музеума покойного князя В.В. Кочубея. СПб., 1857. С. 213–215; BMC. *Pontus, Bithynia and the Kingdom of Bosphorus*. L., 1889. P. 51; Ламышев В.В. ПОНТИКА. СПб., 1909. С. 110; Seaby H.A. *Greek Coins and Their Values*. L., 1966. P. 116. N 1420: ошибочно принимает ее бюст на монетах с богиней в калафе на реверсе за портрет мужа Гепеирии царя Митридата III; Forrer L. *Op. cit.* P. 51.

⁶ Minns E. *Op. cit.* P. 601; Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1916. 25. С. 20; Орешников А.В. Указ. соч. С. 5; Фролова Н.А. О времени правления Гепеирии и Митридата III // ВДИ. 1977. 3. С. 170; Она же. Монетное дело... С. 74–80; Анохин В.А. Указ. соч. С. 95; Гайдукевич В.Ф. Указ. соч. С. 326; Абрамзон М.Г. Указ. соч. С. 18; Яйленко В.П. Династическая история Боспора от Митридата I императора до Котиса I // ЭПЯДАКАСП. 1990. С. 172–174.

⁷ Фролова Н.А. О времени... С. 170; Она же. Монетное дело... С. 74–80.

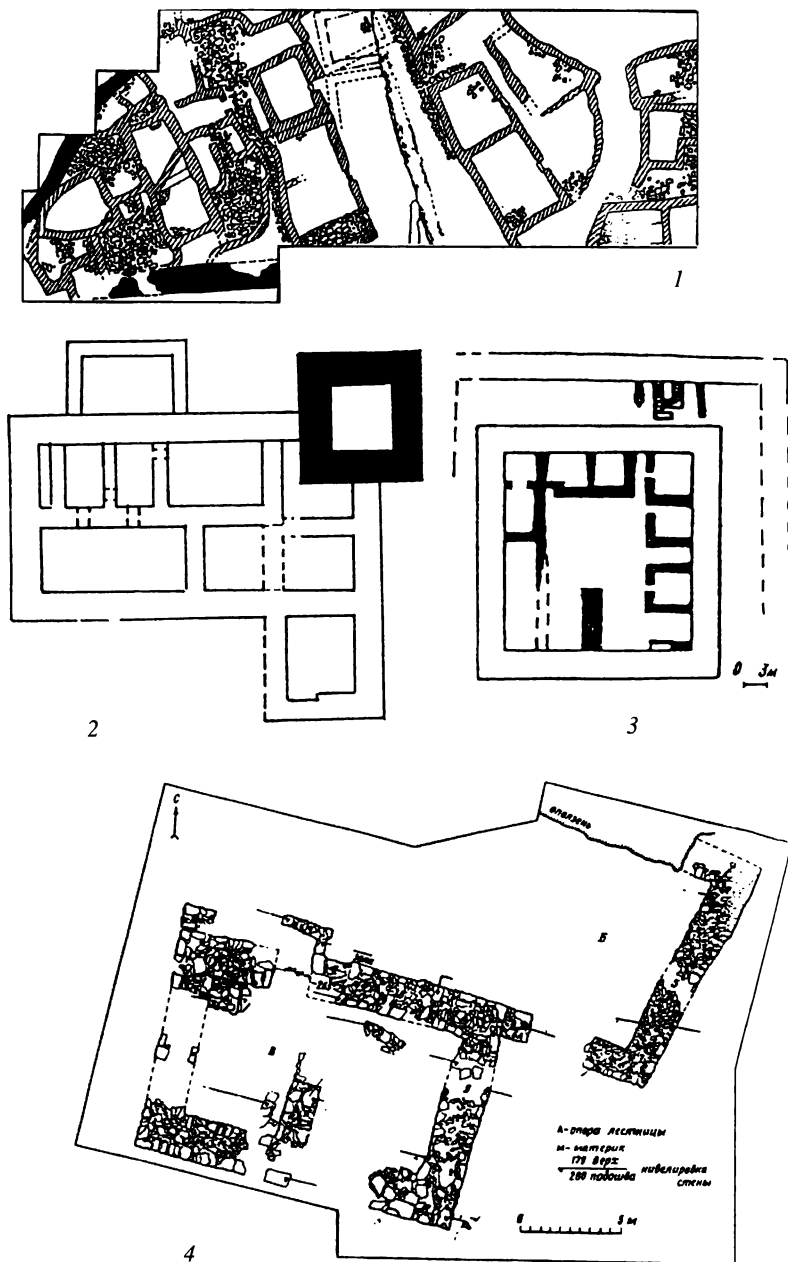

Рис. 11. Укрепления 2 – катойкии Боспора рубежа н.э.

1 – Полянка; 2 – Новоотрадное I в. до н.э. – I в. н.э.; 3 – Михайловка; 4 – Анапский
(по А.А. Масленникову, Б.Г. Петерсу, Е.М. Алексеевой)

О правлении Гепеирии имеются только данные нумизматики и не во всех деталях ясный отрывок из сочинения Петра Патрикия, автора VI в. н.э. К первым относятся статеры 37 и 38 гг. н.э. с ее царской монограммой , медные ассы с ее именем и титулом, а также медные монеты Митридата III, на лицевой стороне которых изображался сам Митридат вправо, легенда ΒΑΣΙΛΕΥΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ, а на оборотной – бюст Гепеирии вправо, легенда ΒΑΣΙΛΙΣΣΗΣ ΓΗΠΕΙΡΕΩΣ, знак стоимости ΙΒ⁸. На одной из серий меди Котиса I 45–50 гг. н.э. помещены портрет Гепеирии, ее царская монограмма ΒΑΝΡ, а на обороте Афродита Урания и царская монограмма Котиса I – ΒΑΚ⁹. Эксцерпт из “Историй” Петра Патрикия, восходящий к Диону Кассию (*Dio Cass. LX. 28.7 = FHG. IV. 185. Fr. 3*), повествует следующее: “Царь иберов Митридат (Т. Моммзен убедительно доказал, что речь идет не об иберийском царе Митридате, а об одноименном боспорском владыке¹⁰) задумал повернуть дело и стал готовиться к войне против римлян. Когда же мать воспротивилась этому и, не сумев убедить его, захотела бежать, Митридат, желая скрыть задуманное, но продолжая свои приготовления, посылает брата Котиса послом к Клавдию с дружескими изъявлениями. Котис же, презрев посольские обязанности, все открыл Клавдию и стал царем Иберии (Боспора. – С.С.) вместо Митридата “ (*пер. В.П. Яйленко*).

Отрывок повествует о событиях, когда к власти на Боспоре уже пришел Митридат, а в Риме правил император Клавдий, т.е. в нем рассказывается об истории Боспора после 41 г. н.э. Из него следует, что мать Митридата и Котиса – предполагаемая царица Гепеирия – была в то время еще жива и даже некоторым образом влияла на политику Боспора, так как у Петра Патрикия говорится, что она воспротивилась антиримским планам Митридата и потому планировала побег. О статусе Гепеирии после убийства Калигулы и официального признания Римом Митридата как царя Боспора будет сказано ниже. Для оценки самостоятельного правления царицы в 37–38 гг. н.э. попытаемся сопоставить данные этих источников.

Гепеирия стала единоличной правительницей Боспора во второй половине 37 г. н.э., когда императором в Риме был провозглашен Калигула. Существует мнение, что она могла быть официально

⁸ *Zograph A.N.* Op. cit. P. 316; *Фролова Н.А.* О времени... С. 169; *Она же.* Монетное дело... С. 77; *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 151. № 331; *Forrer L.* Op. cit. P. 51; *Seaby H.A.* Op. cit. P. 116. N 1418; *Kahrstedt U.* Frauen auf Antiken Münzen // *Klio*. 1910. Bd. 10. Hft. 3. S. 283.

⁹ *Анохин В.А.* Указ. соч. С. 152. № 347; ср. *Бертье-Делагард А.Л.* О монетах владетелей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // *ЗООИД*. 1911. Т. 29. С. 117. Таб. 2, 31; *Фролова Н.А.* Монетное дело... С. 90. Таб. 24, 1.

¹⁰ *Mommsen T.* Römische Geschichte. В., 1894. Bd. V. S. 291; *Орешиников А.В.* Указ. соч. С. 5; *Яйленко В.П.* Указ. соч. С. 213.

признана им царицей в 38 г. н.э.¹¹, однако оно опровергается тем, что ее статеры от 37–38 гг. н.э. несут изображение не Калигулы, а Тиберия. Если бы она получила признание Рима, то это непременно нашло бы отражение на ее монетах в виде портрета правящего императора, т.е. Калигулы. Ведь для монетного дела ее мужа было как раз характерно ставить на монеты портрет правящего императора Тиберия, признавшего его царем, а впоследствии и Калигулы. Однако в случае с вдовой Аспурга мы имеем совсем другое: в обращении поступили монеты Гепеирии с ее портретом в царской диадеме, полной царской титулатурой и именем. Это исключает возможность признания ее власти Калигулой, а выпуск статеров с портретом Тиберия отражал всего лишь то, что Гепеирия стала прямым наследником власти Аспурга и продолжала налаженный им чекан золота. На это указывают те же самые изображения на ее монетах, что и при Аспурге. Поэтому переход власти к Гепеирии стал продолжением той политики, которую проводил ее муж – сохранить достигнутый его усилиями статус-кво во взаимоотношениях с Римом, а также равновесие между городами, племенами и военно-хозяйственными поселенцами на царской хоре.

О событиях на Боспоре и в сопредельных областях в данный период имеется одно важное сообщение Диона Кассия: “Тай Калигула по решению сената подарил Полемону, сыну Полемона, царство своего отца” (τὴν πατρῶαν ἀρχήν) (*Dio Cass.* LIX. 12.2). Уже давно доказано, что у Диона речь идет о Полемоне II, сыне Котиса III и Антонины Трифены, дочери Полемона I, царя Понта и Боспора. Поэтому у Диона надо читать не “сыну”, а “внуку Полемона”¹². Это произошло в 38 г. н.э., когда в одно и то же время на царства “отцов” были посажены совоспитанники Калигулы – Реметалк III во Фракии и Котис IV в Малой Армении, родные братья Полемона II (*IGR.* IV. 145 = *Syll* (ed. 3.) 147, 148, 798; *Dio Cass.* LIX. 12.2). Принято думать, что принципс передал Полемону II не только Понтийское царство, но и Боспор, ранее входивший в домен его деда¹³. Однако внимательное раз-

¹¹ Анохин В.А. Указ. соч. С. 96; Фролова Н.А. Монетное дело... С. 73.

¹² Hoffman. Polemon II // RE. 1963. Bd. 49. Hbhd 47. S. 1285–1287; Dessau II Geschichte der Römischen Kaiserzeit. B., 1926. Bd. 2. S. 149; ср. IGR. IV. 145 = *Syll* (ed. 3.) 798; Minns E. Op. cit. P. 596; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 175.

¹³ См. различные мнения: Latyshev V.V. Comm. ad IosPE II. 400 (Полемон II правил на азиатском Боспоре); Dessau H. Op. cit. S. 149 (Полемон II имел на Боспоре ограниченную власть); Minns E. Op. cit. P. 597 (Полемона II на Боспоре не было); Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М. 1951. С. 128 (на Боспоре Полемон II был встречен недружелюбно); Гайдукевич В.Ф. История античных городов Северного Причерноморья // АГН II С. 129: (Полемон II на Боспоре не появлялся); Sullivan R.D. King Marcus Antonius Polemo // NC. 1979. 7th ser. 19. P. 11, 12 (неизвестно, контролировал ли Полемон II Боспорское царство); Olshausen E. Pontos und Rom (63 v. Chr. 64 n. Chr.) // ANRW. B.; N.Y., 1980. Vol. II. 7,2. S. 912 (Полемон II правил частью

смотрение этого свидетельства А. Барреттом и В.П. Яйленко привело их к убедительному выводу, что царь Полемон II получил только “отцовские владения” в Понте, а Боспорское царство ему передано не было. Путаница у Диона Кассия с происхождением Полемона II предполагает и ошибку в свидетельстве о компенсации ему Боспора Киликийей при Клавдии (*Dio Cass. LX. 8*)¹⁴. На основании нового прочтения херсонесской надписи IosPE. I. (ed. 2.) 419 Ю.Г. Виноградов отстаивал мысль о том, что Полемон II вооруженным путем добивался на Боспоре власти, в чем ему якобы помогали римляне и Херсонес Таврический. Эту надуманную теорию, не подтверждаемую ни одним из источников, повторил В.М. Зубарь¹⁵, хотя мы выдвинули против нее ряд аргументов¹⁶. Он обвинил нас в том, что мы не учитываем имеющиеся источники. На деле все обстоит как раз наоборот – источники о прибытии Полемона II на Боспор по-прежнему отсутствуют, а наблюдения Барретта и Яйленко окончательно разбивают искусственное построение Ю.Г. Виноградова, доказывая, что Полемон II не только никогда не появлялся на Боспоре¹⁷, но и вообще официально не получал это царство в управление от Рима. Однако передача внуку Полемона I τὴν πατρῶαν ἀρχήν, несомненно, таила в себе некоторую угрозу для боспорцев, некогда входивших в этот “отцовский домен”. Ведь при желании можно было повернуть дело так, что со временем Полемону II достался бы и Боспор, поскольку с точки зрения международного права того времени понятие “царство отца” было весьма расплывчатым. В Риме могли рассматривать возвращение Полемона II в Понтийское царство как предварительный шаг для возможного будущего объединения этого государства с Боспором под римским контролем¹⁸.

Боспора); *Sartre M. L'orient romain. Provinces et societes provinciales en Mediterranee orientale d'Auguste aux Severes* (31 a.j.-c.–235 ap.j.c.). P., 1991. P. 40 (Полемон II получил от Калигулы Боспор, но там не правил). Ср. также: *Ramsay W. The Church of the Roman Empire. L., 1907. P. 427; Ferrill A. Caligula: Emperor of Rome. L., 1991. P. 155; Фролова Н.А. Монетное дело... С. 83.*

¹⁴ *Barrett A. Gaius' Policy in the Bosphorus // ТРАП. 1977. 107. P. 5; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 174–177.*

¹⁵ *Виноградов Ю.Г. Полемон, Херсонес и Рим // ВДИ. 1992. № 3. С. 130–139; Vinogradov Yu.G. Pontische Studien. Mainz, 1998. S. 563–576; Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. Киев, 1998. С. 31.*

¹⁶ *Сапрыкин С.Ю. Из истории Понтийского царства Полемонидов // ВДИ. 1993. № 2. С. 34–43.*

¹⁷ *Barrett A. Op. cit. P.5; Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich. B.; Amsterdam, 1971. S. 340; Фролова Н.А. Золотая монета 338 г.б.э. = 41 г. н.э. Митридата III из собрания ГИМ // ВДИ. 1984. № 4. С. 55; Анохин В.А. Указ. соч. С. 96; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 176; Пуздровский А.Е. Римско-боспорская война и этнополитическая ситуация в Крымской Скифии в середине I в. н.э. // Боспорский феномен. СПб., 2001. С. 213.*

¹⁸ На это указал А. Барретт (*Barrett A. Op. cit. P. 6*).

Временная неудача с превращением Фракии в провинцию и на значением туда римских квесторов в 19–26 гг. н.э. заставила Калигулу усилить династийную политику, чтобы попытаться теснее сблизить Понт, Фракию и Боспор. В 37 г. н.э., когда скончался царь Аспург, царем Фракии был провозглашен Реметалк III, а Понта – его брат Полемон II. При неопределенности политического положения в Боспорском царстве как и с наследством Аспурга, создались реальные предпосылки для возвращения туда Полемонидов, как это случилось в конце 14 г. до н.э. Не исключено, что Калигула хотел возобродить старый план своих предшественников создать объединенное Понтийско-боспорское государство с тесными связями с Фракией. Это облегчило бы организацию в Причерноморье римских провинций. Таким образом, из сопоставления имеющихся источников ход событий на Боспоре в 37–41 гг. н.э. видится нам следующим образом.

Хотя некоторые ученые считают обратное, Рим в лице Калигулы, по-видимому, не признал или не торопился признавать Гепеирию царицей и преемницей Аспурга, поэтому свое золото она чеканила без санкции императора. Отсюда на ее статерах 37–38 гг. н.э. портрет умершего принцепса Тиберия, а не Калигулы. Это обстоятельство стало основанием для нее отойти от традиционной практики скрывать на медных монетах имя и титул в монограмме и поместить их полностью рядом со своим собственным портретом в царской диадеме, что, как считается, говорит о ее большей самостоятельности в отношениях с Римской империей¹⁹, нежели при ее предшественниках. Это означало стремление показать подданным, что она являлась полноправной правительницей, преемницей Аспурга. Такая тенденция напоминает ситуацию, сложившуюся при Динамии, которая также демонстрировала на монетах законность своего вступления на трон (см. гл. 3). Поскольку из Диона Кассия через Петра Патрикия мы знаем, что Гепеирия не желала менять политику и идти на разрыв с Римом, то это удерживало ее от того, чтобы полностью раскрыть свои имя и титул на золотых статерах, чеканившихся под эгидой римлян. В целом же Гепеирия стремилась продолжать политику мужа, несмотря на некоторые новые нюансы во взаимоотношениях с Империей. Она продолжила тесные связи с Херсонесом, о чем косвенно говорит надчеканка в этом полисе ее медных монет²⁰. Обращение в Херсонесе меди царицы Гепеирии можно расценивать как доказательство сохранения при ней его симмахии с Боспором, которая была установлена ранее, когда херсонес-

¹⁹ Анохин В.А. Указ. соч. С. 96; Он же. История Боспора Киммерийского. Киев, 1999. С. 134; Фролова Н.А. О времени. С. 169; Она же. Монетное дело. С. 80; Абрамзон М.Г. Указ. соч. С. 177–182.

²⁰ Алексеев В.П., Коцневский А.С. Херсонесская надчеканка на монетах Боспорского царства // Нумизматика античного Причерноморья. Киев, 1987. С. 42–45; Абрамзон М.Г. Указ. соч. С. 177.

ситы признавали власть боспорских царей (ср. *Strabo*. VII. 4.3; *Plin.* IV.85: Херсонесу дарована свобода римлянами – подтверждение формально свободного статуса по отношению к Боспорскому царству со времени Августа). Есть данные, что царица поддерживала дружбу со Скифским царством в Крыму, признавшим после успешных походов Аспурга определенную зависимость от боспорских царей. В Неаполе Скифском было обнаружено серебряное блюдо с надписью царицы Гепеирии – собственность Гепеирии, как предполагается, дипломатический дар царицы на переговорах со скифами²¹. Медные ассы Гепеирии обращались по всему царству вместе с медными монетами Аспурга, о чем свидетельствуют монетный клад из Сукко, находка одного асса на поселении Новоотрадное в Восточном Крыму, ассы из Горгииппии, Танаиса, Китея, из того же Херсонеса Таврического²². В святилище на перевале Гурзуфское Седло обнаружено 29 монет Аспурга, 7 – Гепеирии, 2 – Гепеирии и Митридата III, 26 – Митридата III²³. Следовательно, монеты Гепеирии были полноправным средством денежного обращения, несмотря на непродолжительность ее царствования. Широкое распространение ее монет в Таврике говорит о влиянии Боспора в годы ее правления. Это могло быть результатом предшествующей деятельности Аспурга, установившего господство боспорцев в центральных и горных районах Крыма вплоть до Херсонеса и Северо-Западного Крыма. В.Ф. Гайдукевич прав, утверждая, что возросшее могущество Боспорского царства и расширение его влияния при Аспурге встревожили Рим, как уже было ранее при Асандре и Динамией, и что вызвало желание устранить с престола династию Митридатидов, особенно после смерти Аспурга. Ведь имя последнего и приход его к власти ассоциировались с убийством Полемона II²⁴. Это привело к маневрам Калигулы вокруг назначения Полемона II, внука и прямого наследника Полемона I и Пифодориды, на “отцовское царство.” (казались, конечно, давняя любовь и уважение нового принцепса к роду потомков Марка Антония, так как после смерти Ливии в 29 г. н.э.

²¹ Яценко И.В. Тарелка царицы Гепеирии из Неаполя Скифского // Историко-археологический сборник. М., 1962. С. 101–113; Ю.Г. Виноградов считал, что это дар, связанный с просьбой оказать военную помощь в борьбе с Полемоном II (*Виноградов Ю.Г. Полемон...* С. 139), что следует отбросить в виду отсутствия военной угрозы со стороны последнего. Поскольку тарелка найдена в слое III в. н.э., то она могла оказаться в Неаполе и позднее вне связи с деятельностью Гепеирии (*Алексеев В.П., Коцевский А.С. Указ. соч. с. 43*). Есть и мнение, что Гепеирия искала союза со скифами Крыма для борьбы с Котисом I (*Пуздоровский А.Е. Указ. соч. С. 213*), но в источниках об этом сведений нет.

²² Анохин В.А. Монетное дело... С. 95; Абрамзон М.Г. Указ. соч. С. 177.

²³ Новиченкова Н.Г. О контактах населения Горного Крыма с Боспором по материалам святилища у перевала Гурзуфское Седло // БС. 1994. 4. С. 54, 55.

²⁴ Гайдукевич В.Ф. История... С. 129.

Калигула находился на попечении Антонии Младшей, дочери Октавии, второй жены триумвира. Она приходилась сводной теткой Пифодориде, бабушке Полемона II, что могло стать решающим аргументом в выборе кандидата на престол в Понте. К тому же он был совоспитанником и личным другом императора, как и все дети Антонии Трифены, дочери Полемона I и Пифодориды, внучки Антонии, дочери от брака Марка Антония и Антонии, другой его жены.²⁵

В результате сложившейся ситуации с назначением внука Полемона I на престол в Понте на самом Боспоре стала обостряться внутривосточная обстановка. Проримски настроенные слои, главным образом в городах, могли быть недовольны непризнанием императором царицы в Риме, резонно опасаясь, что все это способно привести к новому объединению Понтийского и Боспорского царств. Промитридатовские слои, влияние которых было еще очень велико, не устраивало то, что Гепепирия не принадлежала к митридатовской династии. Встречающиеся иногда в литературе высказывания, что Гепепирия приходилась сестрой Полемену II, и это могло якобы устраивать или не устраивать Рим^{25а}, несостоятельны, на что обращалось внимание выше (см. гл. 4). Гепепирия была сестрой Котиса III и теткой Полемона II, поэтому среди боспорцев могло возникнуть естественное опасение, что это станет причиной объединения династии боспорских и понтийских царей. Вследствие этого на Боспоре, вероятно, возникла реальная угроза открытого выступления против Рима и нового всплеска “митридатизма”, как это произошло при назначении на Боспор Полемона I. В Риме могли быть недовольны тем, что Гепепирия пыталась следовать политике Аспурга, ибо при определенной непопулярности правительницы это рано или поздно привело бы к ее устранению и приходу к власти ставленника промитридатовских сил. Со времени Тиберия римляне стремились превратить Фракию в провинцию, после 37 г. н.э. (года смерти царя Реметалка II) эти планы стали еще более реальными. Новый царь Реметалк III был проходной фигурой, он приходился племянником Гепепирии, поэтому при усилении жесткого контроля за Сапейским фракийским царством при Калигуле, царица Гепепирия, которая при необходимости могла претендовать на власть и во Фракии, становилась для римлян нежелательной фигурой. И в Риме решили упрочить события, поставив на старшего сына Аспурга и Гепепирии Митридата, очевидно, достигшего совершеннолетия к 39 г.н.э.²⁶ Нам

²⁵ Barrett A. Caligula: the Corruption of Power. L., 1989. P. 24, 25; см. также: Орешиников А.В. Пифодорида и ее род в Понтийском царстве // ИТУАК. 1902. 44 С. 16.

^{25а} Sullivan R. Priesthoods of the Eastern Dynastic Aristocracy // Studien zur Religion und Kultur Kleinasien. Leiden, 1978. Bd. II. P. 922; Idem. King... P. 19; Idem. Dynasts in Pontus // ANRW. 1980. Vol. II. 7,2. P. 913–915.

²⁶ Яйленко В.П. Указ. соч. С. 174.

кажется вполне приемлемой гипотеза Э. Миннза, что к моменту прихода к власти царицы Гепеирии в конце 37 г. н.э. ее дети Митридат и Котис еще не достигли совершеннолетия, что и обусловило передачу власти от Аспурга не старшему сыну, а матери^{26а}. Таким образом факторы внешнего и внутреннего порядка сработали в пользу Митридата и он был приведен к власти благодаря маневрам различных политических группировок, главной из которых стала, очевидно, партия сторонников Митридатидов. Т. Рейнак, исследуя эру на понтийских монетах Антонии Трифены и Полемона II, убедительно доказал, что точкой отсчета царской эры Полемона II в Понте следует считать не 37 г. н.э., а октябрь 38 г.²⁷ Следовательно официальное утверждение его в Понтийском царстве и Колхиде в качестве царя имело место именно тогда. Это совпадает с прекращением чекана Гепеирией золотых статеров (последний ее золотой датируется 335 г. п. эры = 38 г. н.э.) и непосредственно предшествует выпуску золота Митридатом III, первый статер которого приходится на 336 г. п. эры = 39 г. н.э. (рис. 1, 21)²⁸. Это означает, что отстранение от власти Гепеирии падает на конец 38 – самое начало 39 г. н.э. Отсюда можно сделать вполне однозначный вывод, что передача престола Митридату III была следствием объявления о планах отдать Полемону II бывшие домены его деда и официального признания царем.

Приход Митридата III к власти на Боспоре с согласия Рима подтверждается тем, что Калигула сразу признал его царем, что стало основанием для чекана золотых статеров с его портретом в 39–40 гг. н.э.²⁹ Есть, правда, мнение, что римляне не давали санкции Митридату на власть³⁰ по крайней мере до 41 г. н.э. – года вступления на императорский трон Клавдия (*Dio Cass.* LX. 8). Однако, чем в таком случае объяснить появление на золотых монетах Митридата портрета Калигулы, если не официальным его признанием Римом? Молодой царь добился его потому, что не устранил окончательно с престола свою мать, сохранив как бы легитимную преемственность власти и давая повод думать о некотором продолжении проримской политики. Гепеирия могла осуществлять теперь правление либо как регентша, что было аналогично ситуации в Понте в первые го-

^{26а} Minns E. Op. cit. P. 601.

²⁷ Reinach T. Quelques eres pontiques // Histoire par les monnaies. P., 1902. P. 147.

²⁸ Орешников А.В. К нумизматике... С. 2, 3; Анохин В.А. Монетное дело... С. 96; Фролова Н.А. О времени... С. 172; Она же. Золотая монета... С. 54; Она же. Монетное дело... С. 81; ср. Zograph A.N. Op. cit. P. 315. Pl. XLVI, 5.

²⁹ Анохин В.А. Монетное дело... С. 96; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 174–176; Barrett. Gaius' Policy. P. 5, 6.

³⁰ Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство... С. 326 = Gajdukevič V.F. Das Bosporanische Reich... S. 339–341; Виноградов Ю.Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 163, 164; Фролова Н.А. Монетное дело... С. 83; Зубарь В.М. Указ. соч. С. 31; Болтунова А.И. К надписи IosPE II. 400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 174.

ды царствования Полемона II и Антонии Трифены³¹, либо как соправительница сына³². На такое развитие событий указывают монеты с портретом Митридата в царской диадеме, полными именем и титулом на лицевой стороне и портретом Гепеирии в царских регалиях с ее полными именем и титулом на оборотной. А переход верховной власти к нему с ведома римлян подтверждал золотой чекан, где царь фигурировал как единоличный правитель, что доказывалось легендой ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΜΙΘΡΙΔΑΤΟΥ. Богиня Ника с венком и пальмовой ветвью на обороте статеров – это не отражение победы над Полемоном II, как иногда считается, а определенное повторение монетного типа его деда Асандра – своеобразный жест, как и ранее вернутая легенда, в сторону демонстрации большей самостоятельности в политике и подчеркивания некоторой независимости от Рима³³, как того требовали выдвинувшие царя промитридатовские слои населения Боспора. Признание Митридата Калигулой и Клавдием должно было сбить политическую напряженность в царстве, вызванную опасением возвращения во власть Полемонидов после назначения Полемона II царем Понтийского государства, а также недопустить возврата к линии противодействия Риму, характерной для Митридатидов и их боспорских преемников.

На такую тенденцию в политике Боспора, начавшую проявляться еще при Гепеирии, указывает включение Митридатом в свою титулатуру эпитета φιλόπατρις, засвидетельствованного манумиссии ей некоего Пофа, сына Страбона, посвятившего по обету свою вскормленницу Хрису молельне в 338 г. п. эры = 41 г. н.э. (IosPE. II 400 = CIRB. 1123). На этой плите, происходящей из Горгииппии, Л. Стефани восстановил ΦΙΛΟΡΩΜΑΙΟΥ ΚΑΙ ΦΙΛΟΠΑΤΡΙΔΟΥ, хотя о реконструкции первого из этих эпитетов среди ученых возникли разногласия. В.В. Латышев отнес надпись ко времени краткого правления на Боспоре Полемона II и потому читал на камне βασιλέως [Πολέμωνος] φιλογερμα[νί]ου, что было справедливо отмечено А.И. Болтуновой на основании рыбничьей копии надписи

³¹ Kahrstedt U. Op. cit. S. 288; против см.: Фролова Н.А. О времени... С. 170; *Они же*. Монетное дело... С. 78, хотя ее аргументы против регентства или опеки Гепеирии над сыном не кажутся слишком убедительными. По монетам можно четко различить самостоятельное правление царицы в 37–38 гг. н.э. и ограничение ее правового положения с 39 г. н.э.

³² Barrett A. Gaius' Policy. P. 5; выделяется особая позиция М.И. Ростовцева, который считал соправительство Гепеирии и Митридата III недолгим и неминуемым, ибо последний, по его мнению, был сыном Аспурга и Динамии, а Гепеирия являлась его мачехой (Ростовцев М.И. Эллинство и иранство на юге России. СПб., 1918. С. 150).

³³ Болтунова А.И. Указ. соч. С. 175; Зограф А.Н. Указ. соч. С. 198; Zoграф А.Н. Op. cit. P. 317; Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 128; Фролова Н.А. Монетное дело... С. 84; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 177; Зубарь В.М. Указ. соч. С. 31.

в которой она видела φίλο[συμμάχου]³⁴. Последнее, впрочем, оспаривается³⁵. Учитывая, что в настоящее время специалистами признано чтение надписи Л. Стефани, который относил ее к Митрида-ту III и вычитывал там его имя и титул³⁶, мы считаем реконструкцию первого из эпитетов царя как “друга римлян” наиболее верной. Это подтверждается портретами Калигулы и Клавдия на золотых статерах 39–41 гг. н.э. Если это действительно эпитет ΦΙΛΟ[ΡΩΜΑΙΟΣ], то данный факт очень знаменателен. Отсутствие традиционного эпитета ΦΙΛΟΚΑΙΣΑΡ показывает, что Митридат не только не принял от своего отца Аспурга полную титулатуру вассального Риму царя φίλωρῶμαιος καὶ φίλόκαισαρ, но, напротив, вернулся к старой титулатуре Асандра и ранней титулатуре Аспурга, у которых эпитет “друг цезаря” отсутствовал. В то же время он дополнил собственный титул явно антиримским эпитетом φίλόπατρις (и φίλο[σύμμαχος]? – “друг союзников”, если точка зрения Болтуновой верна). Одновременно он выпустил в обращение серию медных монет со своим изображением на лицевой стороне и па-лицей Геракла, львиной шкурой, луком в горите и трезубцем – на обороте (рис. 1, 22)³⁷. Отсутствие каких-либо указаний на царицу Гепепирию в отличие от первой серии меди говорит о том, что ее вла-стные полномочия в то время уже были сведены к минимуму. Это заставляет вспомнить свидетельство Петра Патрикия, что царица хотела даже бежать, не согласившись с изменением политики стар-шего сына в сторону большей конфронтации с Римом при Клавдии. Последнее может служить доказательством чекана означенной се-рии меди тотчас после признания Митридата Клавдием в 41 г. н.э. Символику оборотной стороны монет справедливо рассматривают как открытое выражение митридатовских, спартокидовских и фра-кийских корней династии, к которой принадлежал сам Митри-

³⁴ Latyshev V.V. Comm. ad IosPE II.400 = Comm. ad CIRB, 1123; ср. Болтуно-ва А.И. Указ. соч. С. 176; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 187; Функ Б. Прорим-ская ориентация в титулатуре боспорских царей // Этюды по античной исто-рии и культуре Северного Причерноморья. СПб., 1992. С. 88–91; Barrett A. Gaius' Policy... Р. 7; Зубарь В.М. Северный Понт... С. 32; Фролова Н.А. Мо-нетное дело... С. 84.

³⁵ Надель Б. Филологические и дипломатические заметки к боспорским ману-миссиям // ВДИ. 1958. № 1. С. 138–144; Comm. ad CIRB. 1123. Р. 656.

³⁶ См., например: Гайдукевич В.Ф. Боспорское царство... С. 363.

³⁷ Анохин В.А. Монетное дело... С. 97; Фролова Н.А. Монетное дело... С. 81. Таб. 20, 2–18; 21, 1–17; 22, 1–12. Ср. Зограф А.Н. Указ. соч. С. 197 = Zo-graph A.N. Op. cit. Р. 316.

³⁸ Ростовцев М.И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности. 1914. 25. С. 20; Латышев В.В. ПΟΝΤΙΚΑ. С. 113; Minns E. Op. cit. Р. 597, 603; Zo-graph A.N. Op. cit. Р. 316; Болтунова А.И. Указ. соч. С. 174; Яйленко В.П. Указ. соч. С. 174; Фролова Н.А. Монетное дело. С. 82; А.Л. Бертъе-Делагард ошибочно считал Митридата III “внуком или правнуком Митридата Пергамского” (Бертъе-Делагард А.Л. Указ. соч.

дат III³⁸, в противоположность большей проримской ориентации предшественников. Эпитет же “друг цезаря” он не получил, поскольку Рим в лице Калигулы и Клавдия не заключил с ним договор об *amicitia*³⁹, лишь формально признав его царем Боспора. Это дало Митридату право открыто демонстрировать “митридатовские” традиции во внутренней и внешней политике и постепенно ослаблять зависимость Боспорского царства от Римской империи. Как символ этого курса можно расценивать попытку возродить политическую линию Асандра во взаимоотношениях с Римом, что выразилось в характере титулатуры Митридата и выборе им типа для своих золотых статеронов.

Таким образом, воспользовавшись ситуацией, Митридат решил добиться большей независимости от Римской империи, так как это удовлетворяло две главные группы боспорского населения – горожан и местные племена, включая военно-хозяйственных поселенцев на царской земле, опасавшихся передачи Боспора под власть понтийских Полемонидов. Признание Митридата Калигулой и позднее Клавдием не смогло переломить эти настроения, поскольку Рим не заключил с боспорским царем договор о дружбе и опасность утраты Боспором своего суверенитета по-прежнему оставалась реальной. Это вызвало появление в чекане Митридата промитридатовских и спартокидовских символов, восприимчивость некоторых черт политики матери Гепепирии – помещать собственный портрет, полные имя и титул на монеты, в отличие от Аспурга. На это же указывает и принятие Митридатом эпитетов “друг отечества” и может быть “друг союзников”. Одновременно царь подчеркивал лояльность императорам Гаю Калигуле и Клавдию⁴⁰, но помещением полной легенды с именем и титулом на монеты доказывал свое право на власть как преемника Митридата VI, Асандра, Динамии, чтобы обосновать неправомочность возможного объединения с Понтом.

Резкий разрыв с Римом произошел при Клавдии. Причиной этого было усиление “митридатизма”, стимулировавшего сепаратизм и крен в сторону союза с племенами в ущерб проримской политике. Нарушение стабильности положения и баланса интересов проримской и антиримской партий, сложившихся в годы правления Аспурга, стало особенно заметно после 41 г. н.э., когда Клавдий признал Митридата царем Боспора, а передачей Полемону II Киликии окончил

С. 197). Встречающееся иногда утверждение, что по примеру Митридата I императора Митридат III Боспорский изображался на монетах в виде бога Геллоса (*Minns E. Op. cit. P. 603; Зограф А.Н. Указ. соч. С. 197; Болтунова А.И. Указ. соч. С. 174; Nawotka K. The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // Latomus. 1989. 48,2. P. 330*) ошибочно, так как основано на неправомочно отнесенных к нему медных монетах с монограммой ВММ (*Фролова Н.А. Монетное дело... С. 82*).

³⁹ *Надэль Б. Боспорская надпись IosPE II. 33 // ВДИ. 1948. № 3. С. 212–214; Nawotka K. Op. cit. P. 329.*

⁴⁰ *Голубцова Е.С. Указ. соч. С. 128.*

чательно снял угрозу объединения Понтийского и Боспорского царств⁴¹. До этого Митридат не желал открыто порывать с Римом, чтобы не портить отношения с торгово-ремесленной верхушкой полисов и некоторыми представителями местных племен, заинтересованных в связях с Империей. Когда при Калигуле действительно существовала угроза объединения с Понтом, Митридат III разыгрывал проримски настроенного правителя, чтобы эту угрозу снять. Когда же она была ликвидирована при Клавдии, и Митридат почувствовал свободу как суверенный властитель, то он пошел на перемену отношений с Римом в сторону усиления “митридатовских” традиций, а значит и большей независимости. Римская империя была вынуждена согласиться с такой политикой вассального Боспора, что подтверждается портретами Калигулы и Клавдия на золоте Митридата. Окончательный разрыв, который привел к открытой войне, случился в конце 41 г. н.э., быть может, вследствие происков Гепепирии и младшего брата царя Котиса. Об этом косвенно свидетельствуют сообщения Петра Патрикия и Тацита о том, что Митридат боялся Котиса и не доверял ему (*Tac. Ann. XII.18; FrHG. IV. 185, fr. 3*). Не исключено, что до царя дошли слухи о желании римлян заменить его на престоле более лояльным им братом.

В деятельности Митридата III отчетливо прослеживаются традиционные для Митридатидов черты в политике по отношению к Риму — под прикрытием дружбы и показного признания его власти⁴² усиливать тенденцию к независимости и самостоятельности в политике, подчас даже весьма агрессивной и направленной вразрез римским интересам. Такая тенденция уходила своими корнями в эллинистические принципы государственности Боспора, построенные на митридатовских установлениях, пришедших на смену тираническому режиму Спартокидов.

В конце 41 г. или в начале 42 г. н.э. Митридат отправил в Рим своего младшего брата Котиса, чтобы заверить только что занявшего престол после убийства Калигулы императора Клавдия в своей дружбе, хотя уже до того замыслил пойти на конфронтацию с Римской империей и подготовку к войне с ней (*Dio Cass. LX. 28.7 =*

⁴¹ Ср. точку зрения В.А. Анохина, что при утверждении Митридата III Клавдием дело сводилось только к наделению владением Полемона II (*Анохин В.А. Монетное дело... С. 96*). Есть и мнение, что Дион Кассий в данном пассаже (*Dio Cass. LX. 8*) мог спутать Полемона II со старшим сыном Полемона I — М. Антонием Полемоном (*Sartre M. L'Asie Mineure et l'Anatolie d'Alexandre à Dioclétien (IVe s. av. j.-c.—IIIe s. ap. j.-c.). P., 1995. P. 171–173*), что в данном случае дела не меняет, так как основание для притязаний Полемонидов на Боспорское царство было упразднено.

⁴² В решении Клавдия о Боспоре и Понте просматривается политическая целесообразность и личная преданность царей (*Levick B. Claudius. L., 1990. P. 165, 166*), следовательно, Митридат III сумел убедить Рим в своей к нему лояльности.

Petr.Patr.: FrHG. IV. 185, fr. 3). Возможно, что Котис был послан в столицу Империи из-за подозрений в нелояльности к власти старшего брата. Поскольку брат был в Риме, а мать выступила против планов сына и даже хотела бежать, то Митридат остался практически единственным из правящего дома, кто был в Пантикапее, и это облегчало ему приготовления к открытому столкновению. Дальнейшее развитие событий известно только из описания Тацита, но оно касается только второй фазы конфликта Боспорского царства с Римом, традиционно датируемого со времени первого появления римских войск на Боспоре в 44–45 гг. и до их ухода в 49 г. н.э., когда Митридат был пленен и доставлен в Рим прокуратором Понта Цилоном (*Tac. Ann. XII. 15–21*)⁴³.

Первая фаза войны, к сожалению, окутана молчанием историков. Из сообщения Тацита можно заключить, что одним из важнейших приготовлений к войне стало заключение договора о дружбе с сарматами, прежде всего, сираками, которые были традиционно враждебно настроены к Риму⁴⁴. Их царь Зорсин возобновил враждебность к Риму и Котису (*Tac. Ann. XII.15*). Для римлян это представляло чрезвычайную опасность, поскольку обостряло ситуацию на северо-восточных границах Империи, ослабляло зависимость Боспора и нарушало баланс во взаимоотношениях Фракии и Боспора – краеугольном камне внешней политики Рима в Причерноморье. Ведь прочные династические связи облегчали Риму распространение влияния в регионе для превращения вассальных царств в провинции. Существует мнение, что причина войны заключалась не в подготовке боспорского царя Митридата к полному разрыву с Римской империей, а в том, что он занял престол без санкции римлян и не пустил на Боспор римского ставленника Полемона II⁴⁵. Но если бы это было так, то тогда ни Калигула ни Клавдий не признали бы Митридата и по достижении над ним победы продвинули бы Полемона II на Боспор в качестве царя. Но этого сделано не было, поэтому причина войны кроется все-таки в изменении политики Митридата III, открытым

⁴³ *Rostovtzeff M.I. Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922. P. 164:* дает 49 г. н.э. как год начала римской экспедиции на Боспор; *Латышев В.В.* Указ. соч. С. 109; *Gajdukevič V.F.* Op. cit. S. 342; *Блаватский В.Д.* Античная археология и история. М., 1985. С. 228; *Каллистов Д.П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 164; *Цветаева Г.А.* Боспор и Рим. М., 1980. С. 16; *Гайдукевич В.Ф.* История... С. 129. Называют они 45 г. н.э., когда началась римско-боспорская война.

⁴⁴ *Gajdukevič V.F.* Op. cit. S. 340–343; *Блаватский В.Д.* Указ. соч. С. 228, 229; *Цветаева Г.А.* Указ. соч. С. 16; *Шелов Д.Б.* Римляне в Северном Причерноморье // ВДИ. 1981. № 4. С. 52–54; *Черняк А.Б.* О конъектуре Липсиуса “Аорсы” в повествовании Тацита о боспорской кампании римлян // Античная цивилизация и варварский мир. Новочеркасск, 1992. I. С. 100–102.

⁴⁵ *Зубарь В.М.* Северный Понт. С. 33.

возрождении митридатовских традиций и укреплении союза с сарматскими племенами⁴⁶.

О том, что происходило на Боспоре между 41/42 г. н.э. (годом выпуска последнего золотого статера Митридата) и 45/46 г. н.э. (годом появления первой золотой монеты Котиса I с царской монограммой⁴⁷), мы не знаем. Обычно это используют для доказательства, что измена Котиса произошла в 45/46 г. н.э.⁴⁸ Действительно, у нас совершенно нет статеров Митридата III и Котиса I, чеканенных между 42–44 гг. н.э. Тацит начинает описание римско-боспорского конфликта с указания, что Митридат потерял свои владения и вынужден был блуждать по разным местам где-то вне пределов боспорской столицы, а может быть и вообще Боспора, так как в “новом царстве остались молодой и неопытный Котис и немногие когорты под начальством римского всадника Юлия Аквилы”. К тому времени главные римские силы во главе с легатом Мёзии Дидием Галлом были уже выведены с территории Боспорского царства (*Tac. Ann. XII. 15*), а власть Котиса, нового боспорского царя, основывалась на поддержке римских когорт Юлия Аквилы, которые прибыли из провинции Вифиния-Понт⁴⁹.

Принимая во внимание, что описание Тацита относится к событиям 45/46 г. н.э., а в 41/42 г. н.э. Митридат III, если судить по монетам и сообщению Петра Патрикия, находился еще у власти на Боспоре, пользуясь санкцией на это императора Клавдия, но в 42–44 гг. н.э., опять же следуя монетам, ни он ни Котис не занимали престол, можно сделать вывод, что в 42 или 43 г. н.э. Митридат III бежал из Пантикапея сам или был вынужден это сделать принудительно⁵⁰. К этому времени можно отнести свидетельство Плиния Старшего, что к савроматам бежал Митридат при императоре Клавдии (*Plin.*

⁴⁶ Яйленко В.П. Указ. соч. С. 179. Личные взаимоотношения Митридата и Клавдия вряд ли имели при этом решающее значение.

⁴⁷ Фролова Н.А. О времени... С. 167; Она же. Бронзовые монеты Котиса I как исторический источник// СА. 1976. № 3. С. 107; Она же. Монетное дело Котиса I, сына Аспурга (45–68 гг. н.э.) // Нумизматический сборник ГИМ. 1977. Вып. 5, 2. С. 219–238; Она же. Золотая монета... С. 56; Она же. Монетное дело... С. 86–103; Анохин В.А. Монетное дело... С. 151.

⁴⁸ Латышев В.В. Указ. соч. С. 109; Орешников А.В. К нумизматике... С. 5, 6; Дьяков В.Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. № 3/4. С. 76; Фролова Н.А. О времени... С. 167.

⁴⁹ Ср.: IGR. III. 15; PIR. II. P. 168. N 108: в 58–59 г. н.э. Гай Юлий Аквила занимал должность прокуратора провинции Вифиния-Понт, будучи родом из пафлагонской Амастрии. Если это тот же самый человек, который упоминается у Тацита, то вполне резонно предположение, что он прибыл на Боспор во главе когорт из упомянутой провинции.

⁵⁰ К аналогичной последовательности событий независимо от нас пришел В.А. Анохин (Анохин В.А. Монеты античных городов Северо-Западного Причерноморья. Киев, 1989. С. 61).

VI. 15.17; ср. *Solin.* 15.18)⁵¹. Это произошло после того как посланный ко двору Клавдия в Рим Котис выдал там планы старшего брата (*Dio Cass.* LX. 28.7), вследствие чего римская армия появилась на Боспоре. Это было не в 44/45 г. н.э., а одним–двумя годами ранее – в 42 или 43 г. н.э. И этот год нужно считать за начало военных действий Римской империи против Боспора с целью свержения Митридата и возведения на престол Котиса. Следовательно, посольство последнего в Рим состоялось не в 45–46 гг. н.э.⁵², а в 41–42 гг. н.э.

Эти даты подтверждаются латинской надписью CIL. III. 7247 – *cursus honorum* А. Дидия Галла. В ней он назван [*leg(atus) pro pr(aetore) Moe[s]iae* (ILS. 970)⁵³, что является веским основанием считать его “наместником” или легатом римской провинции Мёзия, которая стала отдельной административной единицей Римской империи в 44 г. н.э. Некоторые исследователи отрицают его статус легата провинции, хотя прибытие его во главе войск на Боспор с территории Нижнего Дуная признается почти всеми, так как с Боспора римляне возвращались вдоль южного побережья Таврики (*Tac.* Ann. XII. 17)⁵⁴. В 35–41/44 гг. н.э. П. Меммий Регул, *legatus Augustalis*, управлял тремя римскими балканскими провинциями – Македонией, Ахайей, Мёзией (CIL III. 8753), а Марций Мацер являлся командующим двух мезийских легионов, подчиняясь П. Меммию Регулу не позднее 44 г. н.э.⁵⁵ Б. Томассон отмечает, что А. Дидий Галл, консулсуффект 39 г. н.э., был *leg[atus Tib. Claudii Caes]aris Aug. Ger[mani]ci*, и датирует его правление в Мёзии до 45/46 г. н.э., когда Котис I отчеканил первые золотые монеты с царской монограммой ВАК⁵⁶. Из *horrothesia* Лаберия Максима известно, что легатом Мёзии в 47 г. н.э. стал уже Туллий Гемин (ISM I. 67)⁵⁷. Если Мёзия как отдельная рим-

⁵¹ В.М. Зубарь ошибочно называет их дандариями (Зубарь В.М. Северный Понт... С. 33), хотя у Тацита сказано, что Митридат изгнал их царя и захватил их царство. “Савроматы” в первые века нашей эры – это собирательный термин, относящийся к различным сарматским племенам в предкавказских степях между Танаисом, Меотидой, Понтом и Каспием (Максименко В.Е. Сарматы на Дону. Азов, 1998. С. 160–162).

⁵² Яйленко В.П. Указ. соч. С. 180.

⁵³ PIR. s.v. A. Didius Gallus.

⁵⁴ Stein A. Die Legaten von Moesia. Budapest, 1940. S. 25; Stout S.E. The Governors of Moesia. Princeton, 1911. P. 9,10; Gajdukevič V.F. Op. cit. S. 342; Златковская Т.Л. Мезия в I–II вв. н.э. М., 1951. С. 52; Ростовцев М.И. Понт, Вифиния и Боспор // Русский исторический журнал. 1917. 1–2. С. 125; Дьяков В.Н. Таврика в эпоху римской оккупации. М., 1942. С. 33; Шелов Д.Б. Римляне... С. 61. В.А. Анохин, напротив, полагает, что поход на Боспор Дидий Галл совершил до 46 г. н.э. и должности проконсула Азии и Сицилии (Анохин В.А. Монеты... С. 61).

⁵⁵ Thomasson B.E. *Laterculi praesidum*. Goeteborg, 1984. Vol. I. S. 123. N. 13–15; ср. Санпрыкин С.Ю. Из истории... С. 40.

⁵⁶ Stein A. Op. cit. S. 25–27; Thomasson B.E. Op. cit. S. 123. N. 16.

⁵⁷ Pippidi D. Das Stadtgebiet von Histria in römischer Zeit auf Grund der Horrothesia des Laberius Maximus (SEG I. 329) // *Dacia*. 1958. 2 n.s. S. 230.

ская провинция возникла в 44 г. н.э., а в 45/46 г. н.э. ее территорию расширили за счет бывших владений фракийского царя Реметалка III, когда его царство стало провинцией⁵⁸, то в таком случае следует признать, что Дидий Галл получил единоличную власть как наместник Мёзии в 44 г. н.э. и удерживал ее до 46–47 г. н.э., когда его сменил Туллий Гемин. Это подтверждается крайне фрагментарной надписью из Афин, которую Дж. Оливер относит к Дидию Галлу. На ее основании он делает вывод, что после того как в 42–43 гг. н.э. тот как начальник конницы участвовал в высадке римских войск в Британии, император Клавдий послал его в Мёзию в 44 г. н.э., откуда он отправился на войну с Митридатом Боспорским, возможно, как наместник провинции⁵⁹. Следует согласиться с В.А. Анохиным, что это важное для римлян военное мероприятие готовилось тщательно и заранее. Поэтому кажется странным, что А. Дидий Галл был вызван на Боспор тотчас по прибытии из Британии и вступлении в должность правителя Мёзии⁶⁰. Это могло произойти только в том случае, если до его прибытия в Таврику там уже находились войска римлян, а Дидий приплыл с главными силами для их усиления. Поэтому ничто не мешает предположить, что изгнание Митридата из столицы было достигнуто силами войск, переправившихся из Малой Азии, а окончательное вытеснение мятежного царя на азиатскую сторону Боспора Киммерийского производили уже главные силы под руководством А. Дидия Галла. В 46 г. н.э. они вернулись обратно на Нижний Дунай, и на Боспоре опять остались вифинские когорты Юлия Аквилы. Но Анохин вряд ли прав, утверждая, что Дидий принял командование на Боспоре в качестве проконсула Азии, так как эту должность он занимал только в 49–52 гг. н.э., т.е. уже после триумфа над Митридатом III⁶¹. Тацит называет Дидия *dux* (*вождь, предводитель, военный командир*). Этот титул обычно давался в чрезвычайных ситуациях, как правило, тем римским офицерам, кто возглавлял воинские соединения размером не менее легиона⁶². Следовательно, Дидий Галл мог быть наделен чрезвычайными полномочиями в связи с обострившейся в Боспорском царстве политической ситуацией, и это объясняет его экстренную отправку в Таврику сразу по прибытии из Британии в Мёзию. Причиной почти наверняка стала жалоба Котиса Клавдию.

Во главе римских нижнедунайских легионов А. Дидий Галл прибыл на Боспор, вероятно, в сопровождении Котиса. Совместными усилиями римляне изгнали Митридата сначала на азиатский Боспор,

⁵⁸ История на Добруджа. София, 1984. Т. 1. С. 128.

⁵⁹ *Oliver J.H. Greek and Latin Inscriptions // Hesperia. 1941. 10. P. 239–241.*

⁶⁰ Анохин В.А. Монеты... С. 61.

⁶¹ *Groag. Didius // RE. 1905. Bd. V. S. 411; Анохин В.А. Монеты... С. 60, 61.*

⁶² *Постовцев М.И. Новые латинские надписи из Херсонеса // ИАК. 1907. 23. С. 2–4; Блаватский В.Д. Античная археология и история... С. 228.*

а затем вообще за пределы царства или на самые отдаленные его окраины. В 45/46 г. н.э. Дидий удалился с Боспора, что могло быть вызвано реорганизацией Фракии в провинцию в 46 г. н.э. В Пантикапее был оставлен Котис, объявленный царем, и когорты Юлия Аквилы, приданные для оказания ему поддержки. С этого начинается подробное описание Тацитом второй фазы конфликта.

Власть нового царя не нашла поначалу поддержки у местных племен. Ему присягнули только дандарии и аорсы, остальные же продолжали считать своим законным правителем Митридата III. Чтобы доказать легитимность своих прав на власть, Котис мог выпустить в обращение бронзовые монеты с портретами и царскими монограммами родителей Аспурга и Гепеирии и этим показать неправомерность притязаний брата на власть⁶³. Это подтверждается свидетельством Тацита, что Котис был молод и неопытен, к тому же он и Аквила очень опасались нападения Митридата. Последний же, “презирая и того и другого, стал подстрекать окрестные племена и приманивать перебежчиков, наконец, собрав войско”, он начал военные действия против союзных боспорцам и римлянам дандариев (*Tac. Ann. XII. 15*).

Это указание римского историка очень любопытно с точки зрения того, как готовился к войне Митридат III и кем были его сторонники. Есть предположение, что портрет богини в калафе на монетах Гепеирии подтверждает факт городской чеканки монет при Митридате, так как полностью повторяет портрет богини на городской меди Агриппии и Кесарии, и это говорит о его желании заручиться поддержкой городов⁶⁴. Однако, медь Кесарии и Агриппии датируется последней четвертью I в. до н.э., а монеты Гепеирии не имеют отношения к монетной политике Митридата. Поэтому отношение городов к царю неизвестно, может быть его быстрое исчезновение из Пантикапея свидетельствует как раз в пользу недружелюбного расположения к нему городских слоев. Полный и окончательный разрыв с Римом не устраивал торгово-ремесленные круги, успевшие уже наладить связи с римскими провинциями в Малой Азии и на Нижнем Дунае. Поэтому города, в частности Херсонес, заняли в целом проримскую позицию. Другое дело местное население хоры и окраин Боспорского царства, традиционно поддерживавшее промитридатовские устремления в боспорской политике. Тот факт, что Митридату удалось быстро собрать войска на окраинах своего царства и угрожать вторжением на европейский Боспор, говорит о полной поддержке его политики большей частью подвластных и союз-

⁶³ *Фролова Н.А.* Монетное дело... С. 94; с этого времени Котис I стал указывать в надписях, что он был сыном Аспурга (CIRB. 41, 42, 958).

⁶⁴ *Зограф А.Н.* Указ. соч. С. 197; В.А. Анохин относит возрождение городской чеканки ко времени правления царя Аспурга (*Анохин В.А.* Монетное дело... С. 95).

ных Боспору варваров. Обращает на себя внимание, что распространение монет на хоре Боспора в середине I в. н.э. полностью фиксирует доминирование меди Гепеирии и Митридата III. В кладе из Сукко ассарии Гепеирии составляют два экз., ассарии Митридата – 63 экз. (для сравнения: монеты Аспурга – 22 экз., монеты Кесарии и Агриппии – шесть экз.).⁶⁵; на хоре европейского Боспора монетные находки Митридата III известны в количестве десять экз.: три – с городища Зенонов Херсонес (мыс Зюк), два – из Семеновки, по одной из Новоотрадного поселения и некрополя Золотое, Генеральского Восточного и святилища близ него (для сравнения, монеты Аспурга засвидетельствованы только в четырех экз.).⁶⁶ Это показывает, что при Аспурге и Митридате военно-хозяйственные поселения функционировали активно, а относительное преобладание монет последнего может быть результатом стремления опереться на их обитателей – катойков или клерухов путем дополнительных финансовых вливаний, в том числе и оплачивая их службу. Следовательно наряду с сарматским племенем сираков и другими более мелкими племенными союзами близ восточных границ Боспора, военно-хозяйственные поселенцы могли составлять немалую часть сторонников мятежного царя. Именно за поддержку Митридата III многие из их укреплений были разрушены во время военных действий, а другие вообще прекратили существование⁶⁷.

Собрав войско, Митридат в конце 45 или в 46 г. н.э. вторгся в земли дандариев и захватил их, изгнав местного царя. Дандарии выступили против Митридата, потому что не поддерживали его жесткую антиримскую политику. К тому же у них были старые счеты с Митридатами и из памяти еще не изгладилась враждебная акция по отношению к ним Фарнака, который затопил их область за неповиновение (см. гл. 1). Одновременно царь сираков Зорсин, по сообщению Тацита, “возобновил враждебные к ним (Аквиле и Котису. – С.С.)

⁶⁵ Крушол Ю.С. Клад времени Митридата VIII // ВДИ. 1978. № 4. С. 61–63; Анохин В.А. Монетное дело... С. 95.

⁶⁶ Масленников А.А. Монетные находки и денежное обращение в Крымском Приазовье в античную эпоху // ДБ. 1998. 1. С. 210, 211; ср. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975. С. 115. Рис. 60, 3. Любопытно, что в Херсонесе Таврическом обнаружено всего два экземпляра монет Митридата III и два – Гепеирии, впрочем, как и Аспурга, тогда как монет Асандра найдено – Пантикапея 53 экземпляра, Кесарии – 30, Агриппии – 13, с монограммой ВАЕ – 1 экз. См.: Болдырев С.И. Херсонес и Боспор на рубеже нашей эры по нумизматическим данным ИДБ. 2001. 4. С. 127.

⁶⁷ Крушол Ю.С. Античное здание в районе Горгиппии // АИКСР. С. 213; Онайко Н.А., Дмитриев А.В. Укрепленное здание в античном поселении у с.Владимировка близ Новороссийска // КСИА. 1981. Вып. 168. С. 99. Новые археологические находки убедительно доказывают, что Митридат III нашел поддержку среди аспургиан, составивших отряд его конницы. См.: Горончаровский В.А. Боспорская кавалерия времени войны Митридата VIII с Римом в 45–49 гг. н.э. // Боспорский феномен. СПб., 2001. С. 217–220.

отношения”. Это заставляет предполагать, что ранее сираки выступили против римлян, очевидно, оказав поддержку Митридату в его антиримских действиях, но через какое-то время их взаимоотношения улучшились. Затем они опять встали на сторону боспорского царя, поэтому римляне и Котис I, не на шутку встревоженные, стали искать помощь извне. Они отправили послов к царю аорсов Евнону. Тацит пишет: “Не трудно было склонить его к союзу, указывая на римское могущество в противоположность мятежнику Митридату”. Очевидно, царь аорсов колебался, кого поддержать – либо по традиции перейти на сторону Митридата, как это делали его предшественники по отношению к Митридатам, либо занять враждебную позицию и оказаться в лагере римлян и Котиса. В конце концов царь аорсов склонился на сторону Аквилы и Котиса, в чем сказался интерес аорсской племенной верхушки, почувствовавшей материальную выгоду от связей с Римом. Одной из важных причин такого решения могло быть и традиционное соперничество сираков и аорсов, что развело их по разные стороны противоборствующих сил. В результате конные отряды аорсов присоединились к римским и боспорским войскам, которые, как было условлено, должны были вести осаду городов и укреплений, поддерживавших Митридата (*Тас. Анн. XII. 15*). Из дальнейшего изложения ясно, что имелись в виду не греческие полисы Боспора, а варварские города – Соса в стране дандариев и Успа на территории, подвластной сиракам.

Вскоре римляне, боспорские воины Котиса и аорсы вступили в захваченную Митридатом III страну дандариев. Сражения они вели следующим образом: в центре располагались римские когорты и боспорская пехота, вооруженная на римский манер, а тыл и фронт прикрывала конница аорсов. В 1979 г. в районе пос. Мысхако под Новороссийском (древние Баты) был обнаружен могильник с погребениями воинов I в. н.э. В одном из них, которое принадлежало воину сармато-меотского происхождения, очевидно, кавалеристу, на что указывает наконечник копья и длинный обоюдоострый железный меч, среди различных предметов погребального инвентаря был найден золотой статер Котиса I 346 г. п. эры = 49 г. н.э.⁶⁸ Это дает основание предположить, что умерший воин, как и другие погребенные в некрополе, принимали участие в войне с Митридатом III в составе конницы аорсов на стороне Котиса I и римлян, а затем поселились в одном из военно-хозяйственных поселений в округе Горгиппии и Бат.

Нанеся Митридату ряд поражений, союзники вступили в город дандариев Сосу, который мятежный царь был вынужден оставить “по причине ненадежного настроения его жителей” (*Тас. Анн. XII. 16*). Это – лишнее доказательство враждебного отношения

⁶⁸ Онайко Н.А. Погребение воина у поселка Мысхако // КСИА. 1983. Вып. 174 С. 82–86.

дандариев к Митридату III. Оставив в городе гарнизон, союзники вступили в Сиракену – область расселения сираков, основных сторонников Митридата. Ниже сираков Птолемей помещает так наз. ἡ Μιθριδάτου χώρα – “страну Митридата” (*Ptol.* V. 8. 23–24). Есть предположение, что именно сюда бежал мятежный боспорский правитель и здесь стал царем одного из сарматских племен⁶⁹. Это, впрочем, неизвестно, но то что Сиракена и близлежащие области являлись главным оплотом Митридата III на заключительном этапе войны, сомнений не вызывает. Возможно, что какая-то часть населения территории между Кавказскими горами, Южной Волгой и Меотидой могла на некоторое время признать власть Митридата, и он черпал оттуда ресурсы для своего войска. Во всяком случае Сиракена и “страна Митридата” – это разные понятия. Плиний сообщает, что “в тылу его (Питиунта. – С.С.) в Кавказских горах живет сарматский народ епагириты, а за ним савроматы. К последним бежал Митридат при императоре Клавдии. Он рассказывал, что в соседстве с ними живут талы...” (*Plin.* VI. 15–16). Существует мнение, что под термином “савроматы” у Плиния скрывается этноним “сираки”, основанное на том, что последние помогали Митридату в войне с римлянами⁷⁰. Однако, если обратиться к Страбону, то можно увидеть, что географ четко различает в этом районе савроматов, живущих между Каспием и Черным морем вплоть до Кавказа и области иберийцев и албанцев (*Strabo.* II. 5. 31), и сираков и аорсов, обитавших севернее между Меотидой и Каспием (*Ibid.* XI. 5. 8). У того же Плиния упоминаются некие савроматиды (савроматы), которые жили в тылу у сарматов (аорсов) и мифических амазонок, но выше албанцев и удинов (*Plin.* N.H. VI. 3). Поэтому не исключено, что власть бежавшего на Северо-Западный Кавказ Митридата могли признать потомки вытесненных сюда из области между Доном и Волгой геродотовских савроматов, соседствовавших с сираками и аорсами. Следовательно, Митридат привлек в союзники не только сираков, имевших своего царя, но и более мелкие племена.

Захватив страну дандариев, боспорцы, аорсы и римляне сразу двинулись против сираков, чтобы лишить Митридата его главной опоры. Перейдя реку Панду, боспорские войска взяли в кольцо город Успу, расположенный на холме и укрепленный рвами и стенами. Город не имел каменных укреплений, так как его стены были сложены из пересыпанных землей плетней и прутьев. Но даже против таких фортификационных сооружений союзники применили осадные башни, откуда бросали факелы и копья, наводившие ужас на осажденных (*Tac.* Ann. XII. 16). На следующий день они прислали посольство с просьбой пощадить свободных и с предложением отдать за это 10 тысяч рабов. Но это было отвергнуто, а город взят

⁶⁹ Яйленко В.П. Указ. соч. С. 181.

⁷⁰ Виноградов В.Б. Сарматы Северо-Восточного Кавказа. Грозный, 1963. С. 147.

штурмом и множество оборонявшихся уничтожено. Падение Успы стало поворотным событием в войне, так как заставило сираков задуматься о целесообразности продолжения сопротивления. Тацит пишет: “Зорсин долго думал о том, следует ли заботиться о Митридате в его крайнем положении, или о родном царстве; когда одержала верх польза его племени, он дал заложников и пал ниц перед изображением Цезаря к великой славе римского войска” (Ibid. 17). Вероятно, и в этом случае верх взяли интересы племенной знати сираков, не пожелавших углублять конфликт с Римской империей и соседним Боспорским царством. Тем более что союзники стояли уже в трех днях пути от Танаиса. Дальнейшее их продвижение грозило отрезать сармат от основного пути поступления римского и боспорского импорта.

Лишившись главной опоры – поддержки сираков, Митридат решил не продолжать войну, а “прибегнуть к милосердию противников”. Он обратился к царю аорсов Евнону, “который не питал к нему личной ненависти” (Ibid. 18). Это показывает, что боспорский царь в конфликте с Римом опирался исключительно на сираков, которые и подпитывали его войско. Большинство боспорского населения перешло к этому времени в лагерь его противников, резонно опасаясь зависимости их царя от настроения и воли сармат-сираков. При обращении Митридата к аорсам сказались, вероятно, давние дружеские отношения их с его предками, когда и аорсы и сираки вместе поддерживали агрессивные поползновения Митридатидов. Несмотря на теперешнюю позицию аорсов, вставших на сторону римлян и Котиса, прежние дружественные связи, видимо, не исчезли. Прибыв во дворец Евнона, Митридат припал к его коленям со словами: “Митридат, которого римляне столько лет ищут...является к тебе добровольно. Поступай, как тебе угодно, с потомком Великого Ахемена...” (Ibid. 18). Митридат намеренно упомянул в своей жалостливой просьбе имя генеалогического предка персидских царей и их потомков Митридатидов, поскольку иранское происхождение династии Митридата было одной из главных причин оказания ей поддержки ираноязычными сарматами. Любопытно, что Митридат не воззвал к благосклонности царя аорсов как потомок одного из сарматских родов, к которому, если верить большинству ученых, принадлежали его дед Асандр, бабушка Динамия и отец Аспург. Напротив, он вспомнил о персидско-понтийских корнях династии. Это доказывает правильность сделанного нами ранее вывода, что причиной перехода власти к Аспургу было не его сарматское происхождение, а прямое отношение к династии Митридатидов.

Евнон обратился к императору Клавдию о помиловании Митридата, в его послании, переданном в Рим, содержалась просьба не возвращать ему власть на Боспоре, а всего лишь не вести пленного царя в триумфе и не допустить смертной казни. Клавдий че

рез послов, а вся эта процедура заняла не менее года-полтора лет, ответил положительно. Тогда Митридат был выдан римлянам и привезен ко двору императора прокуратором Понта Юнием Цилоном. После этого бывший царь жил в Риме и был казнен в 68 г. н.э. за участие в заговоре Нимфидия (Ibid. 19–21). О судьбе его матери Гепепии ничего неизвестно. Так в 49 г. н.э. закончилась провалом попытка возродить антиримскую митридатовскую политику на Боспоре и ослабить прямую его зависимость от Римской империи.

Конфликт Римской империи с Боспором при Митридате III, по мнению исследователей, не мог не коснуться других областей Северного Причерноморья. Есть версия, что в нем в той или иной форме могли принять участие Понтийское царство, Ольвия, Херсонес Таврический, Скифское царство в Крыму. Об участии царя Полемона II Понтийского на стороне Рима⁷¹ источники умалчивают, равно как и о роли крымских скифов в этом конфликте. Все догадки на этот счет, в частности, о попытках Гепепии использовать скифов против Полемона II или Котиса I (см. выше), построены на факте обнаружения в Неаполе Скифском тарелки этой царицы⁷² и никакой научной основы под собой не имеют, так как дары боспорских царей в вассальную им Крымскую Скифию могли быть отправлены по любому поводу. Считается, что на стороне Рима в конфликте с Митридатом приняли участие херсонесские отряды. Это мнение основывается на следующем: возвращении римлян морем вдоль южного побережья Таврики (Ibid. 17), начавшемся в 47 г. н.э. выпуске Херсонесом золотых статеров и меди с изображением Ники якобы в ознаменование победы над Митридатом III; за помощь в войне херсонеситы будто бы получили какие-то льготы⁷³. Все эти гипотезы являются чисто умозрительными, ибо в источниках никаких прямых указаний об участии херсонеситов в войне на Боспоре не имеется. Чекан монет не обязательно связан с означенным конфликтом, поскольку военные действия происходили довольно далеко от Херсонеса на Северном Кавказе среди сарматских кочевников, где интересы херсонеситов не просматриваются. Хотя проримскую позицию города в это время отрицать вряд ли разумно. Что до Ольвии, то ее промитридатовскую позицию в середине I в. н.э.⁷⁴ или наоборот – прорим-

⁷¹ *Зубарь В.М., Шмалько А.В.* Римско-боспорская война и Херсонес // Древности степного Причерноморья и Крыма. 1993. 4. С. 225–229. Это мнение основано на несостоятельном предположении об участии понтийского царя в борьбе за боспорский престол в 37–38 гг. н.э. (*Зубарь В.М.* Северный Понт... С. 35).

⁷² *Виноградов Ю.Г.* Очерк... С. 164.

⁷³ *Анохин В.А.* Монеты... С. 60–63; *Зубарь В.М.* Северный Понт... С. 33–36.

⁷⁴ *Карышковский П.О.* Ольвия и Рим в I в. н.э. // Памятники римского и средневекового времени в Северо-Западном Причерноморье. Киев, 1982. С. 74, 75; *Болтунова А.И.* Указ. соч. С. 176; *Яйленко В.П.* Указ. соч. С. 85.

скую⁷⁵, обосновывают прочтением надписи IosPE. I. (ed. 2.) 38, которую относят к Митридату или Котису, что неверно, так как она никакого отношения к Боспору не имеет⁷⁶. Поэтому говорить о том, какую сторону в конфликте занимали ольвиополиты, не представляется пока возможным⁷⁷.

Причины поражения Митридата во многом заключались в позиции сарматов. Не вызывает сомнений, что Митридат определенно надеялся на поддержку всех сарматских племен, но прежде всего самых крупных их объединений – сираков и аорсов. Но когда аорсы перешли в стан его противников, это затруднило ему ведение войны с римлянами, а как только сираки отказались от дальнейшей конфронтации с Римом, то это сразу обрекло Митридата на неудачу. Таким образом, главной движущей силой антиримской митридатовской политики до середины I в. н.э. оставались сарматские и отчасти меотские племена. Если до Митридата III цари Боспора, особенно Аспург, находили разумный компромисс между позицией греческих подданных и местными племенами, что обеспечивало стабильность власти и лояльность Рима, то сначала Гепеирия, а в значительной мере Митридат III, нарушили баланс в пользу большей ориентации на местные племена. По его расчетам это должно было обеспечить не столько независимость от Римской империи, сколько усилить позиции царской власти как основанной на сугубо эллинистических традициях, заложенных при Митридате Евпаторе и Фарнаке, и продолженных в более осторожной форме Асандром и Динамией. В социально-экономическом отношении главный упор делался на царские земельные владения, которые укреплялись при привлечении представителей местных племен в качестве военно-хозяйственных поселенцев.

Это были преимущественно меото-сарматы, что создавало определенную угрозу греческим городам. Это привело к их недоверию царю и проводимой им политике, а значит к ориентации на Рим и поддерживаемого им Котиса. В результате росла зависимость царей Боспора от устремлений и пожеланий сарматской племенной верхушки и военных поселенцев на царской хоре, что приносило элементы агрессивности и жесткости в политику боспорских царей, в частности Митридата. Ведение им военных действий давало сарматам и полувоенным поселенцам – катойкам дополнительные доходы в виде добычи и платы за службу. Но эта зависимость была неустой

⁷⁵ Гайдукевич В.Ф. История... С. 61; В.А. Анохин считает, что Ольвия и сарматский царь Фарзой участвовали в войне на стороне Рима (Анохин В.А. Монеты... С. 59; Он же. К вопросу об ольвийской эре // НСФ. 1971. 4. С. 91), о чем сведений не имеется. Хотя проримская ориентация Фарзоа могла быть следствием проримской позиции Евнона в годы конфликта с Митридатом.

⁷⁶ Сапрыкин С.Ю. К ольвийской надписи IosPE I, ed.2. 38 // ВДИ. 1988. № 1. С. 147–155.

⁷⁷ Зубарь В.М. Северный Понт... С. 35, 36.

чивой – стоило римлянам привлечь часть сарматов и дандариев на свою сторону, как Митридат тотчас попал в затруднительное положение. Поэтому значение описанных событий заключалось в том, что развитие Боспорского царства как эллинистического государства могло быть успешным только при разумном соотношении трех главных составляющих – добрых взаимоотношениях с Римом, взаимоподдержке правящей династии городами и наоборот, опоре династии на военно-хозяйственные поселения на царской хоре, рассматривавшиеся как барьер против соседних кочевых народов опять-таки в интересах Римской империи. Таким образом стратегические цели Римской империи в Причерноморье обеспечивали развитие Боспора в качестве эллинистического государства по крайней мере до середины III в. н.э.

Однако значение боспоро-римского конфликта в 40-х годах н.э. имеет и другой аспект. Независимая позиция Митридата III нанесла удар не только по римской причерноморской политике, но сказалась и на судьбе самого императора Калигулы, ставшего жертвой заговора в 41 г. н.э. Отсюда длительный и упорный военный конфликт Рима с Митридатом в 45–49 гг. н.э., даже несмотря на то что Клавдий отменил распоряжения Калигулы относительно Полемона II и признал Митридата царем Боспора. Политика Митридата привела к тому, что планы превратить Понт и Боспор в римские провинции пришлось отложить, причем на Боспоре они вообще не были реализованы. Хотя при Нероне и царе Котисе I Боспорское царство как никогда было близко к тому, чтобы стать провинцией Империи. Когда Понтийское царство в 64 г. н.э. было объявлено провинцией, а Полемон II удалился в Киликию, Боспор сохранил эллинистические черты государственности и своего царя. В результате прихода к власти Митридата в 39 г. н.э., в чем немалая доля вины самого Рима, строившиеся десятилетиями политические и династийные связи Боспора, Фракии и Понта нарушились, разрушились и расчеты римлян расширить границы своей державы на северо-востоке. Поэтому Рим поспешил обратить Фракию в провинцию, чтобы волны антиримского недовольства не перекинулись с Боспора в Подунавье. В 44 г. н.э. провинция Мезия стала отдельной административной единицей, в 46 г. н.э. был убит царь Фракии Реметалк III и вассальное Фракийское государство стало римской провинцией. Боспор же продолжал существовать как эллинистическое государство и в этом немалая заслуга Митридата III, несмотря на его поражение в войне с Римом.

В конце II – начале I в. до н.э. в истории Боспорского царства произошел коренной перелом. После падения династии Спартокидов, которая по характеру являлась тиранической и полисной властью, основанной на преобладающей роли полисов в социально-экономической структуре общества, Боспор стал составной частью эллинистического государства Понт во главе с царем Митридатом Евпатором. В связи с подготовкой и ведением длительных войн с Римом, понтийский царь рассматривал свои причерноморские владения как источник ресурсов для снабжения войск и основу для развития экономики государства. Поначалу царь использовал сохранявшиеся еще экономические и материальные возможности полисов Боспора, в том числе и полисные земли, для получения необходимых ему материальных ресурсов. Однако на рубеже 80–70-х годов I в. до н.э., после того как греческие города стали для него ненадежными партнерами после неудач в войне с Римом, Митридат VI изменил политику. Как и в родовых малоазийских владениях, он перешел к ограничению полисных свобод, повлекшему сокращение полисных земель и расширение объема царской земельной собственности. Подобно тому, как это было в Понтийской Каппадокии и Малой Армении, эти процессы на Боспоре и отчасти в Колхиде привели к началу строительства укрепленных поселений на царской хорре, обитатели которых по положению приравнявались к эллинистическим катойкам или клерухам. В результате началось укрепление царской земельной собственности, а полисные земельные владения и свободы оказались опосредованы верховным господством царской власти. Эти изменения в социально-экономической и политической системах вызвали на Боспоре ряд серьезных потрясений, пошатнувших позиции там понтийского царя. Сначала его старший сын Митридат Младший, а затем другой сын – Махар, бывшие царскими наместниками, решили отпасть от отца, используя создаваемую под его эгидой новую структуру политических отношений и власти. В борьбе с ними Митридат Евпатор еще больше укрепил эллинистические принципы государственности, которые сложились в Понтийском царстве на протяжении двухсот с лишним лет его существования. В последние годы своего владычества, готовясь к решающему столкновению с Римом (в 70–60-е годы до н.э.), он еще больше стремился использовать ресурсы подвластного ему Боспора для продолжения борьбы, тем более что основные его родовые владения в Малой Азии были для него уже потеряны в результате как измен под-

данных, так и наступления римских полководцев Лукулла и Гнея Помпея. В сложившихся условиях возросло значение царских земельных владений, и это потребовало создания разветвленной сети укрепленных поселений и крепостей по всей хоре Боспора. Она давала царю возможность бороться не только с внешними врагами, но и с внутренними его противниками – изменниками-сыновьями и понтийской знатью. Наряду с этим Митридат начал сближаться с окрестными варварскими племенами, главным образом сарматами и меотами, которых стремился привлекать в войска и в военно-хозяйственные поселения на царской хоре. Это сближение стало особенно важно после выведения под нажимом римлян понтийских войск из Крымской Скифии. В результате создалась определенная угроза городам Боспора, которые поддерживали заговор против Митридата, возглавленный третьим сыном царя – Фарнаком.

В 63 г. до н.э. Митридат VI покончил жизнь самоубийством и власть перешла к Фарнаку. В это время коренным образом изменилась политическая обстановка в Причерноморье. Одержав верх над Митридатом Евпатором, римляне усилиями Помпея приступили к ликвидации основы митридатовской государственности и могущества – царских крепостей и сокращению количества царских земель. Одновременно они стремились расширить полисное землевладение и соответственно предоставить больше политических прав и экономических привилегий эллинским городам. Естественно, что греческие полисы Боспора, издревле связанные экономическими узами с полисами Южного Причерноморья, также могли потребовать аналогичных привилегий в противовес сохранявшимся митридатовским ограничениям. Новый царь Боспора Фарнак был признан Помпеем “другом и союзником римского народа”, однако римляне еще не могли активно влиять на ситуацию в Боспорском царстве. Поэтому Фарнак был фактически предоставлен самому себе в проведении угодной ему политики. Поначалу он был вынужден считаться с позицией эллинского населения царства, находившегося под воздействием антимитридатовских мероприятий Помпея в Понте, Пафлагонии и Вифинии. Поэтому некоторые полисные свободы были признаны царем. Но он не отошел полностью от политики своего отца. Дело в том что, воспользовавшись гражданской войной в Риме между Цезарем и Помпеем, Фарнак решил восстановить прежние родовые владения династии Митридатидов в Понте и Малой Армении. Для этого ему пришлось опять возвратиться к жесткой митридатовской политике: он начал сближаться с сарматскими племенными союзами аорсов и сираков, скифами Таврики, меотами и другими местными племенами, расширил и углубил начатый отцом процесс укрепления царского землевладения и строительства крепостей на *хора базилике* за счет сокращения полисного землевладения и в результате приступил к ликвидации элементов полисной независимости, что выразилось в захвате Фанагории и отмены полисного чека-

на Пантикапея. Опора на царские крепости на царской земле необходима была для организации похода в Малую Азию, что непременно подразумевало разрыв с проримской политикой первых лет его правления. Поэтому при Фарнаке особенно отчетливо проявился возврат к “митридатизму”, т.е. к укреплению эллинистической государственности Боспора по образцу бывшего Понтийского царства Митридатидов.

Однако некоторые племена и в особенности города Боспора были вовсе не в восторге от разрыва с Римской республикой и нарушения сложившихся связей с римскими малоазийскими провинциями. Они не хотели возрождения Панпонтийской державы, опасаясь отойти на второстепенные роли в этом царстве по сравнению с городами и областями Понта и Пафлагонии, не желали опять становиться источником новых поборов и отдавать ресурсы для царской армии. Эта позиция некоторых боспорских кругов привела к заговору против Фарнака и приходу к власти Асандра, оставленного царем наместником на Боспоре во время похода в Малую Азию. Новый правитель, рассчитывавший на поддержку римлян, не получил ее. Наоборот, римляне делали все, чтобы не признавать его царем и по возможности сместить с престола. Для этого они использовали капитулировавшего перед ними Фарнака и политического авантюриста Митридата Пергамского, силой добывавшегося власти в Боспорском царстве. Антиасандровская политика римлян не привела к успеху. Разгромив всех их ставленников, Асандр усилился и укрепил свою власть, став царем в 42 г. до н.э. Антибоспорские происки Рима потребовали от Асандра не отказа от митридатовской политики, а, напротив, ее максимального усиления. Чтобы удержаться на престоле и сохранить независимость Боспора, он еще более углубил по ползновения предшественников по развитию структуры военно-хозяйственных поселений по всей хоре царства, сделав своей опорой катойков и местные племена, а также греческие полисы. Ему удалось уравновесить баланс главных политических сил Боспора, обеспечивавших стабильность царской власти и эллинистической боспорской государственности – местных племен сармато-меотов, греческих городов и населения царских земель – катойков и клерухов. Решающим при этом можно считать враждебную позицию Рима, опасавшегося усиления Асандра и подвластного ему Боспора. При Марке Антонии, который был заинтересован в стабильном и сильном Боспоре для противодействия сначала республиканцам, а затем Октавиану и Марку Агриппе, а также парфянской угрозе, Асандр стал еще активнее проводить промитридатовскую политику, внедряя митридатовские эллинистические принципы государственности во все сферы жизни подвластного ему царства. Это привело к расширению влияния Боспора в Северном Причерноморье, усилению митридатовских традиций, росту царских земель как основы власти царя, следовавшего эллинистическим канонам государственного

устройства. Если при Митридате Евпаторе и Фарнаке “митридализм” стал средством агрессивности против Рима, то при Асандре он был направлен на превращение Боспорского царства в сильное государство эллинистического типа, отстаивавшее собственный суверенитет в интересах Римской республики, а позднее и Империи. Поэтому можно смело утверждать, что позиция Рима в отношении Боспора стимулировала развитие его по эллинистическому пути, консервируя митридатовские традиции и установления.

Рост влияния Боспорского царства при Асандре, расширение границ, развитие экономики и военного могущества, обусловленные сохранением митридатовской линии, заставили римлян вновь попытаться ослабить этого властителя. Поскольку Асандр долгое время пользовался покровительством Марка Антония, то с установлением принципата Август стал предпринимать усилия по дестабилизации внутривосточного положения на Боспоре. Используя своего ставленника Скрибония, а затем супругу царя Динамию, внушку Митридата Евпатора, римляне в конце концов добились его устранения, в результате чего власть перешла к Динамии. Царица рассматривалась как проходная фигура, призванная успокоить боспорское население и варварские племена, которые поддерживали политику Асандра. В планах Рима значилось добиться объединения Понтийского и Боспорского царств, чтобы создать мощный барьер против парфянской и сарматской угрозы своим восточным провинциям. Обязанная римлянам (в особенности Августу и Агриппе) царством, Динамия, по их расчетам, должна была какое-то время сохранить в силе митридатовские эллинистические принципы государственного устройства Боспора, военно-хозяйственные поселения, созданные за годы правления Митридата Евпатора, Фарнака и Асандра. Римляне не осмелились, да и не могли сразу покончить с ними после смерти Асандра, поскольку их ставленник Скрибоний, руками которого они хотели это сделать, не пришелся по душе боспорцам и не сумел закрепиться во власти. Используя ситуацию, Динамия продолжила начатое ее покойным мужем Асандром, упрочила связи с городами и Римом, местными племенами и военно-хозяйственными поселенцами, расширила царские земельные владения, в общем успешно развивала принципы эллинистической государственности Боспора, обеспечивая его относительную независимость. Она прекрасно понимала, что Август задумал объединить Понт и Боспор и этим разрушить митридатовские установления, на которых строилась боспорская государственность. Ее мудрая политика, направленная на сохранение дружбы с Римом для развития государства по эллинистическому пути на принципах, заложенных ее предшественниками, способствовала отсрочке этого плана до 14 г. до н.э.

За годы правления Асандра и царицы Динамии Боспорское царство окрепло настолько, что, когда на Боспор прибыл понтийский царь Полемон I, он встретил там серьезное сопротивление и не смог

добиться объединения двух государств под властью новой династии. Особенно сильное противодействие оказали местные племена на азиатском Боспоре и катойки на царской земле по всей хоре Боспора, главная опора Митридатидов. Вследствие этого римлянам и Полемону I не удалось выполнить главное – ликвидировать систему царских укреплений на хоре Боспора, как это ранее было в Понте и Малой Армении. Таким образом, прямое вмешательство Рима вплоть до угрозы вторжения Агриппы на Боспор не только не изменило эллинистическую сущность социально-экономических отношений и государственной власти, но еще больше содействовало их развитию.

Как следствие создавшегося положения и в связи с гибелью Полемона I престол перешел к Аспургу, сыну Асандра и Динамии, который вложил немалую лепту в крах политики Полемонидов на Боспоре, а значит и в неудачу всей римской боспорской авантюры. Это подвигло Августа изменить отношение к боспорской митридатидской династии и ее политике развивать на Боспоре эллинистические традиции, заложенные Митридатом Евпатором. Аспург был признан царем сначала Августом, а впоследствии Тиберием, заключившим с ним договор о дружбе и союзе. Отныне Рим не вмешивался в боспорские дела, что давало возможность Аспургу завершить то, что начали его предшественники. Царь стабилизировал внутривластное положение, добился расположения Рима, греческих городов и местных племен. Следуя в фарватере римской политики, направленной на создание сильного в экономическом и военном отношениях Боспорского царства, Аспург, пользуясь невмешательством римлян, что было сродни попустительству его делам, завершил укрепление царского землевладения, реконструировал и отстроил заново военно-хозяйственные поселения на царской хоре, обеспечил лояльность племен, обитавших в Восточной Меотиде, Нижнем Подонье и Прикубанье, заключил союз с меото-сиракским племенным объединением. Это позволило проводить активную завоевательную политику в Таврике, где, как при Асandre, боспорское влияние распространилось до Западного Крыма. На тот момент это отвечало интересам Римской империи, так как гарантировало стабильность ее северо-восточных границ и политического положения в Причерноморье. В результате Боспорское царство окончательно превратилось в типичное эллинистическое государство, основанное на традициях “митридадизма” с сильной царской властью, поддержкой городов, Рима и варварских племен, главным образом сарматских, царским землевладением и разветвленной структурой военно-хозяйственных поселений. Спокойствие в римско-боспорских отношениях и невмешательство во внутренние дела обеспечили развитие эллинизма и создание эллинистического по характеру государственного устройства, идеологии и культуры царства. В этом непреходящее значение царство

вания Аспурга, заложившего основы существования Боспорского царства как эллинистического в течение двух–трех столетий.

Политическая стабильность, устойчивость баланса главных составляющих эллинистической боспорской государственности – связи с Римской империей, ограниченные права городов, поддержка со стороны сарматов и военно-хозяйственных поселенцев – были нарушены после смерти Аспурга. Обстоятельств его ухода мы не знаем, однако не исключено, что после кончины Тиберия римляне попытались сместить могущественного царя, как они это делали неоднократно с теми зависимыми правителями, которые начинали внушать им опасения ростом популярности. Калигула принял решение возродить власть Полемонидов в доменах Полемона I и Пифодориды, включая и Боспорское царство. Несмотря на то что речь поначалу шла лишь об “отцовском наследстве” в Понте, угроза перехода Боспора к династии Полемонидов оставалась. Это привело к всплеску антиримских настроений среди промитридатовских кругов, главным образом катойков и меотсарматов. Последнее дало возможность преемникам Аспурга – его вдове Гепепии, но в значительно большей мере его старшему сыну Митридату, демонстрировать величие и независимость власти, что вело к постепенному отходу от проримской политики и ослаблению вассальной зависимости от Римской империи. В результате наметился резкий крен в сторону большего сближения с сарматскими племенами Северного Кавказа, а также с находившимся под протекторатом Боспора Позднескифским царством в Крыму. Строившееся годами и десятилетиями римско-боспорское сотрудничество было поставлено под угрозу. Это заставило римлян попытаться сместить неугодного царя Митридата, что удалось сделать лишь с помощью военной силы. Разразился римско-боспорский вооруженный конфликт, расколовший на два враждебных лагеря не только боспорское общество – проримский и антиримский промитридатовский круг сторонников, – но и поддерживавших Митридата сарматов. Поражение Митридата и переход престола к Котису I вновь обеспечили стабильность баланса основных сил на Боспоре, питавших его государственную власть. Но если раньше на передний план выступали митридатовские принципы государственности, заключавшиеся в позиции военно-хозяйственных поселенцев, местных племен и городов, через призму которых строились взаимоотношения с Римом, то теперь римско-боспорские связи выступили на первое место, и лишь они одни диктовали политику царей в отношении катойков, местных племенных объединений и городов. Тем не менее Боспорское царство продолжало развиваться как исключительно эллинистическое образование. Таким образом, позиция Римской державы во многом содействовала становлению и развитию Боспора как эллинистического государства греко-иранского типа, включавшего в себя привнесенные извне митридатовские ирано-анатолийские традиции и местные греко-иранские, точнее эллино-сарматские (меотские) и эллино-скифские элементы.

Характеризуя Боспорское царство как эллинистическое, мы исходим из определения эллинизма, сформулированного К.К. Зельиным. Несмотря на то что хронологическими рамками этого определения считаются традиционные даты 330–30 гг. до н.э., его с полным правом можно распространить и на некоторые государства первых веков нашей эры. По Зельину, эллинизм – это конкретно-историческое явление, которому свойственно сочетание и взаимодействие эллинских и местных, восточных начал в экономическом строе, социальных и политических отношениях, идеологии и культуре. Хотя по этой концепции взаимовлияние греческого и местного происходило в условиях конкретно-исторической эпохи македонского завоевания и борьбы диадохов, его можно распространить и на территории, которые не были затронуты завоевательными походами Александра Македонского¹. На Боспоре рубежа эр и в первые века римской эпохи, например, можно наблюдать все эти основные черты эллинизма, хотя он не был затронут греко-македонским завоеванием. Это же относится и к Понтийскому царству, также оставшемуся вне пределов походов македонян. Не случайно, поэтому, современные исследователи, сторонники концепции К.К. Зельина, утверждают, что она требует некоторой модификации². В качестве одного из вариантов совершенствования этой теории можно рассматривать этап так называемого “постэллинизма” в римскую эпоху или эллинизма в странах, которые лежали за пределами греко-македонского влияния. К таким районам относятся Боспор, Фракия, Колхида, Иберия, Албания и другие области Причерноморья. Становление эллинистических отношений в социальной и экономической областях протекало на Боспоре в конкретно-исторической обстановке не греко-македонского завоевания, а создания Панпонтийской державы Митридата Евпатора и вмешательства Рима в дела Причерноморья. Поэтому взаимовлияние греческого и восточного начал в этой ситуации протекало не как результат греко-македонского и персидского симбиоза, а как распространение эллинистических греко-ирано-анатолийских установлений митридатовского образца среди ирано-эллинских традиций, сложившихся в Боспорском царстве. Развитие боспорской государственности по типу эллинистических царств происходило в условиях прямого давления и вмешательства Рима, что стимулировало рост экономики, военного потенциала и культуры. Золотая чеканка, создание царских укреплений, рост аграрного и ремесленного производств и торговли с варварским населением на рубеже эр свидетельствуют не о кризисе экономики, а о развитии производст-

¹ Зельин К.К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. Вып. 23. С. 99–100; Он же. Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4. С. 145–156.

² Кошеленко Г.А. Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990. С. 12, 13.

венных отношений. Проникновение восточных ирано-малоазийских элементов вкупе с активной сарматизацией, влиявшей на экономический и военный потенциал, соответствует сочетанию местных восточных и привнесенных греками и македонянами эллинских начал при классическом эллинизме, поскольку городское эллинское население играло важную роль в боспорском обществе.

На рубеже нашей эры города получили возможность восстановить прерванные при Евпаторе связи с традиционными партнерами в Эгеиде и Малой Азии, находившимися под римским влиянием и властью. Греческие города Боспора не были заинтересованы в восстановлении объединенной Боспоро-понтийской державы ни под контролем Рима и его ставленников, ни под лозунгами реставрации митридатовской панпонтийской империи, как при Фарнаке, так как во всех случаях они отходили бы на второстепенные роли в сравнении с более богатыми полисами Малой Азии. Для них была неприемлема попытка римлян провести на Боспоре в жизнь политику, которую они осуществляли в Понте, Пафлагонии и Вифинии усилиями Помпея, Цезаря и Полемонидов. Речь идет об уничтожении царских укреплений, сокращении царского землевладения, главной опоры династии Митридатидов, трансформации социально-экономических отношений в сторону муниципального землевладения по римскому образцу. В отличие от малоазийских греков такая политика грозила боспорским полисам подрывом их экономических связей с обширной сельской округой и варварской периферией при традиционно слабой полисной земельной собственности. Разрушение крепостей и поселений типа катойкий на *хора базилике* нарушало обороноспособность Боспора и ставило под удар города, остававшиеся беззащитными при нападении варваров. Единственное, что привлекало их – это гарантирование относительных полисных свобод, нарушаемых Митридатидами. Вот почему города приветствовали внешне романофильскую политику Асандра, Динамии и Аспурга при контроле со стороны царской власти, не допускавшей столкновений греков и соседних сармато-меотов. Равновесие между городами и варварской хорой вело к быстрому подъему экономики Боспорского царства и выходу его из кризиса, поразившего это государство при Митридате VI, Фарнаке и Полемоне I как следствие ведения ими войн. Об этом говорит широкая завоевательная и дипломатическая деятельность преемников Митридата VI и Фарнака, интенсивная строительная деятельность на хоре Асандра и Аспурга, поддержка ими городов. Попытка при Митридате III нарушить сложившийся баланс сил сближением с варварами и отходом от романофильской политики привела к утере династией поддержки городов и поражению в войне с Римом. Таким образом, романофильство, филлелинизм и опора на царские владения противодействовали римлянам превратить вассальный им Боспор в провинцию Империи, сохраняя его как эллинистическое государство.

Становление эллинизма на Боспоре имело ярко выраженный местный колорит, связанный с понятием “митридатизма”. Оно включает прямое влияние Понтийского царства Митридатидов, составной частью которого было Боспорское государство. Его главными чертами являются сильная царская власть греко-иранского характера, сначала ахеменидо-персидского толка, а впоследствии впитавшая ряд местных сарматских элементов, большой удельный вес царского землевладения, опиравшегося на военно-хозяйственные поселения – катойкии, относительно небольшие полисные свободы греческих городов при контроле со стороны царей, имевших право отменить их в подходящий для них момент, использование для такого контроля царских укреплений на царской земле, тесные отношения с местными племенами, откуда черпались резервы для защищавших полисы царских крепостей и для воздействия на не всегда покорное царской власти население городов. Все это было в Боспорском царстве, начиная с митридатовской эпохи, особенно выпукло проявившись в так называемый “постмитридатовский” период. Означенные черты характеризуют его как типично эллинистическое государство, ибо многие из них свойственны и областям, подвергшимся греко-македонскому завоеванию. У нас есть, следовательно, все основания назвать Боспорское государство рубежа эр и первых веков нашей эры сугубо эллинистическим или постэллинистическим. Римская политика на Боспоре стимулировала все эти черты и явления, так как “митридатизм” изначально возник и развивался в качестве противовеса римской гегемонии сначала в Малой Азии при Митридате Великом, а с его падением и смертью его элементы успешно проросли на боспорской почве в качестве ответной меры против римской экспансии.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АГСП	– Античные города Северного Причерноморья. М.; Л., 1955
АИКСП	– Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968
АМА	– Античный мир и археология. Саратов
АО	– Археологические открытия. М.
АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа. Л.
БС	– Боспорский сборник. М.
ВДИ	– Вестник древней истории. М.
ВХУ	– Вестник Харьковского университета
ГИМ	– Государственный исторический музей. М.
ДБ	– Древности Боспора. М.
ЗООИД	– Записки Одесского общества истории и древностей
ИАК	– Известия императорской археологической комиссии. СПб.
ИГАИМК	– Известия Государственной Академии истории материальной культуры. Л.
ИРАИМК	– Известия Российской Академии истории материальной культуры. Л.
ИТУАК	– Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
КБН	– Корпус боспорских надписей. М.; Л., 1965
КСИА	– Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
КСИИМК	– Краткие сообщения Института истории материальной культуры. М.
МАИЭТ	– Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь
МАК	– Материалы по археологии Кавказа. СПб.
МИА	– Материалы и исследования по археологии. М.: Л.
НСф	– Нумизматика и сфрагистика. Киев
НЭ	– Нумизматика и эпиграфика. М.
НЭПХ	– Соломоник Э.И. Новые эпиграфические памятники Херсонеса. Киев.
НЯДМАКАСП	– Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.
ПИСП	– Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., 1959
ПИФК	– Проблемы истории, филологии и культуры. М.; Магнитогорск
РА	– Российская археология
СА	– Советская археология
САИ	– Свод археологических источников. М.
СГМИИ	– Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина. М.
СГЭ	– Сообщения Государственного Эрмитажа. Л.
ЭПЯДАКАСП	– Эпиграфические памятники и языки древней Анатолии, Кипра и античного Северного Причерноморья. М.

- AA – Archäologischer Anzeiger
- AE – L'annee epigraphique
- AJA – American Journal of Archaeology
- AM – Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Athenische Abteilung
- AnCiv – Ancient Civilizations from Scythia to Siberia. Leiden
- ANRW – Aufstieg und Niedergang der Römischen Welt. B., N.Y.
- AS – Anatolian Studies
- BMC – The Catalogue of the British Museum
- CAH – Cambridge Ancient History
- CIL – Corpus Inscriptionum Latinarum
- CIRB – Corpus Inscriptionum Regni Bosporani
- FrHG – Fragmenta historicorum Graecorum/Ed. C. Mullerus. P.
- IGR – Inscriptiones Graecae ad res Romanas pertinentes / Ed. R. Cagnat
- IGUR – Inscriptiones Graecae urbis Romae / Ed. L. Moretti. Roma
- ILS – Inscriptiones Latinae selectae / Ed. H. Dessau
- IosPE – Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini / Ed. V. Latyshev. Petropoli
- JdS – Journal des Savants
- JHS – Journal of Hellenic Studies
- JRS – Journal of Roman Studies
- NC – The Numismatic Chronicle
- NZ – Numismatische Zeitschrift
- OGIS – Orientis Graeci inscriptiones selectae / Ed. W. Dittenberger. Leipzig
- PIR – Prosopographia Imperii Romani
- RA – Revue archeologique
- RC – Welles C.B. Royal Correspondence in the Hellenistic Period. New Haven, 1934
- RE – Pauly-Wissowa-Kroll. Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart
- RGDA – Res gestae divi Augusti
- RhM – Rheinisches Museum für klassische Philologie
- RN – Revue numismatique
- SNG – Sylloge nummorum graecorum
- Syll. – Sylloge inscriptionum graecarum / Ed. W. Dittenberger. Leipzig
- TAB – Terra Antiqua Balcanica
- TAPA – Transactions of the American Philological Association
- WBR – Waddington W., Babelon E., Reinach T. Recueil général des monnaies grecques d'Asie Mineure: ed. 2. P., 1925
- ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	7
<i>Глава 1</i>	
БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО ПОД ВЛАСТЬЮ ЦАРЯ ФАРНАКА	14
<i>Глава 2</i>	
ВОЗВЫШЕНИЕ БОСПОРСКОГО ГОСУДАРСТВА ПРИ ЦАРЕ АСАНДРЕ	55
<i>Глава 3</i>	
ЦАРИЦА БОСПОРА ДИНАМИЯ: ДРУЖБА С РИМОМ И НОВОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ “МИТРИДАТИЗМА”	90
<i>Глава 4</i>	
ЦАРСТВОВАНИЕ АСПУРГА: СТАБИЛИЗАЦИЯ ПОЛОЖЕНИЯ И НОВОЕ УСИЛЕНИЕ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА	125
Приход Аспурга к власти	125
Аспург, Рим и боспорские города	156
Аспург и военно-хозяйственные поселения на царской хоре	177
Аспург и местное население	203
Особенности политики Аспурга	220
<i>Глава 5</i>	
ГЕПЕПИРИЯ И МИТРИДАТ III: РАЗРЫВ С РИМОМ И ПАДЕНИЕ “МИТРИДАТИЗМА”	234
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	260
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	269

CONTENTS

PREFACE.....	5
INTRODUCTION	7
<i>Chapter 1</i>	
THE KINGDOM OF BOSPORUS UNDER KING PHARNACES' RULE.....	14
<i>Chapter 2</i>	
THE RISE OF THE STATE OF BOSPORUS UNDER KING ASANDER	55
<i>Chapter 3</i>	
DYNAMIS, QUEEN OF BOSPORUS: FRIENDSHIP WITH ROME AND A NEW REVIVAL OF “MITHRIDATISM”	90
<i>Chapter 4</i>	
THE REIGN OF ASPOURGOS: STABILIZATION OF STATE AND A NEW STRENGTHENING OF THE BOSPORAN KINGDOM.....	125
Aspourgos' Coming to Power	125
Aspourgos, Rome and the Towns of Bosporus	156
Aspourgos and Military-Economic Settlements on Royal Land.....	177
Aspourgos and the Resident Population	203
Peculiarities of the Aspourgos' Policy	220
<i>Chapter 5</i>	
GEPAIPYRIS AND MITHRIDATES III: BREAKING OFF WITH ROME AND THE FALL OF “MITHRIDATISM”	234
CONCLUSION.....	260
LIST OF ABBREVIATIONS	269

Научное издание

Сапрыкин Сергей Юрьевич
БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО
НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЭПОХ

*Утверждено к печати
Ученым советом
Института всеобщей истории
Российской академии наук*

Зав. редакцией *Н.Л. Петрова*
Редактор *В.Н. Токмаков*
Художник *В.Ю. Яковлев*
Художественный редактор *Т.В. Болотина*
Технический редактор *Т.А. Резникова*
Корректоры *З.Д. Алексеева,*
Г.В. Дубовицкая, Е.Л. Сысоева

ЛР № 020297 от 23.06.1997

Подписано к печати 11.02.2002.
Формат 60 × 90^{1/16}
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 17,0. Усл.-кр.-отт. 17,5. Уч.-изд.л. 18,7
Тираж 1000 экз. Тип. зак. 3121

Издательство “Наука”
117997 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru
Internet: www.naukaran.ru

Санкт-Петербургская типография “Наука”
199034, Санкт-Петербург В-34, 9-я линия, 12